ЛМ
Ш24
кн 2

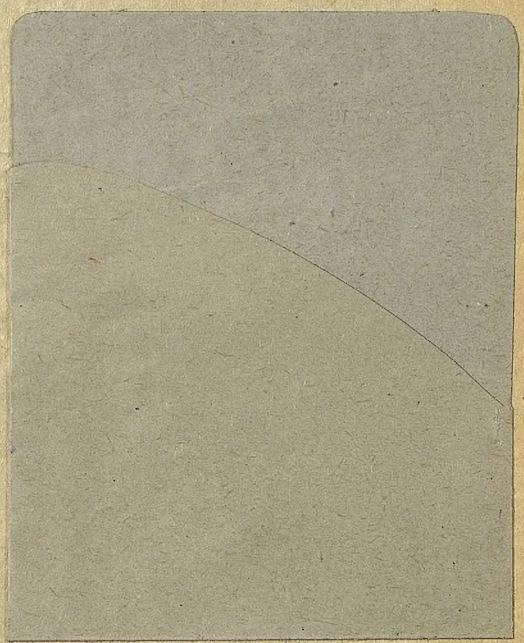
Б. ШАПОШНИКОВ

МОЗГ АРМИИ

2.
ЛМ
Ш-4

КНИГА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО



Б. ШАПОШНИКОВ

ЛМ
Ш24

МОЗГ АРМИИ

КНИГА ВТОРАЯ

А. О. Р. Книгохранилище № 01353
Инв. № 84650

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград
Литейный, 26

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
699405

В, 10. Гиз № 28271/м.
Ленинградский Облстлит № 20258.
16½ л. Тираж 4 000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

стр.

Война — социальное явление. — Ленин о войне. — Значение генерального штаба как органа управления. — Наш труд «Мозг армии». — Обширность работы. — Вопросы первой книги. — Продолжение исследования функциональной деятельности «мозга армии». — Цель настоящей книги. — Роль генерального штаба во внешней политике государства. — Метод исследования вопроса. — Труд Конрада «Из моей службы 1914 — 1918 гг.». — Дополнительное освещение политики Европы перед мировой войной. — Трудность предпринятой работы. — «Никогда так много не врут, как перед войной» (Бисмарк). — Официальные издания политических и военных документов. — «Чистая» история и ее изнанка. — Ценность и недостатки мемуарной литературы 13

ГЛАВА I. КОНРАД И ЭРЕНТАЛЬ

Экономическое состояние Австро-Венгрии в начале XX века. — Внутренняя политика Австро-Венгрии. — Тесная ее связь с внешней политикой. — Внешняя политика монархии в начале XX века. — Союзники и враги. — Армия Дунайской империи. — Начальник австро-венгерского генерального штаба — Конрад. — Конрад-политик. — Политическая подготовка Конрада. — Его теория о государстве. — Взгляды Конрада на политику и военное дело. — Обязанности начальника генерального штаба в политических делах. — Конрад об установлении тесной связи с министром иностранных дел. — Обязанности министра иностранных дел в развитии вооруженных сил в понятии Конрада. — Конрад-«солдат», тяготящийся вопросами политики. — Мнимая его аполитичность, — Конрад в экономических вопросах. — Министр иностранных дел Эренталь. — Первое общение Конрада с Эренталем. — Роль последнего в назначении Конрада на пост начальника генерального штаба. — Изоляция Конрада в вопросах внешней политики. — Самостоятельные пути Конрада во внешней политике. — Беседы с министром иностранных дел и доклады у Франца-Иосифа и Франца-Фердинанда. — Политическое турне Конрада 19

ГЛАВА II. АННЕКСИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Аннексия — преддверие мировой войны. — Значение аннексии во внешней политике Австро-Венгрии. — Конрад о внешней политике монархии к началу 1907 года. — Мемуар начальника генерального штаба от 6 апреля 1907 года о войне с Италией. — Сопротивление Эренталя и отказ Франца-Иосифа. — Защита Конрадом своего мемуара. — Визит Конрада в Берлин и его первое свидание с начальником германского штаба Мольтке. — Личность Мольтке (младшего). 18 ноября 1907 года Конрад получает от Эренталя основные политические линии для работ по плану войны. — Предложение Конрада Эренталю 19 ноября 1907 г. о необходимости аннексии Боснии и Герцеговины. — Совет министров 1 декабря по тому же вопросу; Конрад не приглашен на заседание. — Мемуар

стр.

начальника генерального штаба на 1908 год: аннексия, война с Италией, Сербией и Черногорией. — Встреча Конрада с германским канцлером Бюловым. — Беседа начальника штаба с Эренталем 2 апреля по поводу мемуара. — Предложения Конрада о совместной работе с Мольтке по плану войны и отказ Эренталя. — Доклады Конрада от 17 апреля: возможность европейской войны. — Мнение об этом Эренталя. — Начало переговоров Вены с Петербургом об аннексии. — Указания Франца-Иосифа о сношениях Конрада с министром иностранных дел. — Первая поездка Конрада летом 1908 г. в Румынию, письмо о ней Эренталю и беседа с ним. — Генеральный штаб и пресса. — Ответ Извольского Эренталю. — Младотурецкий переворот в Турции и ускорение аннексии. — Письмо Эренталя к Конраду от 15 июля с выдержкой из ноты Бюлова. — Работа Конрада с Мольтке по плану войны откладывается Эренталем до осени. — Переписка Конрада с Эренталем о политическом положении. — Решение совета министров 19 августа, с участием Конрада, об аннексии Боснии и Герцеговины. — Мемуар Эренталя от 9 августа. — Свидание Эренталя, Извольского и Титони в сентябре 1908 г. в Бухлау и соглашение между ними. — 5 октября Болгария объявляет себя самостоятельным королевством. — Указ об аннексии Боснии и Герцеговины 7 октября 1908 г. — Европейские государства об аннексии 31

ГЛАВА III. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА ЭРЕНТАЛЯ

Хлопоты Извольского о созыве европейской конференции. — Конрад усиленно готовится к войне. — Сдержанность Эренталя в военных приготовлениях. — Его взгляды на европейскую конференцию. — Сообщение Конрадом Эренталю сведений по плану войны с Сербией. — Первый нажим Берлина на Извольского. — Мемуар Конрада от 3 ноября 1908 года. — Утверждение вариантов плана войны на 1909 год. — Позиция Турции в вопросе об аннексии. — Марокканский кризис. — Русский военный агент Марченко на приеме у Конрада. — Свидание Конрада с Эренталем 6 декабря. — Конрад за начало войны после 1 марта. — Эренталь дает согласие на переписку с Мольтке по плану войны. — Первое письмо Конрада к начальнику германского генерального штаба от 2 января 1909 года. — Взгляд современных германских историков на переписку Конрада с Мольтке. — Переписка «Вилли» с «Ники». — Эренталь ограничивает свои политические цели. — Замыслы о военной конвенции Вены с Болгарией. — Ответ Мольтке 21 января: содействие против России и прикрытие тыла со стороны Италии. — Пророчества Мольтке. — Планы Эренталя о нейтрализации Болгарии и Турции и проект «обсервационного корпуса». — Причины уступок Эренталя Турции. — Отправка в Берлин Мольтке Конрадом выдержек из плана войны и письма. — Предложение Конрада о способах удержания России от выступления. — Одиночество Конрада в требованиях войны. — Мечты Конрада о разоружении Сербии. — «Каждая война — сомнительное дело» (Конрад). — Программа Эренталя 18 февраля. — Сообщение 25 февраля Эренталем Конраду о получении ответа от Германии о поддержке. — Ответные письма Мольтке. — Позиции западных государств в аннексионном кризисе. — Отказ России от военных демонстраций на австрийской границе. — Германия и Англия в вопросе о развитии флота. — Соглашение Эренталя с Турцией. — Конрад о замкнутости дипломатии и ответственности солдат. — Решение совета министров в Вене об усилении войск на юге. — Германский ультиматум в Петербурге и принятие его Россией. — Получение 31 марта в Вене сербской ноты о признании аннексии. — Мнения Конрада и Мольтке о неиспользовании серединными государствами благоприятной обстановки для войны во время прошедшего кризиса. — Мемуар Конрада от 2 апреля 1909 года о необходимости усиления армии. — Взгляды Эренталя и Конрада на превентивную войну и классификация войн Конрадом. — Целесообразность войны для Австро-Венгрии в 1909 году. — Маркс о разрешении балканского вопроса 61

ГЛАВА IV. В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

стр.

«Восток — настоящий кошмар, «une boîte à surprises» (коробка с сюрпризами). — Мемуар Конрада от 2 апреля 1909 года. — «Каждая политика должна основываться на военной силе». — Эренталь и Шонайх против Конрада. — Частичное и временное изменение положения о начальнике генерального штаба. — Попытки Конрада войти в связь с румынским генеральным штабом и противодействие этому Эренталя. — Встреча Конрада и Мольтке на маневрах. — Беседа Вильгельма с Конрадом. — Доклад Конрада 12 июля 1909 года. — «Только активная политика в силах обезопасить неприкосновенность страны». — Хлопоты об увеличении армии и флота. — Предложение атаковать теперь же Сербию. — Письмо Конрада к Эренталю 2 июля 1909 года с просьбой сообщить направляющие линии политики. — Два вида политики и влияние их на военную подготовку. — Обязанности Конрада. — Необходимость подготовки к войне и разрабатываемые штабом варианты. — Памятная записка Эренталя от 15 августа 1909 года. — Клаузевиц в понятии министра иностранных дел. — Политические итоги аннексии. — Сербский вопрос должен быть решен внутри монархии. — Позиция России и возможность войны балканских государств с Турцией. — Включение Сербии мирным путем в состав монархии. — «Политика собирания сил и выжидания». — Эренталь о развитии армии и флота. — Политические взаимоотношения государств Европы за 1909 — 1911 гг. — Мемуар Конрада за 1909 год. — Необходимость иметь наиболее вероятный вариант войны. — Конкретная военная подготовка требует предусмотренной на годы политической ситуации. — Длительность работы по плану современной войны. — Враги и союзники. — Превентивная война с Италией, Сербией и Черногорией. — Направляющие линии политики по Конраду. — Конрад не вмешивается в круг ведения Эренталя. — Переписка Конрада с Мольтке в 1910 году. — Конрад высказывает пожелание, чтобы дипломатия предотвратила европейскую войну. — Проекты Мольтке о действиях при нейтралитете Франции. — С объявлением мобилизации должно быть ясно, кто друг и кто враг. — Румынские вылазки в Берлине и Вене: обмен мнениями по плану войны. — Новые друзья. — Характер отношений Конрада с Эренталем в 1910 году. — Мемуар Конрада за 1910 год. — Друзья и враги. — Сущность конкретной военной подготовки и намеченные варианты плана войны. — Необходимость превентивной войны для Австро-Венгрии. — Война подобна крупной финансовой операции. — Истинное понимание Клаузевица в толковании Конрада. — Албанское восстание 1911 года. — Турецкий военный агент у Конрада, скрытые цели визита и ответы Конрада. — Письмо Конрада к Эренталю 24 сентября 1911 года о необходимости использовать выступление Италии в Триполи. — Агрессивная политика требует нападения. — Итало-турецкая война. — Военные агенты в Триполи. — Недовольство Конрада отпуском послов во время кризиса. — За военных агентов несет ответственность Конрад, а не Эренталь. — Трения в союзе серединных государств и хлопоты Конрада о прочности союза. — Конрад — доверенное лицо Вильгельма 81

ГЛАВА V. ПОРАЖЕНИЕ КОНРАДА

Напряженность отношений начальника генерального штаба с министром иностранных дел. — Принципиальная сторона разногласий Конрада с Эренталем — Италия. — Инцидент с Гардским озером. — Письмо римского посла Эренталю о вооружениях Италии и заключение по нему Конрада. — Обида Конрада. — Разногласия генерального штаба с министерством иностранных дел во взглядах на разведку. — Канцелярский промах Конрада. — «Клика» Эренталя и ее игра. — Мемуар Конрада от 9 сентября 1911 года. — Министерство иностранных дел не идет навстречу Конраду в подготовке армии к войне. — Документы, говорящие о подготовке Италии к войне с монархией. — Эренталь готов поддержать подготовку к оборонительной войне, но против превентивной войны. — Эренталь о «военной

партии» в Австрии. — Отповедь Конрада о необходимости подготовки к войне с определенными, вероятными противниками. — Компетенция генерального штаба в развитии армии и флота. — Переписка Конрада с Эренталем только через военного министра. — Пограничные инциденты и протест Конрада против вмешательства Эренталя в распоряжения генерального штаба по прикрытию мобилизации и сосредоточения. — Агентурная разведка и трения из-за нее между Конрадом и Эренталем. — Необходимость командирования офицеров за границу. — Эренталь заступается за римского посла. — Конрад обвиняет Эренталя и посла в легкомысленной оценке Италии. — Закулисные преемники Конрада. — Приказание Франца-Иосифа Конраду написать извинительное письмо Эренталю и категорический отказ Конрада. — Эренталь не приглашает Конрада на заседание совета министров. — Доклад Эренталя от 22 октября и его сущность. — Политика должна быть всецело в руках министра иностранных дел. — Армия — зонтик дипломатии. — Конрад у Франца-Иосифа 15 ноября. — Политика Эренталя — политика Франца-Иосифа. — В Австрии не должно быть «военной партии». — 30 ноября Конрад у Франца-Иосифа: назначение армейским инспектором. — Конрад о своем уходе с поста начальника генерального штаба. — Сожаления Мольтке. — Дипломатический инцидент с уходом Конрада. — Пресса об уходе Конрада. — Обвинения Эренталя и его требования ограничения прессы. — Мемуар Конрада за 1911 год. — Враги и друзья. — Условия подготовки войны Австрии с Германией. — Политические цели монархии в представлении Конрада. — Четыре варианта плана войны. — Четвертый вариант — европейская война — дипломатическое поражение. — Приложения к мемуару и порядок составления последнего. — Значение ухода с должности начальника генерального штаба 116

ГЛАВА VI. КОНРАД — АРМЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР И ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Смерть Эренталя. — Новый министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд. — Хлопоты Вены об автономии Албании и категорический отказ в предоставлении Сербии порта на Адриатическом побережьи. — Россия перед первой балканской войной. — Заинтересованность Франции в Балканах и сдержанность Англии. — Миролюбие Германии. — Мольтке о «балканских собаченках». — Сомнительное поведения Италии. — Решимость балканских государств воевать. — Думы Конрада и его „записки“ о политическом положении. — Первая записка Конрада от 28 октября 1912 года. — Мечты о „великом“ балканском союзе. — Первое дополнение к записке Конрада — от 8 ноября 1912 года. — Конрад предлагает войну с Сербией и включение ее в состав монархии; автономия Албании. — Второе дополнение к записке — от 16 ноября 1912 года. — Албанский вопрос в понимании Конрада. — Вторая записка Конрада от 19 ноября 1912 года. — Монархия должна вести войну с Сербией, которая, вероятно, вызовет европейскую войну. — Вербальная нота Вены о Сербии. — Конрад далек от фанфаронад. — Третья записка Конрада от 6 декабря 1912 года. — „Упущение времени было бы тяжелой ошибкой“. — Думы и заботы Извольского об исходе балканской войны. — Программа России на лондонской конференции послов. — Страхи Петербурга за судьбу Константинополя. — Выступление в Петербурге Пурталеса и отпор Сазонова. — Указания Сазонова Извольскому: не связывать руки России в вопросе о проливах. — Мнение Сазонова о проливах. — Русский морской генеральный штаб и его хлопоты об открытии проливов. — Уступка Сазонова в вопросе о праве Сербии на порт. — Воинственность Франции и ее недоумение по поводу русских уступок. — Извольский и французская пресса. — Оправдания Пуанкаре. — Австрийский военный агент о французской прессе. — Сдержанность Англии. — Англо-французское военное соглашение. — Миролюбие Германии и его причины. — Доклад Мольтке от 12 декабря 1912 года. — Участие в нем Людендорфа. — Возможность европейской войны. — Значение балканского вопроса для Австро-

Венгрии. — Оборонительные союзы в Европе. — Агрессивный характер тройственного согласия. — Наступление и в политике предопределяет наиболее сильный образ действий. — Угрожаемость отдельных членов тройственного союза. — Пояснения Людендорфа: Мольтке невысокого мнения о дипломатии. — Наступление против Франции. — Необходимость усиления вооружений Германии. — Выступление Италии на стороне тройственного союза. — Тревога в Париже поведением Италии. — Ознакомление Пуанкаре с текстом русско-итальянского соглашения. — Причины охлаждения Италии к Франции. — Замыслы балканских государств. — Дипломатическая миссия Конрада в Румынии. — Соглашение о развертывании румынской армии на русской границе. — Доклад Конрада о своей поездке 136

ГЛАВА VII. КОНРАД СНОВА НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Назначение Конрада начальником генерального штаба. — Его думы о новом назначении. — Возобновление тройственного союза 7 декабря 1912 года. — Доклад Конрада 14 декабря 1912 года. — Необходимость войны с Сербией. — Приветственное письмо Берхтольда и ответ Конрада. — Оценка назначения Конрада за границей: победа военной партии в Вене. — Письма Конрада Берхтольду о необходимости войны с Сербией и протест против нейтральной Албании. — Указания Конрада военным агентам от 30 декабря о желательности войны с Сербией. — Конрад хлопочет о переброске военной флотилии из Дуная в Саву. — Неготовность австрийской армии и протест против этого Конрада. — Совет Конрада Берхтольду 9 января 1913 года — выяснить позицию Германии. — Сведения министерства иностранных дел о настроениях в Берлине. — Беседы Конрада с итальянским и румынским военными агентами. — Мемуар Конрада на 1913 год. — Необходимость войны с Сербией. — Германия рано или поздно должна будет оружием решить восточный вопрос. — Политическая подготовка к войне с Сербией. — Соотношение военных сил тройственного союза и Антанты. — Взгляд Конрада на деятельность военных агентов и его указания им. — Переписка с румынским начальником генерального штаба. — Письмо Конрада к Берхтольду от 27 января 1913 года: опасение войны с Россией и „могильщики“ Австро-Венгрии. — Январь 1913 года в политической жизни Европы. — Письмо Франца-Иосифа в Петербург от 1 февраля. — Конрад хлопочет о переброске артиллерии в Землин. — Конрад о желательном начале войны не ранее 1 марта. — Отправка оружия албанцам и переписка об этом Берхтольда с Конрадом. — Оценка Берхтольдом Румынии. — Конрад на стороне Румынии. — Обмен письмами с Граничано. — Переписка Конрада с Мольтке в феврале 1913 года. — «Судьба Австрии будет решена не на Буге, а на Сене» (Мольтке). — Мольтке за мирное разрешение австро-сербской распри: в последней нет лозунгов для подъема германского народа на войну. — Мольтке «также не политик», но видит в европейской войне борьбу германизма со славянством. — Нападение должно исходить от славян. — Конрад не согласен с Мольтке о направлении всех сил против Франции. — «Общие» интересы требуют выигрыша первого сражения с Россией. — Трудности в принятии решения вести войну. — Конрад против национальной войны. — Письмо военного агента из Берлина о беседе с Мольтке. — Вильгельм не хочет вести войны „ради пары албанских городов“. — Прибытие в Вену начальника оперативного бюро Монтонари и беседы с ним Конрада. — Донесения военного агента из Рима: — женская политика. — Доклады военного агента из Петербурга о необходимости демобилизации Австрии. — Берхтольд против войны с Россией. — Миролюбие Франца-Фердинанда. — Демобилизация Австрии и России. — Переговоры о мире балканского союза с Турцией. — Вопрос о Скутари. — Предложение Конрада о войне с Сербией и Черногорией. — «Войну следует вести всеми силами, а не половинными мерами» (Конрад). — Сдержанность Германии и настойчивость Италии в вопросе о Скутари. — Указания Франца-Фердинанда Конраду не влиять на Берхтольда и ответ Кон-

стр.

рада. — Инцидент с пароходом „Шкодра“ и предложения Конрада. — Отправка военных судов в Катарро.—Конрад непрерывно настаивает на войне с Черногорией, а затем и с Сербией. — Совещание у Берхтольда 24 марта и решение об объявлении частной мобилизации. — Участие Австрии в интернациональной морской демонстрации и неудовольствие этим Конрада.—Его предложения Берхтольду и объяснения последнего сдержанности Вены.—Вопрос об острове Корфу и негодование Конрада на Германию. — Требования, предъявляемые Конрадом Германии. — Конрад о назревающем сербо-болгарском конфликте. — Падение Скутари 23 апреля и совещание у Берхтольда. — 26 апреля Франц-Иосиф дает разрешение на частную мобилизацию против Черногории. — 29 апреля Берхтольд ограничивает цели войны. — Протест Конрада и его предложение итти самостоятельным путем. — Совет министров против посылки ультиматума Черногории. — Негодование Конрада. — Уступки Черногории и оценка этого политическими деятелями и Конрадом.—Лондонский договор о мире на Балканах.— Политика Берлина и огорчения Конрада. — Причины вмешательства Италии в балканские дела.—Перемена настроений в Румынии.—Россия в вопросе о Скутари.—Страхи России за Константинополь.—Сазонов о вооружениях Турции.— Боязнь Парижа европейской войны из-за Скутари. — Сдержанность Англии. . . 171

ГЛАВА VIII. ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Конрад пишет Берхтольду о необходимости использовать сербо-болгарский конфликт для нападения на Сербию.—Беседа Конрада 6 мая с болгарским военным агентом.—Берхтольд за невмешательство Австрии в конфликт.—Конрад и Берхтольд против демобилизации.—«Вооруженный народ» и продолжительное состояние запасных под знаменами.—Главные враги Сербии.—Конрад настаивает на мобилизации по варианту «Б». — «Великая Болгария» и «великая Сербия».— Шпионство Редля. — «Искание» войны с Россией или «допуск» такой войны.— Мнения по этому Конрада и Берхтольда.—Календарь второй балканской войны.— Ориентировка 14 июля Конрада его заместителем и ответ Конрада. — Соображения Конрада о совместных с Россией действиях против Турции. — Крупные военные меры должны сочетаться с решительными целями.—Конрад запрашивает 25 августа Берхтольда о направляющих линиях политики для предстоящих работ по плану войны.—Политические линии Австрии в понимании их Конрадом.—Политика должна считаться с соотношением военных сил.—Конрад снова о включении Сербии в монархию мирным путем.— Выпад Франца-Фердинанда против Конрада на австрийских маневрах осенью 1913 года.—Просьба Конрада об отставке и письмо Франца-Фердинанда. — Конрад остается в должности начальника штаба.—«Для каждого генерала приходит время».—Настроение Мольтке и его мысли о второй балканской войне.—«Балканская решетка».—«Россия посажена в крапиву».—Совет Мольтке Австрии считаться с действительностью.— Ягов о роли Германии во второй балканской войне. — Германские маневры осенью 1913 года и переписка Мольтке с Конрадом.—Мнение Мольтке о тройственном союзе. — Поездка Конрада на маневры под вопросом. — Огорчение Мольтке.—«Дипломатия бросает камни на солдатском пути».—Надежды Мольтке, что политика не нарушит его свидания с Конрадом.—Свидание трех начальников генеральных штабов. — Беседа Конрада с Вильгельмом. — «Поллио не был Италией». — Австрийский военный агент о политике Италии. — Политика Рима в освещении Извольского.—Румыния отходит от тройственного союза.—Агрессивные замыслы Сербии.—Поражение Болгарии.—Позиции Турции.—Греция и Вильгельм.—Россия и вопрос о проливах.—Главная забота русского министерства иностранных дел летом 1913 года. — Проект доклада Немица и его судьба. — Нажим России на Турцию.—Бухарестский мир и огорчения Сазонова.—Утешения Извольского и его прожекты. — Тяжелое положение политики Франции. — Умеренность Англии 205

ГЛАВА IX. ИТОГИ БАЛКАНСКИХ ВОЙН

стр.

Бухарестский мир и его изнанка. — Столкновение Австро-Венгрии с Сербией.— Занятие Сербией части Албании. — Конрад отмежевывается от Франца-Фердинанда.—Совет министров в Вене 3 октября.—Решение предъявить Сербии требование об эвакуации Албании. — Конрад настаивает на войне с Сербией.— «Большинство войн было проиграно благодаря упущенным благоприятным случаям».—Совет министров 13 октября.—Конрад за войну с Сербией и против постоянных мобилизаций. — Пример мобилизации 1870 года.— Конрад на лейпцигских торжествах и второе столкновение с Францем-Фердинандом.—Согласие Сербии 21 октября на эвакуацию Албании и письмо об этом Конрада к Мольтке.—«На Балканах решает только сила и могущество».—Мемуар Конрада на 1914 год. — «Соотношение военных сил является основой каждой реальной политики».—Необходим военный успех над Сербией и Черногорией.—Румыния— враг.— Соотношение военных сил тройственного союза и тройственного согласия.—Варианты плана войны, подлежащие разработке в 1914 году.—Австрия и Германия.— Беседы Конрада с Вильгельмом и Бетманом. — Отношения Вены с Италией. — Доклад Шептицкого и проект поездки в Рим наследника. — Двойственная политика Рима. Сближение Румынии с тройственным согласием. — Оборонительная политика Сербии и турне Пашича. — Турция и Австрия. — Франко-русская военная конвенция.—Конрад и военный агент из Петербурга.— Склонность России к миру. — Снова проливы. — Доклад морского генерального штаба от 7 ноября об усилении флота, необходимого для обеспечения морского пути из Черного в Эгейское море. — Доклад Сазонова 23 ноября о созыве особого совещания для подготовки операции по овладению проливами. — «Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время».— Отзыв морского министерства по докладу Сазонова. — Необходимость начать теперь же подготовку к стратегической задаче в Константинопольском канале.— Доклад об этом морского министра 23 декабря. — Миссия Лимана фон-Сандерса. — Бетман и Ягов о цели миссии. — Доклад Сазонова от 23 декабря о миссии Лимана. — Содоклад морского генерального штаба.—«Россия должна получить при окончании войны Константинополь, Босфор и Дарданеллы». — Особое совещание 31 декабря. — Военный министр и начальник генерального штаба о готовности русской армии к войне. — Уступки Германии. — Сухомлинов о десантной операции на Босфоре и готовности русской армии к войне. — Коковцев о политике Франции. — Миролюбие Англии. — Политика северных государств Европы 229

Послесловие 263

ИСТОЧНИКИ

1. *Бьюкенен.* — Мемуары дипломата (русск. перевод). ГИЗ.

2. Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898 — 1914. Berlin. (Deutsche Ausgabe.)

3. Воспоминания кронпринца Вильгельма. Книгоизд. «Слово». Берлин, 1922 г.

4. *Витте.* — Воспоминания, т. II, ГИЗ. Москва — Петроград, 1923 г.

5. Der Weltkrieg 1914-1918. Band I. Reichsarchiv. Berlin, 1925.

6. *Данилов, Ю. Н.* — Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Книгоизд. «Слово». Берлин, 1924 г.

7. Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. I—IV. Charlottenburg, 1919.

8. Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. I—III. Republik Oesterreich. Wien, 1919.

9. *Добровольский, С.* — Мобилизация русской армии в 1914 г. «Военный сборник». Белград, т. I.

10. *Зайончковский.* — Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Изд. Штаба РККА. 1926 г.

11. *Зайончковский.* — Подготовка России к мировой войне (планы войны). Изд. Штаба РККА. 1926 г.

12. *Извольский, А. П.* — Воспоминания (русск. перевод). Издат. «Петроград». Петроград — Москва, 1924 г.

13. *Каутский, Карл.* — Как возникла мировая война (русск. перевод). «Красная Новь». Москва, 1924 г.

14. *Conrad, Feldmarschall.* — Aus meiner Dienstzeit 1906-1918. Band I—V. Ricola-Verlag. Wien-Berlin, 1921-1925.

15. *Котляревский, С. А.* — Австро-Венгрия в годы мировой войны. Москва.

16. «Красный Архив». Историч. журнал, тт. I—VIII. Центроархив, 1922-1925 г.

17. *Ленин, Н. (В. Ульянов).* — Собрание сочинений. Том XIII. ГИЗ. 1-е изд. Москва.

18. Les armées françaises dans la Grande guerre — T — I. Ministère de la guerre. Etat-major de l'armée — service historique. Paris, MDCCCXXII.

19. *Liebmann, Curt.* — Die Entwicklung der Frage eines einheitlichen Oberbefehls im Weltkriege. Wissen-und Wehr-Monatshefte, 1927, 1 u 2 H.

20. *Людендорф.*—Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. (русск. перевод). Москва, 1923 г.

21. *Lüdendorff.*—Kriegführung und Politik. Berlin, 1922.

22. *Lüdendorff.*—Urkunden der Obersten Heeresleitung. Berlin, 1922.

23. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Москва, 1922 г.

24. *Мерин, Франц.* — Очерки по истории войны и военного искусства. Изд. «Красная Новь». Москва, 1924 г.

25. *Moltke Helmuth, generaloberst.* — Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877-1916. Stuttgart, 1922.

26. *Мольтке,* фельдмаршал. — Военные поучения. С.-Петербург, 1913 г.

27. *Николаи.* — Тайные силы (русск. перевод). Москва, 1925 г.

28. *Новицкий, В. Ф.* — Мировая война 1914-1918 гг. Кампания 1914 года в Бельгии и Франции. Том I. ГВИЗ. Москва, 1926 г.

29. *Павлович, М.* — Борьба за Азию и Африку. Москва, 1923 г.

30. *Павлович, М.* — Мировая война 1914-1918 гг. и грядущие войны. Харьков, 1923 г.

31. Переписка Вильгельма II с Николаем II. ГИЗ. Москва, 1923 г.
32. *Петров, М. А.* — Подготовка России к мировой войне на море. Издат. Штаба РККА. 1926 г.
33. *Поливанов, А. А.* — Мемуары. Высш. воен. редакц. совет. Москва, 1924 г.
34. *Покровский, М. Н.* — Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Изд. «Красная Новь». Москва, 1923 г.
35. *Покровский, М.* — Русская история в самом сжатом очерке. Часть III, выпуск 1-й. Изд. «Красная Новь». Москва, 1923 г.
36. *Пуанкаре.* — Происхождение мировой войны (русск. перевод). Москва, 1924 г.
37. *Пурталес.* — Между миром и войной (русск. перевод). ГИЗ. Москва — Петроград, 1924 г.
38. *Свечин, А.* — Стратегия. Изд. 1-е и 2-е. Москва, 1926 г. и 1927 г,
39. *Сухомлинов, В.* — Воспоминания. Русск. универс. изд. Берлин, 1924 г.
40. Стратегия в трудах военных классиков, тт. I и II. Москва, 1922-1923 гг.
41. *Фалькенгайн.* — Верховное командование (русск. перевод). Москва, 1923 г.
42. *Тирпиц.* — Из воспоминаний (русск. перевод). ГИЗ. Москва — Ленинград, 1925 г.
43. *Föerster.* — Graff Schliffen und der Weltkrieg. Berlin, 1921.
44. *Zwehl.* — Erich v. Falkenhayn. Berlin, 1926.
45. *Чернин.* — В дни мировой войны (русск. перевод). ГИЗ. Москва — Петроград, 1923 г.
46. *S. Churchill.* — Weltkrisis 1911-1914. Leipzig, 1924.
47. *Schwarte.* — Der Grosse Krieg 1914-1918. Band I, V. 1921—1923.
48. *Jagow.* — Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges. Berlin, 1919.

ВВЕДЕНИЕ.

Война — социальное явление. — Ленин о войне. — Значение генерального штаба как органа управления. — Наш труд «Мозг армии». — Обширность работы. — Вопросы первой книги. — Продолжение исследования функциональной деятельности «мозга армии». — Цель настоящей книги. — Роль генерального штаба во внешней политике государства. — Метод исследования вопроса. — Труд Конрада «Из моей службы 1914 — 1918 гг.». — Дополнительное освещение политики Европы перед мировой войной. — Трудность предпринятой работы. — «Никогда так много не врут, как перед войной». (Бисмарк). — Официальные издания политических и военных документов. — «Чистая» история и ее изнанка. — Ценность и недостатки мемуарной литературы.

«Политика проникает все дело войны».
Клаузевиц («Война», т. I, стр. 19 русск. перевода).

«Война насквозь есть политика».
Ленин (из речи о войне на I Съезде Советов).

«Политика — не поле сражения: она требует специальных знаний для разрешения вопроса, необходима ли война и когда именно, и как избежать ее с честью».
Бисмарк (Воспоминания Вильгельма II, русск. перевод 1923 г.)

«Война расплывается во все стороны, не находя себе определенных рубежей», — сто лет тому назад предрекал философ войны Клаузевиц.

Много войн прошло за сто лет, и немало пролито крови, пока человечество вспомнило заветы военного мыслителя и поставило войну в разряд социальных явлений.

Ныне, конечно, никто не говорит о войне, как о каком-то особенном военном событии в жизни общества, — все с полной определенностью считают ее политическим актом.

«Война, — говорил Ленин, — неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир... Если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны. Сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская „мифология“.»

Если такова война по своей природе, то характер ее, формы и цели вполне отвечают той общественной и исторической среде, в которой она происходит.

Война наших дней захватывает все области жизни общества, она требует напряжения всех его сил и средств, а потому ясно, что управление войной может находиться только в руках государства в целом и осуществляться при содействии всего государственного аппарата.

В первой книге нашего труда мы установили общие основы управления современной войной, показав, что оно мыслится не иначе как на коллективных началах.

Там же нами были определены место и роль генерального штаба в управлении войной. Мы указывали, что уже в те времена, когда война только начинала шириться во все стороны, когда на ее арену привлекались все большие и большие силы, — при полководце, коему предоставлялась «полная мощь», образовался особый подсобный орган по подготовке к войне и по управлению ею — *генеральный штаб*.

Шли года. Значение генерального штаба как органа управления войной постепенно возрастало, и обычай присвоил ему наименование «*мозга армии*», лишив, до некоторой степени, полководца его первородных прав.

На пороге мировой войны, да и в самом ходе ее генеральный штаб играл настолько крупную роль, что победители, сидя за столом в Версале и отправив в ссылку, подобно Наполеону, пресловутого Вильгельма II, более жестоко поступили с побежденными генеральными штабами, вычеркнув их из списка живых. Не в бывшем германском императоре политики Антанты видели опасность нового прибоя милитаризма, а в генеральных штабах серединных государств.

Ныне, с введением в обиход «интегрального» полководца, роль генерального штаба становится большой, но в то же время еще и недостаточно ясно определенной. Кое-кто продолжает придавать ему прежнее значение, послужившее причиной смерти германского и иных союзных к ним генеральных штабов; другие мыслители доходят до полного его отрицания.

Мы уже говорили, что это разногласие в оценке роли и значения генерального штаба привлекало наше внимание и наше перо. Мы поставили себе дерзкую задачу по изучению «мозга армии» только-что прошедших времен.

Наша первая книга уже нашла отзывы в нашей периодической печати, причем некоторыми из рецензентов обращено наше внимание на слишком иронический тон в разборе деятельности бывших западно-европейских генеральных штабов.

Мы с благодарностью принимаем все сделанные указания на недостатки нашей первой книги. Мы отнюдь не хотим вступать на путь полемики с лицами, кои внимательно изучали нашу первую книгу и дали ей оценку. Хотим только указать на то, что в своей литературной деятельности мы: 1) никогда не создаем себе кумиров и всегда критически подходим к деятелям истории; 2) тщательным изучением доступных нам материалов по службе генерального штаба свидетельствуем о большой работе рассмотренных нами «мозгов армии» и 3) в свое время предупреждали об отсутствии у нас «хорошего тона». Если нам приписывают, что наша критика представляет собой изобличение и насмешку над западно-европейской культурой генерального штаба, то с этим мы не можем согласиться. Мы старались занять нейтральную позицию и не быть ни «западником», ни «восточником». Когда-то, в 1812 году, известный русский генерал Ермолов в виду засилия в русской армии немцев и их влияния на военные дела, просил в шутку о производстве в немцы. Мы вполне этому сочувствуем; однако, при всем нашем уважении к высоким достоинствам немецких,

французских и т. п. носителей культуры генерального штаба, мы далеки от безоговорочной просьбы быть зачисленными в ряды образцовых культуртрегеров. Правда, в жизни иногда наблюдается иное.

В первой книге своего труда «Мозг армии», в послесловии, мы указывали, что наше исследование не уложилось в рамки одной книги, и предупреждали читателя, что вынуждены продолжать повествование.

Там же мы приводили причины, побудившие наше перо быть более пространным, нежели этого нам хотелось бы. Размах современной войны, ее характер настолько обширны, что, естественно, и характеристика деятельности такого органа управления как генеральный штаб не может уложиться в несколько страниц. Это тем более так, что мы поставили своей задачей знакомство с «мозгом армии» на основе истории.

Раз вступив на путь исторического исследования, мы не находим возможным свернуть с него, предоставляя полную свободу читателю — или продолжать, вместе с нами, странствование, по этому пути, или же на настоящих строках оборвать знакомство с нашей работой.

В своей первой книге о «мозге армии» мы достаточно детально познакомили того, кто удостоил ее своим вниманием, со структурой генерального штаба, с сущностью работы этого органа. Мы ввели читателя в кабинет начальника генерального штаба, познакомились с личностью современного полководца, вошли в общение с его сотрудниками и, наконец, не мало поразмыслили о новых знакомцах, дав им соответствующую нашим, конечно, воззрениям оценку. Мы поделились своими мыслями о современном полководце, о значении генерального штаба, о характере его сотрудников, не претендуя на непреложность всего высказанного и отнюдь не собираясь писать какие-либо заповеди.

В дальнейшем наше повествование перешло на рассмотрение функциональной деятельности генерального штаба, каковая была просмотрена нами в области внутренней политики и подготовки войны с экономической стороны.

В отзывах на нашу первую книгу, нам указано на неудачную архитектонику всей работы, ведущую к повторениям. Мы не страховались против этого, а сами признавали, что нам неизбежно придется повторяться. Да и как же поступить иначе при разложении одного и того же явления на составные части? Если мы поставили себе задачей исследование, более или менее полно, составных элементов войны, то рассмотрение каждого из них в деталях всегда затрогивает попутно и иные элементы, ибо в войне все находится в крепком сцеплении, и ни одно из подчиненных явлений не может быть разобрано абстрактно, без учета остальных факторов военного дела. В этих видах мы оставляем в основе прежний план построения нашего труда.

Он не охватил всей деятельности «мозга армии» в целом, и на нашей обязанности лежит продолжить работу, чтобы довести ее до сносного конца.

В первой книге мы высказали свои основные взгляды на войну и ее характер. Нами с достаточной четкостью выявлено, что война есть социальное явление и что «первичным» в войне является экономическая сила, что она одна определяет характер и формы войны, что политика есть «над-

стройка» экономики или, иными словами, «концентрированная экономика». Там же нами показано, что для уяснения сущности войны наших дней и ближайшего будущего необходимо вникнуть в существующие экономические отношения как внутри государств, так и вне их. Мы подробно, на основе исторического примера, выявили все влияние экономики на развитие военной силы и подготовку государства к войне.

Поскольку политика есть «концентрированная экономика», — нами указано, что *характер войны определяется политикой* и, прежде всего, *внутренней, что внешняя политика есть продолжение внутренней.*

Нами была подробно обрисована работа генерального штаба в области внутренней политики и экономической подготовки к войне. На этом наше повествование было оборвано. Ныне, продолжая его, мы должны начать с выявления значения в деле войны внешней политики и работы в этой области генерального штаба.

Всем известно, что роль его на этой арене была далеко не пассивной, и что за нее генеральный штаб побежденных стран был даже стерт с лица земли. Много исписано уже страниц о том, действительно ли генеральный штаб раздувал факел войны или же, наоборот, оказывался лишь послушным орудием в руках дипломатов.

Мы намерены ввести читателя подробнее в круг внешних отношений государств Европы перед мировой войной и осветить роль в них генеральных штабов главнейших из этих государств. Из нашего повествования сам читатель прежде всего составит мнение о справедливых или ошибочных нападках на генеральный штаб, а затем, совместно с нами, разберется в тех жизненных вопросах военного дела и внешней политики, которые поставили перед нами во весь рост опыт недавнего прошлого.

Мы сохраняем наш прежний метод исследования, а именно: путем изучения конкретного исторического примера, выявить те или иные положения, подкрепляя их соответствующей теорией. Иными словами, мы остаемся на прежнем пути *прикладного метода,* коим написана нами и первая книга.

Историческим объектом, подлежащим нашему рассмотрению, остается австро-венгерский генеральный штаб, начальник которого — Конрад — преподнес нам солидный и пространный труд о своей деятельности: «Из моей службы 1914 — 1918 гг.». Мы не будем здесь снова повторять достоинств и недостатков этого труда, ибо сделали это раньше.

Одновременно с австро-венгерским генеральным штабом, нами будут освещаться и другие штабы, конечно, не так подробно, но сделать это почитаем необходимым для цельности картины и пополнения ее теми деталями, коих мы не нашли в труде Конрада.

Затем мы должны указать, что перед мировой войной политика государств Европы настолько тесно сплела их в два враждебных лагеря, что без знакомства, хотя бы в самых общих чертах, с политикой не только одной Австро-Венгрии, но и других государств, для нас была бы непонятна вся цепь событий, приведшая к мировой войне.

Сказанное с очевидностью свидетельствует о той тяжелой ответственности, которую мы взвалили на свои плечи, пускаясь в море дипломатии. Бисмарк говаривал, что «никогда так много не врут, как перед войной». Действительно, разобраться в той лжи, которая окутывала Европу к

1914 году, составляет не легкую задачу, тем более, что «врут» даже и в наши дни. Острый вопрос о «виновниках войны» и ныне вынуждает накидывать густую вуаль на те дипломатические шаги, ноты и союзы, коими полна политическая история Европы перед войной 1914—1918 гг.

Нам могут сказать, что в настоящее время выпущено в свет не малое количество официальных сборников политических и военных документов, по которым автор мог бы уверенно шагать в своем повествовании. Однако, нам думается, что ни для кого не секрет, как тенденциозно подобраны эти документы, и насколько они вызывают сомнения, если не в подлинности, то, по крайней мере, в полноте своего содержания. Поверить им безоговорочно было бы, по меньшей мере, неосторожным шагом. Мы отнюдь не хотим его делать, а тем более вынуждать к этому читающего наш труд.

Кое-кем из наших военных писателей выдвинут принцип «чистой» истории, написанной на основании документов. Мы не находимся в этом лагере и относимся критически к «чистой» истории.

Известный военный мыслитель Ардан-де-Пик говорил: «Не следует искать примеров ни в победах или завоеваниях, ни также в официальных реляциях, — они находятся в искреннем свидетельстве людей, много действовавших, при том таких, которые, действуя, видели».

По мировой войне нет в наши дни недостатка в «свидетельстве людей», «много действовавших» до войны и во время ее. Огромный поток мемуарной литературы готов затопить даже самую войну. Много деятелей написали свои воспоминания об этом грандиозном событии в истории и продолжают их выпускать и теперь. Но беда только в том, что очень немногие из них «искренни» в своем свидетельстве. Говоря о полезности мемуаров для военного историка, Клаузевиц отмечает, что в них «обыкновенно нарочно скрывают размышления, борьбу и колебания мнений, предшествовавшие великому делу. Случается это по соображениям политическим, или же просто забывается тем легче, что на все смотрят как на леса, отбрасываемые по окончании здания».

Все же, однако, мемуары дипломатов и военных деятелей периода мировой войны дают нам много откровений, помогающих правильному уразумению «чистых» документов, и в этом их ценность для нас. Воспоминания одухотворяют те клочки бумаги, которые вели государства Европы к всеобщему вооруженному столкновению.

Мы отнюдь не хотим сказать, что наше изложение дипломатической истории Европы на пороге мировой войны будет исчерпывающим. В этом не может быть уверен даже «дельный» историк, а не только мы, далеко в этом не преуспевающие. Такова участь вообще современников-историков.

Если мы рискуем смело делать свои заключения в оценке политической истории Европы начала XX столетия, то это только потому, что без нее нельзя говорить и о работе генерального штаба вообще.

Некоторые из рецензентов нашей первой книги обратили внимание на излишнюю нашу скромность, не раз нами подчеркиваемую, которая, по их мнению, может перейти в свою противоположность.

Скромность не означает потери собственного лица, и мы старались сохранить его на страницах нашего труда. Но мы в то же время далеки от признания наших выводов и положений бесспорными. Рецензии на

ГОСУДАРСТВ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

первую книгу говорят как раз об этом, поэтому наша «скромность» не только находит себе оправдание, но и является целесообразной.

Что касается «противоположения» скромности, до которой, по мнению рецензента, мы можем дойти, то такой путь бонапартизма нас не прельщает, ибо не личности творят историю военной мысли.

Бонапарты отжили свой век, и нами это хорошо осознано...

Далеко не с чувством превосходства писали мы и нашу вторую книгу, а шли по пути сомнений в своих силах, предоставляя развернувшему эту книгу читателю вынести свое суждение о недостатках и скромных достоинствах этого нашего труда.

ГЛАВА I

КОНРАД И ЭРЕНТАЛЬ

Экономическое состояние Австро-Венгрии в начале XX века. — Внутренняя политика Австро-Венгрии. — Тесная ее связь с внешней политикой. — Внешняя политика монархии в начале XX века. — Союзники и враги. — Армия Дунайской империи. — Начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад. — Конрад-политик. — Политическая подготовка Конрада. — Его теория о государстве. — Взгляды Конрада на политику и военное дело. — Обязанности начальника генерального штаба в политических делах. — Конрад об установлении тесной связи с министром иностранных дел. — Обязанности министра иностранных дел в развитии вооруженных сил в понятии Конрада. — Конрад-«солдат», тяготящийся вопросами политики. — Мнимая его аполитичность. — Конрад в экономических вопросах. — Министр иностранных дел Эренталь. — Первое общение Конрада с Эренталем. — Роль последнего в назначении Конрада на пост начальника генерального штаба. — Изоляция Конрада в вопросах внешней политики. — Самостоятельные пути Конрада во внешней политике. — Беседы с министром иностранных дел и доклады у Франца-Иосифа и Франца-Фердинанда. — Политическое турне Конрада.

Военная гроза, разразившаяся в 1914 году и бушевавшая 4 года, стерла с карты Европы долго жившее, процветавшее и постепенно шедшее к упадку государственное образование — Австро-Венгерскую монархию. Под ударами оружия, охваченное революционными вспышками рабочего класса и отдельных народностей, рухнуло здание средневековой монархии на берегах Дуная. «Лоскутная» империя расползлась по швам, и на ее руинах начали жить отдельные малые государства, давно подготовленные к этому самым ходом истории.

Пройдут года, — память о былой империи Габсбургов потускнеет окончательно, и лишь пытливые глаза историка будут разбирать ее анналы с целью уразумения тех или иных факторов, вращавших колесо ее жизни.

Одно можно сказать с уверенностью, что современники едва ли с сожалением говорят об этом некогда блестящем государстве, которое за последние годы перед войной непрестанно раздувало факел Марса. Лишь жалкие осколки былых царедворцев с берегов Дуная в одиночестве вспоминают славу и блеск Вены как столицы «великодержавного» государства.

Мы также не стали бы занимать развернувшего эту книгу рассказами об Австро-Венгрии, как государственном образовании, если бы только была возможность без этого знакомства продолжать наше повествование об австро-венгерском генеральном штабе. Однако, ясно без доказательств, что говорить о последнем, не учтя той среды, той жизни, в которой приходилось работать высокому органу военного управления, не представляется возможным.

В первой книге нашего труда мы посвятили две главы знакомству с состоянием Австро-Венгрии и ее армии в начале XX столетия. Нам не хотелось бы повторяться, но считаем необходимым все же напомнить здесь отправные данные по этим вопросам, дабы было ясно дальнейшее наше повествование о работе генерального штаба в области внешних отношений.

Как известно, уровень производительных сил того или иного государства определяет его жизнь и развитие. Только учтя «экономическую силу» и ее влияние, можно правильно уяснить себе складывающиеся в государстве внутренние отношения и его политику вне своих границ.

Австро-Венгрия шла медленными шагами по пути промышленного развития, отставая от крупных государств, как Германия, Англия, Франция, но обгоняя все же более мелкие государства Европы, особенно балканские.

В начале XX столетия Дунайская монархия являла собою страну с развивающейся индустрией, но в то же время, в значительной мере, еще сохранившую аграрный характер. С каждым годом укреплялась промышленность государства, находящая в своей же стране и источники сырья. Правда, распределение этих источников по территории не соответствовало промышленным центрам и порой создавало затруднения в более интенсивном их использовании, но, так или иначе, Австро-Венгрия могла жить и развиваться на собственном сырье. Наибольшее развитие индустрия нашла место в австрийской половине монархии.

Наоборот, земледелие и скотоводство составляло неотъемлемую принадлежность Венгрии и входящих в нее областей, населенных славянскими и румынскими племенами. Эта житница монархии вела сепаратную хозяйственную политику, и Австро-Венгрии в целом приходилось прибегать к заграничному рынку для удовлетворения своих потребностей теми продуктами сельского хозяйства, кои были в наличии в Венгрии. Румыния и Россия были не последними поставщиками хлеба для Дунайской монархии. На почве конкуренции на хлебном рынке и ввозе скота из-за границы венгерские аграрии создавали серьезные конфликты с соседними балканскими государствами.

Медленно, но непрерывно развивающаяся индустрия государства пока находила еще широкий рынок у себя дома, а поэтому и не думала о широкой конкуренции на мировом рынке с другими большими европейскими государствами. Не она была двигателем внешней политики монархии, отличавшейся, как известно, агрессивностью.

В мировой торговле монархия Габсбургов также занимала не первое место, и если ее товары где находили сбыт, так это на Балканах.

Туда же, главным образом, направил свой путь и банковский капитал Австро-Венгрии. Нужно сказать, что банки в государстве получили довольно широкое развитие и постепенно со своей территории перешли в соседние страны, являясь двигателем австрийского империализма.

Медленный темп индустриализации страны нужно объяснить как составом населения монархии, так и теми внутренними отношениями, кои складывались в ней.

Целый конгломерат народностей, из которых немцы и венгры оказывались не в особо значительном числе, жил на территории Дунайской империи. С каждым годом производительные силы тех или иных народов росли,

а вместе с ними ширились и стремления их к самостоятельному существованию. Принудительно собранные в государственное образование, со средневековыми формами управления, с властью крупных аграриев, с многочисленной армией чиновников, с растущей кликой банковских и промышленных властителей, народности Австро-Венгрии находились в постоянном брожении. Средина XIX века превратила ее в дуалистическое государство, начало XX столетия несло с собой уже триализм, а мировая война, как мы знаем, окончательно покончила с этим государственным строем, — революцией, а не эволюцией выведя народности на путь самостоятельной жизни.

Долгие годы внутри страны горела борьба этих народов за право жить и развиваться в рамках национального объединения. Парламентские распри порой сменялись вооруженными схватками. Гражданский мир очень часто висел на волоске. «Лоскуты» крепли с каждым годом экономически, а вслед за тем и политически. То уступками, то суровыми мерами государственная власть сдерживала сепаратные стремления отдельных областей государства, но все это было до поры до времени. Некоторые из государственных деятелей монархии, более дальновидные, с очевидностью предвидели гибель монархии, правильно усматривая причины к этому, главным образом, не в опасности со стороны других государств, а прежде всего — в тех внутренних противоречиях, коими была полна жизнь Дунайской империи.

Правда, нужно сказать, что эти противоречия раздувались и тем постоянным ветерком, который дул из-за рубежа. Австро-Венгрия оказывалась окруженной национальностями, родственными входящим в состав монархии. Вполне естественно было стремление последних вырваться из-под гнета Габсбургов и присоединиться к одноплеменному государству. На этой почве возникали в Австро-Венгрии различные ирредепты — итальянская, юго-славская и т. д. Ирредентизм захватывал даже немцев, у которых была партия, стремившаяся к воссоединению с Германией.

Сепаратизм отдельных национальностей глубоко пускал корни, захватывая различные классы населения, не исключая даже верхов буржуазного класса. Среди самых верхушек этого класса шли группировки по национальностям, и немного было «мужей», кои безоговорочно считали имперскую власть Габсбургов необходимой и оправданной.

Борьба с этими национальными устремлениями составляла главный вопрос внутренней политики Габсбургов.

Насколько эти устремления отдельных народностей находили почву за границей, как указано было выше, настолько в Австро-Венгрии внутренняя политика оказывалась самым теснейшим образом связана с внешней. Все руководящие линии для последней вытекали из внутренней политики.

Действительно, как нами указано выше, экономическое состояние Австро-Венгрии не ставило ее в ряды конкурентов с большими государствами Европы, обогнавшими ее в индустриализации и жадно стремившимися к захвату рынков сбыта своей продукции вне своих границ. Торговля Дунайской монархии сосредоточивалась, главным образом, на Балканах, и вот проникновение сюда иного капитала, иных продуктов сбыта, задевая непосредственно интересы австро-венгерских капиталистов, вызывало с их стороны отпор. На этой почве создавались трения и конкуренция с Италией, и порой обострялись отношения даже с Германией. Некие пылкие умы венских дипло-

матов и капиталистов строили планы выхода Австро-Венгрии к Эгейскому морю, превращения Салоник в австрийский порт и достижения полного господства над восточным побережьем Средиземного моря. Чаяния их захватывали даже берега Анатолии, где турецкие порты должны были частью перейти в австрийские руки. Но так далеко фантазия заносила немногих, а более трезвые политики основу активных выступлений монархии на внешнем фронте видели в другом.

Австрийский империализм, довольно своеобразный и ограниченный, не столько искал рынков сбыта, сколько стремился расширить свои границы с решительной целью — положить предел центробежным устремлениям своих народностей путем включения в состав монархии соседних малых государств, смущавших покой «верноподданных» Габсбургов.

В первой книге нашего труда мы более или менее подробно останавливались на внешней политике Австро-Венгрии на рубеже XX столетия. В дальнейшем еще углубим этот вопрос, а в настоящее время позволим себе лишь напомнить коротко внешние отношения монархии в начале XX столетия.

Выброшенная в 1866 году силою прусского оружия из Германской империи, Австро-Венгрия в скором времени оказалась в союзе со своими бывшими врагами — Германией и Италией.

Умелая и ловкая рука Бисмарка повернула Австро-Венгрию с запада лицом на восток, на Балканы.

Здесь Австро-Венгрия надеялась получить реванш за запад, тем более, что отсюда же грозила и наибольшая опасность внутренней цельности Дунайской империи.

Берлинский конгресс накроил мелкие государства на Балканах и породил сразу же массу противоречий между ними. Россия потерпела поражение, которое немедленно было использовано Веной.

Внутреннее неспокойное состояние страны, сила главного конкурента на Балканах — России — отодвигали пока на неопределенное еще время развитие агрессивной политики Австрии на Балканах, — политики, которая могла бы быть чревата включением новых государств славян в территорию монархии. Было ясно, что без применения оружия это не обойдется, а военное счастье довольно изменчиво. Выходить в одиночестве на борьбу с Россией не входило в расчеты венских дипломатов, а Бисмарк не особенно был склонен оказать нужную поддержку. Приходилось пока вести борьбу лишь за влияние среди балканских государств и в то же время не давать ни одному из них усиливаться, дабы не создать опасного соседа на южной границе. С грустью некоторые шовинисты с берегов Дуная говорили, что со времени Берлинского конгресса Австро-Венгрия прекратила активную политику, свойственную «великой» державе, каковой, по дипломатической номенклатуре, должна была быть монархия Габсбургов.

Таковы основные линии внешней политики Австро-Венгрии в начале XX столетия.

Вступив на путь дипломатической борьбы, которая могла перейти и в открытое столкновение с Россией, Австро-Венгрия вынуждена была озаботиться и приисканием соответствующих союзников.

К 1882 году образовался так называемый тройственный союз срединных государств Европы из Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Стараясь позабыть горечь только-что перенесенных поражений от Пруссии, Вена в 1879 году, под угрозой осложнений с Россией, заключила союзный договор с Германией. Последней Австрия нужна была, как средство отвлечения России от вмешательства в западные дела и как союзник на случай возможного столкновения с могущим возникнуть двойственным франко-русским союзом. Заинтересованность Австрии в поддержке Берлина нами только-что указана. Для Бисмарка было совсем нежелательно исчезновение монархии Габсбургов с карты Европы, а потому Вена являлась союзником, и таким, в интересах которого сдерживались симпатии к Берлину дунайских немцев. С переходом Германии к империалистической политике ее интересы существенно не сталкивались с австрийскими, и поэтому союз оставался нерушимым, хотя на его горизонте и появлялись иногда тучки.

Союз Германии с Австро-Венгрией считался обоими государствами основанием их политики, и без него активная политика не мыслилась дипломатам ни того, ни другого государства. В дальнейшем изложении будут приведены более исчерпывающие суждения об этом союзе, не только наши, но и государственных деятелей обеих стран, из которых читающий наш труд составит себе ясное представление об отношениях обоих союзников.

Меньшими симпатиями в Вене пользовалась Италия. Обоими государствами союз был заключен «по нужде», а в действительности в их отношениях было столько противоречий, что в крепость этого союза не верила ни одна из сторон. Итальянская ирредента в Австрии, мечты венских дипломатов о захвате снова потерянных итальянских областей, а, главным образом, с каждым годом развивающаяся конкуренция в торговле и в политике на Балканах — рано или поздно должны были привести Италию и монархию Габсбургов на военное поле врагами, но не союзниками по оружию. Натянутые отношения Италии с Францией и мечты о завладении Тунисом и Триполи до поры до времени удерживали Рим в ложе тройственного союза. Римскому правительству приходилось поэтому сдерживать развитие ирреденты в Австрии, выказывая любезность венскому двору.

На этом и исчерпывались союзники монархии Габсбургов.

С Францией и Англией Австро-Венгрия находилась в отношениях, диктуемых, с одной стороны, той финансовой поддержкой, которую Вена хотела получить в Париже и Лондоне, а с другой — союзом с Германией и отношениями ее к указанным государствам. К этому нужно добавить, что французский и английский капитал постепенно начал проникать на Балканы, заставляя, таким образом, Дунайскую империю в ее внешней политике регулировать свои шаги в соответствии с ходами французских и английских дипломатов.

Вместе с тем, как было отмечено выше, монархия Габсбургов зорко наблюдала, с одной стороны, за политикой России, стремившейся расширить свое влияние среди балканских государств, а с другой — за последними, неизменно сталкивая их интересы.

Оккупация Боснии и Герцеговины окончательно втянула Австрию в балканские дела, и отступления уже не было.

Известно, что балканский костер все время не потухал, вспыхивая там и сям кровавыми огнями. Под маской «пожарных», Россия и Австрия в своих стремлениях ввести «реформы» на Балканах еще более раздували

огонь, в то же время обостряя взаимоотношения. Конец XIX и начало XX столетия знаменуются отступлением России с Балкан на Дальний Восток и наступлением дипломатов Вены. Отвлеченная дальневосточной политикой, Россия на некоторое время оказалась пассивной на Ближнем Востоке, подбадривая, тем самым, Австро-Венгрию к более смелым и решительным шагам в балканской политике.

Казалось, наступали дни, когда Австро-Венгрия могла снова вступить на путь «великодержавной» политики, т. е., иными словами, на путь захватов и грабежей.

Разно мыслились государственным деятелям Дунайской империи пути к этому: одни полагали возможным достичь поставленных целей на Балканах искусной бескровной политикой, надеясь на уменье и ловкость рук венских дипломатов; другие считали, что только силой оружия Австро-Венгрия вернет себе славу.

Меч Габсбургов — армия Дунайской монархии — за последнюю половину XIX столетия не раз сдавала на боевых полях и, конечно, вместе со страной переживала всю ту внутреннюю борьбу, которая кипела в государстве. Венгерская революция разложила единую армию Габсбургов на три части: «цесарскую» (имперскую) армию и армии двух половин государства: австрийский и венгерский ландверы. Мы не в праве подробно останавливаться на описании австро-венгерской армии, ибо сделали это, более или менее подробно, в первой книге нашего труда. Здесь должны только отметить, что та национальная вражда, которая велась в государстве, была налицо и в армии, составляя одну из причин ее слабости. Не мало и других недостатков материального характера испытывала эта армия. Однако, военные деятели монархии прилагали много усилий по поднятию боеспособности армии, дабы не отставать от армии своего союзника — Германии. В частности, «герой нашего повествования» Конрад, начальник австро-венгерского генерального штаба, вел «непрерывные» бои за развитие и улучшение армии. Ржавел меч Габсбургов, а между тем слагавшаяся в Европе политическая ситуация говорила за то, что оружие должно было скоро понадобиться.

По первой книге нашего труда читатель должен уже солидно познакомиться с Конрадом и его взглядами. Правда, взглядов его в области внешней политики мы коснулись очень мало. Этот пробел постараемся заполнить теперь. Мы позволим себе здесь кратко восстановить сложившееся у нас впечатление о начальнике австро-венгерского генерального штаба.

Перед нами человек уже пожилой, с выдающимся умом, с упрямым, но сильным характером, порой лишенным равновесия. Конрад был вспыльчивой натурой, умевшей или любить или ненавидеть. Преданный всей душой своему делу, «верный» слуга Габсбургов и монархии, начальник штаба являл собою яркого представителя господствовавшего буржуазного класса, горевшего активной борьбой за интересы этого класса. Самостоятельный в своих суждениях, Конрад резко их отстаивал, не считаясь с тем, кто был его противником или слушателем.

Мы не будем повторять военных взглядов начальника австро-венгерского генерального штаба, а остановим внимание читающего наш труд на политическом «кредо» Конрада.

Он не раз указывал, что политической подготовки он никакой не получал, а свои взгляды на политику вырабатывал путем чтения исторической литературы, знакомства с историей национальностей монархии и самой своей жизнью.

Выйдя из аристократической семьи, Конрад с детства от своих родителей и наставников воспринял необходимость служения «великой» Австрии, т. е. аристократической, средневековой Австрии, что затем и почитал своим долгом на протяжении всей жизни.

Школа, служба в различных областях монархии — сталкивали Конрада лицом к лицу с обостренной национальной рознью, и отсюда в голове будущего начальника австро-венгерского генерального штаба зародилась своя теория государственного устройства монархии, свои проекты оздоровления этого разрушающегося здания.

«Солдат» по призванию, не раз заявлявший об отсутствии какой-либо охоты заниматься политикой, Конрад, между тем, широко интересовался ею.

В первой книге мы уже характеризовали теорию начальника генерального штаба об «едином» и сильном государстве, каким должна быть, в его понятии, Австро-Венгрия. Конрад признавал необходимость усиления в монархии центральной и верховной власти, дабы все подданные ощущали ее твердую руку. Однако, в то же время он шел и на автономию отдельных национальностей. Каждая из них должна жить и развиваться, но неизменно входить в состав монархии. Идеалом для Конрада была Германия — союз различных княжеств. Такой же союз, по мысли начальника генерального штаба, должен был возникнуть и на берегах Дуная, расширив свои пределы и включив в них кое-какие из соседних балканских государств. На месте развивающейся монархии должен возникнуть сильный Рим наших дней, — вот основа мышления Конрада.

Из нее вытекали все предложения начальника штаба, и ею направлялась его практическая деятельность.

Монархист по убеждению, суровый начальник штаба не раз рекомендовал Франц-Иосифу властной рукой подлинного диктатора навести порядок в той или иной области и даже среди кабинета министров, не останавливаясь перед его разгоном. В «сильном» Риме должна быть и «сильная» власть.

Мы не будем сейчас выявлять взглядов Конрада в области внешних отношений монархии, ибо они ясны будут из дальнейшего, а установим лишь ту «историческую» задачу, какая, по мнению начальника штаба, лежала на Австро-Венгрии.

В представлении Конрада Австро-Венгрия должна быть «культуртрегером» среди балканских славян. На ней лежала обязанность перед историей — приобщить западных и южных славян к европейской культуре, объединив их под властью Габсбургов. Культурное и экономическое развитие Австро-Венгрии требовало открытия путей на Балканы.

Легко понять, что Конрад был апостолом активной внешней политики Вены, одним из тех «империалистов», кои сокрушались о скромной роли, которую за последние годы на политической арене Европы играла Австро-Венгрия.

Нет сомнения, что в области внешних отношений доминирующая роль принадлежала дипломатии. Однако, как мы знаем из первой книги, Конрад

«к сожалению» видел тесную и непосредственную связь между подготовкой армии к войне и внешней политикой, а потому не мыслил своей работы без тесного контакта с министром иностранных дел.

Указывая, что Австро-Венгрия, окруженная почти со всех сторон врагами, не может быть готова к войне на всех фронтах одновременно, Конрад говорил: «начальник генерального штаба и министр иностранных дел должны были поддерживать тесный контакт в работе. Министр иностранных дел должен был ориентироваться начальником генерального штаба о размерах военных сил, в соответствии с чем и вести внешнюю политику, и совместно с начальником генерального штаба по временам ясно устанавливать, для каких определенных фронтов должны быть произведены конкретные военно-подготовительные работы».

«Министр иностранных дел, — продолжал Конрад, — должен принять за правило не вести политику в тех направлениях, которые могли бы сулить вооруженное столкновение с более могущественным государством или союзом государств. Он должен понять, что военная подготовка связана с длительным сроком и не может быстро меняться. Это требовало от политики дальновидности, ясных и определенно поставленных целей, и подлинный государственный деятель должен был следовать этому».

Самое положение о начальнике генерального штаба говорило, что «на нем лежат все оперативные и подготовительные работы на случай войны», что «он обязан, ввиду этого, принимать участие во всех военно-политических вопросах», что «имеет влияние на разрешение всех военно-политических вопросов».

От участия в разрешении этих вопросов Конрад отнюдь не хотел отказываться, но смотрел на это, как на тяжелую обязанность. Его, как «солдата», политика не прельщала, и он не раз говорил о своей аполитичности. Насколько были искренни эти заявления «солдата» в генеральском мундире, мы увидим ниже. Что же касается деятельности Конрада в области внутренней политики, то здесь мы с полным правом можем уже теперь опровергнуть его заявления о невмешательстве во внутреннюю жизнь государства. Человек, трактующий о разгоне кабинета министров, предлагающий, при всяком удобном случае, использование § 14 конституции, дававшего верховной власти право самостоятельно, без разрешения парламента, проводить свои решения, — едва ли может быть назван аполитичным. Однако, традиция была сильна, и, называя себя «солдатом», гордясь этим званием, начальник генерального штаба подчеркивал, тем самым, свою отдаленность от политических дел монархии.

Выше мы отметили, что свои политические взгляды Конрад вырабатывал путем чтения исторической литературы. Не знаем, сколько книг он поглотил из этого зеркала жизни, но можем с уверенностью сказать, что зеркало было кривым и преподносило генералу прошедшие события в извращенном виде. Конечно, герой нашего романа был далек от марксистской оценки истории и, воспитанный на буржуазных исторических трудах, их понимание исторического хода событий вносил и в свои суждения. Для Конрада была совершенно непонятна «первичная» роль в жизни общества и отдельных его членов «экономической силы», — не она в представлении Конрада являлась двигающей силой. Для буржуазного деятеля, каким был

начальник генерального штаба, чувства, идеи повертывали колесо истории, и в них искал он основания и объяснения тем или иным происходящим событиям. Таким образом, и политика, в понятии Конрада, отнюдь не являлась «концентрированной экономикой», а скорее последняя направлялась первой. Мы уже подробно говорили о том, что даже в чисто военном деле Конрад недооценивал полностью всей важности экономики, не говоря уже о том, что он не мог признать «экономическую силу» главным и единственным основанием во внешних отношениях обществ и государств.

Мы считали это необходимым напомнить для того, чтобы впоследствии правильно понять и уяснить ход мышления начальника генерального штаба.

«Первым и наиболее важным при моем вступлении на новую должность (начальника генерального штаба — *Б. Ш.*), — пишет в своих мемуарах Конрад, — было установление контакта с министром иностранных дел, так как взаимная внутренняя связь внешней политики с конкретной подготовкой к войне, лежащей на обязанности начальника генерального штаба, признавалась мною существенно необходимой».

Действительно, тотчас же по назначении начальником генерального штаба, Конрад обратился с письмом к министру иностранных дел Эренталю, в котором просил ориентировки его во внешней политике монархии, а также и поддержки в совместной работе на новом посту.

Ответ от Эренталя был получен сдержанный, но корректный. Так было положено начало отношениям этих двух деятелей Австро-Венгрии, закончившимся смертельной враждой.

В дальнейшем личность министра иностранных дел Эренталя будет выяснена с достаточной полнотой, а поэтому здесь ограничимся лишь кратким абрисом этого дипломата с берегов Дуная.

Эренталь являл собою характерный тип венского дипломата, и притом такого, который собственным лбом пробил дорогу к высокому посту при дворе Габсбургов. Разночинец, делавший карьеру лишь собственными руками. Эренталь должен был проявить не мало ловкости и изворотливости в восхождении по служебной лестнице. Нужно быть не только пролазой, в полном смысле этого слова, чтобы подняться наверх, но и действительно умным человеком, дабы не понести поражения на таком скользком поприще, как дипломатическое, да еще в условиях падающего в глазах соседних государств престижа монархии. Мы не хотим сказать, что Эренталь был австро-венгерским Бисмарком, до этого ему было далеко, но что он являлся незаурядным дипломатом, — в этом сомневаться нельзя.

Природный ум, ловкость дипломата, соответствующий для буржуазных кругов лоск и обворожительность в манерах и обращении, но в то же время твердость характера в достижении поставленной цели — облегчали Эренталю путь к министерскому креслу.

Уменье лавировать, столь нужное вообще в австро-венгерском государстве, было свойственно Эренталю и способствовало не только его выдвижению, но и крепкой позиции в роли всесильного министра двора Габсбургов.

Пользовавшийся доверием Франца-Иосифа, Эренталь сохранил о себе самые лучшие воспоминания и в Петербурге, где он был долгое время послом. Насколько он умел среди русских министров завоевать симпатии, мы увидим из дальнейшего.

Не менее Конрада знакомый с историей Австро-Венгрии, Эренталь гораздо полнее его был ориентирован во внутренней жизни этого разваливающегося государства, а потому и составил себе более или менее соответствующую состоянию государства политическую программу на внешнем фронте.

Ниже мы текстуально познакомимся со взглядами министра иностранных дел на внешние отношения монархии, а здесь укажем лишь, что этот государственный деятель был далек от того, чтобы пути рискованными путями войны к намеченным целям. Для него было ясно, что война для Австро-Венгрии не по силам, и что не силою оружия нужно было достигать успехов. Бескровные дипломатические победы, сопровождаемые, когда это нужно бряцанием оружия, более прельщали министра иностранных дел, и он бесповоротно вступил на этот путь завоеваний. Для него, как человека дела, умеющего соразмерять цель со средствами, прежде всего важны были те задачи внешней политики, кои являлись наиболее достижимыми. Не скроем, что и он был не чужд широких планов «австрийского империализма», будучи приверженцем выхода Австрии к Эгейскому морю, но это считалось им выполнимым лишь в отдаленном будущем (если только признать искренними его взгляды). Вернее же, нужно думать, что такие планы им высказывались в угоду кучке завзятых придворных активистов, — тем более, что до осуществления их было далеко.

Влияние Эренталя на дела Австро-Венгрии было настолько велико, а место министра настолько прочно им занято, что он не боялся становиться в открытые противоречия даже с наследником Францем-Фердинандом. Умный дипломат уверенно шел по скользкому паркету венского двора.

С таким деятелем приходилось «устанавливать контакт» вновь назначенному начальнику генерального штаба Конраду.

Последний не подозревал, что он не был желательным для Эренталя товарищем в совместной работе. До Конрада лишь впоследствии дошли слухи, что на пост начальника генерального штаба Эренталем выдвигалась кандидатура бывшего военного министра Питрейха, которому министр иностранных дел благоволил. Кандидат Эренталя был отвергнут, и нечего говорить, что свое неудовольствие по этому поводу, — а Эренталь был человеком, не скоро забывающим обиды, — было перенесено на Конрада. В последнем министр видел ставленника Франца-Фердинанда, единомышленника Конрада, а поэтому к такому человеку должна была быть проявлена сугубая осторожность и сдержанность.

Советником по военным делам у Эренталя, по дружбе, оказался военный министр Шонайх, который, как мы знаем из первой книги, также не был сторонником нового начальника генерального штаба.

Таким образом, уже заранее можно было сказать, что тесный, искренний контакт в работе Конраду едва ли удалось бы наладить с министром иностранных дел.

Получив от Эренталя сдержанный ответ на свое первое письмо, Конрад не огорчился, ибо, по его словам, он выше всего ставил дело, а не личные симпатии. Поэтому начальник генерального штаба начал свою работу в надежде как-нибудь наладить отношения с представителем внешней политики.

Эренталь оказывался настолько сдержанным, что решил не особенно

глубоко посвящать Конрада в документы его ведомства. Достаточно указать, что начальнику генерального штаба не был известен даже союзный австро-германский договор, не говоря уже о том, что многие важные депеши, выходящие от министерства иностранных дел, были тайной от высшего представителя генерального штаба. Конрад изолировался постепенно от внешней политики.

К этому присоединились и принципиальные расхождения между Эренталем и Конрадом во взглядах на внешнюю политику Австро-Венгрии. Наконец, подливали масло в огонь и сотрудники Конрада. Он жалеет в своих воспоминаниях, что при вступлении в должность не переменил всего личного состава генерального штаба в Вене, так как в нем он нашел не поддержку, а лишь интриги, которые выносились за стены учреждения, усложняя позицию начальнику генерального штаба в его сношениях с министром иностранных дел. В своем месте приведем доказательства этому.

Забегая немного вперед, мы должны указать, что «контакт» в работе генерального штаба с министерством иностранных дел оказался настолько зыбким, что Конрад пришел к такому выводу: «Там, где верховная власть, министр иностранных дел и начальник генерального штаба соединены в одном лице, там можно ожидать целесообразной и успешной политики, но там, где этого нет, где три государственных органа оказывают свое влияние, там необходимо, чтобы они работали во взаимной связи, чтобы каждый из них знал во всех подробностях работу другого. Если же одна рука не знает, что делает другая; если из-за недоверия, самолюбия, ревнивого оберегания своего круга обязанностей или взаимной обиды важнейшие дела задерживаются; если один или другой стремится тайком, за спиной, провести вопрос в соответствии со своим мнением, — то там будет одна лишь неудача».

Мы знаем, что новый начальник генерального штаба не был такой личностью, которая могла бы примириться с изоляцией от внешней политики. Если нельзя было контактировать работу с Эренталем, то Конрад решил итти самостоятельным путем. Как это ему ни претило, как «солдату», но начальник генерального штаба начал сам разбираться во всех внешних отношениях монархии с соседними государствами и намечать свои линии в этих отношениях, кои соответствовали бы военным интересам Австро-Венгрии. Одним словом, Конрад повел свою политическую «линию поведения».

«Основные линии для внешней политики и ее цели должны быть твердо установлены, — заявляет в своих мемуарах Конрад, — так как корабль не плавает без компаса. В противном случае совершенно нельзя предвидеть, куда он направится.»

Конрад потерял доверие к такому кормчему корабля, каким был Эренталь, и решил не выпускать руля и из своих рук. Отныне два различных лица оказались у руля внешней политики, что, конечно, не предвещало ничего хорошего.

Современники оценивают Конрада, как человека, который никогда не прятался за чужие, более могучие, спины, а всегда высказывал всем, вплоть до Франца-Иосифа, свои взгляды.

Так было и во внешней политике. Конрад старался провести свои

взгляды в этой области не только перед министром иностранных дел, но шел с ними к Францу-Иосифу, Францу-Фердинанду, словесно и письменно защищая их правоту. В этой борьбе, как увидим, начальник генерального штаба пал, но на иной исход, — кроме, конечно, победы, — он по своей натуре, и не пошел бы.

Внешняя политика настолько захватила «солдата», что сопровождала его и за границей, куда, по делам службы, он бывал командирован. И там начальник генерального штаба творил политику, будучи, как он нам говорит, аполитичным. Справедливо или нет, — увидим ниже, но в соседних государствах Конрад расценивался как политик, как представитель «военной партии», т. е. партии, раздувающей факел войны.

На этом мы кончаем предварительное знакомство с начальником генерального штаба и министром иностранных дел и обратимся к рассмотрению внешней политики монархии и участию в ней генерального штаба.

Мы просим читающего наш труд терпеливо последовать за нами в чтении анналов государства Габсбургов и надеемся, что затем вместе будем и «размышлять» по вопросам, кои выявятся в ходе нашего повествования.

ГЛАВА II

АННЕКСИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Аннексия — преддверие мировой войны. — Значение аннексии во внешней политике Австро-Венгрии. — Конрад о внешней политике монархии к началу 1907 года. — Мемуар начальника генерального штаба от 6 апреля 1907 года о войне с Италией. — Сопротивление Эренталя и отказ Франца-Иосифа. — Защита Конрадом своего мемуара. — Визит Конрада в Берлин и его первое свидание с начальником германского генерального штаба Мольтке. — Личность Мольтке (младшего). — 18 ноября 1907 года Конрад получает от Эренталя основные политические линии для работ по плану войны. — Предложение Конрада Эренталю 19 ноября 1907 г. о необходимости аннексии Боснии и Герцеговины. — Совет министров 1 декабря по тому же вопросу; Конрад не приглашен на заседание. — Мемуар начальника генерального штаба на 1908 год: аннексия, война с Италией, Сербией и Черногорией. — Встреча Конрада с германским канцлером Бюловым. — Беседа начальника штаба с Эренталем 2 апреля по поводу мемуара. Предложения Конрада о совместной работе с Мольтке по плану войны и отказ Эренталя. — Доклады Конрада от 17 апреля: возможность европейской войны. — Мнение об этом Эренталя. — Начало переговоров Вены с Петербургом об аннексии. — Указание Франца-Иосифа о сношениях Конрада с министром иностранных дел. — Первая поездка Конрада летом 1908 г. в Румынию, письмо о ней Эренталю и беседа с ним. — Генеральный штаб и пресса. — Ответ Извольского Эренталю. — Малотурецкий переворот в Турции и ускорение аннексии. — Письмо Эренталя к Конраду от 15 июля с выдержкой из ноты Бюлова. — Работа Конрада с Мольтке по плану войны откладывается Эренталем до осени. — Переписка Конрада с Эренталем о политическом положении. — Решение совета министров 19 августа, с участием Конрада, об аннексии Боснии и Герцеговины. — Мемуар Эренталя от 9 августа. — Свидание Эренталя, Извольского и Титони в сентябре 1908 года в Бухлау и соглашение между ними. — 5 октября Болгария объявляет себя самостоятельным королевством. — Указ об аннексии Боснии и Герцеговины 7 октября 1908 года. — Европейские государства об аннексии.

Конрад вступил в должность начальника генерального штаба осенью 1906 года, т. е. на пороге *первого Балканского кризиса*, вызванного *аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины*. С этого кризиса Конрад в своих мемуарах и предлагает начинать изучение истории мировой войны.

Говоря, что мировая война не явилась внезапно, из-за Сараевского убийства, а есть следствие той напряженной атмосферы, которая окутала Европу задолго до 1914 года, Конрад указывает, что за этот долгий период политическая ситуация все более и более обострялась, и подготовка к войне во всех государствах с каждым годом принимала все более напряженный характер, особенно — в тех из них, которые с ясно-определенными целями шли навстречу войне.

«Кто начнет изучение мировой войны, — говорит Конрад, — с первого дня мобилизации 1914 года, тот не уяснит себе внутренней связи собы-

тий... Кризис, созданный аннексией (Боснии и Герцеговины), может быть обозначен как первый раскат грома, который уже настолько осветил будущую обстановку, что можно было предвидеть развитие событий до несомненного конца и те меры, кои должны быть приняты».

Таким образом, по мысли начальника австро-венгерского генерального штаба, аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 году является отправной данной при изучении мировой войны.

В своей книге «Происхождение мировой войны» Пуанкаре пишет, что, произведя территориальное присоединение, вопреки желанию населения, император Франц-Иосиф уничтожил договор (Берлинский трактат), санкционированный международным конгрессом; он впервые вызвал признак войны, нарушил все основы права и, сверх того, оскорбил патриотизм сербов, которые всегда рассматривали своих соседей в Боснии и Герцеговине, как братьев по крови. Короче говоря, аннексия 1908 года явилась прелюдией для ультиматума 1914 года. Оба акта имеют одинаковое содержание: «первый объясняет второй, второй — завершает первый».

Если начальнику австрийского генерального штаба еще простительно искать право первородства мировой войны в аннексии 1908 года, то соображения парижского политического деятеля отнюдь не могут быть оправданы. Всем, конечно, известно, что мировая война вспыхнула не из-за одних Балкан, что еще в 1905 году марокканский горизонт был так густо покрыт военными тучами, направлявшимися в Европу, что последняя стояла уже на пороге войны, если бы ее не испугался один из инициаторов кризиса в Марокко — Вильгельм II, приказавший «отступить по всей линии, чтобы не довести до войны, так как ни артиллерия, ни флот к ней не готовы». Таким образом, мы с успехом могли бы причислить к Францу-Иосифу еще и Вильгельма, а может быть и самого Пуанкаре, если бы только в тех или иных личностях мы стали бы искать виновников войны.

Любой политик и историк наших дней отлично знает, что со вступлением крупных государств Европы в конце XIX столетия на путь империализма экономические и политические отношения среди них все более и более запутывались, создавая не один, а множество узлов противоречий, разрубить которые мог только меч войны или революция. Не в личностях крылась опасность войны, а во взаимной экономической конкуренции, в борьбе капиталистов различных стран за колонии, за рынки сырья и сбыта, и если говорить об отдельных лицах, проводивших ту или иную политику государств, то лишь как о фигурах, олицетворявших всю политику этих государств. Видимо, плоха стала память у Пуанкаре, игравшего уже в то время на политической арене Франции видную роль, если только можно вообще верить искренности заявлений этого дипломата!

Правда, для монархии Габсбургов аннексия Боснии и Герцеговины, без сомнения, явилась первым крупным дипломатическим выступлением после 1878 года, была прелюдией той ясно наступательной политики на Балканах, о которой давно мечтали «истинные» австрийцы с широким размахом. Конрад прав, что, решившись на этот шаг, Дунайская империя вставала на путь, который неизбежно вел к вооруженному столкновению, размеры которого с отчетливостью намечались в 1908 году.

По этим соображениям, мы также склонны начать с аннексионного кри-

зиса, отнюдь, конечно, не забывая, что не он был первопричиной мировой войны, как то старается изобразить бойкое французское перо.

Рамки нашего исследования не позволяют со всей подробностью останавливаться на истории аннексии и в деталях знакомить со всеми документами, кои составляют материал о ней. Нами будут, в сокращенном изложении, освещаться главнейшие этапы взаимоотношений политики и стратегии во время этого и последующих кризисов, кои привели Дунайскую империю к мировой войне. Интересующихся подробностями отсылаем непосредственно к труду самого Конрада и другим работам государственных деятелей тех времен, а равно к трудам иных лиц, освещавших разбираемую нами эпоху.

Начало аннексионного кризиса относится к 1907 году, с которого мы и начнем.

Мы останавливаемся на событиях 1907 года потому, что каждое историческое событие имеет свой подготовительный период, и для аннексии 1908 года он начался на год раньше. В 1907 году истек десятилетний срок договора о поддержании на Балканах status quo, заключенного Россией и Австро-Венгрией в 1897 году. Было ясно, что политика этих государств на Балканах должна была быть или подтверждена продлением договора или же урегулирована новым дипломатическим актом. К 1908 году ни того ни другого не было, и в Петербурге были сильно встревожены планами министра иностранных дел Австро-Венгрии Эренталя об экономическом и культурном наступлении на Балканах, кои были им развиты перед австро-венгерскими делегациями. Дело касалось железнодорожного строительства в Санджаке и далее — с выходом к Салоникам, т. е. того проекта «австрийского империализма», о котором мы говорили выше.

Для ясности мы должны напомнить читателю о положении Боснии и Герцеговины, оккупированных в 1878 году австрийцами. Акт этот был подтвержден ст. 25 Берлинского конгресса с закреплением за Австрией права содержать гарнизоны в Новобазарском санджаке. Договором 1881 года в добавочной к нему секретной конвенции, Германия, Россия и Австрия, устанавливали право Австрии на аннексию указанных провинций в любой момент с сохранением прежнего положения в Новобазарском санджаке. Наконец, 3-й пункт соглашения России с Австрией 1897 года требовал полного уважения к правам Австрии в Боснии и Герцеговине, с указанием, что этот вопрос вообще не подлежит и не может подлежать обсуждению. Такова документальная сторона этого политического вопроса.

Из предыдущей главы известно, что при своем вступлении на должность начальника генерального штаба, на просьбу об ориентировке во внешней политике Австро-Венгрии Конрад получил сдержанный ответ от министра иностранных дел. Необходимой ориентировки не было, и начальник штаба был предоставлен собственным мыслям в этой области.

Конрад не растерялся и составил себе определенное мнение о внешнем и внутреннем положении Австро-Венгрии к концу 1906 года, с которым он нас и знакомит.

Внутреннее состояние Дунайской империи, по мнению Конрада, полно противоречий, и только одна армия еще является связующим цементом,—

поэтому необходимо приложить все усилия к развитию ее, дабы она, как кит, поддерживала разваливающееся государство.

Что касается внешней политики, то она, по мнению Конрада, должна иметь в виду два основных исходных пункта: *1) удержать современные границы государства и 2) включить в него те области, которые необходимы монархии для ее экономического развития.*

Центр тяжести обеих этих задач находится, главным образом, на Балканах, где, с одной стороны, возникла угроза отрыва славянских областей монархии и создавалась опасность для ее морского могущества, а с другой стороны, там же проходили нужные пути на восток, по которым с давних времен шла вся торговля с берегов Дуная.

По справедливости нужно отметить, что влияние экономических условий жизни государства на внешнюю политику нашло отражение в мозгу начальника генерального штаба.

Рассматривая отношения к соседним государствам, начальник генерального штаба приходил к выводу, что *союз с Германией* был существенно необходим для обоих соседних государств. С одной стороны, Австро-Венгрия являлась поддержкой Германии против той политики окружения, которая велась в Европе в отношении Германской империи, а с другой — пути Германии и Австрии соединялись в их стремлении на восток. Как с политической, так и с экономической и военной сторон оба государства оказывались заинтересованными друг в друге. Если торговые интересы их иногда и сталкивались, то это было делом рук единичных группировок и тех партий, которые стремились разорвать такой естественный и прочный союз. Помимо того, что германская армия являлась веским фактором в руках серединных держав, Конрада озабочивало и то обстоятельство, что с заключением союза с Германией кончилась подготовка к войне в железнодорожном отношении северных областей монархии. В них шло строительство железных дорог местного значения и узкоколейных, направления которых зачастую могли принести не пользу, а даже вред сосредоточивающейся по ним армии фронтом на север. Необходима была многолетняя работа, чтобы устранить недостатки железнодорожной сети, а в противном случае, при расторжении союза с Германией, можно было ожидать вторжения противника в Богемию.

Одним словом, *союз с Германией* считался начальником генерального штаба *жизненно необходимым,* и он с удовлетворением отмечает единомыслие в этом вопросе с Франдем-Иосифом и с министром иностранных дел Эренталем.

Однако, все эти лица болезненно оберегали суверенность Австро-Венгрии, не желая подпадать под сапог немцев с берегов Шпрее.

Иной подход был со стороны Конрада к *Италии.* Этот союзник вызывал не только недоверие, но даже и ненависть, давно уже наполнявшую сердце и душу начальника генерального штаба. Обостряющаяся с каждым годом итальянская ирредента, начавшееся восстановление Италией вооруженных сил, стремление итальянской политики укрепиться на Балканах и, наконец, тяготение ее к Франции и Англии — все это были симптомы, изобличавшие коварство официального друга. Конрад раз навсегда зачислил Италию в число непримиримых врагов Дунайской империи, расходясь в

этом с большинством венских и берлинских дипломатов и прежде всего — с Эренталем.

Если Италия, таким образом, была ненадежным союзником, то более искренным Конрад считал *Румынию*, где личность короля Карла как бы гарантировала верность союзу с монархией Габсбургов.

Отношения с *Францией* и *Англией* определялись их политикой в отношении Германии. С окончанием марокканского кризиса 1906 года Франция старалась быть лойяльной в отношении как Германии, так и Австрии. Англия проводила политику окружения Германии, но попытки ее вырвать из союза Австро-Венгрию были неудачны.

На Балканах *Сербия* и *Черногория* были явно враждебны монархии, причем последняя лавировала между Россией и Австрией, а Сербия вела пропаганду в славянских областях монархии. «Уже в юные годы, — говорит Конрад, — разбираясь в юго-славянском вопросе, я придавал ему особое значение для монархии и видел, как единственный выход для балканской политики, — включение всех южных славян, которые жили в пределах Сербии, в рамки *Австро-Венгрии*. Мне казалось, что включение Сербии возможно провести мирным путем на правах союзного государства, подобно Баварии в Германии, причем я был убежден, что такой акт жизненно необходим и для Сербии, так как она извлекала бы выгоды из пользования морскими путями, военным флотом монархии, ее индустрией, торговлей и путями сообщения. На самом полуострове положение Сербии, как члена великой державы, было бы прочнее и безопаснее.

«Подобное вхождение Сербии в границы монархии Габсбургов, — продолжает Конрад, — повело бы к уничтожению антагонизма между Сербией и Кроацией. С ликвидацией взаимной неприязни сербов и кроатов являлась возможность образования в составе монархии сильного славянского объединения, которое могло бы противостоять общему врагу, особенно — угрожающего его берегам — Италии».

Однако, с переменой династии в 1903 году в Сербии возросло влияние России и начала развиваться *велико-сербская идея*, — то же объединение всех южных славян, но под рукой Сербии. Панславистские идеи сербов, подкрепленные недоразумениями с Венгрией на экономической платформе, повидимому, исключали мирное вхождение Сербии в состав Австро-Венгрии, и отныне, по словам Конрада, «*военная операция* в этом вопросе казалась рано или поздно *неизбежной*». Конрад не придавал особого значения экономической борьбе Сербии с Венгрией и считал, что больше всего затруднений составляла панславистская пропаганда.

Как противовес Сербии на Балканах, развивалась *Болгария*. Хотя и связанная военной конвенцией с Россией с 1902 года, Болгария, однако, за последние годы выходила из орбиты ее влияния, вследствие чего усиливалась позиция Австро-Венгрии. Некоторым препятствием являлись натянутые отношения Болгарии с Румынией.

Турция, вследствие внутренней слабости, была отвлечена реформами в Македонии, равно как и *Греция* была прикована теми же македонскими событиями, идя, однако, в них рука-об-руку с Румынией.

Так складывались отношения монархии Габсбургов к европейским государствам, которых рука Эдуарда VII, по мнению Конрада, втягивала в по-

литику окружения Германии и Австро-Венгрии. Для перехода к открытым действиям тройственному согласию не доставало еще одного звена — *России,* которая залечивала раны русско-японской войны и переживала революционное движение 1905 г. Думать об открытом выступлении на полях Европы Россия пока не могла, но она уже определенно повернулась лицом на запад и приступила к восстановлению своей военной мощи. Близилось время, когда русские армии могли поддержать западную политику царизма, а с ней и политику окружения серединных государств.

Из остальных европейских государств внимание Конрада останавливали *Швеция и Испания.* В политике этих государств Конрад оказывался мало ориентированным, но учитывал заинтересованность Испании в африканских делах.

Большое значение придавалось начальником генерального штаба *Японии,* которая входила постепенно в орбиту английского влияния и неизвестно было, удалось ли бы ее привлечь на сторону Германии.

Резюмируя политическую ситуацию к началу 1907 года, Конрад так характеризовал основные линии внешней политики Австро-Венгрии: «Углубление союза с Германией и Румынией, недоверие к Италии и оценка ее, как противника, — были ближайшими задачами внешней политики и военной необходимостью. *На первый план мною выдвигалась наша балканская политика,* так как для меня было ясно, что там разовьются события, которые в будущем должны явиться решающими для монархии».

«Здесь, — продолжает Конрад, — внутренняя и внешняя политика соединялись».

По его мнению, с ясностью намечалась политика окружения тройственным согласием серединных государств; поэтому последним оставалось одно: или сдать свои позиции перед этой политикой, или же своевременно подготовиться к отпору, причем в таком случае следовало искать союза или с Россией или с Англией.

Германия и Австро-Венгрия жили изо дня в день, довольствуясь складывавшимися в то время мирными отношениями с соседними государствами. Не имея определенной цели перед глазами и не оценивая надвигающейся опасности, серединные государства, по мнению начальника генерального штаба, сидели на вулкане.

Нужно было не дать времени враждебной коалиции закончить свою работу, а для этого *следовало по очереди нанести свои удары не готовым еще противникам.* Такова была программа внешней политики, которую набросала для Австро-Венгрии горячая голова нового начальника штаба.

В то время, как она кристаллизовалась в мозгу у Конрада, министр иностранных дел Эренталь также готовил новый поход на Балканы, сохраняя его пока в тайне от генерального штаба.

6 апреля 1907 года начальник генерального штаба представляет непосредственно Францу-Иосифу мемуар, в котором предлагает весной этого же года объявить войну Италии.

Очертив в мемуаре тяжелое внутреннее состояние монархии и весь вред, приносимый им армии, Конрад указывает, что *неурядица внутри отражается и на внешнем положении,* ухудшая его. Россия пока не боеспособна, Сербия находится в конфликте с Болгарией, Германия — в союзе

и желает усиления австро-венгерской армии, Франция или Англия едва ли вмешаются, Черногория или останется нейтральной, или будет действовать с Италией. «Таким образом, — говорит Конрад, — остается Италия, которая вооружается и явно стремится использовать затруднительное внутреннее положение монархии. Необходимо это предупредить превентивной войной. Быстрая и неожиданная мобилизация армии монархии будет способствовать достижению успеха».

Такая превентивная война с Италией желательна и с военной стороны, так как пока армия монархии, по своему вооружению и готовности, стоит выше итальянской, а поэтому необходимо не упустить время. Предлагая ряд мер по поднятию боеготовности австро-венгерской армии и подготовки ее к войне, начальник генерального штаба заканчивал свой доклад указанием на ту тесную связь между военным положением и внутренней и внешней политикой, которая особенно необходима в данный момент.

Предложение начальника генерального штаба встретило отпор со стороны Эренталя и самого Франца-Иосифа.

8 мая 1907 года Эренталь сообщает Конраду, что в Берлин, после четырехлетнего перерыва, поступило неожиданное предложение начальника итальянского генерального штаба о возобновлении работ по переброске итальянских войск на западный фронт Германии. Последняя разработка такой переброски войск Вены и Рима, произведенная по соглашению с Берлином, относилась к 1903 году. Находя желательным принять участие в работах, Эренталь считал необходимым связать это с разрешением политических вопросов, так как в противном случае работа не имела бы никакого практического значения.

В своем ответе Эренталю от 13 мая 1907 года Конрад указывал, что предложение Италии только подтверждает его предположения о военной слабости Италии, и его следует рассматривать, как попытку выиграть время для окончания своей подготовки к войне, а заодно и ознакомиться с состоянием железных дорог монархии. Начальник генерального штаба оставался на точке зрения своего апрельского мемуара: или превентивная война, или же тайная и упорная подготовка к войне с Италией и развитие вооруженных сил монархии.

Для большей убедительности Конрад сопровождал свои письменные доклады диаграммами и таблицами, составленными в оперативном и разведывательном бюро и показывавшими сравнительное соотношение сил монархии и других государств. Эти приложения должны были, по мнению Конрада, ясно начертать пути внешней политики, так как «каждая внешняя политика, которая не считается с реальной силой, есть не что иное, как воздвигнутое на песке здание и в конце концов ведет к неудаче».

Это первое самостоятельное выступление Конрада на политическом поприще потерпело неудачу, но она не заставила нового начальника генерального штаба изменить свои взгляды. До средины ноября того года Конрад остается убежденным проповедником превентивной войны с Италией, рассчитывая один на один посчитаться с этим будущим врагом. В письменном докладе от 4 сентября Конрад подчеркивал, что лояльно в отношении Австро-Венгрии лишь правительство Рима, но не страна, в которой берет верх партия итальянского объединения.

На этом пока оборвем наше знакомство со взглядами и первыми шагами начальника генерального штаба на политическом фронте, а обратимся к другому событию, которое имело впоследствии значение в работе Конрада.

Летом 1907 года Конрад установил непосредственную связь с германским генеральным штабом, а через него — с самим Вильгельмом.

Получив от Вильгельма приглашение прибыть в Берлин, где хотели поближе познакомиться с новым начальником генерального штаба союзной монархии, Конрад, с разрешения Франца-Иосифа и с согласия Эренталя, 27 мая выехал из Вены.

28 мая произошла первая встреча обоих союзных начальников штабов на квартире у Мольтке (младшего). Конрад в своих воспоминаниях кратко обрисовывает своего коллегу. Он указывает, что благодаря спокойному, открытому и вполне ясному суждению Мольтке по политическим и военным вопросам установились самые хорошие отношения между ним и Конрадом. Когда последний поделился с начальником германского генерального штаба всеми теми внутренними переживаниями, какие пришлось ему испытать при назначении на должность, Мольтке, в свою очередь, так же чистосердечно рассказал, что и его при назначении обуревали сомнения, особенно в виду того, что назначение связывается с именем его знаменитого дяди. «Уверены ли вы, ваше величество, — спросил Мольтке Вильгельма, — что вторично выиграете в лотерее?!!» Однако, он был назначен.

В виду того, что с Мольтке придется неоднократно встречаться на страницах нашего труда, мы позволим себе остановить внимание на его личности.

Несмотря на то, что Мольтке связал со своим именем первую, но решительную неудачу германского оружия и, таким образом, не может быть причислен к сонму «великих полководцев», его личность подверглась во всех странах, и прежде всего в Германии, тщательной и всесторонней оценке. Правда, этому обстоятельству способствовала именно катастрофа на Марне, столь неожиданная не только для серединных государств, но даже для победителей. Современная военная литература полна описаниями личности этого незадачливого германского полководца. Многие близкие Мольтке, сталкивавшиеся случайно с ним, и даже врачи, пользовавшие его на курорте — все внесли свою лепту в закрепление для истории трагического облика начальника германского генерального штаба.

Участник — в молодых годах, в роли строевого офицера — кампании 1870—1871 гг., Мольтке, по окончании академии, провел свою службу или состоя для поручений при старике Мольтке, или командуя гвардейскими частями. Близкий к Вильгельму, молодой Мольтке не раз командировался им в Россию как представитель германского императора на различных торжествах.

Назначенный в 1905 году заместителем к Шлиффену, Мольтке впервые погрузился в ответственную и не особенно ему знакомую работу генерального штаба.

Чувствуя превосходство своего начальника, видя, как он тяжело переносит надвигающуюся отставку, Мольтке сам с большими колебаниями принимал новое назначение, о чем мы только-что слышали из уст Конрада.

Поставив Вильгельму условие не вмешиваться в руководство большими маневрами, Мольтке согласился занять должность начальника генерального штаба.

Обладая умом и даже характером, Мольтке весь отдался делу, стремясь подготовить себя к высокому назначению, к современному управлению войсками. Надо, однако, признать, что основные принципы военного дела и сущность различия между теорией и действительностью не были продуманы Мольтке.

Обративший большое внимание на подготовку войск, на работу генерального штаба, Мольтке-племянник, однако, не был тем вождем, которых история заносит в списки полководцев. В нем не было уверенности в своих силах, не было веры в свою звезду, и этого не могли восполнить ни то чувство долга, ни то напряжение воли, которые все же выявлялись Мольтке в работе. Такому человеку нужен был интимный круг советников, который подкрепил бы начальника генерального штаба.

В душе самого Мольтке, мистика, склонного к пессимизму вообще, с подорванным состоянием здоровья, в возрасте уже 66 лет не раз поднималось и даже прерывалось наружу сомнение в своей пригодности должности начальника штаба, ибо он чувствовал, что он, по выражению писателя Лескова, «рода знаменитого, а таланта неважного». Если Наполеон решения «рожал», что называется «походя», то для Мольтке роды были чрезвычайно тяжелыми, предвещавшими появление на свет или болезненного существа или же просто выкидыша.

Однако, нужно отметить, что как среди генерального штаба, так и в армии «племянник» знаменитого «дяди» пользовался большим уважением и доверием. Традиция была сильна, и весь вопрос был в том: будет ли счастливой лотерея, о которой говорил Конраду сам Мольтке.

На протяжении нашего труда мы познакомимся со взглядами начальника германского генерального штаба, с его шагами, когда надвигались уже дни войны; перед нами пройдут его тяжелые переживания и даже слезы... Иными словами, облик Мольтке вырисуется более или менее отчетливо, а потому мы спешим вернуться к новым друзьям, ведущим оживленную беседу.

Обсуждая военные вопросы, оба начальника штаба коснулись современной политической ситуации, причем выяснилось единство их взглядов на грядущую опасность вооруженного столкновения и необходимость самого тесного и безотказного союза обеих центральных империй. Только в оценке Италии Мольтке не сошелся с начальником австрийского штаба, указывая, что последний видит взаимоотношения с этим государством в черном цвете, тогда как Италия едва ли решится отпасть от союза.

Большое беспокойство у Мольтке вызывало внутреннее состояние монархии Габсбургов. Он опасался, что со вступлением на престол Франца-Фердинанда монархия будет опрокинута славянским движением. Конрад защищал Франца-Фердинанда.

После присутствия на маневрах, на полигоне при испытании новых образцов полевых пушек и гаубиц, на параде и различных торжественных завтраках, во время которых Конрад познакомился с Вильгельмом и генералами союзной армии он вернулся домой, довольный быстро установив-

шимися отношениями с Мольтке, полными взаимного доверия. Такова была завязка «романа» двух начальников генеральных штабов, не подозревавших о приближении испытания их верности.

По возвращении в Вену начальник штаба занялся своими обычными делами.

На внешне-политическом фронте все было как будто спокойно.

18 ноября 1907 года Конрад был неожиданно приглашен к Эренталю. Разговор начался с Италии, враждебность которой, вследствие перекрещивания интересов в Адриатическом море, на Балканах, в Триесте и на побережье, начальник штаба снова пытался доказать министру.

Затем собеседники перешли к общему политическому положению, причем Эренталь высказал мнение, что так как Россия быстро поправляется, то на очередь становится вопрос о западных Балканах и весьма вероятно — о проливах (из Черного моря в Средиземное).

Со стороны Конрада было высказано пожелание мирным путем уладить эти вопросы, так как *воевать на три фронта* (против России, Италии и Балкан) *Австрия не может.*

Эренталь, со своей стороны, полагал успеть в мирном разрешении вопроса с Россией, хотя бы это затронуло торговые интересы Германии. Обмен мнений беседующих привел к заключению, что Германия едва ли выступит против России, так как в таком случае она может ожидать объявления войны Францией. Для России вопрос о проливах осложняется возможным препятствием со стороны Турции и балканских государств. К этому Конрад добавил, что возможно ожидать и выступления Англии.

Резюмируя свой разговор, оба собеседника пришли к выводам, что нужно рассчитывать: 1) на *соглашение с Россией;* 2) на спокойную позицию Германии; 3) на *вероятность конфликта с Италией* и 4) на враждебную позицию Англии, хотя в настоящее время с ней существуют наилучшие отношения.

Основные линии для работы начальника генерального штаба — подготовка к войне с Италией, — не исключая, конечно, других вариантов, — и учет того, что Италия постарается сначала связать армии монархии на Балканах, чтобы отвлечь их от главного театра войны.

В дальнейшем разговор перешел на положение в Боснии и Герцеговине, причем Конрад сообщил о неспокойном внутреннем состоянии в этих провинциях; о том, что политика министра финансов Бурьяна слаба; что им, Конрадом, возбужден вопрос перед Францем-Иосифом о передаче всей власти в военные руки; что всякие революционные попытки должны быть подавлены решительно, дабы не отвлекать войска на охрану порядка в провинциях в случае войны с Италией.

Эренталь согласился, что политика Бурьяна отличается слабостью, что он через голову его, Эренталя, и военного министра решает дела у Франца-Иосифа, и что вся эта внутренняя завируха в оккупированных провинциях может только повредить всей внешней политике.

На следующий день, 19 ноября, Конрад обратился с письмом к Эренталю по поводу бывшего вечером разговора. Нужно отметить, что начальником генерального штаба признавалось необходимым фиксировать на бумаге его разговоры с Эренталем, повидимому, с целью иметь документ на случай всегда могущих возникнуть недоразумений.

В письме, исходя из «стратегических» требований возможно меньшего отвлечения войск от итальянского (главного) театра войны, Конрад снова указывал на необходимость установления твердого порядка в Боснии и Герцеговине, причем «главным препятствием к этому, — по его мнению, — является Берлинский трактат». «Только после аннексии этих провинций можно иметь свободные руки», — писал начальник генерального штаба. «Эта аннексия является, таким образом, необходимостью», — продолжал он. С какими трудностями она сопряжена, Конраду неизвестно, но было бы хорошо, если за открытие проливов удалось бы получить согласие России на аннексию Боснии и Герцеговины. В таком случае, «Германия едва ли бы выступила против, связанная к тому же Францией; с Италией и Сербией можно рассчитаться оружием; Черногорию успокоить деньгами; Болгарию и Румынию удержать нейтральными; опасной кажется Англия, как морская держава, могущая грозить высадками войск».

Так планировал будущую обстановку начальник генерального штаба, причем сейчас же считал необходимым добавить: «Прошу не думать, что я присваиваю себе право вмешиваться в руководство политикой, но, при той внутренней связи, которая существует между лежащими на мне обязанностями по подготовке к войне и политикой, считаю необходимым высказать свой взгляд. Я позволяю себе в этом случае обратить внимание на письмо, посланное мною Вам год тому назад при назначении меня начальником генерального штаба, в котором я касающиеся монархии вопросы поднимал подобным же образом».

«Политика, — писал далее Конрад, — вторгается не только в вопросы сосредоточения, стратегического развертывания армии, но так же глубоко и в отдельные вопросы внутренней организации армии и боевой ее готовности».

«Я не разделяю точки зрения, — заканчивал начальник генерального штаба свое письмо, — что армия — строго замкнутый, в самом себе развивающийся организм, который только в минуту надобности, в последний момент, призывается, и поэтому очень благодарен, что Вы, обходя этот принцип, пригласили меня к живому и непосредственному обмену мнений».

Таков пролог первой драмы на Балканах. Мы говорим «пролог», ибо последующее выступление не было согласовано даже с Германией, не говоря уже о других государствах. Сдержанный Эренталь был верен себе, и только 1 декабря состоялся совет министров, на котором им была выдвинута необходимость аннексии Боснии и Герцеговины. Совет решил пойти на это предложение, если к тому сложится благоприятная обстановка.

О состоявшемся заседании совета Конрад был уведомлен Эренталем лишь 17 декабря.

Еще не зная о решении совета, 16 декабря начальник генерального штаба представил Францу-Иосифу, в письменном виде, свои *соображения о необходимых мероприятиях при аннексии провинций.*

В них, намечая военные мероприятия, Конрад высказывал и свои взгляды на направление внешней политики. Здесь он выдвигал необходимость предварительных переговоров с Россией, Германией, Румынией, Болгарией и Францией, а затем уже объявление аннексии, которая, возможно,

вызовет вооруженное столкновение с Италией. Хотя это предложение о превентивной войне с этим государством и было отклонено, благодаря чему упущена благоприятная военная обстановка, но в данное время еще не так плохо она складывается, чтобы нельзя было рассчитывать на военный успех.

17 декабря состоялось свидание начальника генерального штаба с Эренталем, которое было затем фиксировано Конрадом двумя письмами от 18 декабря. Обсуждая переговоры с Россией о проливах, Конрад находил необходимым *удержать Германию* от выступления против России, ибо в противном случае Австрии пришлось бы быть втянутой в войну. Эренталь полагал возможным лавировать между обеими сторонами, как в Крымскую войну.

На этот раз Эренталь был уже более откровенен. Целями балканской своей политики он намечал *аннексию Боснии и Герцеговины и присоединение Сербии*, за исключением болгарской части, которая должна отойти к Болгарии. Что же касается Санджакской железной дороги через Митровицу, то Эренталь считал возможным, с согласия Турции, занятие Санджака, что не нарушило бы и Берлинского трактата.

Начальник генерального штаба высказался решительнее и находил, что *балканская политика должна быть поставлена во весь рост* и решена *аннексией Боснии, Герцеговины и Сербии*. «Если мы займем войсками Ниш и будем там господами, — писал Конрад, — то наше влияние в северо-западной части Балкан и на остальном полуострове будет хорошо обеспечено».

Что касается занятия Санджака, то уже в 1878 — 79 гг. это казалось Конраду довольно «наивной» военной мерой, ведущей якобы к разделению Черногории и Сербии. На этом он оставался и ныне.

15 января 1908 года начальник генерального штаба представил годичный мемуар на 1908 год, в котором изложил свои взгляды на политическое положение, вытекающие из него варианты по плану войны и все те мероприятия, кои необходимо провести для усиления обороноспособности страны и для приведения армии в боевую готовность. Конрад говорит, что высказанные им в мемуаре взгляды являлись отправными до конца аннексионного кризиса, почему считаем нужным ознакомиться с ними более подробно.

«Организация и боевая готовность вооруженных сил, равно как оперативная и иная подготовка к войне, едва ли в каком-либо другом государстве находятся в такой тесной связи с внешней и внутренней политикой, как в монархии», [1] — так начинает свой мемуар начальник генерального штаба.

Указав на Испанию, Францию, Россию и Германию, которые имеют вполне определенные и ограниченного размера театры военных действий, Конрад говорит, что Австрия находится совершенно в ином положении как по протяжению своих угрожаемых сухопутных границ, так и по разнообразному характеру местности на будущих театрах военных действий.

[1] Под монархией Конрад подразумевает Австро-Венгерскую империю.

Б. Ш.

Все это отражается на подготовке к войне, которая не может быть импровизирована, а должна явиться работой нескольких лет.

«Организация, дислокация и подготовка к войне, — продолжает Конрад, — которые отвечали бы всем возможным будущим столкновениям, не могут быть осуществлены, так как они потребовали бы таких средств, которые превосходили бы силы монархии».

«В этих отношениях и необходимо, прежде всего, учитывать и подготовить тот вариант будущего столкновения, который считается наиболее вероятным по времени».

«В силу изложенного, для разрешения военных вопросов нужно всегда учитывать внешнюю политику, и потому должно быть отброшено ошибочное мнение, что вооруженные силы могут быть отделены от политики, быть самостоятельным организмом, точно так же, как и внутренняя политика проникает не в меньшей мере в организацию, численность, боевую готовность, подготовку и дух армии, равно как и в конкретную военную подготовку».

Остановившись затем на влиянии внутренней политики на конкретную военную подготовку, Конрад говорит: «для конкретной военной подготовки не безразлично, возможно ли все силы бросить на внешнего врага или часть их обратить для поддержания внутреннего порядка».

«Поэтому внутренняя политика должна быть направлена к сосредоточению всех средств для развития армии; необходимо озаботиться тем, чтобы в случае внешнего конфликта вооруженные силы полностью могли быть брошены на фронт; с другой стороны, внешняя политика должна всегда определять наиболее вероятный случай войны и позаботиться, чтобы все вооруженные силы обратились против одного из противников».

Основываясь на вышеизложенном глубоком внедрении политики в развитие и устройство армии и, особенно, в конкретную военную подготовку, начальник генерального штаба считал своей обязанностью принять в расчет политическую обстановку, высказав свои взгляды на нее в представляемом мемуаре.

Обращаясь к рассмотрению современной общей политической обстановки, Конрад говорит: «Каждое политическое соображение при современном положении вещей должно начинаться с рассмотрения роли, которую будут играть восточно-азиатские народы (Китай и Япония) в политической жизни». Эту особенную роль Конрад усматривает в увеличивающейся численности их населения, в интеллигенции, рабочей силе и военных качествах населения этих государств. Однако, влияние их могущества на политику Европы — еще дело будущего, но в современных условиях, с проникновением в эти страны продукции европейской индустрии и развитием торговли, начинается конкуренция европейских держав. Это столкновение торговых интересов европейских государств грозит военными конфликтами.

Для *Австро-Венгрии*, по мнению начальника генерального штаба, не заинтересованной в дальневосточной политике, в настоящее время *необходимо обеспечить* за собой те области, которые географически лежат близ нее и естественно к ней тяготеют, — это *Адриатическое море, Балканский полуостров, восточное побережье Средиземного моря, часть Северной Африки, передняя Азия* (Левант).

Вот те основные линии политики, которые должны быть приняты и из которых выясняются пути для развития вооруженных сил монархии.

Из указанных целей политики боевыми целями являются Балканы и отношения с Италией. На Балканах начальник генерального штаба решительно отвергает политику status quo, так как, вообще, не признает застоя в историческом развитии.

«Только агрессивная политика с положительными целями, — философствует Конрад, — может преодолеть препятствия и достичь успеха».

«Кто не имеет мужества обратиться к такой политике, тот должен сходить на-нет. Такую агрессивную политику должна вести монархия, а равно и соответствующую ей военную подготовку. Только при такой политике можно дать целесообразное направление военной подготовке».

«Конкретно на Балканах монархия должна аннексировать оккупированные области и включить в состав монархии Сербию с Нишем включительно».

«Самостоятельная Сербия является постоянным очагом, — заявляет начальник генерального штаба, — для различных подвохов и махинаций, которые направлены к отделению всех юго-славянских областей». Такое отпадение юго-славянских областей ослабило бы «великую» державу, а затем грозило бы отрезать ее от моря. Кроме того, разгром Сербии решил бы вопрос с Санджакской железной дорогой. Утверждение монархии на побережьи Адриатического моря создает тот базис, с которого может быть развита агрессивная политика — развитие морского военного флота и морской торговли.

«Естественно, — продолжает Конрад, — что распространение монархии на Балканах и развитие военного флота должно встретить сопротивление других государств и прежде всего — Италии».

В дальнейшем Конрад обращается к подробному рассмотрению позиции Италии. Попав на свой конек, Конрад доказывает необходимость не отставать в вооружениях от Италии и посчитаться с ней оружием, чему, пока что, группировка держав благоприятствует, и лишь возможность вооруженного конфликта на Балканах немного этому вредит. Возможно, что Италия постарается втянуть монархию в вооруженное столкновение на Балканах, чтобы затем обрушиться на нее. В таком случае, казалось бы, было целесообразнее *сначала рассчитаться с Италией,* дабы иметь свободные руки для Балкан. *Подготовку войны с Италией Конрад считает своей ближайшей задачей, придавая Балканам второстепенное значение.*

Рассматривая осуществление аннексии на Балканах и присоединение Сербии, Конрад считает, что на пути к этому встанут Италия и Сербия. Россия должна быть заинтересована проливами; можно также усложнить ее положение в Финляндии. Германия — на стороне монархии, Румыния — нейтральна, Турция будет удержана Болгарией, Греция пока не заслуживает внимания, Черногорию следует купить, Франция уравновесится Германией. Таким образом, обстановка складывается благоприятно для войны с Италией, а возможно — и с Сербией и Черногорией.

Снова указав на необходимость укрепления внутреннего порядка в Боснии и Герцеговине, начальник генерального штаба переходит к обсуждению других, возможных в будущем, вариантов вооруженных столкновений.

К таковым нужно отнести возможный конфликт Германии с Россией

из-за Багдадской железной дороги, в которой Австрия, собственно говоря, мало заинтересована, но должна будет выступить, как союзник, на стороне Германии. Италию можно считать или в составе тройственного союза, или, что вероятнее всего, она окажется нейтральной.

Затем необходимо предусмотреть возможность вооруженного столкновения союзников (Германии и Австрии) с враждебным ей европейским союзом.

Внимание Конрада приковано развивающимися противоречиями между Болгарией и Турцией, каковые могут в непродолжительном времени повести к вооруженному конфликту между ними, который, в свою очередь, поставит на разрешение весь балканский вопрос в целом. Этот конфликт должен застать монархию вполне готовой, и было бы в высшей степени желательно, если бы до его наступления удалось рассчитаться оружием с Италией.

В результате обсуждения внешнего политического положения Конрад находит необходимым иметь следующие варианты конкретной военной подготовки:

1. В деталях разработать предположения на случай войны: а) с Италией при учете враждебной позиции Сербии и Черногории; б) с одной Сербией.

2. В основном проработать соображения на случай войны против России на стороне Германии; детальные работы требуют около 4 недель, в течение которых необходима ориентировка со стороны дипломатии.

3. Произвести подсчеты на случай войны против Германии будущей Антанты.

4. Озаботиться соображениями на случай восстания в оккупированных провинциях.

На этом мы кончаем знакомство с мемуаром начальника генерального штаба на 1908 год, в котором он высказал свои основные соображения о внешней политике монархии.

Не вдаваясь в детальный разбор мемуара, мы должны, однако, отметить, что выслушали откровенные думы венского милитариста, звавшего монархию с оружием в руках отхватить то, что близко лежит, пока «высокие державы» будут делить более дальние континенты.

Обращают на себя внимание предложения Конрада — в условиях общей политической ситуации 1908 года ограничить войну определенными державами, иными словами — локализовать ее.

По приказанию Франца-Иосифа, мемуар был послан Эренталю и военному министру Шонайху.

Излив свою душу, Конрад в дальнейшем стал работать над проведением отдельных вопросов, намеченных мемуаром, входя с письменными докладами к Францу-Иосифу или же сообщая свои взгляды и предположения военному министру и Эренталю, а равно ориентируя их в тех опасностях внутреннего положения, которые с каждым днем нарастали в Боснии.

Между тем, министр иностранных дел начал подготовительные переговоры по осуществлению намеченных шагов на Балканах и, прежде всего, старался договориться с Германией, заручившись ее согласием.

Мы уже слышали, что на заседаниях австро-венгерских делегаций

Эренталь открыто указал на необходимость усиления экономической и торговой политики на Балканах, равно как выдвинул на передний план вопрос о железных дорогах в Санджаке.

В конце марта в Вену приехал германский канцлер Бюлов, с которым и были установлены общие линии внешней политики на Балканах союзных государств.

29 марта 1908 года начальник генерального штаба имел беседу с Бюловым по вопросам внешней политики. Бюлов полагал, что Россия начнет снова проводить свою «проли́вную» политику. Конрад указал на возможное сопротивление ей в этом Англии. Судя же по тому,— говорил Конрад,— что в первую очередь Россия восстанавливает армию, а не флот, нужно думать, что Россия готовится к боям на суше. Бюлов заметил, что и Франция не поддержит Россию в вопросе о проливах.

Позиция России в аннексионном вопросе начала интересовать как начальника генерального штаба, так и Эренталя. В беседе обоих 2 апреля политика России подверглась всестороннему обсуждению. Конрад указал, что поворот ее на запад — вне сомнения, и нужно вскоре считаться с возникновением Антанты, а пока об этом приходится говорить лишь частично. За исключением дивизии, оставленной на Кавказе, вся остальная русская армия будет сосредоточена на западных границах. В данное время война с Россией едва ли вероятна, но в будущем с ней придется считаться. В таком случае группировка держав будет такова: Австрия, Германия, Турция и, вероятно, Румыния — с одной стороны; Россия, Сербия, предположительно Болгария и затем Франция — с другой; Италия под сомнением, но все говорит за то, что она выступит против срединных держав, а потому не следовало отклонять предложения поколотить ее в 1907 году. Во всяком случае, начальник генерального штаба находил необходимым теперь же, если только возможна европейская война, войти в переговоры с Мольтке для выяснения вопросов по плану войны.

Эренталь обрисовал политику России как раздвояющуюся: придворная партия стремится к образованию союза трех императоров (Австрия, Россия и Германия), либеральная же партия толкает на агрессивную политику против Германии, Австрии и Турции. Первая усиливает флот, вторая сухопутные силы. Министр иностранных дел Извольский склоняется к либеральной партии. Весь вопрос в том, какая партия возьмет верх. Однако, в виду того, что вероятно вхождение России в указанную выше императорскую Антанту, преждевременно начинать разговоры с Мольтке.

Когда разговор коснулся больного места Конрада — Италии, Эренталь снова указал, что Италия, отвлеченная сейчас Триполи, не будет особенно вредить австрийским интересам в Албании и, вообще, боится Австро-Венгрии. На такую аргументацию министра начальник генерального штаба возразил, что такой страх действителен до поры до времени, а именно — пока Австрия не будет связана Балканами.

В общем, Эренталь признал политическое положение удовлетворительным: Россия будет отвлечена, и тогда сохранение status quo на Балканах может продолжаться до тех пор, пока этого захочет Австро-Венгрия.

Как ни были основательны доводы Эренталя о возможности достигнуть соглашения с Россией по вопросу об аннексии, однако начальник генераль-

ного штаба счел нужным к вероятным противникам наряду с Италией присоединить и Россию. 17 апреля Конрад представляет два доклада, из которых один — чисто оперативный по плану войны с Россией и Италией. В другом докладе он намечает возможные группировки государств в случае кризиса. Если Россия и Италия останутся нейтральными, — тогда должен быть предпринят внезапный и решительный удар против Сербии, самое меньшее — с занятием Белграда. При совместном же выступлении России и Италии нужно учитывать группировку государств в европейском масштабе, приняв во внимание Германию и Францию. Приводя ряд мер военного характера, кои нужно принять, начальник генерального штаба, вместе с тем, просил дать указания министру иностранных дел, чтобы тот: 1) продолжал ориентировать начальника штаба в политической обстановке и 2) особо снабдил начальника штаба данными о вероятности войны Австрии на стороне Германии при ее столкновении с Россией и Италией. В последнем случае Конрад считал необходимым теперь же, с соблюдением строгой тайны, начать более деловую связь по плану войны с начальником германского генерального штаба.

22 апреля Конрад получил нужную ориентировку при свидании с Эренталем. Министр иностранных дел указал, что еще не пришло время ставить в целом балканский вопрос. Одновременно им было отмечено нежелательное инспирирование со стороны Франца-Фердинанда прессы, ведущее к плохим последствиям для монархии.

Что касается возможного вмешательства России и Италии, то Эренталь считал для первой это невозможным из-за отсутствия денег; за второй же следовало, по его мнению, наблюдать. Если в 1907 году не пошли на превентивную войну с Италией, то исключительно из-за нежелания венгров и финансовых затруднений.

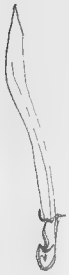
На предложение начальника генерального штаба теперь же начать переговоры с Мольтке по плану войны, прерванные с средины 80-х годов прошлого столетия, Эренталь ответил, что до осени в этом нужды нет.

1 мая, не ставя Конрада в известность, министр иностранных дел уже вошел в сношение с Петербургом, предложив обсудить, для установления единства взглядов, три вопроса: 1) о балканских железных дорогах; 2) о соглашении 1897 года и 3) о реформах в Македонии.

Начинались уже предварительные шаги по осуществлению намеченной аннексии, которая, по мысли Эренталя, должна была совершиться осенью.

Как вытекает из сказанного выше, Эренталь был уверен, что получит на это от России согласие путем дипломатических переговоров.

Имея большие связи в Петербурге, Эренталь был хорошо ориентирован в положении России. В своих воспоминаниях Витте приводит об этом довольно любопытные данные. Источником ориентировки Эренталя в слабости России Витте называет государственного контролера Шванебаха, который, с согласия председателя совета министров, составил особую записку о положении России и передал ее Эренталю с просьбой доставить Вильгельму, что Эренталем и было выполнено. Для австрийского министра было пока неясно, как будет вести себя новый министр иностранных дел России Извольский, который пытался вернуть Россию в лоно политической жизни Европы.



Мы знаем уже из первой книги нашего труда о том двойственном положении, в котором был начальник генерального штаба, подчиненный непосредственно верховной власти и в то же время являющийся вспомогательным органом военного министра. Дабы выяснить свою позицию в отношениях, с одной стороны, с министром иностранных дел, а с другой — с военным министром, при устном докладе Францу-Иосифу 9 мая, Конрад испросил разрешение по всем политическим вопросам, которые связаны с конкретной разработкой плана войны, сноситься письменно или устно непосредственно с министром иностранных дел.

Пока Эренталь завязывал переговоры с Петербургом и Римом о своей балканской политике, Конрад получил также поручение дипломатического характера.

В середине июня начальник штаба, отправившись на полевую поездку на границу с Румынией, по приказанию Франца-Иосифа и с ведома Эренталя, посетил в Синаи румынского короля Карла и имел с ним беседу по политическим вопросам.

Эта первая поездка Конрада в Румынию имела целью позондировать политические линии Румынии. Беседа началась, для приличия, с вопросов произведенной полевой поездки, ее методов и т. д., а затем перешла в область политики. Уклонившись от оценки англо-русского сближения, начальник генерального штаба выслушал мнение Карла, что проект македонских реформ не вызывает у него к себе доверия, что его озабочивает агрессивность Болгарии, а потому он считает желательным заключение союза с Сербией, которая прикрывала бы румынский фланг против Болгарии. Такой образ мыслей не был приятен Конраду и он начал доказывать всю злокозненность политики Сербии против Австрии. На справедливое указание Карла, что такая политика может измениться, если будет пересмотрена торговая политика Австрии в отношении Сербии, Конрад ответил, что едва ли можно ожидать от государства исполнения торгового договора, если оно не лояльно в политике.

Высказав мнение, что в настоящее время трудно предвидеть, на какой стороне окажется Сербия в случае войны с Россией — на стороне ли России и Болгарии или же, наоборот, против них, Карл указал, что Россия долгое время не сможет вести европейской войны, не склонна к этому и сама войны не начнет. В Вене переоценивают боевую готовность русской армии.

Разговор затем коснулся выяснения позиции Англии в отношении России и Германии, причем Карл указал на развивающуюся промышленность и торговую конкуренцию между Англией и Германией. Оба собеседника пришли к утешительному выводу, что Германии, имеющей первоклассную армию, нечего бояться.

Санджакская железная дорога также остановила внимание Карла, указавшего на большое возбуждение в России и Франции, вызванное проектом этой дороги, на что Конрад, сославшись на свой разговор с русским военным агентом, передал своему собеседнику, что дорога предположена узкой колеи с чисто коммерческими интересами.

Карл сообщил, что он давно заинтересован проектом железной дороги от Адриатического моря через Сербию и Румынию и уже вошел в переговоры с сербами о постройке моста через Дунай.

Помимо чисто теоретических военных вопросов из опыта русско-японской войны, беседа затронула и актуальный вопрос о железных дорогах из Молдавии в Буковину, важных для переброски румынских войск в случае войны с Россией.

29 июня начальник генерального штаба, по возвращении в Вену, счел необходимым лично посвятить Эренталя в свои дипломатические переговоры в Румынии, а вместе с тем и высказать свои суждения о складывающейся политической ситуации, подкрепленные затем письмом 2 июля.

Мы не будем приводить отдельно разговора и письма, а сведем их вместе.

Мысли Конрада о вероломстве Италии были признаны Эренталем мрачными, с чем, однако, не мог согласиться начальник штаба.

Указав, что его ориентировка базируется на нескольких источниках, Конрад подчеркнул, что он был бы удовлетворен, если бы ошибся в своих предположениях. Имевший место провал агента и раскрытие сношений его с офицером австрийской службы Конрад объясняет несчастьем, которое, однако, не заставит его ограничивать разведку против Италии, с таким трудом им налаженную. Попутно начальником генерального штаба было высказано несколько мыслей о разведывательной службе, о чем поговорим ниже. Италия, — указывал Конрад, — вооружается, и необходимо во что бы то ни стало развивать собственные вооруженные силы, инициатива в чем должна последовать от правительства.

Указав в письме к Эренталю, что революционной вспышки в России можно ждать только на Кавказе, а в центральной России наступает спокойствие, начальник генерального штаба не разделял мнения румынского короля о продолжительной небоеспособности русской армии, а потому находил необходимым следить за ее развитием.

По черногорскому вопросу Конрад полагает, что купить Черногорию можно дешевле, чем будет стоить война с ней.

Сообщая о своем частном разговоре с начальником болгарского генерального штаба по поводу отсутствия у болгар притязаний на Ниш, Конрад высказывается против мнения Эренталя, что занятие Ниша не по силам монархии, и находит это вполне выполнимым, как он уже намечал в своем мемуаре за 1907 год.

Снова начальник генерального штаба считает нужным поднять вопрос о совместной работе с германским генеральным штабом по плану войны против Антанты и возражает против откладывания этого до осени. На замечание Эренталя, что Бек (бывший начальником штаба до Конрада) находил выгоды в зимней кампании против России, так как болота сделаются более доступными, Конрад ответил, что он считает эти выгоды проблематичными и что на них нельзя строить плана войны.

Возвращаясь к инспирированию кем-то венской прессы в военных вопросах, Конрад считает необходимым заверить, что «генеральный штаб далеко стоит от всех таких публикаций», и что им, Конрадом, «снова отдано распоряжение воздержаться от участия в газетах». «Что же лежит вне моих прав, — пишет он, — за то я не могу нести никакой ответственности».

«Если я изложил все указанные выше вопросы, — заканчивал письмо

начальник генерального штаба, — то прошу вас видеть в этом лишь то, что, склонный по своей натуре высказывать открыто свои суждения, я считал необходимым выполнить это и в настоящее время. В важнейших вопросах я враг какого-либо замалчивания и считаю обязанностью своей службы во всех военно-политических вопросах обмениваться с вами мнением».

Эренталю некогда было отвечать на письмо начальника штаба, ибо у него на столе лежал более важный документ: ответ Извольского из Петербурга.

Русский министр по пунктам излагал точку зрения Петербурга на запрос Эренталя.

1) По вопросу о железных дорогах Извольский писал, что «Австро-Венгерское правительство в праве искать на Балканском полуострове концессию, полезную для развития его экономических интересов, так же, как в праве это сделать другие державы, и в первую очередь — балканские, в поисках на полуострове подходящих им железнодорожных концессий». Такой ответ мало устраивал Вену, ибо отнюдь не в ее интересах было допускать на Балканы иностранный капитал, а тем более — через балканские государства.

2) «Мы должны прежде всего признать, — высказывался Извольский о договоре 1897 года, — полное сходство во взглядах на необходимость поддерживать существующее status quo так долго, как обстоятельства этого позволят, и установить возможность соглашения между Россией и Австро-Венгрией для устранения случайностей, которые могут обрушиться на Балканский полуостров».

Касаясь вопроса аннексии Боснии и Герцеговины, русский министр считал это дело европейским, которое не может быть разрешено частным соглашением. «Мы готовы признать, что такое же ограничение относится и к вопросам о Константинополе, о прилегающей к нему территории и о проливах». Однако, Извольский намекал, что Петербург не прочь обсудить эти оба вопроса с Веной.

3) В вопросе о реформах в Македонии никаких разногласий нет.

Ознакомившись с этой нотой, Эренталь увидел, что с Россией предстоит путь дипломатических переговоров, а не войны.

С аннексией пока можно было бы и не спешить, но положение в оккупированных областях обострялось, и революционное настроение быстро нарастало. Июль дал толчок к тому, чтобы поставить балканский вопрос на рельсы. В Турции вспыхнул младотурецкий переворот, приведший к смене режима в самой Турции. Оккупированные провинции заволновались еще более и с аннексией Австро-Венгрией этих областей медлить было уже нельзя, так как трудно было бы потом доказать всю необходимость этого при революционном правительстве Турции.

15 июля министр иностранных дел ответил на письмо начальника генерального штаба, препроводив одновременно выписку из циркулярной ноты германского канцлера, сообщенной Эренталю 1 июля.

В письме Эренталь снова указывает, что *нет никаких оснований до осени начинать совместную работу с Мольтке по плану войны*, тем более, что германская дипломатия спокойно оценивает политическое положение. Россия не готова к войне с Германией и боится ее. Наконец, строго

секретно Эренталь сообщил, что за несколько дней до этого письма он вошел в переговоры с Извольским, которые и выяснят, насколько Россия готова итти вместе с Австрией в балканском вопросе; вместе с тем, в виду начатых переговоров с Россией, желательны личные переговоры Эренталя с Конрадом в июле или августе в Вене.

В приложенной к письму выдержке из ноты Бюлова указывалось, что Россия не готова для того, чтобы вести агрессивную политику. Франция, вследствие уменьшения прироста населения, использовала все силы народа для военных целей и не хочет провоцировать войну с Германией. Возбуждение Англии развитием германского флота не носит серьезного характера; поэтому германский флот будет продолжать свое усиление, а в случае, если неприязнь Англии будет принимать конкретные формы, Германия возьмется за оружие. Об Италии Бюлов ничего не говорит. Однако, *германский канцлер озабочен возможностью образования Антанты из Англии, России и Франции*, почему должны быть погашены выступления немецких шовинистов. В Турции Германия преследует лишь экономические цели и в вопросе о македонских реформах пойдет вместе с Австро-Венгрией. В заключении депеша указывала, что немецкий народ может опереться на свои вооруженные силы и против союза с Австрией едва ли кто-либо захочет выступить.

В своем ответе министру 18 июля Конрад указывал, что он обеспокоен недооценкой Эренталем возможности войны Германии с Англией, когда Австрии придется выполнить свои союзнические обязательства и к чему нужно быть готовым. Замалчивание Бюловым позиции Италии убеждает начальника генерального штаба в том, что она выпадет из тройственного союза. Необходимо считаться с войной с Италией, с возможностью вооруженного конфликта на Балканах и с войной с Россией.

28 июля Конрад виделся с Эренталем и сейчас же результаты беседы фиксировал в своем письме к министру иностранных дел, указав на то, что делает это в виду важности затронутых вопросов. Письмо, в большей своей части, касается очищения Санджака от австрийских гарнизонов, против чего Конрад возражал ранее по мотивам морального порядка, а именно — из боязни умалить престиж монархии. Ныне, при твердом решении аннексировать оккупированные области, он не возражает против отвода войск и использует их, как резерв, в Сараеве. Начальник штаба начинает решать сербский вопрос наступлением с занятием района Ниша. За отвод войск из Санджака с Турции следует потребовать признания аннексии и отказа от пропаганды среди мусульманского населения этих областей. Наконец, Конрад просит еще раз обдумать возможность вооруженного выступления России в случае аннексии и выяснить, какова при этом будет позиция Германии. Установление связи с германским штабом им снова считается необходимым. «Я далек от пессимизма, но в то же время я ответственен за то, чтобы, в случае возникновения конфликта, высшее военное управление не оказалось неподготовленным», — заканчивал свое письмо начальник генерального штаба.

Утверждение младотурецкого режима в Турции, благожелательное отношение к нему со стороны Англии и Франции, возможная поддержка Берлином шагов Австрии на Балканах и неготовность России к войне — заста-

вляли Эренталя спешить с проведением аннексии Боснии и Герцеговины. Министр надеялся, — не затевая европейской войны, к которой не склонна была Франция, да и Англия, — договориться с Извольским о Балканах.

Проработав ответ русского министра, Эренталь внес свою программу действий на обсуждение совета министров.

19 августа 1908 года состоялось заседание совета министров, посвященное обсуждению аннексии Боснии и Герцеговины, на котором Эренталь выступил с мемуаром о балканской политике. На заседание был приглашен и Конрад.

Открывая заседание, Эренталь указал, что как другие европейские державы, так и Австро-Венгрия признают младотурецкий переворот.

Вопросами настоящего заседания Эренталь наметил: 1) аннексию Боснии и Герцеговины и 2) очищение Санджака австрийскими войсками.

На поставленные министром-президентом Венгрии вопросы: 1) какова позиция европейских держав по вопросу об аннексии; 2) как мыслится проведение ее и 3) как сложатся отношения к державам после аннексии, — Эренталь ответил, что Германия — за аннексию; Россия будет отвлечена обещанием занять благоприятную позицию в вопросе о проливах; Италия не имеет возражений; Франция отвлечена в Марокко; Англия хорошо относится к монархии; со стороны Турции можно ожидать противодействия, но вероятнее всего, что она успокоится, когда получит заверение, что со стороны монархии не будет дальнейших покушений на турецкие области.

Оба министра-президента, получив заверение Эренталя, что аннексии можно достичь без европейской войны, к которой Австро-Венгрия не готова как в военном, так и в финансовом отношениях, дали свое согласие при условии получения предварительного согласия государств, подписавших Берлинский трактат.

Когда очередь дошла до начальника генерального штаба, он заявил, что время для объявления аннексии настало и связанные с нею опасения конфликта не меньше, чем если бы аннексии не было. По мнению Конрада, Германия — за монархию; Россия едва ли в состоянии теперь вести европейскую войну, в особенности — находясь под угрозой со стороны Германии; Сербия в военном отношении не подготовлена; Турция — в конфликте с Болгарией, Грецией и, вероятно, с Румынией; остается, таким образом, Италия, к войне с которой монархия готова.

Во время заседания присутствующие были ознакомлены с мемуаром Эренталя от 9 августа 1908 года по балканскому вопросу, в котором, обсуждая известные нам требования России, Эренталь, подкрепляя свои доводы ссылкой на мемуар Андраши от 1879 года, находил, что включение Санджака в состав монархии не принесет особых выгод, ибо конечная цель балканской политики находится на путях не через Новый Базар, а через Белград.

По принятии решения о необходимости аннексии оккупированных провинций, заседание совета министров было закрыто.

Отныне перед начальником генерального штаба вставала задача обеспечить аннексию с военной стороны, равно как Эренталь должен был сделать это в области политики. В ряде сношений с военным министром

и в докладах Францу-Иосифу Конрад требовал проведения военных мер по приведению в готовность армии вообще и, в частности, по усилению войск в оккупированных областях, ссылаясь на тот низкий штатный состав мирного времени, какой был в войсках Австро-Венгрии и который известен нам по первой книге нашего труда.

Пока Конрад готовил армию к возможным боевым действиям, Эренталь уже перешел в наступление на дипломатическом поле, успешно сковав своего главного противника — Россию.

Извольский отправился в свое обычное осеннее «турне» за границу и был приглашен в сентябре посетить имение австрийского посла в Петербурге в Бухлау (в Моравии), куда прибыли одновременно Эренталь и министр иностранных дел Италии Титони.

В Бухлау было выработано соглашение по балканским делам между тремя наиболее заинтересованными государствами.

Соглашение устанавливало, что:

1) Россия и Италия займут благожелательную позицию в отношении аннексии Боснии и Герцеговины;

2) Италия и Австрия благосклонно отнесутся к поползновениям России в отношении пересмотра постановлений о проливах в более выгодную для нее сторону.

3-й и 4-й пункты касались черногорских дел.

Таким образом, соглашение определенно устанавливало намерение Австро-Венгрии произвести аннексию и можно думать, что русскому министру был даже сообщен и срок ее объявления, ибо, как явствует из проекта русско-турецкого соглашения на сей же предмет, одновременно разрабатывавшегося в Петербурге, возможность такой аннексии со стороны Австрии предусматривалась «на предстоящем съезде делегаций в Будапеште», т. е. осенью.

А пока что Извольский поторопился покинуть Австрию, чтобы, объезжая различные столицы Европы, позондировать и подготовить почву к «поползновениям России в отношении пересмотра вопроса о проливах».

После отъезда русского министра в Вене было принято и другое важное решение. Предстоящая аннексия, собственно говоря, не была секретом ни для кого, — все о ней знали. Лавры Извольского не давали спать и другому политику — Фердинанду болгарскому. Пользуясь предстоящим выступлением Австрии, Болгария решила объявить себя самостоятельным королевством. Посетив Вену до прибытия Извольского и после него, Фердинанд болгарский добился одобрения Эренталем своих предположений (по мнению Пуанкаре, не без ведома Берлина) и отбыл в Софию выжидать хода событий.

Извольский, добившись известных результатов в вопросе о проливах в Риме, переехал в Париж, где 9 октября получил от Эренталя частное письмо о состоявшемся объявлении аннексии.

Действительно, 5 октября австрийский посол в Петербурге сообщил о предстоящем 7 октября принятии решения о свободе действий в оккупированных областях, об отказе от прав в Санджаке и передал памятную записку «с чрезвычайно подозрительным предложением» выступить совместно

перед другими государствами о признании Болгарии самостоятельным княжеством.

Это предположение уже запаздывало, ибо в тот же день Фердинанд болгарский объявил себя царем.

7 октября в Вене был опубликован указ об *аннексии Боснии* и *Герцеговины*.

Эренталь взбудоражил дипломатию Европы, сделав явным то, что не было тайной ни для одного из государств этого материка.

Чтобы правильнее уяснить себе, насколько венский дипломат рисковал своими действиями вызвать вооруженное столкновение, а также оценить и изложенные нами выше соображения начальника генерального штаба, — необходимо бросить взгляд на те взаимоотношения, которые к этому времени складывались в Европе.

С 18 августа 1907 года, со дня заключения англо-русского соглашения, на карте Европы можно считать сложившимися две *основных* группировки государств: тройственный *союз* и тройственное *согласие*. Остальные государства примыкали к той или иной группе, являясь отчасти объектами их политики.

Такая группировка вызвана отнюдь не «историческими» задачами того или иного государства, не хитросплетениями дипломатов, не личными привязанностями тех или иных правителей — представителей царствующих династий, а исключительно причинами экономическими. Мировой капитал, ведя борьбу за рынки, синдицировался, по общности интересов, в две указанные нами группы, ведя за собой и политику входящих в них государств. Мы, по размерам нашего труда, не можем вводить читателя подробно в это экономическое распределение и соревнование остальных государств. Позволим лишь указать, что политика властно управлялась капиталом, поворачивавшим ее в определенном направлении, хотя бы она и не желала на него вступать.

Всем, конечно, известно, что образование основных группировок государств происходило не без трений между ними, так как на том же пути экономического соревнования происходили недоразумения и между союзниками. Противоречий в Европе накопилось много, и не одни Балканы были их вместилищем. Марокканский вопрос, борьба за гегемонию на море Англии с Германией, притязания Италии в Африке, Персия, Багдадская железная дорога, проливы, Турция и, наконец, Балканы — вот главнейшие из тех моментов, на которых сталкивались и заострялись интересы европейских государств.

Актом аннексии Австро-Венгрия как бы испытывала единство Европы после Берлинского конгресса, постановления которого могли быть изменены только по решению международной же конференции.

Уходя с политической арены, Бисмарк, по донесению русского посла в Лондоне Извольскому, оставил такое завещание своим преемникам: «Щадить Россию, стараться занять ее на Востоке, толкнуть Австрию на Балканы, чтобы обе эти державы нейтрализовали друг друга, поманить Францию Африкой и, в конце-концов, изолировать Англию, внушив у всех подозрение к ее политике».

Вступив на империалистический путь, *Германия* отчасти следовала завс-

там своего канцлера, преследуя главную цель — разбить франко-русский союз, а затем и тройственное согласие. Различными путями германская дипломатия пыталась пробить брешь в этих группировках, направив главные усилия против Англии. Однако, нужно сказать, что Лондон пошел тем же путем изоляции, но не себя, а Германии, советуя государствам Европы относиться с «подозрением к ее политике». «Политика окружения», проводимая Англией систематически в отношении Берлина, становилась все более и более достоверным и тяжелым фактом.

Из депеши Бюлова мы уже знаем, что Германия предвидела войну только с Англией, исключая в то время возможность европейского вооруженного столкновения. По мнению канцлера, Россия была не готова к войне, а потому Австрия могла предпринять активный образ действий на Балканах. Пуанкаре подозревает Берлин в одобрении аннексии. Слов нет, согласие на это было дано, а кстати и засвидетельствована Вене верность союзу, но все же оставался открытым вопрос о вооруженной помощи, о подготовке которой беспокоился Конрад и которую находил преждевременной Эренталь.

Италия, как мы знаем, в Бухлау дала согласие на аннексию, но неожиданный и для нее указ об этом изменил взгляды Рима. Но без основания Конрад считал Италию в числе врагов политики Австрии. Римский кабинет встал на точку зрения Петербурга о созыве международной конференции для рассмотрения аннексионного акта. Однако, подготовляющаяся экспедиция в Африку и нежелание усложнять обстановку на австрийской границе вынудили Италию отнестись сдержанно к событиям. Тем не менее, аннексия послужила к сближению Италии с Россией.

Таким образом, из членов тройственного союза в аннексионном вопросе Австрия могла рассчитывать лишь на поддержку Берлина.

Из держав тройственного согласия аннексия задела больше всего Россию.

Мы не можем подробно знакомить с политикой России за это время, так как не она является главной ареной нашего труда. Несколько слов, однако, сказать необходимо.

С окончанием русско-японской войны царское правительство начало уделять больше внимания европейской политике, а его министр иностранных дел Извольский, по свидетельству современников, ясно и отчетливо формулировал поворот русской политики с азиатского фронта на европейский.

Поливанов в своих воспоминаниях говорит, что уже 3 января 1907 года Извольский набрасывал свою программу, ведущую к «равновесию на Дальнем Востоке, дабы не тратить средств на Дальний Восток и сохранить силы для решения крупных вопросов в Европе».

В феврале того же года в совете государственной обороны русский министр иностранных дел с достаточной определенностью заявил: «Центр тяжести нашего влияния должен быть не на Дальнем Востоке, а на Западе — спиной к обдорам, а не лицом». 11 августа Извольский говорил: «Надо обеспечить России мир от Камчатки до Гибралтара лет на десять; соглашение с Японией не имеет устойчивости, если нет соглашения с Англией; в Европе произойдут осложнения, и нам надо быть готовыми подать свой

голос, — иначе мы окажемся в положении полузабытой азиатской державы».

Указывая на необходимость для России, дабы не сделаться «вассалом» Германии, быть в союзе с Францией и расширить его соглашением с Англией и Японией, Извольский сообщает нам, что только при утверждении этой программы Николаем он принял пост министра.

Развивая свою программу, Извольский достиг соглашения с Англией и Японией, поддерживал союзнический договор с Францией, но в то же время не упускал и случая сговориться с противным лагерем.

Ориентируясь на Европу, русская политика должна была наметить себе определенные цели. Конечно, не простая оборона против Германии манила нового министра иностранных дел: для него нужны были более яркие задачи, одной из которых им и выдвигаются снова «проливы».

Предлога к активным шагам в этом направлении искать не нужно было. Конец 1907 года ознаменовался осложнениями отношений Болгарии с Турцией; участились также набеги курдов на пограничные персидские области. *Русский начальник генерального штаба, без ведома министра иностранных дел, испросил разрешение и начал осуществлять военные мероприятия на кавказской границе.*

Вопрос об осложнениях на Кавказе был поставлен на обсуждение совета министров 21 января 1908 года, на котором Извольский подробно развил свою политическую программу. Мы не будем останавливать долго внимания на ней, ибо в ее сущности она нами только-что приведена. Резюме Извольского было: нужно готовиться к вооруженному столкновению за «исторические» задачи России.

Обмен мнений выяснил неготовность русской армии к войне, и председатель совета министров Столыпин формулировал так решение совета:

«В настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация России придала бы силы революции, из которой мы только-что начинаем выходить. На этом пути достигнуты серьезные успехи; Россия проявила удивительную живучесть и снова собирается с силами. В такую минуту нельзя решиться на авантюры или даже активно проявить инициативу в международных делах. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии. В руках министра иностранных дел теперь рычаг без точки опоры, но России необходима передышка, после которой она укрепится и снова займет принадлежащий ей ранг великой державы».

Неготовность русской армии к войне еще раз была засвидетельствована Извольскому самим военным министром. Поливанов сообщает нам, что на заседании совета министров 1 марта 1908 года «военный министр доложил, что армия воевать не может, ибо у нее нет запасов и она не обучена». Военный министр резко произнес, обращаясь к Столыпину: «Армия не учится, а служит вам».

Мы уже знаем, что Извольский не принял к исполнению решения совета министров и продолжал оперировать «рычагом без точки опоры».

Не имея согласия на открытие «проливов» ни со стороны Франции, ни особенно, со стороны Англии, расценивая туманную благожелательность

в этом вопросе Берлина, как открытое признание прав России на «проливы», — Извольский 19 июля 1908 года уже вступил в переговоры с Эренталем по этому вопросу.

Думая созвать международную конференцию для разрешения балканских дел, Извольский рассчитывал за аннексию получить от Австрии «проливы» для России.

Как известно, Эренталь объявил аннексию, использовав «бред ненормального правительства» (русского).

С тяжелой головой проснулось это правительство утром 8 октября, когда аннексия была уже совершившимся фактом. Каковы были дальнейшие переживания Петербурга, увидим ниже.

Если так легко венский дипломат покончил с главным противником аннексии, то с прочими членами тройственного согласия вопрос этот было уладить еще легче.

Франция, которая прежде всего должна была бы поддерживать Россию, «безучастно... взирает на международные события, когда к ним непосредственно не причастна Франция и когда не затронуты самые чувствительные для нее материальные интересы». Так доносил в Петербург русский посол из Парижа.

Союзник России — Франция — отлично учитывала состояние России и ее армии и поэтому оказалась сдержанной в своих союзнических обязательствах. Пуанкаре в своей книге «Происхождение мировой войны» пишет, что «Англия и Франция, которые не давали еще своего согласия на этот coup de force Австрии, не могли оказаться более сербофилами, чем сама Сербия, и более руссофилами, чем сама Россия». М. Покровский в предисловии к переводу этой книги, указывая, что «Франция обнаружила какие-то непонятные симпатии к Австрии», видит причину этого в том, что она «вернее, просто еще не привыкла к мысли, что и ей придется воевать вместе с Россией за Константинополь». Эти «непонятные симпатии» Франции к Австрии М. Павлович в своей книге «Борьба за Азию и Африку» объясняет тем, что на Алжезирасской конференции 1906 года по марокканскому вопросу «французская дипломатия заручилась поддержкой держав, на помощь которых рассчитывала Германия». «Даже вторая союзница Германии, Австро-Венгрия, — пишет М. Павлович, — не обнаружила особого рвения в защите на Алжезирасской конференции немецкой политики по отношению к Марокко. Дело в том, что французская дипломатия обещала предоставить Австро-Венгрии свободу действий на Балканах, если последняя поддержит Францию в Марокко, и Австро-Венгрия нашла это предложение очень выгодным. И поэтому, когда впоследствии Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, французская дипломатия отнеслась очень снисходительно к этому акту со стороны Дунайской империи в награду за политику последней на Алжезирасской конференции».

Марокко было настолько чувствительным для Франции, — а новые столкновения в этом вопросе с Германией были не исключены, — что лишаться будущей поддержки Австро-Венгрии в споре с Берлином Франция не хотела.

В это время во Франции союз с Россией переживал черные дни, и парижская пресса даже отметила «сердечный» тон ответного письма

президента республики на сообщение Франца-Иосифа об аннексии, тем более, что и по договору Франция не обязана была обнажать меч в защиту интересов России до тех пор, пока не выступала Германия.

Мы уже слышали, что *Англия* также не могла быть более сербофилом, чем сама Сербия. Балканы интересовали политиков Англии, поскольку здесь скрещивались ее интересы с русскими и германскими.

Лондонский кабинет отнесся уже отрицательно к заявлению Эренталя 28 января 1908 года в делегациях о постройке Санджакской дороги. Новый младотурецкий режим в Константинополе был встречен с удовлетворением в Лондоне. Наконец, активная политика Австрии грозила нарушить Берлинский трактат, к чему Англия относилась также несочувственно, ибо ненарушимости трактатов в Лондоне придавали большое значение.

Эренталь ошибался в доброжелательной позиции Лондона к его шагам на Балканах, ибо за ними английские политики видели и продвижение туда же Германии, чего уже Англия совсем не могла допустить.

Указывая, что Санджакская железная дорога и аннексия Боснии и Герцеговины «являются теперь брошенным между державами яблоком раздора», русский посол в Лондоне справедливо писал Извольскому 25 октября 1908 года: «Но отсюда не следует заключать, что Англия примет неизбежность войны и не употребит все усилия, чтобы не дойти до этой крайности».

Черчилль в своих воспоминаниях также отмечает самостоятельное решение вопроса с признанием аннексии со стороны России, без уведомления британского и французского правительств. При таком обороте дел Англия, по словам Черчилля, оказалась одинокой защитницей «святости договоров и прав народов». «Тевтоны торжествовали, но это была Пиррова победа»,— заключает Черчилль.

Однако, английский министр, вместе с тем, указывает, что в это время вооруженные силы Франции находились в стадии реорганизации, а Россия была слаба после японской войны.

Таким образом, нельзя согласиться с Пуанкаре, что «Англия и Франция не могли оказаться более сербофилами, чем сама Сербия, и более руссофилами, чем сама Россия». Англия была англофильской, а Франция франкофильской, — это было и естественно, ибо политикой руководили прежде всего экономические интересы этих государств, которые пока не были еще существенно задеты австро-венгерским выступлением.

Наконец, третью группу государств, которых ближе всего касалась аннексия, составляли государственные образования Балкан.

Указ Франца-Иосифа глубже всего и прежде всего задел *Сербию*. На Берлинском конгрессе представитель России Шувалов заверил представителей Сербии, что оккупация Боснии и Герцеговины продлится не более 15 лет. Прошли вторые пятнадцать лет, и Австрия не только не думала об очищении областей, а, наоборот, постоянно продолжала угнетать в них сербскую часть населения и вела острую таможенную войну с самой Сербией. Бывшая сначала в орбите австрийского влияния, Сербия в начале XX столетия ориентировалась на Россию. С переменой политики Белграда, в оккупированных провинциях, Далмации и Кроации, началась усиленная пропаганда восстановления «великой» Сербии. Что бы ни говорили и ныне

сербские дипломаты, но факт этой пропаганды, которая велась на русские деньги, установлен с достаточной достоверностью. Аннексия Боснии и Герцеговины была грозным предостережением, что будущее сулит то же и самой Сербии. Тяжелая экономическая борьба с Австрией и преграждение ей доступа к морю создавали для Сербии тяжелые условия для развития. Для маленького славянского государства предстояла борьба с австрийским наступательным движением на Балканы.

Черногория переживала внутреннюю борьбу: либеральная партия стремилась присоединиться к Сербии, тогда как династия с придворной партией стояла за продолжение самостоятельного существования. Николай черногорский продавал себя, а вместе с тем и государство, то Австрии, то России, смотря по тому, кто дороже заплатит, и надежды Конрада за хорошую сумму купить нейтралитет Черногории были небезосновательны.

Политика *Болгария* за годы, непосредственно предшествовавшие аннексии, английским послом Бьюкененом определяется, как политика качелей, лавирование между влиянием Австрии и России. После русско-японской войны выявляется рост австрийского и германского влияний в Болгарии. Влияние России, с которой Болгария была связана военной конвенцией, постепенно тускнело.

Фердинанд Болгарский уже давно хотел объявить себя царем, покончив с суверенитетом Турции и тем преднамеренно нарушая Берлинский трактат. По свидетельству Бьюкенена, попытка Фердинанда проделать это в 1907 году не увенчалась успехом, так как: «Австрия, — план аннексии Боснии и Герцеговины которой еще не созрел, — считала, что еще не наступил психологический момент для такого открытого нарушения Берлинского трактата. Она поэтому потребовала категорического ответа на вопрос, будет ли объявлена независимость Болгарии, и предупредила князя, что император никогда не признает такого изменения в положении княжества».

Однако, мы уже слышали, что Эренталь пошел на уступки, и болгарский Фердинанд добился намеченной цели, объявив себя царем на два дня раньше опубликования аннексии Боснии и Герцеговины. Болгария этим шагом переходила на сторону тройственного союза, порывала свою военную конвенцию с Россией и могла отвлечь Турцию от северо-западных ее провинций, кои ныне ампутировались у нее.

Действительно, *Турция*, с негодованием встретившая акт об аннексии, однако, с еще большей враждой отнеслась к шагам Болгарии, как непосредственного своего соседа и будущего противника. Младо-турецкое правительство отнюдь не имело в виду раздаривать старые владения Турции, а поэтому тотчас же протестовала против аннексии.

Румыния, состоявшая в договорных отношениях с Веной и Берлином, встретила аннексию спокойно. Ее также более всего занимали недоразумения на болгарской границе, но, как нам известно, даже при дворе Сербия пользовалась известными симпатиями, как возможный союзник против Болгарии; поэтому полного одобрения своей политики Эренталь в Бухаресте не нашел.

Так или иначе, но Эренталь сделал первый решительный шаг по путям «австрийского империализма» и поставил Европу перед совершившимся фактом.

Венский дипломат правильно учел складывающуюся европейскую поли-

тическую ситуацию, которая позволяла достигнуть успеха без применения оружия. Об европейской войне за аннексию думать было преждевременно, и в этом, конечно, расчеты Конрада предупреждали события.

Однако, нужно все же отдать справедливость и начальнику генерального штаба в его хлопотах о подготовке к такой войне, если учесть, что не на одном акте аннексии останавливались намерения дипломата в генеральском мундире. Мы знаем, что он хотел поставить балканский вопрос в целом, и продолжением аннексии должен был явиться раздел Сербии.

Как на это реагировали бы тогда государства Европы, — сказать трудно, но не исключена была бы возможность и Европейской войны.

Все зависело от того, какую позицию в этом вопросе занял бы Берлин. Начальник генерального штаба не исключал активных шагов Германии, в то время как Эренталь полагал одними дипломатическими выступлениями добиться признания сделанных им шагов, а потому и откладывал совместную работу Конрада с Берлином по плану войны.

7 октября 1908 года европейские дипломаты пришли в движение, заскрипели перья их канцелярий, заездили курьеры с нотами и различными проектами, письмами и т. п. документами.

Началась суголока, в которую окунемся и мы...

ГЛАВА III

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА ЭРЕНТАЛЯ.

Хлопоты Извольского о созыве европейской конференции. — Конрад усиленно готовится к войне. — Сдержанность Эренталя в военных приготовлениях. — Его взгляды на европейскую конференцию. — Сообщение Конрадом Эренталю сведений по плану войны с Сербией. — Первый нажим Берлина на Извольского. — Мемуар Конрада от 3 ноября 1908 года. — Утверждение вариантов плана войны на 1909 год. — Позиция Турции в вопросе об аннексии. — Марокканский кризис. — Русский военный агент Марченко на приеме у Конрада. — Свидание Конрада с Эренталем 6 декабря. — Конрад за начало войны после 1 марта. — Эренталь дает согласие на переписку с Мольтке по плану войны. — Первое письмо Конрада к начальнику германского генерального штаба от 2 января 1909 года. — Взгляд современных германских историков на переписку Конрада с Мольтке. — Переписка «Вилли» с «Ники». — Эренталь ограничивает свои политические цели. — Замыслы о военной конвенции Вены с Болгарией. — Ответ Мольтке 21 января: — содействие против России и прикрытие тыла со стороны Италии. — Пророчества Мольтке. — Планы Эренталя о нейтрализации Болгарии и Турции и проект «обсервационного корпуса». — Причины уступок Эренталя Турции. — Отправка в Берлин Мольтке Конрадом выдержек из плана войны и письма. — Предложение Конрада о способах удержания России от выступления. Одиночество Конрада в требованиях войны. — Мечты Конрада о разоружении Сербии. — «Каждая война — сомнительное дело» (Конрад). — Программа Эренталя от 18 февраля. — Сообщение 25 февраля Эренталем Конраду о получении ответа от Германии о поддержке. — Ответные письма Мольтке. — Позиция западных государств в аннексионном кризисе. — Отказ России от военных демонстраций на австрийской границе. — Германия и Англия в вопросе о развитии флота. — Соглашение Эренталя с Турцией. — Конрад о замкнутости дипломатии и ответственности солдат. — Решение совета министров в Вене об усилении войск на юге. — Германский ультиматум в Петербурге и принятие его Россией. — Получение 31 марта в Вене сербской ноты о признании аннексии. — Мнение Конрада и Мольтке о неиспользовании серединными государствами благоприятной обстановки для войны во время прошедшего кризиса. — Мемуар Конрада от 2 апреля 1909 года о необходимости усиления армии. — Взгляды Эренталя и Конрада на превентивную войну и классификация войн Конрадом. — Целесообразность войны для Австро-Венгрии в 1909 году. — Маркс о разрешении балканского вопроса.

Аннексия Боснии и Герцеговины повлекла за собой второе нарушение Берлинского трактата — объявление Болгарией своей независимости. На этих двух вопросах и сосредоточилось внимание дипломатов после 7 октября 1908 года.

Министр иностранных дел «ненормального правительства», Извольский, получив извещение об опубликовании акта об аннексии, продолжал свое турне по столичным городам Европы, выдвинув, в противовес Эренталю, предложение перенести как обсуждение аннексии, так и ряда других вопросов по балканским делам на *европейскую конференцию*. Из ее программы русский министр исключил вопрос о проливах, ибо его постановка на

обсуждение не встретила одобрения в Лондоне. Грей дал Извольскому туманное согласие на разрешение вопроса о проливах в пользу России, и русский министр решил проводить его путем непосредственных переговоров с Турцией.

Таким образом, Россия и Англия находили необходимым созыв европейской конференции, Франция занимала уклончивую позицию, Германия еще не дала своего согласия. Что же касается главного виновника кризиса — Вены, то она не возражала против конференции, но после признания государствами опубликованного ею акта и как заключительный аккорд происшедших изменений на Балканах.

Мы не приводим здесь программы конференции, набросанной Извольским, но считаем необходимым отметить, что одним из ее пунктов стояло исправление границ Сербии и Черногории на территории Боснии и Герцеговины, прилегающей к Санджаку.

Как уже известно из предыдущей главы, объявление аннексии вызвало сильное возбуждение в Сербии. Поступавшие в Вену данные говорили о военных приготовлениях сербской армии, об образовании банд для поддержки восстания в Боснии и Герцеговине, о начавшейся, якобы, частичной сербской мобилизации. Все это не только беспокоило Конрада, но даже радовало его, так как события шли к войне, столь им желаемой.

На следующий день после объявления аннексии начальник генерального штаба просит Эренталя ответить, *выступит ли Италия или нет*, так как от этого зависит назначение сил для действий против Сербии (при нейтралитете Италии силы на сербском фронте увеличились на один корпус). В генеральном штабе начинается лихорадочная работа по плану войны, о чем Конрадом сообщается и военному министру.

Начальник генерального штаба, увидев твердые шаги Эренталя на дипломатическом поле, сам начал итти быстро по пути войны. Переписка его с министром иностранных дел оживляется. Однако, по размерам нашего труда, мы не в состоянии и не в праве посвящать читателя в подробный разбор этих писем, а будем извлекать из них лишь существенное.

Развитие энергии в подготовке к войне у Конрада отчасти следует объяснить тем низким штатным составом частей мирного времени, какой был в австро-венгерской армии, а также и другими недочетами материального ее обеспечения.

В своих письмах от 9, 13 и 18 октября, сообщая Эренталю о производящейся якобы мобилизации в Сербии и Черногории, Конрад настаивает на принятии военных мер готовности и Австро-Венгрией. Начальник генерального штаба находит, что: 1) превосходство Сербии и Черногории в оперативной свободе может повести к тому, что война начнется с их вторжения в оккупированные области; 2) это, в свою очередь, потребует изменений и дополнений в плане войны, что может повести за собой катастрофические последствия; 3) первые неудачи могут вредно отразиться на духе армии; 4) необходимо время на сосредоточение запасов.

По мнению начальника штаба, можно использовать подготовку противников и тем обосновать свою военную подготовку как контр-мероприятие.

Время для объявления войны еще не потеряно, но нельзя его и упускать. Предлагая усилить войска на сербской границе, Конрад против Черногории

находит нужным использовать албанцев, поддержав их деньгами и оружием, а равно развив пропаганду.

В своем ответном письме от 20 октября Эренталь не давал гарантии в благоприятной позиции Черногории, решение которой зависит от Италии и России, но находит, однако, возможным отсрочить еще мобилизацию военных сил монархии, так как, по его мнению, для этого еще было время: Сербия выигрывает время, но принятие военных мер со стороны монархии против этого малого государства уронило бы Австрию в глазах Европы, а потому такие действия неприемлемы. Что касается отношений с Италией, то монархия занимает позицию военного соревнования: оба государства боятся отстать одно от другого в развитии вооружений, и поэтому всякие военные мероприятия на итальянской границе могли бы только ухудшить положение. Все сказанное приводит Эренталя к убеждению, что *сейчас не время принимать военные меры, которые могли бы оказаться решающими.*

Министр иностранных дел Австро-Венгрии не получил еще ответа из Петербурга о признании аннексии. Однако, как мы только-что говорили, Эренталь не отвергал предложения о конференции, а затем к этому времени уже имел реальные доказательства поддержки Германии.

Извольский нашел в Берлине отпор своим предложениям о пересмотре аннексии на европейской конференции. Вильгельм, сильно негодующий на политику окружения тройственным союзом, вызывающе заявил, что аннексия — дело решенное и Германия примет участие в конференции лишь тогда, когда Австрия и Турция достигнут соглашения о Боснии и Герцеговине.

24 октября начальник генерального штаба, благодаря Эренталю за ориентировку, писал ему, что, *считая своим долгом службы всегда держать министра иностранных дел в курсе военного положения настолько, насколько это требуется связью дипломатических шагов и военных мероприятий, он позволяет себе сообщить следующие сроки сосредоточения австрийской армии с просьбой хранить их лишь для собственной ориентировки:* усиление 15-го корпуса может быть произведено при графике мирного времени на 10-й день в главной массе и на 17-й день окончено; при частичной мобилизации против Сербии сосредоточение окончится на 13-й день, против Черногории сосредоточение 15-го корпуса окончится на 14-й день и его укомплектований — на 13-й — 14-й день; общее же их прибытие на театр военных действий ожидается на 22-й день. Указывая, что Черногория может быстрее собрать свою армию, Конрад подчеркивает опасное положение на фронте до окончания австрийского сосредоточения. В дальнейшем он приводит данные, с какими силами противника предстоит считаться теперь и при объявлении войны весной, при чем оказывается, что противник значительно увеличил свои силы и материальную их готовность. «Эти мои соображения, — пишет Конрад, — должны дать конкретные данные для начала собственной планомерной мобилизации, от решения которой, в большей части, зависит благоприятный исход операций, не говоря уже о политическом и моральном следствии, какое может произвести первоначальный успех маленьких государств, в особенности Черногории».

«Если я, — продолжает начальник генерального штаба, — позволяю себе ориентировать вас о военном положении, то делаю это на нижеследующих основаниях. С радостью приветствую, что после тридцатилетнего застоя монархия, через аннексию, снова обнаруживает волю и силу, и было бы чрезвычайно прискорбно, если бы это было понижено какой-либо начальной, хотя и пустяшной, военной неудачей. Монархия должна показать, что она в действительности то, чем она кажется, и поэтому своей неприменной заботой считаю своевременную, плапомерную и целесообразную подготовку сил».

Непосредственные переговоры Эренталя с Извольским были прерваны. Оба обвиняли друг друга в передержке и грозили опубликованием иных тайных договоров с другими государствами. Обмен мнений Петербурга с Веной шел уже только по династической линии, но не давал никаких результатов, ибо подлинными авторами этих писем были те же министры.

Гораздо важнее было то, что вернувшийся из отпуска в Петербург германский посол Пурталес передал Извольскому ответ Берлина на русскую программу конференции. Германия не отказывалась от созыва конференции, но по всем пунктам следовала за Австрией, при чем снова подчеркивала, что аннексия не подлежит обсуждению. Пурталес открыто объяснил, что сближение России с Англией заставляет Германию тесно сблизиться с Веной. (Из позднейшей переписки Вильгельма с Николаем подтверждаются заявления посла.) Кроме того, на берегах Шпрее были обижены, что Извольский согласовал свою программу раньше в Париже и в Лондоне, нежели сообщил ее в Берлин. Конечно, дело не в обиде, а именно в той политике России, которая все более и более подпадала под влияние Англии что хорошо учитывалось в Берлине.

Одним словом, Германия стояла внушительно за спиной Вены, и Эренталь мог рассчитывать на успех совершенного им грабежа.

«Возможно, что современный политический кризис разрешится без вооруженного конфликта; при небольшой сдержанности великих держав и при предвидимых внутренних затруднениях Турции это даже вероятно, но все же возможность вооруженного столкновения не исключена, и необходимо, чтобы монархия была готова, если бы это наступило». Так начальник генерального штаба начинает свой политический мемуар от 3 ноября, который был того же числа им представлен Францу-Иосифу. Указывая, что Россия не готова к войне, а Италия не проявит неприязни, хотя отдельные партии в этих странах и настроены за войну, что равно и Англия едва ли окажется в числе врагов, — Конрад к таковым относит лишь Сербию и Черногорию. «Незачем постоянно говорить о слабости мелких государств и могуществе монархии, но нужно вступить смело на дорогу конкретного разбора обстоятельств, цифр и чисел. Конечно, монархия обладает такими средствами и силами, чтобы посчитаться с успехом с этими государствами, но эти силы должны быть во-время применены, чтобы не упустить времени и тем не повредить политическому и военному престижу и исключить возможность первоначального успеха противников. Ход политических событий не должен вести к успеху противника». Отмечая враждебную позицию Черногории и Сербии, Конрад продолжает: «Пришло время для монархии решить: ограничиться ли лишь обороной против этих государств или же сербский вопрос решить в целом. Под

последним разумеется война с полным разгромом последующим включением Сербии в монархию и аналогичным разгромом Черногории или, по меньшей мере, оставлением ей территории, бедной какими-либо средствами».

«В соответствии с этими политическими целями должны быть рассчитаны и военные силы. Эти цели должны быть утверждены для разработки плана войны. При этом необходимо также знать, какие должны быть избраны гарантии для удержания остальных государств».

В дальнейшем доклад детально разбирает силы и средства противников, их вероятные действия и намечает необходимые силы и средства монархии для войны на этом театре.

Автор доклада приходит к выводу, что следует «великосербский вопрос разрешить в текущем году, т. е. на провокации и агрессивные выступления Сербии и Черногории ответить войной». «Самостоятельная Сербия и не усмиренная Черногория будут непримиримыми врагами при каждом шаге монархии, при каждом политическом обострении, постоянным очагом агитации для южно-славянских областей; является вопросом, сложатся ли в будущем так благоприятно обстоятельства, как они сложились для монархии в данное время». Доказывая затем всю полезность для южных славян приобщения их к монархии (об этих взглядах мы говорили выше), Конрад приходит к выводу, что «если эти цели будут приняты и будет решено ликвидировать сербский вопрос оружием, тогда необходимо теперь же использовать все средства для подготовки к войне». В этот же день начальником генерального штаба было получено утверждение предположений о конкретной военной подготовке на 1909 год, а именно:

1. Стратегическое развертывание против Италии.

2. Стратегическое развертывание против Сербии и Черногории при войне с Италией.

3. Стратегическое развертывание против Сербии и Черногории.

4. Стратегическое развертывание против России: а) всеми силами; б) всеми силами за исключением назначенных против Сербии.

5. Стратегическое развертывание против Сербии и Черногории при одновременной войне с Россией.

В дальнейшем работа начальника генерального штаба была направлена на усиление армии вообще и на южной границе в частности.

Война пока откладывалась.

Мы знаем, что Турция, сильно задетая аннексией, сбавила затем свой тон и в завязавшихся переговорах с Веной старалась возможно больше получить денег за отторжение оккупированных ранее провинций.

В то же время в положении дипломатического торга находился и конфликт между Болгарией и Турцией. Обе стороны не находили еще средней суммы, на которой могли бы окончательно порешить: болгары предлагали 82 миллиона франков, турки требовали больше.

К этим двум конфликтам прибавилось снова обостренное Германией положение в Марокко, вызванное раздутым Берлином инцидентом с арестом скрывшихся в германском консульстве в Казабланке французских дезертиров. Англия и Италия встали на сторону Франции, и, по мнению английского посла в Петербурге, Англия на этот раз не прочь была довести дело до вооруженной схватки. Германия принимала воинственную позу.

Таким образом, в Европе аннексионный кризис потерял свою остроту, по крайней мере, в западных государствах, занятых урегулированием отношений с Берлином. Извольский попрежнему оставался в одиночестве.

Сношения Вены с Петербургом продолжались лишь по дипломатической линии и сводились к взаимным упрекам и объяснениям в происшедшем конфликте, не подвигая вперед дела соглашения.

Однако, Петербург решил завязать переговоры и по другой линии — не дипломатической, ибо продолжение дипломатических переговоров предвещало России открытое признание своего поражения. Нащупать почву в Вене было поручено генеральному штабу. Мы не знаем, с ведома ли или по прямому указанию Извольского были предприняты такие шаги, но 5 декабря к *Конраду явился военный агент России Марченко*. В беседе с ним начальник генерального штаба объяснил причины аннексии неожиданностью младотурецкого переворота, который и вынудил Австрию, дабы предупредить революционную вспышку в оккупированных областях и отпадение их от монархии, аннексировать их. По мнению Конрада, была выполнена, собственно говоря, формальность, так как Берлинский трактат и без того закреплял за Австрией эти провинции. О какой-либо агрессивности Австрии говорить не приходится, и война или мир зависят от европейских держав, которые должны посоветовать Сербии и Черногории отказаться от неприязни. Вообще Австрия была очень удивлена, что такая невинная вещь, как аннексия, вызвала такой шум. К тому же, Сербию и Черногорию поддерживают другие державы оружием, боевыми запасами, инструкторами и деньгами.

На указание Марченко, что это делается различными партиями и иными организациями, а не правительствами, суровый Конрад сейчас же ответил, что он, на месте правительств, заставил бы организации плясать под свою дудку.

Попутно Конрад затронул и англо-русский союз, удивляясь его заключению, так как Россия и Англия всегда были врагами. На это Марченко указал, что союз необходим, как противовес Японии, да и Извольский—англофил. На личных отношениях Извольского и Эренталя, по мнению Марченко, вырос современный балканский конфликт, а, кроме того, интригует «святое» семейство короля черногорского через своих дочерей в Петербурге и в Риме.

На вопрос Марченко, считать ли беседу официальной, начальник штаба ответил, что *он—не министр иностранных дел, а потому каких-либо официальных заявлений делать не имеет права.*

Разговор закончился уверением Конрада, что никакой мобилизации и усиления бюджетной численности армии не произведено, а за газеты, которые сообщают обратное, он не ответствен.

Через день, при свидании с Эренталем, Конрад поставил его в известность о содержании своей беседы с Марченко, заслужив полное одобрение министра. Нами же этот разговор приведен, как пример обычных разговоров представителей генерального штаба с военными агентами соседних держав.

В этой беседе с министром иностранных дел Конрад поднял и два принципиальных вопроса.

Указав, что сейчас в Боснии и Герцеговине глубина снежного покрова более метра, начальник штаба полагал, что вступать в войну до 1 марта следует лишь в крайнем случае, если, действительно, к этому вынудят тяжелые политические обстоятельства. На просьбу Конрада начать переписку с Мольтке, Эренталь дал принципиальное согласие и хотел об этом переговорить с Бюловым.

30 декабря Конрад был снова у Эренталя, познакомил его с содержанием своего письма к Мольтке и находил также необходимым войти в переговоры с Румынией, которая конвенцией обязана войной на стороне монархии, дабы с возобновлением переговоров обсудить и военные соображения.

К концу года, по мнению Эренталя, аннексионный кризис находился в таком положении, что его можно было разрешить и одним дипломатическим путем. Россия и Италия останутся нейтральными, Франция уклонится от войны и, таким образом, можно быть настойчивее в переговорах с Сербией и Черногорией.

2 января с особым курьером начальник генерального штаба отправил первое свое письмо к Мольтке, начавшее особо интересную переписку между ними.

Нужно сказать, что опубликование Конрадом своих писем к начальнику германского генерального штаба было встречено в военных кругах современной Германии с большим огорчением. Причину этого читатель увидит из тех откровенных писем Мольтке, каковые отправлялись им в Вену.[1]

Письма, главным образом, касаются конкретных соображений о действиях армий союзников в случае войны с Россией; поэтому здесь мы будем говорить только о тех местах их, кои касаются политических взглядов обоих корреспондентов.

«Монархия считается с возможностью военных осложнений на Балканах, затем с вооруженным конфликтом с Россией и Италией, при чем это могло бы послужить поводом для выступления Германии на стороне монархии», — так Конрад начинает письмо и далее сообщает, что Эренталь, после сношения с Бюловым, предложил Францу-Иосифу начать переговоры между двумя начальниками генеральных штабов о совместных боевых действиях.

«Его величество согласился и приказал, чтобы я начал эти переговоры в форме писем, которые мною будут Вам адресоваться не иначе как после доведения их до сведения министра иностранных дел».

---

[1] Обида на своего нескромного бывшего союзника зашла настолько далеко, что составители «Истории государственного архива» не нашли даже писем Конрада к Мольтке в делах бывшего германского генерального штаба, оставляя на совести австро-венгерского начальника генерального штаба достоверность публикуемых им документов. Можно было бы предположить, что письма Конрада хранились в личном архиве Мольтке, но опубликованная женой переписка бывшего начальника германского генерального штаба также их не приводит. Остается предположение, что Мольтке сжигал эти письма... Однако, такая гипотеза, по нашему мнению, не выдерживает критики, и мы уверены, что при более тщательных поисках, — в чем желаем удачи, — государственный архив в Берлине найдет документы, копии которых хранились в Вене! Конечно, это возможно при одном условии: если государственный архив пожелает этого достичь и поведать нам о том. У нас же нет оснований не доверять документам Конрада.

«Я был более склонен к тому, чтобы важные вопросы обсудить в личных разговорах и для этого съездить в Берлин, дабы в непосредственном общении с Вами установить основные отправные данные. Министр иностранных дел не согласился с этим, предпочитая сначала переписку».

Конрад излагает историю аннексии Боснии и Герцеговины, ускорившую решение тех вопросов, которые уже давно назревали. Великосербская пропаганда сделала врагами монархии Сербию и Черногорию, которые частью морально, частью материально поддерживаются европейскими государствами. Особенно монархия замечает эту поддержку со стороны Италии и России. Италия, по мнению австрийской дипломатии, не выступит враждебно против Австрии или, по меньшей мере, не будет активна. Меньше доверия заслуживает Россия, и поэтому нужно считаться с угрозой ее выступления, т. е. мобилизации ею своих сил.

«Если бы Германия,— пишет начальник генерального штаба,— согласно договору 1879 года выступила на стороне монархии, то возникает вопрос о действиях против Франции. Таким образом, при нейтралитете Италии, возможна война Германии и Австрии против Франции, России, Сербии и Черногории, причем считается, что Румыния, Болгария, Турция и Греция останутся также нейтральными». В дальнейшем Конрад переходит к обсуждению чисто военных соображений, которые мы пока опускаем. В заключении письма Конрад выражает *свое недоверие Италии* и просит сообщить, какую позицию займет Германия, если бы Италия выступила против монархии.

Так началась переписка двух начальников штабов союзных государств под контролем министерства иностранных дел, несмотря на то, что оба союзника были связаны договором уже с 1879 года.

В противном лагере — в франко-русском союзе — были установлены ежегодные совещания начальников штабов по плану войны. Прекратившиеся было во время японской войны, эти совещания с окончанием ее приняли регулярный характер. Мы не посвящаем читателя в подробности этих совещаний — и интересующихся отсылаем к другим трудам, — ибо своей задачей считаем исследование деятельности, главным образом, генеральных штабов серединных государств. С весны 1905 года завязались и сношения между английским и французским генеральными штабами по плану совместных военных действий.

Таким образом, к 1909 году налаживающаяся связь между военными учреждениями Вены и Берлина по плану войны на Востоке являлась более чем своевременной.

К началу 1909 года относится и возобновление переписки между Вильгельмом и Николаем Романовым. Мы не будем долго останавливаться на этой переписке, ибо искренности в ней было немного с обеих сторон. «Ники» просил «Вилли» удержать Австрию от нападения на Сербию, что грозило «европейской войной». Вилли же отвечал 9 января так: «Аннексия Боснии и Герцеговины была поистине сюрпризом для всех и, особенно, для нас, так как нас известили о намерениях Австрии даже позднее, чем тебя. Я считаю своим долгом обратить на это твое внимание потому, что Германию обвиняют в том, что она побуждала Австрию предпринять этот шаг. Обвинение это нелепо и так же ложно, как то, которое имело место

в случае с Санджакской дорогой... Дело в том, что раз Австрия, не посоветовавшись предварительно с нами, предприняла такой шаг, то для нас не могло быть никаких сомнений в том, каким путем должны итти мы, ее верные союзники. Мы не могли присоединиться к ее противникам...»

Уличая Россию в присоединении к Франции и Англии, а, следовательно, во вхождении во враждебный союз против Германии, Вильгельм указывал, что даже в настоящем кризисе Извольский программу конференции сообщил в Берлин позднее, нежели она появилась во французской печати.

«Если бы Россия посоветовалась с нами в нужную минуту, дела не были бы так осложнены и не были бы в том критическом положении, как сейчас. В нынешних же обстоятельствах я совершенно не вижу, что бы я мог сделать, кроме совета умеренности обеим сторонам, что я уже и сделал».

В конце письма Вилли сообщил, что он «не имеет ни малейшего сомнения, что Австрия не намерена атаковать Сербию»... Разражаясь негодованием на «маленькие балканские государства», которые «крайне беспокойны», Вилли делал намек, что «малейшее подбадривание с любой стороны делает их бешеными».

Такое «подбадривание» Сербии Берлин, без сомнения, видел со стороны России.

Аннексия, как таковая, потеряла свою остроту, и ныне дипломаты были обеспокоены вооружениями Сербии и Черногории, которые могли вызвать ответное нападение Австро-Венгрии.

С другой стороны, не был разрешен конфликт между Болгарией и Турцией, который также мог заронить искру войны.

Петербург старался всеми силами погасить оба эти разгорающихся костра, видя, что Германия перешла к активной поддержке Австрии на Балканах, чего раньше не было. А между тем, оба союзника России — Англия и Франция, отвлеченные Марокко, занимали сомнительную позицию в балканских делах. Извольский не обнадеживал себя поддержкой этих стран, и если даже таковая была бы оказана, то только дипломатическим путем. Позиция русского министра иностранных дел усложнялась взволновавшимся аннексией общественным мнением буржуазных кругов русского общества, подогревавших славян к борьбе с Австрией. «Ненормальному правительству» не удавалось следовать путями, начертанными Конрадом в беседе с русским военным агентом.

Положение не улучшилось, когда *январь 1909 года* принес с собою *ограничение политических целей*, преследуемых ранее Эренталем.

Эренталь ставил ныне себе задачей только обеспечение аннексии Боснии и Герцеговины, оставляя в наследство своему заместителю захват Сербии. Конрад объясняет такое изменение целей влиянием венгерской половины монархии, особенно — энергичного Стефана Тиссы.

Начальник генерального штаба все еще продолжал настаивать на доведении конфликта до войны, а потому просил Эренталя привлечь на свою сторону Турцию и Болгарию.

Здесь дипломатии Вены приходилось разрешить довольно трудную задачу: нужно было не только уладить свои дела с Турцией, но помирить ее с Болгарией и даже сделать этих вчерашних врагов союзниками. Что

касается Болгарии, то пожелания Конрада было не так трудно осуществить.

22 января военный агент монархии в Софии сообщил, что им предприняты шаги к нащупыванию почвы для заключения военной конвенции с Болгарией. Его предположения встретили сочувствие у военного министра и Фердинанда.

В своем письме к Эренталю от 3 февраля Конрад сообщал, что он придает значение конвенции с Болгарией только в том случае, если удастся использовать против Сербии болгарскую армию, но в то же время в расчеты начальника штаба не входило нарушение, из-за этой конвенции, военного соглашения с Румынией и разрыв с Турцией. Вопрос о военной конвенции с Болгарией повис в воздухе, тем более, что вскоре Извольским был улажен вопрос об уплате болгарами 82 миллионов франков, и Болгария воздерживалась связать себя обязательствами с Австрией.

Наконец, пришло ответное письмо Мольтке, датированное 21 января 1909 года. Берлинский друг прежде всего высказывал живейшую радость по поводу полученного письма и приносил союзническую благодарность за совместную работу по плану войны.

Прежде чем начать обсуждение возможной обстановки будущей войны, Мольтке просит принять заверение, вполне согласное с мнением Вильгельма, что «Германия, если Россия нападет на монархию, всеми силами встанет на сторону Австро-Венгрии, как это предусмотрено договором 1879 года». «По этому вопросу,—пишет Мольтке,—господствует полное единодушие и у политических руководителей обеих сторон. От развития политических событий будут зависеть и военные предположения».

Указав, что конфликт Австрии с Сербией и Черногорией может закончиться или мирно или же оружием, Мольтке отмечает, что в последнем случае выступление России Конрадом учитывается вполне правильно. Россия, по мнению Мольтке, слаба в военном отношении, и объясняется это не столько революционным движением, сколько финансовыми затруднениями. Несмотря на то, что правительство России не желает ввязываться в войну, под давлением общественного мнения оно вынуждено будет решиться на нее.

Не собираясь быть пророком, Мольтке набрасывает следующее развитие политических событий.

Сербия под влиянием тяжелого экономического кризиса и внутренних затруднений может броситься в отдельную войну против Австро-Венгрии и развить сильнейшую пропаганду. «Тогда монархии ничего иного не остается, как перейти в наступление против Сербии».

«Я полагаю,—продолжаат начальник германского генерального штаба,—что только вторжение Австрии в Сербию могло бы исключить вероятное активное вмешательство России. Это же последнее дает повод для выступления Германии... В то самое время, когда Россия объявит мобилизацию, должна таковую объявить и Германия, и при этом — всей своей армии».

Затем Мольтке считает необходимым рассмотреть позицию ближайших соседей, указывая, что для Австрии особое значение приобретает нейтралитет Италии, а для Германии — Франции. Конечно, Конраду лучше известно положение в Италии, которое он может и лучше оценить, но так как итальянская армия медленными шагами идет по пути совершенство-

вания, а землетрясение в Мессине вынуждает залечивать раны, то, по личному мнению Мольтке, «Италия в настоящее время не будет стараться вступить в конфликт с Австрией и таковая может свободно провести свое дело на Балканах». «Если же Австрия, — пишет он, — подвергнется нападению Италии, то я могу заверить, что прикрытие тыла союзного товарища Германия рассматривает как вполне понятную свою обязанность».

«Гораздо серьезнее, по-моему, — продолжает начальник германского генерального штаба, — отношения между Германией и Францией». В Германии убеждены, что Франция не желает войны, но, без сомнения, мобилизация германской армии вынудит и Францию произвести мобилизацию. Две же армии, подобные немецкой и французской, не могут стоять мобилизованными друг против друга без вооруженного столкновения. Затем, по мнению Мольтке, союзные обязательства заставят Францию притти на помощь России. При современном взаимном положении Антанты и тройственного союза «едва ли одно из европейских больших государств может вынуть меч без того, чтобы не затронуть всего континента, который, по соответствующим обязательствам, встанет на ту или иную сторону». «Таким образом,—говорит Мольтке,—я полагаю, что если Германия мобилизуется против России, то одновременно должна считаться с войной против Франции. Распространится ли эта война дальше и перебросится ли через море, — я не хочу здесь вдаваться в предсказания».

Если Франция объявит войну во время мобилизации, то это нужно только приветствовать, так как обстановка сразу выяснится.

«Обрисованная здесь обстановка, — продолжает Мольтке, — хорошо известна всей европейской дипломатии и, может быть, в ней и лежит гарантия, что ни одна из великих держав не зажжет из-за сербской амбиции факела войны, который может подпалить крышу всей Европы. Что при вооруженном конфликте Австро-Венгрии с Сербией такие мотивы вынудят Россию остаться нейтральной, — это для меня кажется вероятным».

«Я хочу этими доводами обосновать положение, что при возникновении войны между Австрией и Россией Германия, согласно договору 1879 года, станет на сторону австро-венгерской монархии».

В дальнейшем Мольтке переходит к специальным технически-военным соображениям по плану войны, о чем мы будем говорить в своем месте.

Выразив еще раз благодарность и уверенность в получении от Конрада дальнейших соображений, начальник германского генерального штаба заканчивает письмо указанием, что о содержании его известно Вильгельму.

С письмом Мольтке Конрад 29 января явился к Эренталю. Министр иностранных дел был очень обрадован и полагал, что соотношение сил, в случае войны, сложится гораздо выгоднее, чем то полагают оба начальника штаба, так как Россия вынуждена будет оставить значительное число войск в Москве и Петербурге. Вместе с тем Эренталь сообщил, что он, в ответ на просьбу Конрада, обещал Болгарии свободу действий в Македонии за обеспечение тыла монархии от покушений Сербии, но при условии, что Болгария откажется от своих притязаний на румынской границе. Турции же министр хочет гарантировать неприкосновенность Санджака.

Если Эренталь ограничил свои цели, то для давления на Сербию и Черногорию в вопросе признания аннексии не было, по его мнению, нужды в сосредоточении крупных сил на южной границе, а потому в беседе с Конрадом Эренталь поднял вопрос о выставлении «обсервационного корпуса» на средней Дрине. Против такого предложения, естественно, возразил начальник генерального штаба, видя в этом не что иное, как игру в половинки. Конрад продолжал упорно стоять на решительном разгроме Сербии, так как в противном случае жертвы войны не оправдают себя.

Одну из причин уступки Эренталя Пуанкаре видит в том, что «младотурецкий кабинет, приписывая происках со стороны Вены объявление независимости Болгарии, прекратил все коммерческие сношения с Австро-Венгрией». «Эренталь был вынужден пойти на соглашение с Турцией. Он отказался в январе 1909 года от прав, которые были предоставлены Австро-Венгрии Берлинским трактатом в отношении Санджака, обещал установить религиозную свободу для мусульман в Боснии и Герцеговине, обязался уплатить в виде возмещения убытков $2^1/_2$ миллиона турецких фунтов и получил взамен признание аннексии».

Мы должны здесь отметить, что указанная причина была довольно веской, если учесть размеры вывоза из Австро-Венгрии в Турцию.

Ввоз в Турцию из Англии, Германии и России достигал следующих размеров:

Государства	1905,6 г. (тыс. фунт. стерлингов)	1908/9 г. (тыс. фунт. стерлингов)
Англия	9.642	8.257
Германия	1.163	1,698
Россия	1.597	2.188

Австро-Венгрия постепенно увеличивала свою торговлю с Турцией, и в 1910/11 гг. ввоз из Австрии достигал 6 772 тысяч турецких фунтов (турецкий фунт = $^9/_{10}$ англ. ф. стерл.). Иными словами, Австро-Венгрия была на втором месте после Англии по ввозу товаров в Турцию, обгоняя Россию и Германию. Такая экономическая заинтересованность Австрии в Турции диктовала и умеренные шаги в политике. Это было весьма понятно Эренталю и совершенно не усваивалось начальником генерального штаба, далеким от экономики.

Обеспокоенный уступками Эренталя, Конрад 30 января на докладе у Франца-Иосифа, ввиду неясности политической ситуации, просил об увеличении войск в аннексированных областях, а также доложил, что, по сообщению сербского подполковника генерального штаба Милютиновича, *Сербия не будет готова до мая 1909 года.* В этот же день начальник генерального штаба получил разрешение войти, с согласия Эренталя, в сношение с болгарским генеральным штабом.

2 февраля из Вены в Берлин отправился состоящий для поручений при Конраде с письмом к Мольтке и с выдержками из плана войны против России, необходимыми для начальника германского генерального штаба.

В письме, датированном 26 января, Конрад, присоединившись к мнению Мольтке, что война монархии против Сербии и Черногории не зажжет общего пожара, излагал свои конкретные соображения по различным вариантам плана. В конце письма начальник генерального штаба выражал уверенность, что, при нежелании в данное время Франции вести войну, *своевременное и решительное заявление Германией России, что русская мобилизация вызовет ответную мобилизацию в Германии, может оказаться достаточным*, чтобы удержать в России и Франции военный шовинизм, разбуженный панславизмом и происками Англии. Письмо заканчивалось снова указанием, что содержание его известно Францу-Иосифу и Эренталю.

Складывающаяся «военно-политическая» обстановка в начале 1909 года расценивалась Конрадом как вполне благоприятная для ведения войны с Сербией.

Данные из Петербурга говорили о том, что там и могли бы рискнуть на войну с Австрией, однако, отдавали себе отчет, что воевать с ней и Германией Россия никоим образом не может.

В этих видах Конрад продолжал настаивать на посылке подкреплений на юг и проведении других мероприятий, связанных с войной.

Но начальник штаба не встречал сочувствия у руководящих лиц. Франц-Иосиф, Франц-Фердинанд, Эренталь и даже военный министр — *все были против войны.*

Эренталь решительно противился посылке подкреплений на юг, так как боялся этим повредить отношениям с Турцией. Он предполагал сначала договориться с Турцией, затем послать ультиматум Сербии и надеялся, что с признанием Сербией аннексии никакой войны не будет.

В одной из бесед Конрада с Эренталем в феврале месяце 1909 года разговор перешел на разоружение Сербии, которого необходимо было бы потребовать от нее, при чем начальник генерального штаба, опираясь на Тильзитский мир Наполеона в 1807 году, предложил установить ограниченную численность армии мирного времени и обязать Сербию не иметь орудий. Бедный Конрад не подозревал изменчивости судьбы, которая проектируемые им в 1909 году меры в отношении Сербии в 1918 году перенесла на Австрию! Не забыта Конрадом, конечно, была и Черногория, каковая также должна была испытать тяжелую руку начальника генерального штаба.

Признание аннексии пока не приходило ниоткуда, кроме Германии, а между тем сербы продолжали свои вооружения.

14 февраля Конрад добился приказа о дальнейшем усилении войск в Боснии и Герцеговине, но через два дня Эренталь помешал его осуществлению.

В письме от 16 февраля на имя начальника военной канцелярии отсутствовавшего Франц-Фердинанда, Конрад, ориентируя его о происходившем в Вене, в заключительной части письма поучал, что «каждая война является сомнительным делом, но в этом, однако, нельзя искать причин, чтобы избегать ее, когда обстановка приводит к войне, или если нельзя предсказать верно ее исхода. Ясно одно,—писал он,—что следует, по возможности, хорошо подготовиться к войне и встретить со спокойной покорностью и без нервности грядущие события».

Между тем, приближалось 1-е марта — срок, определенный Конрадом для окончания военных приготовлений на юге. Далеко еще не все было сделано, а главное — не посланы дальнейшие подкрепления.

18 февраля в беседе с Конрадом министр иностранных дел развил свой план действий: сначала он кончает договариваться с Турцией, затем в середине марта предъявляет Сербии ультиматум, предварительно получив от Бюлова согласие на поддержку. Угрозы Извольского русской мобилизацией считаются им простым блёфом, что, по замечанию Конрада, было верно оценено, в особенности, если Германия объявит, что она мобилизуется, как только Россия сделает к этому шаг. Франция не склонна к войне, и, наконец, из Берлина сообщают, что выступление Италии против монархии исключено. Таким образом, по мнению Эренталя, со стороны европейских держав не будет препятствий к наступлению на Сербию. Если Сербия не пойдет на соглашение, то в соответствии с этим, должно быть произведено и усиление войск в Боснии и Герцеговине.

Против такого плана Конрад выставил доводы, что усиление войск должно быть произведено уже до начала переговоров с Сербией, так как для перевозки их понадобится 9 — 10 дней; если при этом пресса будет сдержана, то такое усиление будет неожиданным для противника.

Однако, в письме 24 февраля Конрад снова просил Эренталя выяснить позицию России, отмечая попутно болтовню прессы о карательной экспедиции в Сербию.

На следующий день Эренталь уведомил Конрада, что составленный им план действий не может быть изменен, а также сообщил о получении вполне благоприятного ответа от Германии о поддержке.

Одновременно пришло письмо Мольтке, в конце которого сообщалось, что он, «разбирая оперативную обстановку, в интересах сохранения мира, все же приветствовал бы, если бы Австрия и Россия могли притти к соглашению».

«В этом случае,— писал Мольтке,— я могу предполагать, что отношения монархии к Германии не подверглись бы изменению».

«Если бы обстоятельства привели к войне, — заканчивает письмо начальник германского генерального штаба, — то я полагаю, что важные цели должны заслонить собою второстепенные, что поражение России и Франции должно быть поставлено прежде всего. Если это будет достигнуто, то сербский вопрос для Австрии решится легко».

3 марта Конрадом снова было получено письмо от Мольтке, в котором начальник германского генерального штаба, сообщая данные о распределении русскими их сил в случае войны, в конце отмечал: «Кажется, Франция не хочет войны и оказывает в этом уже заметное давление на Россию. Как и раньше я указывал, сдержанность России зависит от того, насколько правительство чувствует в себе силы противостоять новому панславистскому подъему».

В своем ответном письме от 8 марта Конрад писал, что, по его мнению, как бы ни было ценно соглашение Австрии с Россией, но Австрия всегда будет на стороне Германии, и, в свою очередь, было бы желательно соглашение Германии с Россией, о чем он уже писал в письме от 4 февраля.

Февраль месяц все же подвинул аннексию к развязке.

Заключив соглашение с Германией по марокканским делам в начале февраля 1909 года, Франция пыталась всеми мерами уладить конфликт Австрии с Сербией, лишь бы не быть втянутой в войну. «Мы честно исполнили долг союзника, говорил французский министр иностранных дел русскому послу в конце февраля, — но так как для наших двух стран, из которых ни одна не желает войны, создалось весьма опасное положение, то я считаю своим долгом не доводить дело до крайности». По мнению Извольского, Франция «со всеми пожитками» перешла на сторону Австрии.

Политика Англии, пытавшейся придать спору Австрии с Сербией и Черногорией европейский характер, не увенчалась успехом.

Хотя Англия и намерена была оказать Петербургу лишь дипломатическую поддержку, но уже положение в Европе весной 1909 года, по мнению Черчилля, было настолько серьезно, что необходимо было подумать об увеличении морского могущества островов. Таковое увеличение, в виде постройки четырех судов, и было решено правительством Англии.

Германия пыталась выступить с предложением потребовать от Сербии прекращения вооружений и непосредственных переговоров с Веной.

Извольский во-время посоветовал сербам пойти на соглашение и обратиться к защите европейских государств. Эти шаги Сербии не удовлетворили Эренталя, и он продолжал настаивать на полном признании Сербией аннексии, как совершившегося акта.

Разговоры в Петербурге о военном воздействии на Вену окончились признанием своей слабости.

В своем дневнике (запись от 16 февраля ст. стиля) помощник военного министра Поливанов отмечает: «Вчера (28 февраля н. с.—*Б. Ш.*) на совещании у Столыпина по политическим вопросам пришли к убеждению, что нам надо стоять в стороне от всех осложнений. Начальник генерального штаба докладывал соображения начальника штаба Киевского округа о возможности мобилизации 4 австрийских корпусов на нашей границе, в случае движения Австрии в Сербию, и о том, что и нам в таком случае следует произвести «учебные сборы» в пограничных полках Киевского округа; от этого предполагается воздержаться».

Неизвестно, долго ли тянулись бы дипломатические ухищрения Петербурга и Вены, но Германия и Англия, не договорившись по программе развития флота, решили принять энергичные шаги к окончанию кризиса, дабы развязать себе руки на будущее.

В то же время, в первых числах марта, Эренталь достиг соглашения о признании аннексии Турцией, получив большой козырь в свои руки и выполнив часть своей программы. Можно было избежать войны, а между тем, начальник австрийского генерального штаба, взяв в руки факел войны, не хотел расставаться с ним.

Представляя 12 марта Францу-Иосифу на утверждение план войны с Сербией, Конрад отмечал необходимость усиления войск. По его мнению, эта мера не только не могла вызвать войны, — так как, если последняя противниками в принципе решена, то усиление войск не остановит принятого им решения,—но, наоборот, если Сербия и Черногория не хотят вооруженного конфликта, то усиление войск лишь побудит их скорее пойти

на уступки. На указание Франца-Иосифа, что решение последует в течение ближайших 1 — 2 дней, 14 или 15 марта Конрад ответил, что следует отмежеваться от политики, так как дипломатия потом замкнется в самой себе, а солдаты будут нести ответственность перед всем миром.

13 марта состоялся совет министров об усилении войск в Боснии и Герцеговине, закончившийся решением начать его 15 или 16 марта.

15 марта Эренталь писал Конраду об утверждении постановления совета министров и одновременно ставил его в известность, что Сербия идет на уступки и в течение 14 дней начнутся дипломатические переговоры с Сербией, которые не подлежат обсуждению в печати.

Войска отправились на юг, в генеральном штабе и военном министерстве шла полным ходом подготовка к мобилизации.

В это же время Эренталь пытался через Англию и Францию воздействовать решительно на Сербию, но безуспешно.

Зато более успешны были шаги германского посла в Петербурге Пурталеса. 15 марта он передал Извольскому ноту, в которой германское правительство указывало, что если Россия не окажет воздействия на Сербию, то Берлин предоставляет Австрии «свободу действий».

19 марта под председательством Николая II состоялось совещание министров, на котором, по словам Поливанова, «была установлена невозможность для нас войны, и решено было на ноту ответить уклончиво». «Однако, германское правительство таким ответом не удовлетворилось и прислало ультиматум, где требовало по поводу аннексии категорического «да» или «нет», предваряя, что ответ уклончивый будет признан равносильным «нет», и что в этом случае на Россию падет вся ответственность в дальнейшем.

Участник этого совещания Сухомлинов, бывший тогда начальником генерального штаба, в своих «Воспоминаниях» пишет так: «Незадолго до моего назначения военным министром (назначение состоялось 26 марта по новому стилю. — *Б. Ш.*), в марте месяце 1909 года, в Царском Селе под председательством государя состоялось совещание по поводу аннексии австрийцами Боснии и Герцеговины, при чем генералу Редигер поставлен был вопрос, готова ли наша армия к активным действиям».

«Ответ был отрицательный, — продолжает Сухомлинов, — а на вопрос министра юстиции И. Г. Щегловитова, в какой мере вооруженные силы наши способны в оборонительном смысле для защиты от вторжения в наши пределы, — генерал Редигер точно так же категорически заявил, что они совершенно не боеспособны. Испуг собравшихся нечего и описывать. Из его объяснений оказалось, что японская война истощила всю материальную часть, которую не смогли пополнить, а проведение без предварительных предупреждений сокращения сроков службы и одновременная демобилизация совершенно расстроили кадры войсковых частей, которые, при этом в таком слабом по составу комплекте, были из пограничных округов в значительном числе командированы, по требованию гражданских властей, во внутренние округа».

«Уклончивый ответ», который было решено дать Германии на совещании 19 марта, на следующий день, 20 марта, был передан Извольским Пурталесу.

Однако, 22 марта германский посол вручил подлинный ультиматум с

предложением дать немедленный и неуклончивый ответ, при чем самое поведение Пурталеса и его тон говорили о том, что Берлин решил довести дело до разрыва.

Несмотря на то, что в тот же день была послана по династической линии любезная телеграмма Вильгельму, ответа на нее не последовало.

Приходилось подчиниться Берлину, и «Наполеон, который начал свою карьеру с Ватерлоо» — Извольский, не посоветовавшись ни с французским, ни с английским послами, 26 марта принял ультиматум.

Подчинение России, однако, еще не исключало возможности войны Австрии с Сербией; этого даже не скрывал и «Вилли» в своем ответном письме к «Ники».

Возможность покончить конфликт с Сербией мирным соглашением привлекала все венское правительство. Один только начальник генерального штаба звал к войне, находя для этого и деньги.

По расчетам, стоимость войны в течение трех месяцев исчислялась в 800 миллионов крон, каковую сумму, по мнению министра финансов, Австро-Венгрия может затратить.

Хотя Россия и выбыла теперь из игры, но Сербия еще медлила с ответом.

29 марта состоялся совет министров, на котором было решено все же послать войска в Боснию и Герцеговину, а также объявить мобилизацию против Сербии и Черногории. «Эренталь ныне считается с войной»,— говорит Конрад.

С чувством удовлетворения покинул начальник генерального штаба заседание совета министров, не думал, что через день весь кризис разрешится миром.

31 марта в Вене была получена нота Сербии о признании аннексии и приведении своей армии к численности весны 1908 года.

«Когда эта нота была получена в Вене, министр иностранных дел, военный министр и оба министра-президента заявили, что монархией достигнут большой успех и всякие поводы к вооруженному столкновению отпали; понятно, что император и Франц-Фердинанд присоединили свои голоса к большинству совета министров».

«Я, — говорит Конрад, — был другого мнения» и «с тяжелой заботой смотрел на грядущее будущее».

19 марта начальник германского генерального штаба в письме к Конраду признавал политическое положение не выясненным.

Отвечая на это письмо только 16 апреля, Конрад также писал, что «если вероятность современного вооруженного конфликта с Россией ныне миновала, то кажется, что в будущем он, тем не менее, не исключен, ибо Россия все усилия направит к тому, чтобы укрепить свою позицию в Западной Европе, особенно же в славянских государствах, и вернется опять к своей балканской политике».

Признав затем всю полезность происшедшего обмена мнений, Конрад выражал уверенность, что Германия и монархия так же будут поддерживать друг друга, как это документально зафиксировано с германской стороны теперь».

После долгого промежутка времени, 14 сентября 1909 года, Мольтке отвечал на апрельское письмо Конрада. Подчеркнув, что для успешного

проведения совместных операций имела бы большое значение дружба обоих штабов, начальник германского генерального штаба продолжал: «Я не считаю себя в праве обсуждать желательность возможного столкновения. В этом частном письме я могу только вполне согласиться с Вами, что не была использована обстановка, которая едва ли так скоро сложится благоприятно. Я твердо уверен, что если бы удалось ограничить войну в рамках столкновения между Австро-Венгрией и Сербией, то монархия, после победного ее завершения, окрепла бы внутренно, усилилась бы на внешнем фронте и не так-то легко было бы затевать новые конфликты на Балканах. Если бы Россия выступила, и развернулась европейская война, то обстановка для Австрии и Германии теперь была бы во много раз лучше, чем она может быть в грядущие годы. Будем смотреть с доверием на будущее. Пока Австрия и Германия стоят плечо к плечу, пока каждая из них полна готовности поддержать другую, до тех пор они настолько сильны, что могут разорвать всякий круг. На этом средне-европейском блоке могут ныне поломать зубы».

Похвалив Конрада за образцовую подготовку к войне, начальник германского генерального штаба заканчивал письмо уверением, что за доверие будет отплачено тем же доверием.

Ныне Конрад публикует это письмо Мольтке, как доказательство справедливости своих тогдашних доводов о необходимости разгромить Сербию.

Свой взгляд на мирный исход конфликта начальник австрийского генерального штаба счел необходимым довести до сведения Франца-Иосифа в особом мемуаре о политическом положении, представленном 2 апреля 1909 года.

В нем Конрад отмечает, что кажущийся успех монархии поведет только к усилению Сербии и Черногории, что они и не преминут сделать. Обрисовав слагавшуюся благоприятную обстановку для войны, начальник генерального штаба доказывает, что не включенные в состав монархии Сербия и Черногория будут постоянной угрозой для Австро-Венгрии, и в будущем грядет война на нескольких фронтах, так как Россия, Италия, Сербия и Черногория будут усиливаться и готовиться к войне. Исход Конрад видит в одном: в развитии армии и флота до крайнего напряжения.

Когда Конрад в беседе с Эренталем затронул вопрос о том, какая опасность грозит в будущем при оттяжке в разрешении сербского вопроса, министр иностранных дел ответил: «Нечего думать ныне о превентивной войне» и при этом сослался на аналогичную фразу никого иного, как Бисмарка. Однако, начальник штаба не был обескуражен ссылкой на такой авторитет и заявил, что он разделяет войны на: 1) целесообразные, которые рано или поздно, но придется вести, а потому в них нужно вступать тогда, когда обстановка благоприятствует; 2) бесцельные, кои ведутся при неблагоприятной обстановке, и 3) неизбежные, в которые вынуждены вступать по воле противника. Что же касается поучения Бисмарка, то не меньший авторитет,—Фридрих Великий—3 июня 1761 года писал английскому министру Питту, что «без сомнения каждый, если он только немного благоразумен, не даст времени своему противнику спокойно закончить всю подготовку к войне, но, наоборот, использует свои преимущества в этом, чтобы оказаться в наиболее выгодной обстановке».

Не смирилась душа воинственного полководца Габсбургов и ныне. В своих воспоминаниях Конрад осуждает политику Эренталя, не считавшего войну в 1909 году необходимой формой общественных отношений. Начальник генерального штаба считает утопией «вечный мир» и, по его мнению, тот народ, который роняет из рук свое оружие, вместе с тем предрекает и свою судьбу.

Доказывая, что после 1866 года, вся политика монархии должна была быть сосредоточена на Балканах, и развертывая перед нами историю балканского вопроса, Конрад видит в шагах дипломатии Дунайской империи только одни полумеры. Между тем, давно следовало балканский вопрос решить оружием. В 1878 году высокие дипломаты империи Габсбургов полагали, что для оккупации Боснии и Герцеговины достаточно будет одной роты с оркестром музыки, а в действительности пришлось не только произвести одну частичную мобилизацию, но обратиться и к следующему призыву под знамена запасных.

Аналогичное положение было и ныне. Вместо того, чтобы, при благоприятной обстановке, разгромить Сербию и Черногорию, Эренталь оставлял своему заместителю тяжелое наследство.

Так оценивал значение первого балканского кризиса начальник генерального штаба Дунайской империи.

Как же обстояло дело в действительности?

После дипломатического поражения России Англия и Франция поняли, что начинается подлинная война с Германией, что Берлин не преминет создать новые кризисы, которые могут и не пройти так, как погашено было назревшее балканское недоразумение. Кризис сблизил Австрию с Германией, но, с другой стороны, он же окончательно толкнул Россию в объятия Англии. Отныне возможность европейской войны зависела исключительно от Берлина и Лондона, от их развивающейся борьбы за господство на море, за мировую торговлю.

Военные преимущества были на стороне серединных государств, начальники генеральных штабов которых и звали к использованию благоприятной обстановки на военном поле.

Но одной ли войной достигается разрешение мировых проблем? Для генеральных штабов это было аксиомой, тогда как дипломаты высказывали иные соображения. Эренталь оказался противником превентивной войны и ограничил в ходе кризиса свои политические цели. Допустим, что счастье сопутствовало бы оружию Габсбургов на сербских полях, но не повело ли бы оно за собой еще большее ослабление внутреннего состояния монархии и не приблизило ли бы еще на несколько шагов к гибели?

Бисмарк говорил, что «политика требует специальных знаний для разрешения вопроса, необходима ли война, и когда именно, и как ее избежать с честью». Австро-Венгрия, в лице Эренталя, «с честью» избежала войны, тогда как «ненормальное правительство» Петербурга с позором уступило требованиям Германии. Причины крылись в том, что в то время как Эренталь сознавал, что война в настоящее время опасна для монархии, а потому и пошел на понижение требований, русское правительство, отдавая себе отчет в своей слабости, пыталось итти путем дипломатических ухищрений, приведших его к тупику.

Правда, в конце концов аннексия была преддверием мировой войны; государства Европы, как известно, оказались бессильны в разрешении балканского вопроса.

Говоря о балканском вопросе, Маркс писал: «Правительства с их старомодной дипломатией никогда не решат этого затруднения. Турецкая проблема, вместе со многими другими, может быть решена только европейской революцией».

Этой истины, однако, не усвоили ни буржуазная дипломатия, ни тем более генеральные штабы. Последние видели выход в одном — в применении оружия, в войне, к которой и звали свои правительства.

Политический барометр Европы показывал переменно, но имел тенденцию пойти на бурю...

ГЛАВА IV

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

«Восток — настоящий кошмар, «une boîte à surprises» (коробка с сюрпризами). — Мемуар Конрада от 2 апреля 1909 года. — «Каждая политика должна основываться на военной силе». — Эренталь и Шонайх против Конрада. — Частичное и временное изменение положения о начальнике генерального штаба. — Попытки Конрада войти в связь с румынским генеральным штабом и противодействие этому Эренталя. — Встреча Конрада с Мольтке на маневрах. — Беседа Вильгельма с Конрадом. — Доклад Конрада 12 июля 1909 года. — «Только активная политика в силах обеспечить неприкосновенность страны». — Хлопоты об увеличении армии и флота. — Предложение атаковать теперь же Сербию. — Письмо Конрада к Эренталю 2 июля 1909 года с просьбой сообщить направляющие линии политики. — Два вида политики и влияние их на военную подготовку. — Обязанности Конрада. — Необходимость подготовки к войне и разрабатываемые штабом варианты. — Памятная записка Эренталя от 15 августа 1909 года. — Клаузевиц в понятии министра иностранных дел. — Политические итоги аннексии. — Сербский вопрос должен быть решен внутри монархии. — Позиция России и возможность войны балканских государств с Турцией. — Включение Сербии мирным путем в состав монархии. — Политика собирания сил и выжидания». — Эренталь о развитии армии и флота. — Политические взаимоотношения государств Европы за 1909 — 1911 года. — Мемуар Конрада за 1909 год. — Необходимость иметь наиболее вероятный вариант войны. — Конкретная военная подготовка требует предусмотренной на годы политической ситуации. — Длительность работы по плану современной войны. — Враги и союзники. — Превентивная война с Италией, Сербией и Черногорией. — Направляющие линии политики по Конраду. — Конрад не вмешивается в круг ведения Эренталя. — Переписка Конрада с Мольтке в 1910 году. — Конрад высказывает пожелание, чтобы дипломатия предотвратила европейскую войну. — Проекты Мольтке о действиях при нейтралитете Франции. — С объявлением мобилизации должно быть ясно, кто друг и кто враг. — Румынские вылазки в Берлине и Вене: обмен мнениями по плану войны. — Новые друзья. — Характер отношений Конрада с Эренталем в 1910 году. — Мемуар Конрада за 1910 год. — Друзья и враги. — Сущность конкретной военной подготовки и намеченные варианты плана войны. — Необходимость превентивной войны для Австро-Венгрии. — Война подобна крупной финансовой операции. — Истинное понимание Клаузевица в толковании Конрада. — Албанское восстание в 1911 году. — Турецкий военный агент у Конрада, скрытые цели визита и ответы Конрада. — Письмо Конрада к Эренталю 24 сентября 1911 года о необходимости использовать выступление Италии в Триполи. — Агрессивная политика требует нападения. — Итало-турецкая война. — Военные агенты в Триполи. — Недовольство Конрада отпуском послов во время кризиза. — За военных агентов несет ответственность Конрад, а не Эренталь. — Трения в союзе серединных государств и хлопоты Конрада о прочности союза. — Конрад — доверенное лицо Вильгельма.

Спустя 30 лет после Берлинского конгресса (1879 г.), пытавшегося установить спокойствие на Балканах, Австро-Венгрия аннексией Боснии и Герцеговины снова сгустила атмосферу на полуострове.

Положение на Балканах приковывало к себе внимание, и Вильгельм

в своем письме к «милейшему Ники» от 8 мая 1909 года писал: «Отправляясь на Корфу, я рассчитывал на спокойные праздники. Но, увы, то не было суждено. В Константинополе разразилась еще революция. Видно, нам, бедным правителям, не дано пользоваться каникулами, как простым смертным. Волнения на Востоке очень тревожили тогда (во время аннексии — *Б. Ш.*,) тревожат и теперь. Восток — настоящий кошмар, «une boîte à surprises» (коробка с сюрпризами).

В предыдущей главе мы видели, что аннексия была лишь первым сюрпризом», за которым должны были, по предложению начальника генерального штаба Дунайской империи, последовать и другие в виде уничтожения самостоятельной Сербии и т. д. Из переписки между Вильгельмом и Николаем II видно, что Петербург отдавал себе отчет в возможности встретиться на Балканах с новыми неожиданностями со стороны Австрии.

Правда, министр иностранных дел Эренталь мудро остановился в своем наступлении на Балканах, предоставив своему преемнику творить активную политику. Не так думал начальник генерального штаба, усматривавший в этой остановке гибельное будущее для всей монархии Габсбургов.

Балканский вопрос привел Конрада к необходимости вновь пересмотреть и установить основные направляющие линии внешней политики. Этим и характеризуется время после аннексионного кризиса до начала Триполитанской войны Италии.

По размерам нашего труда мы не можем подробно развивать взглядов Конрада на внешнюю политику и вынуждены ограничиваться лишь общими выводами.

Как уже известно, в своем мемуаре от 2 апреля 1909 года начальник австро-венгерского генерального штаба высказывал огорчения мирным исходом кризиса.

Поступающие в генеральный штаб сведения говорили о продолжающихся вооружениях Сербии, и только профаны, по мнению Конрада, могли, с детской наивностью, не видеть надвигающейся военной грозы.

Размышляя о создающейся политической обстановке, Конрад видел две основных линии, по которым должны направиться заботы об обороне монархии: 1) развитие с полным напряжением вооруженных сил монархии и 2) проведение целесообразной, в союзе с другими государствами, политики.

«Каждая политика, — говорит начальник австро-венгерского генерального штаба, — должна основываться на военной силе, к которой она могла бы обращаться. Где собственные средства не дают возможности развивать до предела военную силу, там благоразумнее ограничиться вполне определенной, с ясно выраженными ближайшими целями, политикой в союзе с другими государствами; где же не увеличивают военную мощь, но рассчитывают исключительно на союзников, там должны считаться с опасностью поражения.

Аннексия выявила разногласия во взглядах трех ответственных руководителей: министра иностранных дел Эренталя, военного министра Шонайха и начальника генерального штаба Конрада.

Дипломатическая победа, одержанная Эренталем, сделала его менее уступчивым, а с ним вместе — и его друга, военного министра Шонайха.

Военный министр, видя, как Конрад не только стремится занять независимое положение, но и глубоко вникает в работу самого военного министерства, с окончанием кризиса начал настаивать на уменьшении сосредоточенных на юге войск, а равно предпринял решительные шаги по сокращению компетенции генерального штаба. 23 апреля 1909 года Шонайх вошел с докладом к Францу-Иосифу об ограничении прав начальника генерального штаба, особенно — в его директивных указаниях корпусным командирам.

1 мая Конрад выступил с защитой своих прав и просил письменного распоряжения Франца-Иосифа о том, что начальник генерального штаба имеет право давать директивные указания корпусным командирам, морскому командованию и обоим министрам народной обороны по всем оперативным, равно и иным вопросам, касающимся конкретной военной подготовки, не ограничивая своих директивных указаний лишь указаниями по сосредоточению армии. Вместе с тем, как нами отмечалось в первой книге, Конрад просил, чтобы военный министр согласовывал с начальником генерального штаба военный бюджет до внесения его в совет министров. Подобные свои требования Конрад находил вполне логичными и справедливыми, так как, по положению, начальник генерального штаба является ответственным за боевую готовность «всех вооруженных сил».

Борьба с Эренталем была труднее. Возникавшие во время кризиса разногласия вынудили Франца-Иосифа 15 апреля 1909 года отдать письменное приказание, чтобы все руководящие органы, на обязанности которых лежит развитие вооруженных сил, работали в полном согласии. 9-го же июня 1909 года временно, на один год, было внесено изменение в положение о начальнике генерального штаба: «В дальнейшем, — приказывал Франц-Иосиф, — я уполномачиваю начальника генерального штаба, для ориентировки, устно или письменно сноситься с моим министром иностранных дел».

Одно дело, конечно, отдавать приказы, а другое—проводить их в жизнь. Разногласия между Конрадом и Эренталем не могли быть сглажены одним распоряжением и грозили в будущем еще больше развиться.

Если с главным из союзников, Германией, Веной был установлен письменный обмен мнений по военным вопросам, то с другим союзником, Румынией, далее переговоров, не подтвержденных документами, с Карлом и начальником румынского генерального штаба дело не шло вперед. Хотя последний и обещал Конраду принять к разработке план развертывания румынских войск против России в Молдавии, в районе Ясс, но в австрийском генеральном штабе не было уверенности, что Румыния действительно остановится на этом районе сосредоточения, а не отнесет его к юго-востоку, за р. Серет, причем боязнь выступления Болгарии могла понудить Румынию ослабить себя на русском фронте, что не входило в расчеты Конрада. В этих видах он составил письменное указание военному агенту в Бухаресте, предлагая совместно с австрийским посланником добиться личного свидания с Карлом и переговорить конкретно по плану войны с ним, или с военным министром, или же с начальником генерального штаба. В конце письма значилось, что содержание его известно Францу-Иосифу и Эренталю, который дает, кроме того, непосредственное указание

посланнику. 8 марта 1909 года Конрад препроводил это письмо Эренталю для дальнейшей пересылки в Бухарест.

Однако, министр иностранных дел в начале мая, т. е. *два месяца спустя*, вернул письмо начальнику генерального штаба, сопроводив его своим, в котором указывал, что в данное время, в виду изменения политической ситуации, спешить не следует, а кроме того, и поводы к выступлению Румынии, приведенные в письме Конрада (на основе договора 1879 года), кажутся ему не отвечающими обстоятельствам. Решение Эренталя было одобрено Францем-Иосифом.

Таким образом, совместная разработка плана войны Конрадом с румынским генеральным штабом повисла в воздухе. До осени 1912 года дело ограничивалось неофициальными беседами Конрада с Граничано (начальник румынского генерального штаба), которые велись осенью 1909 года на маневрах в Австрии, а затем зимой 1909—1910 годов во время посещения Вены Граничано, как частным лицом.

В апреле месяце 1909 года переписка между Мольтке и Конрадом почти прекратилась, но за этот год они два раза виделись на маневрах, в Германии и Австрии, имея возможность непосредственно обсудить возникшие вопросы по плану войны. Ни тот, ни другой не посвящают нас в подробности этих бесед. Конрад указывает, что по всем злободневным вопросам было достигнуто полное единомыслие, и разница во взглядах обнаружилась лишь в оценке роли *Италии*. В то время как начальник австрийского генерального штаба сомневался в верности Италии тройственному союзу, Мольтке продолжал считать Италию надежным союзником и по плану сосредоточения рассчитывал на содействие итальянских войск в южной Германии. Под вопросом было военное содействие Румынии. На маневрах в Австрии к беседам двух начальников штабов был привлечен и начальник румынского генерального штаба Граничано, приглашенный на маневры в качестве гостя.

Во время германских маневров Конрад имел продолжительную беседу с *Вильгельмом*, в которой собеседники коснулись военных, технических и экономических вопросов. Начальник генерального штаба был очарован Вильгельмом. Перед ним был «могущественный» повелитель Германии, «гордый своим народом и армией»; одним словом, это был правитель в духе самого Конрада. Последний с удовлетворением отмечает, что Вильгельм твердо стоял на необходимости прочного союза с Австро-Венгрией. При всех «верноподданнических» чувствах начальника генерального штаба Дунайской империи сравнение было далеко не в пользу старика Франца-Иосифа.

Нам известно, что 2 апреля Конрад подал доклад Францу-Иосифу, в котором критически относился к мирному исходу только-что минувшего кризиса.

Политика пассивного выжидания, каковой придерживался Эренталь, была не по душе начальнику генерального штаба, и 12 июля он входит с новым докладом к Францу-Иосифу, одновременно посылая его Эренталю и военному министру.

«Исходя из положения, — пишет Конрад, — что только активная политика в силах обезопасить неприкосновенность страны и что при неизбеж-

ности возникновения конфликтов с соседними государствами не следует избегать вооруженного столкновения, когда к этому благоприятно складываются обстоятельства, я в 1907 году предлагал посчитаться оружием с Италией».

Указав на то, что его предложение войны с Италией было отклонено, Конрад отмечает, что и в 1909 году снова не была использована благоприятная обстановка для достижения военного успеха на Балканах.

Такая политика только ухудшила военное положение монархии, так как ее враги усиленно начали вооружаться и вошли в более тесное единение между собой. Отныне монархия должна считаться не только со всеми врагами одновременно, но и с врагами, хорошо вооруженными и подготовленными к войне.

Сказанное приводит начальника генерального штаба к вполне определенному выводу: необходимо всемерно развивать вооруженные силы монархии и деятельно готовиться к войне. Война с Сербией стоила бы около 800 миллионов крон, и раз от войны отказались, то надлежит указанную сумму ассигновать на подготовку к будущей войне. «Ответственность за отпуск этой суммы или закрытие кредита лежит на представительных учреждениях монархии, — продолжает Конрад, — но доказать необходимость ее отпуска в целом я считаю своей обязанностью».

К рассматриваемому нами докладу начальник генерального штаба приложил «Обзор военных вооружений с мая 1909 года», в котором он указывает, что если считать противниками Сербию, Черногорию, Россию и Италию, то против 46 пехотных дивизий монархии врагами будет выставлено 77 пехотных дивизий. Если бы удалось удержать нейтральной Италию, то 46 австрийских дивизий оказались бы лицом к лицу с 41 дивизией противника, причем обстановка в значительной мере улучшится, если сковать русских в Азии; при выступлении Франции против Германии число русских дивизий, направленных против монархии, увеличится с 27 до $62^1/_2$, и тогда 46 австрийских дивизий будут иметь против себя $112^1/_2$ дивизий противника. Наконец, нет уверенности, что Румыния прикует к себе $8^1/_2$ русских дивизий, так как в военном отношении Румыния отстала.

«Что монархия стоит перед разрешением велико-сербского вопроса, — продолжает Конрад, — и что разрешить его можно не иначе, как с оружием в руках, ныне это — общественный факт благодаря агитации и пропаганде Сербии».

«Только увеличенные до крайних пределов возможности и воодушевленные идеей единства вооруженные силы смогут защитить неприкосновенность и интересы монархии; развитие армии и флота не терпит никакой отсрочки, ибо это отражается на всех оперативных работах и работах по плану войны. Особенно учитывая последнее, я считаю *своим правом* и обязанностью снова настаивать на этом».

Делая затем конкретные предложения по поднятию боевой готовности армии, начальник генерального штаба входит с предложением *разбить Сербию теперь же,* и чем скорее это можно будет сделать, тем лучше. За поводом ходить далеко нечего, так как Сербия продолжает свою пропаганду и вооружение.

При решении вступить в войну с Сербией в этом году, следует начинать ее *не позднее августа*, при нормальном состоянии рек, так как приближающаяся зима удержит другие державы от вмешательства.

2 июля 1909 года начальник генерального штаба направляет письмо к министру иностранных дел Эренталю, желая получить от него руководящие указания по вопросам внешней политики.

Снова отметив, что для обороны такого государства, как Австро-Венгрия, необходима самая тесная связь политики со стратегией, Конрад говорит, что следует всегда иметь в виду возможность войны, а потому хорошо к ней подготовиться и вступить в нее тогда, когда обстановка, насколько то позволяет человеческое предвидение, сложится благоприятно.

Вполне естественно, что начальник генерального штаба должен заниматься политическими вопросами, и он просит министра иностранных дел ориентировать его в политической ситуации.

При этом Конрад считает своей обязанностью обратить внимание Эренталя на ту *разницу*, которая существует между *неустойчивой политикой*, построенной на субъективной *оценке моментов*, и той, которая исходит из *географических, этнографических* и *культурных особенностей* каждого государства.

Первая политика—калейдоскопическая, а вторая—постоянная и исключительно настойчивая.

Характер военной подготовки при первой политике будет такой же калейдоскопический, таящий в себе опасность неудачи при неожиданно сложившейся неблагоприятной обстановке.

«Конкретная военная подготовка, требующая длительной, в течение месяцев и даже нескольких лет работы, — поучает начальник генерального штаба, — может базироваться только на второго рода политику, ту, которая построена на естественных условиях развития и конкуренции государств».

Как пример такой политики и соответствующей ей конкретной военной подготовки, Конрад приводит политику Италии и Сербии, деятельно готовящихся к войне с монархией.

Обращаясь к последней, начальник генерального штаба видит линии ее основной политики направленными на *Балканы* и *Адриатическое море*.

Балканская политика монархии должна преследовать включение или, по крайней мере, присоединение к монархии Сербии и Черногории, что диктуется не только территориальным расширением, необходимым с военной точки зрения, но и уничтожением постоянного гнезда агитации в славянских областях монархии.

В *Адриатическое море* необходимо получить господство для успешного проникновения на Балканы, а также и в виду развивающейся торговли.

При этих устремлениях монархия встретит сопротивление: а) *прямое и непосредственное — Сербии* и *Черногории*, поскольку последняя будет солидарна с первой, и затем *Италии*, интересы которой на Балканах и в Адриатическом море перекрещиваются с интересами монархии, что не может быть исключено экспедициями итальянцев в Африку; б) *косвенно — России* с связанной с ней союзом *Франции*, равно как, предположительно, *Англии:* первой — в силу ее стремления быть покровительницей всех славян,

Франции как союзника России и Англии как врага Германии, естественной союзницы монархии.

Болгария, Румыния, Турция и Греция в ближайшее время не рассматриваются как враги. Наоборот, Румыния, вследствие ее стремлений отнять у России Бессарабию и опасений расширения России за счет Румынии, может рассматриваться как союзник.

Само собою разумеется, что прочный союз с Германией должен являться основой всей системы внешней политики монархии.

Если Россия не зачислена в число прямых врагов Австро-Венгрии, то сделано это потому, что учитываются неготовность ее армии и натянутые отношения России с Японией и Англией. Желательно привлечь Россию на сторону Германии и Австрии.

В виду сказанного, *выяснение отношений с Италией, Сербией и Черногорией должно быть первейшей задачей.*

«Я должен был бы нести тяжелую ответственность, если бы не обратил ваше внимание на необходимость усиления вооруженных сил, — продолжает начальник генерального штаба, — ибо исхожу из положения, что боеспособные вооруженные силы составляют необходимую предпосылку каждой успешной политики и заботы о создании таких вооруженных сил, в строгом соответствии с конкретными военными приготовлениями, являются первейшей моей обязанностью».

В дальнейшем Конрад приводит те мероприятия, которые должны быть проведены для поднятия готовности армии и вообще для подготовки государства к войне, причем говорит, что если он этим занимает внимание министра иностранных дел, то в видах получения его содействия для дружного совместного проведения их в жизнь.

Выражая уверенность, что благоразумие возьмет верх и будут приняты предложенные им меры, Конрад напоминает, что весенние события показали, насколько необходимо иметь боеспособную армию. Рассчитывать на отсталость врагов в военной подготовке в будущем не приходится, а поэтому следует развивать армию и флот.

Считая необходимым обратить внимание Эренталя на чисто военные принципы, Конрад пишет, что нельзя рассчитывать в данное время сохранить в тайне ведущиеся приготовления к войне, чем, конечно, исключается внезапность. Однако, из этого совершенно не вытекает, что лучше не вести никакой подготовки. Наоборот, он предпочитает поступиться внезапностью и продолжать подготовку к войне, как это планомерно проводит Италия. Самое же важное — сохранить в своих руках инициативу, но для этого политика и стратегия должны итти рука об руку.

Что же касается конкретной военной подготовки, то начальник генерального штаба для личного только сведения Эренталя сообщает, что она ведется:

1) на случай войны с Италией с одновременными второстепенными действиями против Сербии и Черногории при нейтралитете прочих государств;

2) на случай войны с Сербией и Черногорией при нейтралитете остальных государств;

3) на случай войны с Россией при одновременных, но только строго

второстепенных и ограниченных военных действиях против Сербии и Черногории; при этом предусматривается союз с Германией и Румынией и нейтралитет Италии.

Кроме того, предусматривается возможность, что, связанная союзом с Германией и Румынией, монархия может оказаться в войне с Россией, Италией, Сербией и Черногорией, по каковому варианту ведется обсуждение совместно с германским генеральным штабом.

Свое письмо начальник генерального штаба монархии заканчивал просьбой поддержать военные требования, с таким трудом проходящие в высоких учреждениях, при чем Эренталь ставился в известность об общих направляющих линиях политики, которые кажутся необходимыми с военной точки зрения. Наконец, Конрад просил это все хранить в строгой тайне и указывал, что об этих соображениях известно только Францу-Иосифу и Францу-Фердинанду.

Оба документа начальника генерального штаба были рассмотрены министром иностранных дел Эренталем и возвращены 15 августа с секретной памятной запиской самого Эренталя.

Эренталь берет за канву рассуждения Конрада и дает по ним ответ. С своей стороны подтверждая необходимость тесной связи политики и стратегии, министр не соглашается с Конрадом, что весной обстановка складывалась благоприятно для ведения войны и не была использована политикой. «Решение вопроса, прибегнуть ли к войне или же уклониться от нее, входит в круг ведения министра иностранных дел»,—говорит Эренталь. «Война по Клаузевицу,—продолжает он,—несомненно является продолжением политики, но только иными, чем применявшиеся до сих пор, средствами».

«Будут ли это средства дипломатические или же иные, может решить только ответственный руководитель внешней политики и доложить свои соображения в компетентном государственном совете»—заключает министр иностранных дел.

В таком совете в марте месяце рассматривалась внешняя политика монархии, и война была отклонена. Эренталь считает нужным повторить здесь те основания, по которым подобное решение было принято. «Целями нашей политики,—заявляет министр иностранных дел,—было осуществление аннексии Боснии и Герцеговины». При сопротивлении Сербии и Черногории, при враждебной позиции России и Англии, кризис, созданный аннексией, принял опасный характер. Однако, европейские государства и Турция, а впоследствии Сербия с Черногорией, признали изменение 25-й статьи Берлинского трактата, чем был достигнут дипломатический успех. «Таким образом, не было уже никакого повода к войне»,—говорит Эренталь. Если бы Австрия все же объявила войну Сербии, то такая война стоила бы больших жертв деньгами и людьми, и кроме того, при создавшейся политической ситуации, нельзя было и думать удержаться в Сербии и Черногории. Следствием хотя бы и победоносной войны явилось бы осложнение положения дел в Турции и увеличилась бы вероятность образования союза балканских государств, о чем всегда думал Извольский. Наконец, даже Румыния осталась бы недовольна полным разгромом Сербии.

«Внешняя политика монархии,—продолжает Эренталь,—в первую

очередь определяется положением дел в Турции». Зимой была произведена «проба сил» монархии, которая возбудила подозрение в империалистических замыслах. Такое мнение о внешней политике монархии сложилось не только в России и Сербии, но и в Италии и даже в Англии. Во всех этих странах считаются с дальнейшим продвижением Австро-Венгрии на Балканах и принимают соответствующие меры.

В своем докладе от 2 июля начальник генерального штаба выдвигает необходимость направить политику Австро-Венгрии по двум линиям и настаивает не только на включении в монархию Сербии и Черногории, но и на достижении господства в Адриатическом море. Если бы ныне преследовать эти задачи, то нужно считаться с образованием сильной коалиции при участии России, Италии и даже Турции, что могло бы повести к катастрофе.

Нечего говорить, — продолжает министр иностранных дел, — что даже частичное включение в монархию сербской территории не принесло бы пользы, так как *разрешение сербского вопроса зависит от внутреннего состояния монархии.* Нужно славянский вопрос сначала разрешить внутри монархии, а поэтому нет смысла выдвигать его на первый план во внешней политике.

Такое же опасение вызывает у Эренталя разрешение второй проблемы — достижение господства в Адриатическом море, что, конечно, повлекло бы за собой сопротивление Италии. В данное время она стремится сохранить status quo на Балканах, хотя и готовится к использованию его нарушения. С политическим и экономическим стремлением Италии на Балканы мы должны всегда считаться. Итальянская дипломатия, опираясь на пункт 7 союзного договора, хочет за наше продвижение на Балканах получить компенсацию, а по договору 1907 года в Диезо настаивает на обоюдном невмешательстве и устранении вмешательства третьей державы в балканские дела. Ко всему этому, Рим желает принять участие в переговорах Вены и Петербурга по балканским делам, но в то же время нужно учитывать попытку итальянской дипломатии непосредственно договориться с Петербургом в балканском вопросе, а потому политика Дунайской империи должна помешать этим переговорам.

«Восстановление сердечных и дружеских отношений монархов и правительств Германии и России,—продолжает Эренталь,—служит характерным симптомом в оценке русской политики». Это сближение Германии с Россией после того, как Германия решительно в марте выступила на стороне Австрии, доказывает, что Россия должна некоторые годы вести политику собирания своих сил. *В ближайшее десятилетие Россия не может и не хочет вести какой-либо активной политики,* а потому стремится сохранить status quo на Балканах, предпринимая шаги в Софии и Белграде для установления наилучших отношений этих государств с Турцией. Греко-турецкие недоразумения идут лишь на пользу России.

Весь вопрос заключается в том, удастся ли самой Турции сохранить это status quo, что желательно для всех государств, также и для Австрии. Отношения Австрии к Турции за последнее время в значительной мере улучшились. Второй случай, который можно предвидеть, — это развитие новой борьбы в Турции. Большие европейские государства стараются не

вмешиваться в балканские дела, но зато вооруженный конфликт может возгореться между Турцией и балканскими государствами. «*Предвидя такой случай,* — говорит Эренталь, — *мы должны держать порох сухим*».

Румыния без компенсации не позволит какому-либо балканскому государству значительно усилиться. Венская политика должна учесть трения между Румынией и Болгарией.

Во всяком случае, могущие произойти перемены на Балканах не должны быть признаны без согласия на то Вены. Приходится считаться с возможным ростом Болгарии, а потому учитывать ее будущие взаимоотношения с Сербией. При такой обстановке, *если со стороны монархии будут урегулированы экономические трения и изменена политика в Сараеве и Аграме, то, вероятнее всего, что Сербия постарается опереться на Австро-Венгрию, и в таком случае включение Сербии в монархию сначала экономически, а затем и в военном отношении придет само собой. То же самое можно сказать и про Черногорию.*

Албанский вопрос, в случае распада Турции, представляет гораздо бо́льшие трудности, так как, собственно говоря, не существует албанской национальности. С нашей стороны, — говорит Эренталь, — следует очень осторожно предлагать автономию Албании, и во всяком случае наличие «автономной» Албании и «великой» Болгарии, как решающих политических факторов, — дело отдаленного будущего. Идея протектората над Албанией или же военного вторжения в эту страну с целью ее успокоения — не в интересах монархии.

При принятии монархией такого курса внешней политики *возможность вооруженного столкновения с Россией и Италией,* по мнению Эренталя, *очень незначительна,* и всякую подготовку Италии к войне с Австрией, до окончания срока действия тройственного союза, т. е. до 1912 года, можно считать исключенной, если со стороны Австро-Венгрии не будут преследоваться те империалистические цели, кои предлагаются в докладе начальника генерального штаба.

Что же касается *Сербии и Черногории,* то они пессимистически смотрят на младотурецкий режим, и если только монархия сгладит экономические недоразумения с этими государствами, то возможно, что и политические отношения с ними будут нормальными.

После аннексии юго-славянский вопрос должен быть консолидирован внутри государства. В противном случае, при стремлении монархии к расширению территории за счет балканских государств, монархия может оказаться в тяжелой войне с Россией. При внутреннем кризисе в Турции монархия снова может выдвинуть для переговоров с Россией вопрос о проливах, который уже сослужил хорошую службу перед аннексией.

«Эта политика собирания сил и выжидания, — продолжает Эренталь, — находится в полном согласовании с целями Германии, нашего естественного и верного союзника, причем не следует упускать из виду, что император Вильгельм по натуре миролюбив и стремится жить в мире со всеми великими державами. Империалистская ориентация нашей политики не найдет ни у Вильгельма, ни в германском народе той дружественной поддержки, какая имела место прошедшей зимой, а наоборот, может даже вызвать чувство соревнования».

«Общая политическая ситуация в Европе и вне ее, — говорит министр иностранных дел, — стоит под знаком экономических и политических противоречий между Германией и Англией». Как союзница Германии, Австрия должна считаться с возможностью вооруженного конфликта между этими странами. Однако, с одной стороны, нежелание Франции и России таскать каштаны из огня для Англии, миролюбие Вильгельма и благоразумие английского народа, а с другой, необходимость для самой Англии найти общий базис со своими колониями для консолидации государств — отдаляют вооруженное столкновение Германии с Англией.

Согласившись на пример Валленштейна, который, в аналогичной политической обстановке, также в свое время представил доклад о подготовке армии, но не считал войну необходимостью, — Эренталь указывает, что и ныне «монархия должна иметь сильную армию, но не для того, чтобы противоречия в политике, которые могут только впоследствии быть актуальными, разрешать превентивной войной, а на случай, когда достоинство и целость государства окажутся в опасности или его насущные интересы не могут быть разрешены мирным путем».

Соглашаясь с выдвигаемыми начальником генерального штаба требованиями развития боевой готовности вооруженных сил, Эренталь считает, что таковые должны быть внесены в совет министров в 1910 году. Эренталь возражает против утверждений Конрада, что ответственные государственные органы не сознают всей важности развития армии и флота. Непосредственно по окончании кризиса 1909 года в Венгрии возник очень серьезный правительственный кризис, на ход которого министр иностранных дел не мог оказать какого-либо влияния. С другой стороны, Эренталь отмечает, что усиление армии и флота наталкивается на неудовлетворительное состояние финансов Австро-Венгрии. Увеличение расходов на вооружение проходит при тяжелой парламентской борьбе, так как новые налоги очень тягостны для населения. Правительства Австрии и Венгрии с полным правом отмечают эти обстоятельства.

Такова была политическая ориентировка, те направляющие линии внешней политики монархии, о которых счел нужным сообщить начальнику генерального штаба министр иностранных дел.

Мы намеренно привели подробно документы как Конрада, так и министра иностранных дел, ибо, с одной стороны, оба они подводили итоги минувшему кризису, а с другой, каждый по-своему намечал направляющие пути внешней политики Австро-Венгрии.

С принятием Россией германского ультиматума взбудораженная дипломатия Европы успокоилась, и отношения между государствами понемногу начали налаживаться. Однако, все отлично понимали, что такие «годы успокоения» очень коротки и рано или поздно, но дело придет к военной развязке, и при том в крупном масштабе. Такой ход жизни был ясен не только для дипломатии, но и для военных и, прежде всего, для представителей крупного капитала, которые отнюдь не желали складывать своего оружия, продолжая борьбу за рынки в том или ином месте. Конкуренция капитала, крупной индустрии и борьба за рынки сбыта велась между банками и крупными трестами различных государств с той же интенсивностью и даже усиливалась с каждым днем. На этой канве дипломаты

уже строили свои «прожекты» и писали ноты, взывая, когда нужно, к национальным устремлениям, к историческим задачам, — ко всему тому, что могло, по их мнению, подвинуть массы к борьбе за дело капитала.

Памятная записка Эренталя познакомила нас с той политикой, которую собиралась в ближайшие годы вести Австро-Венгрия. Дабы следующее наше повествование было более понятно, мы сейчас покинем Вену и посмотрим, как же складывались отношения между государствами Европы до 1912 года, того года, к которому, по мнению Конрада, Австро-Венгрия должна была быть готова к войне.

Начальник генерального штаба своим «солдатским» пером распределял все государства Европы и даже отдаленной Азии на 4 группы: а) прямых врагов; б) косвенных противников; в) союзников и г) нейтральных. В зависимости от преследуемых тем или иным государством целей внешней политики, оно зачислялось в одну из названных групп.

Не считаем себя в праве подробно вовлекать читателя в политическую жизнь государств Европы и будем набрасывать таковую в общих чертах.

Прямыми врагами Австро-Венгрии начальник штаба считал Сербию, Черногорию и Италию.

Вынужденные подчиниться угрозам Вены Сербия и Черногория, конечно, не оставляли надежд на изменение обстановки в более благоприятную для них сторону. Вооружения сербов развивались, и маленькое государство напрягало всю свою мощь, готовясь к будущему столкновению.

Попав в орбиту влияния Петербурга, Сербия и Черногория медленно, но верно, усваивали мысль о необходимости создания балканской федерации государств, дабы противостоять немецкому натиску на Балканы. Извольский с трудом продвигал этот союз, ибо, с одной стороны, никто не верил в лойяльность политики Фердинанда болгарского, а с другой, трудно было вчерашних кровных врагов сделать сегодня друзьями. Мы слышали, что Эренталь плохо верил в образование такой федерации, однако, не считал эту комбинацию исключенной и полагал необходимым на этот случай «держать порох сухим». Такая предусмотрительность была не лишней, ибо 29 февраля 1912 года союзный договор между Сербией и Болгарией был подписан, и в ст. 2 значилось, что «обе стороны обязуются также к взаимной помощи всеми силами, когда какая-либо из великих держав сделает попытку присоединить или хотя бы временно оккупировать часть балканской территории, находящейся ко времени заключения договора под властью турок»... Что эта статья была явно направлена против Австрии, сомневаться не приходилось, ибо в дополнительной военной конвенции, заключенной два месяца спустя, Австро-Венгрия была даже и названа, как возможный и вероятный противник.

Италию Конрад зачислил в число прямых врагов, расходясь в этом с министром иностранных дел и Мольтке, которые считали Рим лойяльным союзному договору.

Статс-секретарь по иностранным делам Германии, Ягов, в своей книге «Причины и начало мировой войны» пишет, что уже в 1902 году Рим хотел внести поправку в союзный договор, указав, что он не направлен против Франции. Сближение Италии с Францией, а через нее и с Россией все более и более становилось фактом, и позиция Италии в боснийском

кризисе, по мнению Ягова, была даже «враждебной». «Потомки Макиавелли вели явно двойную игру», — заключает берлинский дипломат.

Мы знаем, что аннексия Боснии и Герцеговины, хотя и была предварительно санкционирована Титтони, произвела все же неприятное впечатление в Риме. Итальянский министр дал свое согласие в Вене лишь при условии получения свободы рук в Триполи. Экономическая заинтересованность Италии на Балканах была настолько велика, что каждая полученная здесь Австрией выгода с болезненностью воспринималась в Риме. Поэтому Италия охотно пошла на соглашение с Россией по балканскому вопросу и даже признала преимущества России в проливах, лишь бы не оказаться изолированной от Балкан, не дать возможности Петербургу договориться с Веной непосредственно, а кстати и получить от России признание преимуществ Рима и Триполи. Соглашение было подписано осенью 1909 года в Раконидже. Здесь же Титтони заявил Извольскому: «Мы выйдем из тройственного союза в тот день и час, когда решим воевать с Австрией». Пока же «незачем это делать», — так говорил Титтони Извольскому.

Ягов нам объясняет причины, которые удерживали Италию в союзе с Германией и Австрией. «В сущности, — пишет он, — Италия была фиктивной великой державой, так как ни экономические, ни военные силы в действительности этому не соответствовали. Она могла поддерживать свой престиж, находясь лишь в союзе с центральными монархиями, как равноправный союзник».

С другой стороны, и тройственное согласие, хорошо учитывая настроение Рима, ничего не имело против того, чтобы оставить «на ногах тройственного союза тяжелую гирю», каковой являлась Италия.

Предварительно договорившись с тройственным союзом, а затем уже поставив Берлин и Вену перед совершившимся фактом, Италия осенью 1911 года начала дележ турецкого наследства нападением на Триполи. Вена в лице Эренталя дала на это согласие еще в 1908 году, а Германия была занята в Марокко. «Час выступления Италии в Триполи приближается», — сказал итальянский премьер, когда узнал о посылке германского военного судна в Агадир.

«Итало-турецкая война 1911 года поколебала силы Турции и разожгла аппетиты балканских империалистов, которые и решили воспользоваться временным ослаблением Турции, чтобы напасть на последнюю и захватить, лицемерно прикрываясь теми или другими благородными лозунгами, часть оттоманской территории. Так начались балканские войны, открывая эпоху нового раздела оттоманского наследства», — пишет М. Павлович в указанной нами выше книге. К таким выводам приходят все исследователи политических событий того времени. Мы еще вернемся к этому вопросу, но считаем нужным и свой голос присоединить к приведенной оценке итало-турецкой войны.

Таким образом, поскольку Италия пускалась в Африку и не перебрасывалась на Балканы, постольку отношения между Римом и Веной не могли повести к кризису. Слов нет, что веры в продолжительность добрососедского союзничества ни у одной из сторон не было; все сводилось к тому, когда Италия признает нужным выйти из тройственного союза и перейти

в противный лагерь. Активность Австрии на Балканах могла это ускорить.

Из косвенных врагов самым враждебно настроенным к Дунайской империи была Россия. Отношения Вены с Петербургом налаживались с трудом, — такой глубокий след был оставлен дипломатической победой Эренталя.

Некоторое сближение Вены с Петербургом можно отметить в начале 1910 года, когда Эренталь и Извольский снова пытались достигнуть соглашения по балканским делам. Однако, Извольский на этот раз не желал с глазу на глаз договариваться с Веной и ставил условием участие в этом других европейских государств, а в конце этого года преемник Извольского на посту министра иностранных дел, Сазонов, сделал вполне категорическое заявление в Берлине, что если бы потребовалось договориться с Веной, то это Россия сделает «при посредстве германских государственных людей». Последние, «по собственному почину» заверили Сазонова, что «если бы Австро-Венгрия не осталась верна высказанным Эренталем принципам и обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, то она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы, не обязанной к тому никаким договором и не склонной к подобной политике в силу собственных интересов».

Вслед за таким словесным заявлением, из Берлина последовало и письменное предложение заключить соглашение по балканским вопросам с условием, что в случае войны Германии с Англией, Россия останется нейтральной.

На последнее условие Россия не могла пойти, а поэтому отказалась от соглашения как с Берлином, так и с Веной. В это время русская дипломатия вела усиленную подготовительную работу по изолированию Австрии путем заключения соглашения с Италией и образования балканской федерации.

К тому же, отношения с Англией и Францией были далеки от того, чтобы ожидать от них реальную помощь в случае войны, а своя армия была еще не готова к войне. Бывший генерал-квартирмейстер Главного управления генерального штаба Ю. Данилов в своей книге «Россия в мировой войне 1914—1915 гг.» пишет: «Я не могу охарактеризовать иначе период времени с 1905 по 1910 год включительно, может быть даже и более продолжительный, как назвав его периодом полной военной беспомощности. В эти годы Россия была вполне бессильна оказать какое-либо противодействие натиску германцев на Балканах; равным образом она должна была бы проявить сверхчеловеческие усилия, если бы потребовалось оказание военной помощи ее союзнице Франции».

Английский посол в Петербурге Бьюкенен свидетельствует нам, что аннексия послужила даже «к более тесному сближению» Австрии с Россией. С другой стороны, тот же Бьюкенен говорит, что в начале 1912 года Николай высказывал ему сделанные им предложения державам тройственного согласия выработать предварительно «между собой общий план действий на случай внезапного взрыва балканской войны или наступления со стороны Австрии». Одно не вяжется с другим, и вернее то, что Петербург по балканским делам решил договариваться сначала с своими союзниками, потом с Германией и затем только вести переговоры с Австрией.

Уже 17 июля 1909 года Извольский предупредил германского статс-

секретаря по иностранным делам Шена, что «новый шаг Австрии вперед на Балканском полуострове может произвести кризис несравненно более острый, чем это было прошлой зимой, а если он будет к тому же поддержан Германией, то мир в Европе спасти будет очень трудно».

Итало-турецкая война, — начало дележа турецкого наследства, — вновь поставила на очередь вопрос о проливах, и Извольский, в то время уже посол в Париже, усиленно советовал Сазонову быть готовым к постановке турецкого вопроса в целом.

Поэтому, с одной стороны, создавая балканскую федерацию, Россия, с другой стороны, стремилась поддержать новый режим в Турции и войти с ней в соглашение о проливах и Багдадской железной дороге. Турки, встречая сочувственно предложения России, в то же время не спешили с их осуществлением, и не раз русская дипломатия, выведенная из равновесия восточным упрямством, доходила до решения силой воздействовать на Турцию.

Но вопрос о проливах туго подвигался к разрешению и в союзных странах. Англия прежде всего, а за ней и Франция не хотели давать Петербургу прямых гарантий. Причины этому нужно искать в тех трениях, которыми сопровождалось англо-русское соглашение 1907 года. «Ситцевый» империализм Петербурга в Персии создавал постоянные трения между Россией и Англией, а соглашение Петербурга с Берлином о Багдадской дороге заставляло Лондон опасаться выпадения России из тройственного согласия и поворота ее политики на Дальний Восток. Лишь в 1912 году постепенно начали сглаживаться трения, и англо-русские отношения встали на путь более тесного сотрудничества.

Мы уже слышали из уст Эренталя, что события в Европе развертывались под знаком конкуренции Германии с Англией.

Аннексионный кризис показал Британским островам, что будущее их политики далеко не так спокойно, как было ранее. Отступление Франции и России перед Берлином заставило и Англию задумываться о своем будущем, тем более, что она далеко не была боеспособной.

Агадирский инцидент 1911 года заставил Англию выйти из состояния наблюдателя над европейской политикой и 5 июня кабинет министров определенно заявил, что нельзя оставаться в стороне от назревающего конфликта и дальнейшие действия зависят от того, какую позицию займет Германия.

Мы не в праве углубляться в описание хода событий, вызванных агадирским инцидентом, но позволим себе указать на то, что в его дни Англия серьезно подумывала о возможной войне и пересмотрела как свои договорные отношения с Францией, так и планы военных действий английских армий и флота.

Черчилль в своих воспоминаниях рассказывает о заседании парламента 23 августа, где заслушаны были доклады сухопутного генерального штаба и адмиралтейства о предполагаемых планах военных действий. В то время, как сухопутный генеральный штаб настаивал на посылке экспедиционного корпуса на материк, морские круги возражали против этого. Такое разногласие повело к тому, что военный министр после заседания заявил премьер-министру, что он не может продолжать считать себя ответственным за под-

готовку к войне, если во главе флота не будет находиться человек, который работал бы в полном единении с сухопутным генеральным штабом, и если не будет образован подлинный морской генеральный штаб.

В результате во главе английского флота оказался Черчилль, который, хотя и солидарен был с планами английского генерального штаба, но далеко не смотрел так оптимистически на наступление французов, как это усвоил себе Вильсон, — начальник оперативного управления английского генерального штаба.

В своем меморандуме Черчилль уже тогда доказывал, что французы не в состоянии будут остановить немецкого натиска и на 40-й день вынуждены будут драться под Парижем. Черчилль предлагал значительно усилить первый эшелон английской армии и тотчас же развивать территориальную армию. Агадир, по словам Черчилля, закончился поражением Германии.

Франция, размещая под ростовщические проценты всюду, где было можно, свои капиталы и распространяя свое влияние в Марокко, не была склонна вступать в полосу кризисов, поддерживая активную политику России. Нам известна роль Парижа в боснийском кризисе. Очень мало она изменилась и к 1911 году, несмотря на то, что в марокканском кризисе Франция была поддержана Россией и Англией. Когда последняя в агадирском инциденте заговорила с Берлином в защиту Франции решительным тоном, Париж испугался возможности войны и просил Лондон не усердствовать, предоставив Франции самой договориться с Германией.

Французские банкиры готовы были ссудить деньги Венгрии, Китаю и финансировали постройку железных дорог на кавказской границе России, лишь бы получить хороший процент на капитал, не считаясь с выгодами своего союзника. Много пришлось хлопотать русской дипломатии, чтобы удерживать правительство союзной республики от финансовой помощи будущим прямым врагам тройственного согласия. Правда, Извольский расплачивался с французской прессой французскими же деньгами, получаемыми по займам, но факт остается фактом. Россия не только не могла рассчитывать на поддержку своей балканской политики со стороны Франции, но встречала даже явное ей противодействие.

Одного боялся Париж, это — возможного сближения России с Германией и только призраком этого русская дипломатия могла удерживать алчность французских биржевиков и спекулянтов, не желавших потерять обеспечение своего тыла при наступлении в Марокко.

Период времени с 1909 по 1912 год в отношениях России и Франции можно охарактеризовать как период постепенного втягивания Парижа русской дипломатией в балканские дела. Денно и нощно Извольский доказывал политическим деятелям Франции всю важность Балкан в международных отношениях, в тех же целях платил солидные суммы прессе... одним словом, действовал энергично во имя спасения франко-русского соглашения, продолжавшего существовать, но не достаточно скрепленного активным сотрудничеством на международной арене.

Оказав помощь Австро-Венгрии, Германия рассчитывала за это найти в Вене горячие симпатии. Однако, Эренталь с большой сдержанностью поблагодарил за верность союзу, продолжая поддерживать престиж монархии, как «великой» державы, вполне самостоятельной в своей внешней политике.

Нужно отметить, что такая сдержанность имела за собой основания, ибо, как мы знаем, Берлин не прочь был договориться с Россией за счет Вены, лишь бы получить русский нейтралитет в будущем вооруженном столкновении с Англией. «Вилли» и «Ники» два раза (1909 и 1910 гг.) демонстрировали свою дружбу и даже достигли соглашения в вопросе о Багдадской железной дороге, но старания Германии вырвать Россию из тройственного согласия каждый раз оказывались напрасными.

Германия, не договорившись о программе развития флота с Англией, с очевидностью предвидела будущее столкновение и, волей-неволей, должна была сохранить Австро-Венгрию как союзника. Порой торговые интересы этих государств сталкивались на Ближнем Востоке, порой пресса обеих сторон скептически смотрела на прочность союза, но последний еще не пережил себя, и Австрия так же прикрывала тыл Германии с востока, как это выполняла Россия в отношении Франции и Англии. Другое дело — активная политика Австро-Венгрии на Балканах, — здесь Германия могла оказать помощь Вене лишь тогда, когда это соответствовало интересам Берлина. Если учесть, что с каждым годом Германская экспансия на Ближнем Востоке ширилась все более и более, то надо признать, что пришло время, когда, вопреки завещанию Бисмарка, Берлин в балканских делах должен был пожертвовать костями померанских гренадер. Нужно считать правильными шаги Сазонова, который с 1910 года решил по балканским делам договариваться с Австрией не иначе, как «при посредстве германских государственных людей». Путь России на Балканы проходил отныне через Берлин, а не через Вену, куда с 1908 года русская дипломатическая линия фактически решила не заглядывать.

Договор Германии с Австрией, заключенный в 1879 году «по нужде», таковым оставался и ныне. Так он расценивался в Берлине, так на него смотрели Эренталь, Конрад и иные политические деятели с берегов Дуная, считая этот договор основой своей политики. Новых друзей ни Германия, ни Австро-Венгрия не находили и вынуждены были продолжать сожительствовать в союзе, сотворенном руками Бисмарка и Андраши.

Италия, как мы уже видели, была ненадежным членом тройственного союза, тем же союзником «по нужде», какими были и основные его звенья.

Наконец, четвертый член союза, Румыния, была более отвлечена своими балканскими делами, нежели преследовала цели всего союза в целом. Бессарабия была лишь той целью, которая могла понудить Румынию выступить на стороне тройственного союза. Аннексия Боснии и Герцеговины и объявление Болгарии самостоятельным королевством отвлекли внимание румын на юг, где могла возродиться «Великая» Болгария — сосед опасный, против которого должны были быть приняты своевременно меры боевой готовности. В то время, как в Румынии с каждым годом крепла идея национального объединения за счет Австро-Венгрии и России, в Вене мечтали создать из Румынии «стражу на Нижнем Дунае», включив это королевство в состав Австро-Венгерской монархии. Но то были отдаленные мечты австрийских империалистов, пока беспочвенные...

Такова была политика третьей группы государств Европы — «союзников», на совместные шаги с которыми рассчитывал начальник генерального штаба Австро-Венгрии в осуществлении намечаемых им самим целей.

Что касается группы «нейтральных» государств, то мы не будем вдаваться в рассмотрение их внешних отношений, но отметим только, что в то время, как Конрад рассчитывал в лице Японии встретить государство, отвлекающее силы России, в действительности русско-японское соглашение постепенно углублялось, и Россия, в случае войны, могла спокойно повернуться спиной «к обдорам».

Если мы обратимся к памятной записке Эренталя, то должны со всей справедливостью отметить прозорливость этого дипломата. Правда, и министр не дооценивал активной политики на Балканах, но с достаточной точностью предопределял срок готовности России. Политика «собирания сил», которой решил придерживаться Эренталь, для Австро-Венгрии была действительно наиболее целесообразной, ибо необходимо было урегулировать в государстве внутренние отношения и только тогда обратиться к наступлению на внешнем фронте.

Начальник генерального штаба, как мы видели, не разделял мыслей министра иностранных дел, продолжая оставаться на положении человека, подстрекающего к поджогу крыши Европы.

21 февраля 1910 года начальник генерального штаба представил Францу-Иосифу мемуар за 1909 год, к рассмотрению которого мы считаем нужным обратиться.

Начав с того, что настоящий мемуар состоит из обзора: а) военно-политического положения; б) развития вооруженных сил иностранных государств; в) развития вооруженных сил монархии и г) необходимых мероприятий по развитию путей сообщения государства, — Конрад отмечает, что все соображения по конкретной военной подготовке, докладывавшиеся им отдельно, исключены из настоящего мемуара.

Снова напоминая, что монархия не обладает такими средствами, чтобы быть готовой к войне при всех возможных вариантах, начальник генерального штаба указывает, что в этом отношении правильно поступают те государства, которые сами определяют наиболее вероятный вариант войны, готовятся к ней и начинают ее в благоприятное для себя время. Такой политики придерживалась Германия в 1866 и 1870 гг. и Япония в 1904 году. Она дает возможность воспользоваться внезапностью и тем увеличивает шансы на успех.

Необходимо принять во внимание еще следующие военные соображения.

В то время, как часто меняющаяся политическая обстановка вызывает дипломатические отношения, сообразованные с новым положением, с военными мероприятиями бывает совершенно иное, так как для своего изменения они требуют довольно продолжительное время. Приводя к этому доказательства, начальник генерального штаба говорит: «Таким образом, военная подготовка не может быть поставлена в зависимость от колебаний быстро меняющейся политической ситуации, но должна предусматриваться на годы вперед, быть верно рассчитанной, так как какие-либо упущения в ней не могут быть наверстаны в последний момент. Она не может также покоиться на временных соглашениях, гарантированных партиями или отдельными личностями, с переменой которых станет шаткой и политика. Из-за временных задач нельзя упускать военных приготовлений, так как всякие изменения в первых обычно вредно отзываются на последних».

Только основывающаяся на силе политика будет иметь успех, — продолжал Конрад, — поэтому в интересах политики эту силу иметь в наличии и правильно использовать, если можно предвидеть дипломатические затруднения».

По мнению начальника генерального штаба, не следовало забывать, что успех в аннексионном кризисе имел под собой основанием боевую готовность вооруженных сил монархии.

К сказанному выше о необходимости выявления политикой определенного, вероятного варианта вооруженного столкновения, Конрад считает нужным добавить замечания о характере работ по мобилизации и сосредоточению армии.

«При огромной величине масс, которые в наши дни в виде людей, животных, оружия, иных военных средств, запасов продовольствия и прочих запасов приводятся в движение, при той скорости, с какой ныне должны происходить мобилизация и сосредоточение этих масс, чтобы сразу не оказаться в проигрыше, при сосредоточении средств транспорта и мероприятий по перевозкам, отвечающая определенному варианту военная подготовка является огромной работой, очень длительной и требующей нескольких месяцев. Поэтому совершенно невозможно эти работы вести в последний момент, как это может быть при непредвиденной обстановке, точно так же, как при недальновидной или колеблющейся политике».

«На этих же основаниях, — говорит Конрад, — для политики необходимы твердые, заранее определенные направляющие линии, которые должны учитываться военными мероприятиями».

«Чем неувереннее политика, базирующаяся на личности и партии, тем более должна она считаться с теми основаниями, которые вытекают из широких интересов, естественных нужд и из глубоких противоречий масс населения, короче — из естественных, экономических и моральных, например, национальных противоречий государств, ибо исключительно эти основания, как постоянные и естественные, дают исходные данные».

С этой точки зрения докладчик в дальнейшем рассматривает государства, могущие оказать то или иное влияние на внешнюю политику монархии.

Италия — в тройственном союзе, но совершенно нет гарантий, что с переменой лиц в составе правительства, или если Италия окончит свою планомерно ведущуюся военную подготовку, политика ее останется прежней. «Италия, — продолжает начальник генерального штаба, — планомерно готовится к войне с монархией, чтобы с окончанием договора о тройственном союзе грозить этой войной и тем нанести вред успешному развитию монархии или обратиться к самой войне, если Австрия будет противиться устремлениям Италии».

Политику *России* в отношении монархии Конрад основывал на противоречиях в вопросах: 1) панславизма и его борьбы с Германией и всеми теми государствами, которые ориентировались на Берлин, и 2) стремления России в Средиземное море, чтобы получить преобладание в восточной части Балканского полуострова.

Для противодействия Петербургу необходимо, по мнению Конрада, включить в монархию южных и западных славян, отделив их, таким образом от восточных; что же касается выхода России в Средиземное море, то в этом

вопросе, кроме Австрии, враждебную позицию занимают Румыния, Болгария, Турция и заинтересованные в Средиземном море большие государства, — из них в первую очередь — Англия.

Если еще учесть, что Россия в Азии отвлечена Японией, то следует думать, что Россия едва ли склонна вести войну с Германией и Австро-Венгрией. Таким образом, политика России раздваивается между Азией и Европой и направлена, прежде всего, к тому, чтобы залечить в армии раны русско-японской войны. Это вынуждает не только к формированию центральной армии на Волге, к усилению армии путем обращения 19 резервных бригад в 9 резервных дивизий, но и к оставлению войск внутри государства вследствие революционных вспышек. Однако, все же в случае войны Россия может выставить еще значительное число войск на европейском театре войны.

Сербия, без сомнения, стремится к панславизму или, самое меньшее, к расширению своей территории за счет сербских областей монархии — Боснии и Герцеговины, а также Далмации. Раз монархия будет преследовать сохранение своих славянских областей, обеспечение морского могущества и распространение своего влияния на Балканах, то, без сомнения, она встретит в Сербии непримиримого врага. *Довольно туманны предположения, что Сербия из-за экономических выгод и обеспечения себя против Болгарии, Албании и Турции склонится на сторону монархии. Современное положение дел в Сербии и Черногории, наоборот, ставит их в число явных врагов Австрии.* Сербия сейчас планомерно и быстро вооружается.

Черногория стремится не только отстоять свою самостоятельность, но и оторвать у монархии южную часть Далмации и Герцеговину. Нет никаких данных рассчитывать на экономическое сближение с Черногорией.

Болгарию начальник генерального штаба рассматривает как противовес Турции и Сербии в македонском и албанском вопросах. Болгария лавирует, и нужно предполагать, что ее вооруженные силы могут быть использованы врагами монархии.

Турция, не укрепившая еще нового младотурецкого режима, находится в состоянии брожения, конец которого трудно предвидеть, но можно установить, что новое правительство заботится об усилении своих вооруженных сил. О возвращении Боснии и Герцеговины Турция не мечтает. Ее интересы перекрещиваются с интересами всех балканских государств. У монархии с Турцией нет противоречий, нет оснований считать Турцию вероятным противником, и если только она не окажется на стороне прямых врагов, то нет необходимости поддерживать Россию против Турции и договариваться с Петербургом за счет последней. Наоборот, начальник генерального штаба считает желательным использовать Турцию как союзника против России, Италии, Сербии и Черногории, тем более, что в Турции начинает брать верх влияние союзной Германии.

С *Грецией* у Австрии также нет прямых перекрещивающихся интересов, и ее следует рассматривать или как союзника, или в числе весьма второстепенных врагов.

Во *Франции* политика направлена на экономическое развитие внутри государства и расширение своих колониальных приобретений. Идея реванша в Эльзас-Лотарингском вопросе имеет еще многочисленных сторонников

и может обостриться, если дело дойдет до войны с Германией. Ближайшие политические цели Франции находятся в Северной Африке и приводят ее к возможному конфликту с Турцией, Италией и Англией. Но прежде всего Франция в настоящее время, по финансовым соображениям, стремится избежать войны. С другой стороны, она находится в военном союзе с Россией, и центр тяжести французской политики — это стремление удержать Россию от войны.

Англия стремится обезопасить не только всю метрополию, но и колонии, от вторжения противника и собрать силы для поддержания гегемонии в морской торговле. Кто встанет на этом ее пути, — тот враг. Австро-Венгрия не имеет прямых противоречий с Англией, и если считать Англию врагом, то только через союз с Германией. Англия сильна, главным образом, своим флотом и им может угрожать берегам Австрии, но значительных по силе десантов можно не бояться.

Союз Англии, Франции, Италии и России в борьбе с Австро-Венгрией и Германией будет обладать громадным превосходством на море, что, по мнению начальника генерального штаба, *может быть парализовано только энергичным, бесповоротным и счастливым веденiем войны на суше.* Это обстоятельство лишний раз подчеркивает необходимость развития армии монархии. Но нужно учитывать, что не в интересах Англии давать усиливаться в Средиземном море Франции, Италии и России; кроме того, Англия против открытия проливов для России, да и недоразумения с последней в Азии еще не улажены. Все это приводит Конрада к выводу, что можно надеяться, в случае, если монархия будет вести войну, Англию удержать нейтральной, если только в войну не вступит Германия. В последнем случае Англия, для сохранения своей гегемонии на морях, безусловно вынуждена будет обнажить оружие.

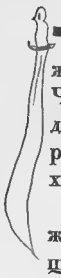
Возьмут ли верх в *Румынии* великорумынские идеи, или Румыния мирным путем войдет в состав монархии, — это, по мнению Конрада, дело еще будущего, а в настоящее время следует считаться с дружбой румын и стремиться поддерживать союз с ними.

«Союз монархии с Германией, — продолжает Конрад, — является основным пунктом в политической игре Вены с европейскими государствами... Этот союз, при совместном лояльном оберегании интересов каждого из союзников и при мирном улажении возникающих противоречий, с военной точки зрения очень необходим». Если бы даже возникла конкуренция в торговле на Балканах и в Азии, то следует немедленно ее устранить, не портя союзнических отношений.

Швейцария, хотя и нейтральная страна, однако, деятельно готовит свою армию. Заметно развитие итальянской ирредента в итальянских кантонах, что вынуждает Швейцарию принимать военные меры.

Нельзя набросать правильной картины политического положения, если не учесть Японии, — говорит начальник генерального штаба. После войны с Россией Япония будет продолжать расширяться и оттянет от себя часть русских сил. Не выявлена пока позиция Китая, — будет ли он на стороне Японии или России.

Сравнивая силы, начальник генерального штаба приходит к заключению, что Австрия в союзе с Германией и Румынией будет поставлена в тя-



желое положение, имея против себя Россию, Францию, Италию, Сербию и Черногорию, не принимая во внимание Англии. В этих видах монархия должна считаться с одновременной войной против России и Италии, которые будут враждебны каждому продвижению Австрии на Балканах. Приходится пожалеть, что заранее не посчитались с Сербией и Черногорией.

Конрад задается вопросом, кого, Италию или Россию, выгоднее удержать нейтральной, чтобы разгромить другую. Военные доводы, основывающиеся на слабости России и ее положении в Азии, приводят начальника генерального штаба к выводу, что *выгоднее пока быть в дружбе с Россией и громить Италию:* это диктуется ограниченностью средств монархии в ее подготовке к войне.

Оставаясь при своем убеждении, что присоединение Сербии должно всегда оставаться главной целью внешней политики на Балканах, Конрад не может согласиться с выдвигаемой министром иностранных дел программой сохранения status quo на Балканах.

«Я считал, что весна 1909 года была благоприятным моментом для разрешения этого вопроса военными средствами, — продолжает Конрад. — Что этого же можно достигнуть мирным путем, является вопросом. Во всяком случае вступлению на путь силы на Балканах должно предшествовать низвержение Италии».

«С военной точки зрения, таким образом, вырисовываются следующие направляющие линии политики: тесный союз с Германией и Румынией; дружелюбная позиция в отношении России, с использованием восточно-азиатского вопроса и ее ран после маньчжурской войны; скорейший расчет оружием с Италией с целью устранить одновременное выступление Италии с Россией и, вместе с тем, получить свободу действий на Балканах и против России.

Едва ли Сербия и Черногория останутся нейтральными, а поэтому надлежит объявить войну и им одновременно с Италией.

Ближайшей целью на Балканах должно быть присоединение Сербии, самое меньшее — чтобы Сербия не обратилась в сильное самостоятельное государство».

Начертав эту политическую программу для монархии, начальник генерального штаба, исходя из нее, находил необходимым «прежде всего до крайних пределов возможности развить военные приготовления», так как военная подготовка Италии дает ей уже теперь преимущества.

«Только в такой заранее продуманной и последовательной связи между политикой и стратегией вижу я основания для успеха», — заключает Конрад.

Особо важным моментом в военной политике он считает окончание тройственного союза (1912 г.). Все государства стремятся закончить к этому моменту свою подготовку. «Было бы плохо, если бы монархия не приготовилась к указанному сроку, необходимо оказаться хорошо вооруженной и боеспособной. Это необходимо всегда иметь в виду и неуклонно преследовать».

«Как и ранее, при других обстоятельствах, — продолжает начальник генерального штаба, — я отмечал, что далек от вторжения в круг ведения министра иностранных дел. Однако, при той внутренней зависимости, которая, особенно для окруженной со всех сторон врагами монархии, суще-

ствует между политикой и конкретной военной подготовкой, считаю себя обязанным делать вытекающие из этой связи выводы, необходимые для моей специальной службы по конкретной военной подготовке, за которую я ответственен».

В дальнейшем автор доклада перечисляет те мероприятия, которые должны быть проведены для поднятия боевой готовности вооруженных сил, а для детального ознакомления отсылает к приложениям, кои нами выше перечислены. В качестве резюме своего доклада начальник генерального штаба выставляет следующие положения.

«Все рассмотренные выше государства с затратой больших средств и энергии работают над развитием и усовершенствованием вооруженных сил, в особенности Италия, которая планомерно и неустойчиво вооружается, рассчитывая быть готовой к войне с монархией до 1912 года».

«Так как, по времени развития вооруженных сил, монархия отстает от своих соседей, особенно от Италии, то кажется справедливым, на основе создающейся военной подготовки, внести предложение — чем скорее, тем лучше, вступить в конфликт с Италией; это выгодно еще и потому, что Россия в данное время не готова в военном отношении».

Мы не будем вдаваться в подробный разбор мемуара начальника генерального штаба. Должны здесь отметить все же, что политическая ситуация в Европе, по его мнению, давала возможность, без вмешательства других больших государств, разделаться оружием с Италией и залить кровью Сербию и Черногорию. Если вспомним заявления Извольского Шену в 1909 году, то можно с уверенностью сказать, что такие планы Конрада были построены на песке. В 1910 году думать о посдинке между двумя государствами Европы, даже при самой искусной политике нейтрализации других государств, уже не приходилось. Каждый пункт противоречий между теми или иными государствами всегда и неизменно вытаскивался дипломатами даже в стороне стоящих государств на европейскую арену. Только в колониях еще можно было говорить о развитии самостоятельно военных действий, да и то до пределов, которые бы не внушали опасения конкурирующему государству. Сколько Франции пришлось поработать на дипломатическом поле, прежде чем выступить с оружием в руках в Марокко! То же самое и Италии с ее экспедицией в Триполи! Только представители генерального штаба «ненормального правительства», как, например, Палицын, находили возможным затеять новую русско-турецкую войну, не вызвав европейской, но и они во-время были приведены в «норму». Такой конец должны были найти и все предложения превентивной войны с Италией и даже с Сербией.

Но Конрад, набрасывая свою политическую программу, писал, что она должна быть принята на годы. В этом он выдержал свой характер и до самой отставки в конце 1911 года считал непреложными свои доводы о необходимости разгрома Италии и Сербии. Ниже мы увидим, что это отчасти было даже причиной ухода Конрада с поста начальника генерального штаба.

Мы не будем отрывать время у министра иностранных дел Эренталя, занятого чтением проектов политика в военном мундире, а обратимся к живой деятельности Конрада в области той же политики.

Строгой необходимостью для успешной внешней политики Австро-Венгрии и ее готовности к войне Конрад считал незыблемость союза с Германией. Хотя прочность его и была подтверждена в 1909 году, однако, следовало подогревать вспыхнувший огонь любви, и 2 января 1910 года начальник австро-венгерского генерального штаба в письме к Мольтке изъясняется в своих дружеских и товарищеских чувствах, кстати отмечая необходимость тесного союза Германии и Австрии.

В начале января 1910 года к начальнику германского генерального штаба из Вены едет состоящий для особых поручений при Конраде для передачи Мольтке ежегодной проработки по плану войны и личного письма начальника австрийского генерального штаба, а также с целью, при личном свидании с Мольтке, получить от него ориентировку об общем положении.

Личное письмо Конрада к Мольтке под датой от 8 января, начинается с указания, что оно пишется с разрешения Франца-Иосифа. Отметив, что прошлогодняя совместная работа по плану войны отнюдь не утратила своего значения, начальник австро-венгерского генерального штаба предусматривает следующие возможные варианты будущего вооруженного столкновения: 1) Франция нейтральна, враги — Россия, Сербия и Черногория; 2) Франция нейтральна, Россия вступает в войну, когда Австрия будет отвлечена Сербией и Черногорией; 3) Россия, Франция, Сербия и Черногория выступают единовременно; 4) Россия и Франция сначала нейтральны, но открывают военные действия, когда Австрия бросит большие силы на Балканы. Во всех этих вариантах принимается союз с Румынией, нейтралитет Италии и отвлечение Болгарии Турцией. Со стороны последней замечается стремление к союзу с срединными государствами, и если бы такой союз осуществился, то можно рассчитывать, что Турция не только свяжет Болгарию, но и отвлечет силы Сербии и Черногории.

Насколько можно считать обеспеченным союз с Румынией, настолько у Конрада вызывает сомнение верность Италии союзу, а потому, перечислив все подготовительные мероприятия итальянцев для войны с Австрией, начальник генерального штаба последней «считает своей обязанностью при разработке плана войны принять во внимание возможный случай войны с Италией, что является специальной целью настоящего письма».

Конрад предусматривает два варианта: 1) Италия, Сербия и Черногория выступают, Россия и Франция нейтральны; 2) Италия, Сербия, Черногория и Россия объявляют войну Австрии, — тогда Германия по договору 1879 года встает на сторону монархии, чем вызывается и выступление Франции.

Первый вариант Конрад считает возможным, учитывая финансовое состояние Франции, а также внутренние неурядицы в России и состояние ее армии.

Во втором случае, по мнению Конрада, Германия наносит сначала главный удар Франции, чтобы затем обратиться для окончательного решения против России. По аналогии Австрия в первую голову громит Италию и поворачивается затем тоже против России.

Приводя далее оперативные соображения по второму варианту, о чем мы будем говорить в своем месте, начальник австро-венгерского генерального штаба признает, что этот вариант, по справедливости, тяжел для Гер-

мании, Австрии и Румынии, но не безнадежен, желательно, чтобы дипломатия предотвратила его. «Это, однако, выходит из моего круга обязанностей» — продолжает Конрад и сообщает далее, что письмо написано с ведома Франца-Иосифа, дабы осветить Мольтке те трудности, кои могут встать на союзническом пути.

Вручив это письмо, посланец Конрада имел личную беседу с Мольтке. Племянник знаменитого дяди отметил, что *образование союза мелких государств на Балканах явилось бы преддверием войны.* Весь вопрос в том, кто ее начнет — Россия или Англия. Указав на то, что Турция ценна для Германии, особенно против Англии, как страна с магометанским населением, Мольтке предлагал, что и для Австрии Турция может сослужить хорошую службу против малых балканских государств. Турецкая армия через несколько лет будет хорошей, и все будет зависеть от нового правительства, — насколько оно крепко. Указав на то, что в Германии все подготовлено на случай нападения на русских, а также и мало вероятного нейтралитета Франции, начальник германского генерального штаба не упускал из виду возможных противоречий между Японией и Англией.

30 января Мольтке прислал ответ Конраду. Заверив в личной дружбе в верности союзу и в том, что при разработке плана войны германским генеральным штабом положены в основание совместные действия союзников, — начальник этого штаба начинал письмо с оценки Турции. Хотя все идет к тому, что Турция более и более тяготеет к центральным державам, однако, не следует переоценивать этого, так как только через 3-4 года турецкая армия может стать действительным фактором в военном деле. С радостью отмечает Мольтке незыблемость союза с Румынией. Италию начальник генерального штаба считает в таком же положении в отношении Австро-Венгрии, в каком для Германии находится Франция. Если оба эти государства выступят на стороне России, то положение серьезно, но зато ясно и просто. Австрийская армия главными силами атакует Италию, а Германия — Францию. Труднее будет, если Италия и Франция сначала будут выжидать.

«Единственный радикальный способ предотвратить такое положение, — продолжает Мольтке — это немедленное объявление войны сомнительным нейтральным государствам. Но это невозможно по политическим и чисто гуманным условиям».

«Я поэтому предлагаю, — пишет Мольтке, — что если война между союзниками и Россией должна рассматриваться как неизбежная и неотвратимая, то со стороны германского правительства должно быть потребовано от французского правительства исчерпывающее и вполне ясное заявление, какую последнее займет позицию в случае войны. Это заявление должно последовать немедленно, так как решение, куда бросить главные силы — на запад или восток, не может считаться с какой-либо проволочкой. Уклончивый или двусмысленный ответ должен рассматриваться равносильным объявлению войны».

«Если Франция захочет сохранить строгий нейтралитет, то Германия обязуется точно так же не предпринимать неприязненных действий, т. е. западные крепости не мобилизуются, и не усиливается охрана границ. Все же, объявляется общая мобилизация армии, но та ее часть, которая

не будет в первую очередь брошена против России, остается в местах своих стоянок».

Указав на то, что германский генеральный штаб ведет разработку плана войны так, что предусматривает и нейтралитет Франции, — Мольтке отмечает, что Германия связана именно тем, что долгое время должна держать наготове силы против своего опасного противника — Франции.

«Не подлежит сомнению, — заканчивает свое письмо начальник германского генерального штаба, — что война Австро-Венгрии и Германии с Россией, балканскими государствами, Францией и Италией является борьбой не на жизнь, а на смерть. Она была бы проведена легче, если бы с самого начала выяснилась обстановка. Выполнить это последнее — ближайшая и первая обязанность дипломатии. Ваше превосходительство выдвигает требование, чтобы дипломатия сумела избегнуть такой обстановки. Можно только приветствовать, если бы это удалось. Без сомнения, главным командованием должно быть твердо выдвинуто положение: в момент, когда мобилизация должна быть объявлена, необходима полная ясность — кто друг и кто враг».

Мы намеренно остановились подробно на письме начальника генерального штаба из Берлина в 1910 году, так как оно: 1) выявляет определенный взгляд человека войны на дело политики и 2) набрасывает программу действий в преддверии войны. Ниже мы сравним эти взгляды с положением в начале войны в 1914 году, а сейчас убедительно просим читающих наш труд хорошенько запомнить это письмо.

На устном докладе 31 января Конрад ознакомил Франца-Иосифа со своей перепиской с начальником германского генерального штаба и просил, по аналогии, принять такой же образ действий в отношении Италии, какой Мольтке набрасывал в отношениях Германии с Францией. Получив указание снестись предварительно письменно об этом с Эренталем и Мольтке, Конрад выполнил это.

В письме от 23 февраля к Мольтке начальник австрийского генерального штаба, благодаря за ведение разработки плана в Берлине на основе союза с монархией, со своей стороны заверял о подобном же ходе работ в Вене и уведомлял, что в случае войны с Россией желательно совместное дипломатическое или военное воздействие не только на Францию, но и Италию. Подчеркивая необходимость ко времени объявления мобилизации иметь полную ясность в группировке соседних государств, начальник австрийского генерального штаба заканчивал письмо указанием, что содержание его известно Францу-Иосифу и Эренталю.

Через месяц Мольтке прислал Конраду письмо, датированное 30 марта, в котором уведомлял об обращении румынского посланника, через министерство иностранных дел, с предложением обмена мнениями по оперативным вопросам по плану войны. Мольтке дал ответ в германское министерство иностранных дел, что он считает необходимым уведомить об этом Конрада, а последнему, в упомянутом письме, сообщил румынские соображения об отказе от оборонительного развертывания за линией Серет — Галац — Фокшаны и принятии наступательного плана для занятия Бессарабии. Мольтке сомневается, чтобы эти румынские операции действительным образом обеспечили правое крыло австрийцев.

Конрад 9 апреля сообщил Мольтке, что заявление румын в Берлине согласуется с тем обменом мнений, который происходил между Конрадом и начальником румынского генерального штаба Граничано.

12 апреля к Эренталю поступило письмо румынского посланника в Вене с просьбой ориентировать румынский генеральный штаб в русском развертывании, так как румынский штаб не имеет достаточно полных данных. Конрад согласился поделиться имеющимися сведениями, но на условиях взаимного обмена данными разведки, и препроводил Эренталю 11 мая составленный штабом ответ на предложенные румынами вопросы.

Таковы были отношения со старыми союзниками монархии, в союз с которой напрашивались и новые друзья. Военный министр Болгарии Николаев оказался сторонником сближения с Австро-Венгрией вплоть до заключения военной конвенции. Эренталь не особенно доверял болгарским симпатиям и в ноте от 10 мая предлагал послу и военному агенту в Софии, не прерывая дружеских отношений с Николаевым, воздержаться от более тесного сближения.

Противник Болгарии, Турция, после свержения Абдул-Гамида и заключения займа в Германии, вставала также на путь сближения с Австро-Венгрией. В большом письме-докладе от 16 октября военный агент в Константинополе Помянковский с достаточной полнотой ориентировал Конрада в политической жизни возрождавшейся Турции, ее страхах перед Англией и Россией, стремлении отойти от будущей Антанты и сблизиться с центральными державами. Борьба за влияние фирмы Крезо или Круппа в вооружении турецкой артиллерии, при сильном сочувствии Круппу со стороны турецких военных сфер, должна закончиться его победой. Такой же успех имели и автомобили германских марок на конкурсе в Константинополе. Военный атташе приходил к убеждению, что политика Германии и Австрии должна пойти навстречу сближению с Турцией.

Начальник австро-венгерского генерального штаба был далек от напрашивающихся друзей и стремился укрепить военные и политические связи со Швейцарией, могущей сыграть роль в случае столкновения монархии и Италии.

Отношения Конрада с министром иностранных дел Эренталем все более и более портились; внутреннее чувство неприязни возрастало с каждым днем и грозило вылиться в открытую вражду.

Начальник генерального штаба сообщает нам, что происходившие довольно часто его свидания с Эренталем во время кризиса 1908 — 1909 годов, в 1910 году сделались, наоборот, очень редкими. Конрад не скрывал назревающего конфликта с Эренталем и на докладе Францу-Иосифу 12 ноября чистосердечно заявил: «Если Эренталь действует против меня, то и я должен защищаться».

Гвоздем разногласий начальника генерального штаба с министром иностранных дел были, как мы знаем, отношения к Италии, в вооружении которой Конрад видел непосредственную угрозу монархии.

Мы вернемся к этому вопросу несколько позднее, а сейчас рассмотрим следующий важный политический документ Конрада.

В конце 1910 года, под датой 31 октября, начальник генерального штаба представил свой ежегодный мемуар, в конце ноября сообщенный военному

министру и министру иностранных дел. Доклад сопровождался положениями, об оставлении которых у Франца-Иосифа аккуратная рука Конрада сделала на черновике пометку.

Начав с того, что настоящий мемуар представляется по примеру прошлых лет, начальник генерального штаба излагает общие положения о связи политики и стратегии, из которых он исходит и кои нам уже известны из мемуара за 1909 год.

«Раз навсегда установленного направления, по которому должно итти развитие обороны страны, — говорит Конрад, — необходимо держаться с полной последовательностью, коей не должны нарушать ни дипломатические подходы, ни внутренние неурядицы, равно как ни боязнь финансовых жертв; необходимо всегда помнить, что участь государств, народов и династий решается не на дипломатических конференциях, а на полях сражений».

В дальнейшем Конрад переходит к рассмотрению политики европейских государств и Японии и их военной подготовки, выявляя отношение этих государств к Австро-Венгрии. Мы не можем останавливаться подробно на мемуаре начальника генерального штаба и лишь кратко заденем основные мысли, тем более, что оценка им политического положения мало чем разнится от сделанной ранее.

Союз с Германией Конрад считает стержнем своей политики и военной подготовки монархии.

Италия, без сомнения, — скрытый враг, и монархия имеет все основания к тому, чтобы в Италии видеть враждебное государство и готовиться со всей энергией к войне с ним». Такими же врагами являются на Балканах Сербия и Черногория.

Армия в России еще не восстановлена, финляндский вопрос обострен, внутри еще не спокойно, а также существует опасность и на Востоке; поэтому следовало бы постараться войти в соглашение с Россией, а тем временем разгромить Италию. Но пока что, *Россия должна рассматриваться как враг, к войне с которым нужно готовиться, при чем такая война мыслится только в союзе с Германией.*

Болгария — и враг и союзник. *Греция* должна рассматриваться как враг Турции. Турция может отвлечь балканские государства и Россию; усиление же ее, особенно на море, нежелательно для Италии, а потому необходимо поддерживать всеми мерами начавшееся в Турции движение в пользу сближения с Германией и Австрией.

Румыния должна быть удержана в союзе вообще, а в военном в особенности.

Франция — враг Германии, и хотя ничто не говорит об ее склонности к войне, но, тем не менее, она должна рассматриваться как враг центральных государств.

Соперничество *Англии* с Германией основано на торговом и морском соревновании, что заставляет Англию сближаться с Францией и Россией. Англия должна рассматриваться как враг, главным образом, на море, в особенности — в союзе с итальянским флотом. Это вынуждает монархию развивать свой флот и укреплять его базы на Адриатическом побережьи. Соперничать с Англией в увеличении флота не приходится, но желательно угрожать ее господству в Египте.

Бельгия, Дания и Голландия должны рассматриваться как возможные театры действий германцев, французов и англичан, но не выяснен вопрос, какую займут позицию эти государства, — нейтральную или же враждебную Германии.

Швеция безусловно на стороне врагов России, и было бы желательно ее вооруженное выступление для захвата Финляндии.

Швейцария, хотя и нейтральна, но во всяком случае должна сыграть большую роль. В ней борются две партии: французская и немецкая, а потому задачей политики является поддержка и усиление последней.

Япония должна рассматриваться как противник России, накапливающий в данное время силы для новой борьбы.

Исходя из очерченной политической обстановки, начальник генерального штаба набрасывает направляющие линии: а) для конкретной военной подготовки и б) для общей подготовки армии и флота к войне.

Конкретная военная подготовка заключается: 1) в установлении боевого состава армии военного времени; 2) в мерах по прикрытию мобилизации и сосредоточения; 3) в стратегическом развертывании армии.

Эти работы намечены для следующих вариантов: 1) война против Италии с второстепенными действиями против Сербии и Черногории; 2) война против Сербии и Черногории; 3) война в союзе с Германией и Румынией против России при второстепенных действиях против Сербии и Черногории; 4) война с Италией после того, как объявлена война Сербии и Черногории; 5) война в союзе с Германией и Румынией против России в обстановке, аналогичной п. 4; 6) война против Италии, России, Сербии и Черногории в союзе с Германией и Румынией.

Преподнеся эти шесть вариантов, Конрад счел долгом извиниться, что не разрабатываются планы на случай войны с Германией и Румынией, ибо с первой монархия находится в союзе, а с Румынией словесно договорены в предыдущие годы совместные действия.

В дальнейшем начальник генерального штаба приводит те мероприятия общего характера, которые должны быть осуществлены для готовности страны к войне и о коих мы говорили в первой книге нашего труда.

Лейт-мотивом всего мемуара является Италия с ее подготовкой к войне. Конрад снова вспоминает об отклоненном его предложения в 1907 году разгромить Италию, а в 1908 году то же проделать с Сербией, когда политическая и военная обстановка безусловно сулили верный успех.

Раз это упущено и оба противника, а с ними и Россия идут быстрыми шагами по пути развития своих вооружений, то монархия также должна напрячь все силы и средства, чтобы быть готовой к войне к весне 1912 года.

«Угрожаемое с нескольких сторон государство, военные средства которого ограничены, может найти спасенье только в активной военной политике, которая рассчитана на то, чтобы разбить одного за другими вероятных противников и в такой момент, который кажется благоприятным для этого и к коему государство подготовлено; в противном случае такому государству грозит опасность быть атакованным одновременно всеми врагами и в неблагоприятное для него время».

«В этом смысле, — продолжает поучать начальник генерального штаба, — война не только средство политики, но она сама политика».

«Затраченная на вооруженные силы сумма будет потерянными деньгами, если избегать употребления этих сил для достижения политических выгод. Для некоторых из них достаточно простых угроз, но другие могут быть достигнуты только с применением военной силы, т. е., иными словами, планомерно проведенной войной; если этого будут избегать, то капитал окажется потерянным. В этом отношении война может быть сравнена с крупной финансовой операцией».

«Только ложное понимание теории Клаузевица (что часто наблюдается со стороны министра иностранных дел) может повести к противоположным выводам. На родине этого глубокого военного философа его теория ясно осознана и в целесообразных, хорошо подготовленных и своевременно начатых и законченных войнах 1866 и 1870 гг. проведена на практике; прилежные же японцы благодаря ей достигли своего неожиданного успеха в войне с Россией».

«Я считал бы несовместимым со своей ответственностью, если бы умолчал и всеподданнейше не доложил об обрисованной выше обстановке, не высказал свои на нее взгляды и всеподданнейше не спрашивал бы, ваше величество, вашего решительного влияния».

Мы пока не будем вдаваться в оценку, а последуем за ходом истории, колеса которой быстро катились по пути войны.

Министр иностранных дел Эренталь решительно не разделял взглядов Конрада как на политику Италии, как и на необходимость превентивной войны с ней и с Сербией. Эренталь старался даже всеми мерами ограничить развивающуюся инженерную оборону на границе с Италией, энергично проводимую начальником генерального штаба. Подголосок министра иностранных дел Шонайх даже составил, без ведома Конрада, проект соглашения с Италией об ограничении укреплений в Тироле. Правда, проект не получил утверждения и даже неизвестна его судьба, но, во всяком случае, самый факт его составления показателен для выяснения сложившихся отношений начальника штаба с Эренталем.

Так накапливался материал для взаимных обвинений у Эренталя и Конрада, когда осенью 1911 года сама Италия подвинула вперед к разрешению горевший спор.

Осенью этого года началась *итало-турецкая война* — первый дележ турецкого наследства, усиливший брожение и на Балканах.

Таким образом, два самых важных, по мнению начальника австрийского генерального штаба, фронта Австро-Венгрии — Италия и Балканы — снова оживились и, конечно, не должны были уйти из круга его оценки. Оба эти фронта вызвали обмен взглядами между Конрадом и Эренталем, стремление их установить единую политическую точку зрения и повели к окончательному разрыву этих видных деятелей былой монархии, закончившемуся падением начальника генерального штаба.

На Балканах уже со средины мая 1911 года в Албании вспыхнуло восстание.

Турция, принявшая военные меры по подавлению восстания, старалась создать для себя благоприятную внешнюю политическую обстановку. Было ясно, что не в выгодах Австрии поддерживать самостоятельность Албании, а поэтому в Вене турки предприняли шаги с целью нащупать почву для

сближения. 29 мая турецкий военный агент явился к начальнику генерального штаба с целью узнать, действительно ли в Боснии подтягиваются к черногорской границе австро-венгерские войска. Если это факт, то в нем Турция видит знак дружественного расположения Австрии. На это Конрад ответил, что ни о каком сосредоточении войск не может быть и речи. Сообщив тотчас же о своем разговоре Эренталю, начальник генерального штаба получил от него 31 мая ответ, что в шагах турецкого военного агента министр иностранных дел усматривает, как и Конрад, желание показать, что подтяжка австрийских войск к черногорской границе была бы очень желательна для Константинополя, но что он, Эренталь, не считает это необходимым.

«Больному человеку» приходилось туго: восстание в Албании грозило осложниться выступлением Черногории, в Аравии 14 июня пришлось понести серьезную военную неудачу.

Мы знаем, что как только Германия решила нанести Франции удар в Агадире, итальянский премьер уже заявил о приближающемся выступлении Италии в Триполи.

За три дня до посылки Италией ультиматума Турции начальник австрийского генерального штаба 24 сентября обратился с письмом к Эренталю, основываясь на личном приказании Франц-Иосифа — во всех важных политических вопросах поддерживать тесный контакт с министром иностранных дел.

Указав на то, что марокканский кризис пока не находит мирного разрешения, Конрад обращает внимание на возможное выступление Италии в Триполи, что для монархии имеет как политическое, так и военное значение.

Оговорившись, что все нижеизложенное является личными взглядами, начальник генерального штаба доказывает Эренталю, что операция в Триполи ведется, как подготовительная перед войной с Австро-Венгрией.

Конрад считает необходимым для Австрии быть готовой к войне с Италией. «Я должен здесь особенно подчеркнуть, — пишет начальник штаба, — что предусмотрительность говорит за то, чтобы ведущий агрессивную политику начинал войну нападением, так как это дает огромную выгоду». «Упущение в этом должно повлечь за собой тяжелую ответственность», — предупреждает Конрад и просит Эренталя держать его в курсе хода дел.

Хотя, с одной стороны, окупация Триполи может ослабить Италию, — с другой, расширение страны дает ей новую мощь в будущем, как, например, Босния для Австрии, Алжир для Франции и т. п. Вдумываясь в политическую ситуацию, начальник генерального штаба находит необходимым использовать выступление Италии в Триполи, чтобы разрешить задачи в тех направлениях, — например, на Балканах, — где можно в будущем ждать столкновения с итальянцами.

Резюмируя все сказанное, Конрад находит, что военные приготовления необходимы: 1) для войны с Италией, если монархия захочет посчитаться с ней, 2) для активных выступлений на Балканах и 3) на тот случай, если Италия выступит, но не против монархии.

Конрад в заключение письма предлагает или *напасть на Италию* при ее

выступлении в Триполи, или *использовать ее затруднительное положение для продвижения на Балканах.*

Письмо заканчивается указанием, что если Эренталь желает лично переговорить с ним, то Конрад просит его об этом уведомить.

Италия 27 сентября 1911 года предъявила Турции ультиматум, дав 24 часа на его выполнение; 29-го последовало объявление войны, а 5 октября было уже занято Триполи. Попытка Италии занять Перевезу встретила резкий отпор со стороны Эренталя и осуждение Франции и Англии, что заставило римское правительство подтвердить, что оно не намерено нарушать status quo на Балканах.

11 октября к начальнику генерального штаба вновь явился турецкий военный агент с целью узнать мнение Конрада о возможных выступлениях Италии на континенте и получить совет, что следовало бы предпринять Турции. «Я не министр иностранных дел, возразил я, — пишет начальник штаба, — и в мои обязанности, как солдата, не входит вести политику. Я могу высказать только личные свои взгляды, как если бы мы сидели в кафе». Эти личные соображения сводились к тому, что если бы Конрад был турком, то, в случае выступления Италии на полуострове, он обратился бы с циркулярной нотой к державам, в которой указал бы на опасность, какая грозит от таких действий итальянцев.

До некоторой степени неожиданно начав военные действия, итальянское правительство не желало допускать военных агентов иностранных держав на театр военных действий, для чего, пригласив их отправиться в Триполи, не высадило на берег, оставив на корабле.

Такие действия Рима вызвали неудовольствие Конрада, и он 14 октября обратился с письмом к начальнику канцелярии Франца-Иосифа, в котором, протестуя, жаловался на министерство иностранных дел, смирившееся с таким положением вещей. «Если во время кризиса 1909 года наш белградский посланник, — писал начальник генерального штаба, — находился в продолжительной поездке, и если ныне, в решающий момент триполитанского сюрприза, наш посланник в Риме находился в отпуску, точно так же и посол в Константинополе, то это не мое дело, но военные атташе подведомственны мне, и я за них отвечаю, а потому имею право просить выслушать мое суждение, тем более, когда мне по вопросам разведки чинят только препятствия вплоть до запрещения офицерских заграничных отпусков, как это было недавно». Италия мобилизовала флот, призвала под знамена 100 000 человек и усиливает военную подготовку; «а мы, — говорит Конрад, — отправляем наших военных представителей в увеселительные поездки». Конрад просит доложить его просьбу Францу-Иосифу.

На помощь военному агенту в Риме был послан еще офицер генерального штаба. Донесения этих лиц, а равно военных агентов в других странах рисовали с исчерпывающей полнотой политическую ситуацию, обостренную выступлением Италии в Африке. Они согласно говорили, что итальянская экспедиция — дело рук национальной партии, что военная подготовка, произведенная довольно скрытно, предшествовала решению правительства и даже до некоторой степени давила на него, что нет ничего невероятного, если в один прекрасный день национальная партия Италии пожелает объявить войну Австро-Венгрии.

30 октября Конрад был с докладом у Франца-Иосифа и из разговора с начальником его военной канцелярии узнал, что Эренталь обескуражен итальянскими шагами и в то же время сильно болен.

Между тем, Италия 5 ноября объявила аннексию Триполи и Киренаики. Однако, успехи итальянского оружия остановились, встретив упорное сопротивление организованных Энвер-беем партизанских отрядов арабов. К этому присоединились и дипломатические переговоры с европейскими государствами о признании ими акта аннексии, встреченного отрицательно Англией и Францией.

Другой очаг конфликтов — Балканы — в это время глухо волновались. Затруднительное положение Турции создавало для балканских государств заманчивую возможность поживиться за ее счет. Появились уже некоторые признаки возникшего позднее, в 1912 году, балканского союза: началось сближения по военной линии отдельных балканских государств, правда, не выходящего пока за пределы раздачи орденов военным представителям.

Для срединных государств наступали дни, когда должна была быть выявлена особая прочность союза, между тем как сам Эренталь, так и руководимая им пресса не только относились сдержанно к Берлину, но в венской прессе появились даже статьи, направленные против безоговорочного союза с Германией.

Мы знаем, что начальник австро-венгерского генерального штаба в основу внешней политики монархии и ее военной подготовки ставил незыблемость союза с Германией. Поэтому вполне понятно, что такие тучи на союзном горизонте, грозившие расколом, сильно его поразили, и он поручил военному агенту в Берлине выяснить мнение на этот счет Мольтке.

20 января 1911 года военный агент из Берлина успокаивал Конрада, что нападки венских газет рассматриваются как частные выступления, за которые правительственные сферы не ответственны. Военный агент писал, что при личном свидании Мольтке заявил о прежней прочности союза, что подтверждали и личные наблюдения военного агента.

Однако, нападки венской прессы продолжались, и 9 сентября германский военный агент в Вене обратил на это внимание начальника австрийского генерального штаба. Последний ответил, что пресса не выражает мнения правительственных кругов, при чем совершенно доверительно просил сообщить Мольтке, что им, Конрадом, уже доложены Францу-Иосифу предположения на случай войны Германии с Францией, но пока решение не принято, так как Франц-Иосиф не верит в возможность войны.

23 сентября германский военный агент письменно уведомил Конрада, что Мольтке через третье лицо просил передать начальнику австрийского штаба большую благодарность, привет и уверение в полном единомыслии и обоюдном доверии.

4 ноября сомнения кончились, так как марокканский кризис ликвидировался; но они характерны, так как показывают, что не так-то был крепок союз центральных государств Европы. Теснее была связь между генеральными штабами, чем между руководителями внешней политики и даже представителями двух династий.

Не имеем права обойти молчанием следующее характерное донесение

австрийского военного агента из Берлина. 12 октября, т. е. после выступления Италии в Триполи, он писал о своем разговоре с Вильгельмом, который просил его сообщить содержание такового только одному Конраду.

Вильгельм рассказывал, что 13 сентября, после маневров, германский кронпринц в разговоре с итальянским королем поставил вопрос: какую позицию займет Италия в случае вооруженного столкновения Германии с Францией из-за Марокко; итальянский король заверил, что он считает вполне лойяльной союзу всю Италию вплоть до последнего итальянского гражданина. Видя в этом, в первый раз после смерти заключившего союз короля Гумберта, подтверждение Италией своих союзнических обязательств, Вильгельм считал их особенно ценными ныне, во время кризиса, и полагал что итальянские войска будут драться на стороне Германии. Об этом разговоре Вильгельм сообщил только Францу-Иосифу, а потому был очень удивлен, что о нем знает уже и канцлер. Одним словом, кто-то разболтал, а потому Вильгельм, сообщая заявление итальянского короля Конраду, просил его никому о нем не говорить.

Так, в обход официальных лиц, творилась политика между Берлином и Веной, и никем иным, как самим Вильгельмом, видевшим в Конраде единомышленника Германии.

Несмотря на такие высокие заверения в лойяльности Италии, начальник австрийского генерального штаба продолжал расценивать Италию, как врага и 12 октября писал Францу-Фердинанду: «Я настолько не доверяю нашей дипломатии, что никогда не поставлю в зависимость от ее желаний военные приготовления».

Второй раз, по мнению Конрада, Эренталь не использовал благоприятно складывающуюся обстановку, чтобы посчитаться оружием с наиболее вероятными противниками — Италией и Сербией.

Под знаком необходимости «превентивной» войны с этими государствами прошли три служебных года начальника генерального штаба с берегов Дуная — три года борьбы с политикой «собирания сил», проводимой министром иностранных дел. Результатом этой ведомственной борьбы было заявление Конрада о недоверии дипломатии. Собственно говоря, такое недоверие появилось уже давно, а именно — с тех пор, как начальник генерального штаба начал набрасывать свои политические программы. Правильны ли были его действия или они заслуживают осуждения — в разбирательство этого мы пока вдаваться не будем, ибо сделаем это в своем месте.

Ошибочны ли были направляющие линии внешней политики, которые указывал монархии Конрад? В сущности, в балканском вопросе начальник генерального штаба даже и не расходился с Эренталем в определении целей, но пути к достижению их различно мыслились обоим государственным мужам.

Со всей справедливостью мы должны отметить, что сдержанность и достижение целей в порядке постепенности по этапам, проводимые Эренталем, более отвечали состоянию сил монархии, ее внутренней жизни, нежели те призывы к агрессивной политике, какие мы слышали от начальника генерального штаба. Больному государственному организму Конрад

прописывал все время такое сильно действующее средство, как война, и нужно отдать должное Эренталю, сумевшему во-время сопротивляться приему Австро-Венгрией лекарств ее начальника штаба. Каждый документ Конрада, из оглашенных нами выше, может быть расценен как наркотическое средство.

Горячо отстаивая превентивную войну с Италией и Сербией, Конрад в то время старался отогнать от себя мысль об европейской войне, предлагая дипломатии (в которую он потерял веру) избежать такого крупного кризиса. Выше мы уже высказывали сомнение в возможности в 1910—1911 году на карте Европы войны между двумя крупными государствами без вмешательства других. Все предположения о нейтралитете того или иного государства, которые мы слышали из уст Конрада и его берлинского друга Мольтке, следует признать мало продуманными. Оба начальника генеральных штабов занимались рисованием предвзятых картин — занятием вредным не только в военном деле, но и в области политики.

Можно с уверенностью сказать, что ни одно из крупных государств не дало бы свободы рук Конраду ни в войне с Италией, ни даже в войне с Сербией. В одном он прав — это в том, что 1909 год для монархии миновал и миновал навсегда...

Для Австро-Венгрии единственно правильной была та политика «собирания сил», которая диктовалась ей Эренталем. События последующих годов — в том свидетели...

ГЛАВА V

ПОРАЖЕНИЕ КОНРАДА

Напряженность отношений начальника генерального штаба с министром иностранных дел. — Принципиальная сторона разногласий Конрада с Эренталем: Италия. — Инцидент с Гардским озером. — Письмо римского посла Эренталю о вооружениях Италии и заключение по нему Конрада. — Обида Конрада. — Разногласия генерального штаба с министерством иностранных дел во взглядах на разведку. — Канцелярский промах Конрада. — «Клика» Эренталя и ее игра. — Мемуар Конрада от 9 сентября 1911 года. — Министерство иностранных дел не идет навстречу Конраду в подготовке армии к войне. — Документы, говорящие о подготовке Италии к войне с монархией. — Эренталь готов поддержать подготовку к оборонительной войне, но против превентивной войны. — Эренталь о «военной партии» в Австрии. — Отповедь Конрада о необходимости подготовки к войне с определенными, вероятными противниками. — Компетенция генерального штаба в развитии армии и флота. — Переписка Конрада с Эренталем только через военного министра. — Пограничные инциденты и протест Конрада против вмешательства Эренталя в распоряжения генерального штаба по прикрытию мобилизации и сосредоточения. — Агентурная разведка и трения из-за нее между Конрадом и Эренталем. — Необходимость командировки офицеров за границу. — Эренталь заступается за римского посла. — Конрад обвиняет Эренталя и посла в легкомысленной оценке Италии. — Закулисные преемники Конрада. — Приказание Франца-Иосифа Конраду написать извинительное письмо Эренталю и категорический отказ Конрада. — Эренталь не приглашает Конрада на заседание совета министров. — Доклад Эренталя от 22 октября и его сущность. — Политика должна быть всецело в руках министра иностранных дел. — Армия — зонтик дипломатии. — Конрад у Франца-Иосифа 15 ноября. — Политика Эренталя — политика Франца-Иосифа. — В Австрии не должно быть «военной партии». — 30 ноября Конрад у Франца-Иосифа: назначение армейским инспектором. — Конрад о своем уходе с поста начальника генерального штаба. — Сожаления Мольтке. — Дипломатический инцидент с уходом Конрада. — Пресса об уходе Конрада. — Обвинения Эренталя и его требования ограничения прессы. — Мемуар Конрада за 1911 год. — Враги и друзья. — Условия подготовки войны Австрии с Германией. — Политические цели монархии в представлении Конрада. — Четыре варианта плана войны. — Четвертый вариант — европейская война — дипломатическое поражение. — Приложения к мемуару и порядок составления последнего. — Значение ухода с должности начальника генерального штаба.

Наше предшествовавшее повествование уже с достаточной ясностью говорит о том, что отношения министра иностранных дел с начальником генерального штаба на берегах Дуная все более и более становились натянутыми и неизбежно вели к конфликту.

Можно было бы не вдаваться в подробности ссоры двух «мужей» монархии Габсбургов, если бы не тот интерес, который представляют для нас опубликованные ныне Конрадом по этому поводу документы. Конечно, мы не будем занимать внимание читателя подробной их трактовкой, а остановимся лишь на основных выводах из них.

Во всяком конфликте людей необходимо отличать: 1) принципиальную сторону конфликта и 2) его обратную сторону — страстность вступивших на путь спора людей, мелкие выпады противных сторон, интриги окружающей спорящих среды, еще более обостряющие конфликт.

Всего этого накопилось достаточно в отношениях Конрада с Эренталем, чтобы довести спор до такой степени, когда вставал вопрос об уходе того или другого со служебной арены. Последняя оказалась тесной для обоих.

Принципиальная сторона конфликта заключалась в расхождении взглядов как в отношении целей внешней политики, так и в отношении самого понятия войны, как вида общественных отношений. Конкретно с 1909 года разногласия Эренталя с начальником генерального штаба резко выявлялись во взглядах на политику Италии, угрожавшей, по мнению Конрада, войной монархии в самом недалеком будущем.

Боснийский кризис отвлек внимание начальника генерального штаба от Италии, но не глубоко и на короткий срок. С окончанием кризиса на Балканах Италия снова была поставлена во главу угла всего мышления начальника австро-венгерского генерального штаба.

Из предыдущей главы мы уже знаем, что во всех своих «мемуарах» с 1909 по 1911 год Конрад из всех вероятных противников прежде всего наиболее опасным считал Италию и неизменно предлагал вступить с ней в превентивную войну. Не ограничиваясь этим, начальник генерального штаба при всех своих устных докладах и беседах неустанно повторял свое предложение о войне с Италией, выясняя по этому поводу взгляды Мольтке и т. д., — одним словом, Италия должна была испытать на себе тяжелую руку начальника австрийского генерального штаба.

До 1911 года, когда Рим еще не так усиленно готовился к войне, Конрад не был особенно настойчивым, но с 1911 года, когда, с одной стороны, оставался только год до окончания действия тройственного союза, а с другой, Италия развила свою военную подготовку, — Конрад начал усиленно призывать к войне с ней.

3 января 1911 года Конрад в письме к Эренталю обращает его внимание на стремление Италии быть готовой к войне к весне 1912 года, добавляя, что считает своей обязанностью поставить об этом в известность министра иностранных дел.

В ответ на это 6 января Эренталь, принимая к сведению сообщение Конрада, обещает проверить его данные через свои органы. Строго доверительно сообщая, что *договорные обязательства с Италией кончатся лишь в 1914 году, Эренталь приходит к выводу, что, во всяком случае, монархия до этого срока обеспечена от нападения со стороны итальянцев.* В настоящее время пока не является актуальным вопрос о возобновлении договора, так как, судя по слагающейся политической ситуации, можно думать, что Италия останется попрежнему в союзе. Если Италия в данное время проводит с громадной энергией усиление своего военного могущества, то это делается, по мнению Эренталя, с целью не отстать в вооружении от остальных государств, а также из-за желания повысить себе цену при возобновлении договора тройственного союза.

В этом и заключались основы расхождения взглядов министра иностранных дел и начальника генерального штаба. *Один смотрел на Италию, как*

на вполне лояльного союзника, а другой видел в ней лихорадочно готовящегося к войне с монархией врага.

Следом за этим обменом письмами произошел другой, еще более подливший масла в огонь. Согласно договору с Италией после 1866 года Австро-Венгрия была ограничена в своем праве держать военную флотилию на Гардском озере, в то время как Италия была в этом совершенно свободна. Частное торговое пароходство было всецело в итальянских руках. Конрад очень сочувственно относился к развитию австрийского частного пароходства на озере, видя в этом и военные выгоды. Газеты, опираясь на мнение начальника генерального штаба и отмечая разногласие его в этом вопросе с министром иностранных дел, открыли кампанию в пользу развития торгового пароходства на Гардском озере.

29 января Эренталь в письме к Конраду высказывает свое удивление: 1) самым фактом разногласия в вопросе о флотилии на Гардском озере и 2) преданием гласности строго секретных внутренних, междуведомственных дел. К этому министр иностранных дел добавляет, что такая газетная кампания еще более заставит Италию вооружаться. Свое письмо Эренталь заканчивает указанием, что подобный способ проведения вопросов может вредно отразиться на военной подготовке монархии, при чем он, Эренталь, считает своим долгом обратить на это внимание начальника генерального штаба.

Получив это письмо, последний был удивлен двумя обстоятельствами: 1) тем, что письмо было адресовано ему, тогда как военная цензура подчинялась военному министерству, а не генеральному штабу, и 2) обвинением его, Конрада, в газетной кампании.

Начальник штаба, по своему характеру, конечно, не мог оставить письмо без ответа, который и последовал на следующий день. Начиная с указания, что Конрад сам является противником оглашения в газетах деловых вопросов и военных мероприятий, начальник штаба подчеркивал, что ему также отлично известен весь вред от несоблюдения этого. В этих видах он считает необходимым о происшедшем довести до сведения военного министра. С другой стороны, он должен отметить, что вооружения Италии настолько явны, что едва ли газетная об этом кампания может изменить их. Что касается того влияния, какое оказывает министр иностранных дел на развитие торгового пароходства на Гардском озере, то об этом Конраду совершенно ничего не известно. «Хотя я и не склонен, — писал начальник генерального штаба, — обсуждать в прессе важнейшие политические и военные вопросы, тем не менее я считаю себя обязанным в этом случае обратить ваше внимание на ту большую опасность, каковая таится в недооценке военных приготовлений Италии и в отсталости своей подготовки».

Газеты продолжали раздувать гардский инцидент, а в маневрах на других озерах видели аналогию будущих операций на озере Гардо, внося еще больший шум в этот вопрос.

Как выше было указано, Эренталь собирался через свои органы проверить и оценить данные начальника штаба о военных приготовлениях Италии. 23 февраля Конрад получил от Эренталя, как результат этой проверки, донесение посла в Риме на имя министра иностранных дел.

Посол писал, что вооружения Италии не ускользают от его внимания

и исчерпывающим образом оцениваются военными представителями (сухопутным и морским) при посольстве. Изучение военного бюджета Италии и сравнение его с таковыми же в других странах приводят к выводу, что армия и флот Италии в настоящее время не могут считаться той бомбой, которая могла бы неожиданно взорваться. По мнению посла, развитие армии и флота в Италии идет вполне естественным путем, и всякие военные программы являются вполне обычными финансовыми и политическими комбинациями. Однако, ни одна программа не может гарантировать действительной боеспособности, так как никакой военный министр, никакой начальник генерального штаба, никакой командующий флотом не в состоянии предвидеть, каковы будут успешные шаги в развитии боеспособности армии и флота и какие появятся новинки в области военной техники. Исходя из этого, совершенно нельзя сказать, что в этом или в другом году итальянские вооруженные силы достигнут своей боевой готовности.

Подвергая далее детальному разбору сухопутную и морскую программы Италии, австро-венгерский посол в Риме приходит к выводам, что о боеспособности флота к 1912 году говорить не приходится, и таковая может быть достигнута лишь в 1918 году; в отношении же армии, которая безусловно отстала от армий остальных государств, то к 1912 году она восстановит свою боевую готовность, но не до желательных правительству размеров. Видя этому доказательства в медленном выполнении мероприятий по развитию артиллерии, инженерной обороны, сети железных дорог, посол резюмирует свое письмо указанием, что *1912 год отнюдь не может считаться решающим годом в развитии итальянской армии и, тем более, флота.*

Наоборот, в правительстве, в армии, во флоте и в обществе Италии, по мнению посла, все более и более усиливается опасение нападения со стороны Австро-Венгрии, что и является одной из причин развития Италией вооруженных сил.

Возмущенный высокомерным и нравоучительным тоном габсбургского дипломата из Рима, начальник генерального штаба 24 февраля направляет письмо Эренталю.

Сопровождая его подробной справкой о развитии вооружений в Италии, Конрад отмечает, что намерение Эренталя поверить данные генерального штаба еще в январе через органы министерства иностранных дел, им, Конрадом, понималось, как всесторонняя оценка этих данных. Между тем, римский посол сообщает сведения, которые давным-давно известны генеральному штабу. «Я не в состоянии, — пишет начальник генерального штаба, — подавить в себе чувство удивления, что кто-то осмеливается поучать меня, человека десятки лет носящего солдатский мундир, имеющего за собой 39 лет офицерской службы, пережившего все преобразования армии от капсюльного ружья до магазинной винтовки и несколько лет прослужившего во время этих армейских реформ на ответственных местах, — в том, что реформы Италии имели все время непрерывный и напряженный характер».

«Для каждого дальновидного и понимающего внутренний ход военных преобразований человека должно быть ясно, — продолжает Конрад, — что эти реформы в своем развитии охватывают те периоды, во время которых они получают напряженный характер и основываются на определенных возможных будущих вооруженных столкновениях; равным образом, каждый

дальновидный человек должен был бы считать необходимым установить тот срок, к которому должна быть достигнута полная боевая готовность».

«Если г. посол в Риме не понимает этого, то не мое дело поучать его», — продолжает Конрад.

По поводу заключительной части письма посла о замечающейся в Италии боязни нападения со стороны Австрии начальник генерального штаба указывает, что его данные отнюдь не так поверхностны, и не на них он строит необходимость быть готовым к войне с Италией. За поверхностную же оценку будущих врагов Австрия расплатилась двумя лучшими провинциями — Ломбардией и Венецией.

«Я не могу быть соучастником подобных преступлений», — заканчивает свое письмо Конрад.

Тон последнего письма Конрада показывает, что оба государственных деятеля уже перешли со служебной почвы на личную и вряд ли уже сошли бы с последней.

Трения оказались и в другой отрасли службы генерального штаба — в разведке. В то время как Италия наводняла своими тайными агентами пограничные области Австрии, министр иностранных дел Эренталь чинил всевозможные препоны к направлению офицеров в Италию для рекогносцировок и разведывательной деятельности. Тот же римский посол, заняв в этом враждебную генеральному штабу позицию, писал, что нельзя испытывать до бесконечности терпение Италии. Его письмо было направлено Эренталем военному министру, а последним — Конраду.

Начальник генерального штаба в письме к военному министру от 4 июля, отстаивая необходимость усиления разведки, между прочим писал, что ему непонятно, как может говорить о долготерпении Италии посол в Риме, когда ему должно бы быть известно, какое большое число осуждено в Австрии итальянских шпионов. Подобные заявления посла приводят Конрада к убеждению, что интересы монархии плохо защищаются, в то время как в других государствах это обстоит иначе.

Хотя письмо было адресовано только военному министру, но Шонайх препроводил его Эренталю, а этот последний довел его до сведения Франца-Иосифа, обвинив, кстати, начальника генерального штаба и в инспирировании прессы.

Ныне Конрад категорически протестует против этого, говоря, что он всегда предпочитал вести борьбу с открытым забралом и не только сам не принимал никакого участия в газетной кампании, но даже запрещал подчиненным ему офицерам генерального штаба какое-либо участие в повседневной прессе.

К этим разногласиям присоединились и обиды, вызванные случаями мелкого характера. Так, еще в 1909 году Эренталь препроводил начальнику генерального штаба письмо одного из послов, в котором последний допустил филологическую ошибку. Конрад, со свойственной ему горячностью, подчеркнул это цветным карандашом, сделав пометку, что если бы подобное было допущено кем-либо из его подчиненных, то он строго взыскал бы. С этой резолюцией письмо было возвращено в министерство иностранных дел, в котором она была расценена, как критика последнего, и, конечно, взята на учет.

Помимо этих столкновений, шла большая закулисная атака на Конрада. Мы не раз отмечали, что Эренталь тесно блокировался с Шонайхом в борьбе не только против начальника генерального штаба, но, главным образом, против наследника Франца-Фердинанда, креатурой которого считался Конрад. Франц-Фердинанд был возмущен действиями этой «клики», политикой «прислуживания» Эренталя и предполагал решительно выступить с требованием ухода Шонайха с поста военного министра. «Клика» рассчитывала, что во время маневров этого года произойдет разрыв между Конрадом и Францем-Фердинандом, чем значительно облегчился уход начальника генерального штаба.

Конрад ныне пишет, что он не принимал участия в этой закулисной интриге, а шел своей прямой дорогой.

Принимая во внимание свидетельство Чернина о Конраде, как человеке прямом, далеком от того, чтобы прятаться за чужие спины, можно поверить этому заявлению начальника штаба.

Убежденный в ложности политики Эренталя в отношении Италии, начальник генерального штаба 9 сентября представляет Францу-Иосифу обширный мемуар, который, в сущности, являлся не чем иным, как *обвинительным актом против Эренталя*. В виду важности этого документа мы позволим себе остановиться на нем подробнее. Доклад сопровожден несколькими приложениями, которые, ввиду выявления в них Конрадом его точки зрения на различные отрасли службы генерального штаба, также будут нами рассмотрены.

Начав свой доклад с того, что за последнее время происходила довольно оживленная служебная переписка между министерством иностранных дел, военным министерством и генеральным штабом, имеющая важное значение для вопросов боевой готовности армии и готовности монархии к войне вообще, Конрад указывает, что в той части, которая касается политики и генерального штаба, эта переписка доводилась до сведения военной канцелярии Франца-Иосифа.

«Если я, — продолжает начальник генерального штаба, — в духе полученных от вас указаний об обмене мнениями с министерством иностранных дел, давал оценку важнейших политических событий, которые могли бы иметь значение для монархии, то делал это исключительно в тех целях, чтобы установить отправные военные данные и их увязать с теми требованиями, которые я, по своим взглядам, считал необходимыми провести для боевой готовности армии. При этом я должен отметить, что признавал своей обязанностью отнюдь не давать политическим событиям какое-либо иное течение, нежели то, которое проводится министерством иностранных дел».

«Я должен, — пишет Конрад, — с сознанием строгой ответственности, констатировать, что необходимые для этих возможных политических событий, чисто военные мероприятия не только не встречали сочувствия со стороны министерства иностранных дел, но, наоборот, были для него далеки, несмотря на то, что готовые к войне вооруженные силы монархии являются тем реальным фактором, на который в трудные минуты внешняя политика может опереться, чтобы достичь своих целей и показать свою силу, хотя бы и в том случае, если ее намерения направлены к поддержанию мира».

Видя в боснийском кризисе подтверждение сказанному, Конрад далее говорит о том, что за последние месяцы главным пунктом расхождения его с министром иностранных дел явилась политика Италии. Подробно излагая агрессивную политику Италии, начальник генерального штаба говорит, что он нарушил бы свои обязанности, если бы оставил без внимания эту политику вооружений Италии и не настаивал на необходимости для монархии принять военные меры безопасности. В этом он не всегда находил поддержку со стороны министерства иностранных дел. Подтверждая это выпиской из протокола заседания совета министров от 5 марта этого года, о котором мы уже подробно говорили в первой книге нашего труда, Конрад приводит еще три письма (его письмо к Шонайху от 25 июля, Эренталя к Шонайху от 22 июля и письмо Конрада к Шонайху от 30 июля).

Выписка из протокола от 5 марта фиксировала заявление Эренталя о сдержанном характере внешней политики монархии, почему всякое увеличение военных кредитов оказывается диаметрально противоположным ему и может повести лишь к увеличению вооружений соседей, что отнюдь не в выгодах монархии. Эренталь констатирует, что уже и теперь силы монархии достигли достаточной боеспособности.

В письме от 25 июля к военному министру Конрад отмечает факт газетной кампании в Италии против Австрии и указывает, что, наоборот, отечественная пресса совершенно не видит ясных даже для профанов вооружений Италии и излишне разбалтывает о военных мероприятиях Австрии. Начальник генерального штаба просит военного министра дать надлежащий тон прессе, а также убедить в необходимости развития армии и флота министерство иностранных дел, для которого должна быть очень нужной боевая готовность армии.

Письмо Эренталя от 22 июля 1911 года к военному министру Конрад приводит как ответ министра иностранных дел на только-что изложенное нами письмо начальника генерального штаба. Эренталь указывает, что если итальянская пресса и относится враждебно к Австрии, то это: 1) касается прессы верхней Италии и 2) вызвано боязнью Италии нападения со стороны Австрии. Если начальник генерального штаба, пользуясь случаем, требует новых кредитов, то на это Эренталь обязан сказать, что за 1910 и 1911 годы отпущено около 1 100 миллионов крон, частью единовременно, а частью на пятилетний срок. Это нужно поставить в заслугу прежде всего обоим правительствам; кроме того, Эренталь считает, что и он в отпуске средств сделал не мало. Больше отпустить нельзя, так как можно перейти границы платежеспособности государства.

Общее политическое положение министр иностранных дел определяет, как *спокойное* для монархии: ей ниоткуда не грозит никакой опасности, и отношения с различными государствами развиваются мирным и дружественным темпом.

Нет слов, что *государство должно быть готово к оборонительной войне и для нее иметь готовые вооруженные силы, в чем всегда в Эрентале военное ведомство найдет поддержку. Другое дело, если хотят требовать кредитов для определенной войны. Против этого Эренталь возражает и снимает с себя всякую ответственность за превентивную войну с Италией, которая так желательна начальнику генерального штаба.* Министр иностран-

ных дел не закрывает глаз на то, что слабое итальянское правительство не сможет сдержать общественное мнение своей страны и Италия окажется врагом Австрии, но усиленные вооружения последней сделают то, что каждое итальянское правительство решит, что нападение на него со стороны монархии решено, а потому ответит военным усилением.

Если в руководящих кругах Италии сложится мнение, что в Австрии «военная партия» твердо решила вести войну, то нужно отбросить всякую мысль о союзе. *Задачей Эренталя является сейчас поддержание мира, пока это в интересах монархии и совместимо с ее достоинством; поэтому он решительно высказывается против всякой усиленной военной подготовки против Италии, дабы не создать тяжелой обстановки к возобновлению тройственного союза.* К тому же, и отношения с Россией не так дружественны, как они кажутся, и в случае столкновения с Италией нужно, по меньшей мере, считаться с неприязненной сдержанностью русской дипломатии. О содержании этого письма Эренталь просит довести до сведения начальника генерального штаба.

Ясно, что последний не мог оставить этого письма Эренталя без ответа и, возвращая его Шопайху, написал отповедь.

Если министр иностранных дел возражает против подготовки к «конкретной войне», то начальник генерального штаба мыслит себе подготовку именно только *к конкретной войне.* Быть готовым к войне со всеми соседями не допускает экономическая мощь государства, в особенности такого, которое окружено со всех сторон, и необходимо поэтому ясно отдать себе отчет, с кем жить в мире, а с кем готовиться к войне. *Возможные конфликты с вероятными противниками и являются основаниями для конкретной военной подготовки.*

Доказывая в дальнейшем ошибочность суждений Эренталя о миролюбии Италии, Конрад отмечает, что он, по долгу службы, не может пройти мимо вооружений соседа, не реагировав на них. Хочет или нет политика в ближайшее время вести войну, — это другой вопрос, но развивать свои вооружения, чтобы не отстать от вооружений соседей, всегда необходимо. *Выставленные Конрадом требования усиления ассигнований не превосходят границ необходимого, право и компетенция устанавливать которые принадлежит исключительно начальнику генерального штаба.*

«Я обязан, — пишет начальник генерального штаба, — разработать так конкретные военные приготовления и оказать такое влияние на развитие вооруженных сил, которое позволило бы им в момент опасности, приход коей никто не может предвидеть, быть надежной опорой внешней политики».

«Только эти основные мысли являются для меня руководящими в моей деятельности, — продолжает Конрад, — и только в их духе я среди средств, необходимых для развития вооруженных сил, имел в виду патриотическое содействие прессы».

Прося военного министра довести это письмо до сведения Эренталя, Конрад предлагает, если то потребуется, представить исчерпывающие доказательства справедливости его выводов в отношении Италии.

Бегло познакомив с приложенными к докладу документами, из которых видно, что противники уже начали переписку через третье лицо, мы возвращаемся к докладу начальника генерального штаба.

Конрад считает необходимым подчеркнуть ошибочность мнения Эренталя о подготовке к войне и привести возражения против брошенного министром иностранных дел обвинения Конрада в лидерстве в «военной партии». Считая последнее обвинение тяжелым и несправедливым, начальник генерального штаба указывает, что Францу-Иосифу должно быть хорошо известно, как открыто высказывает свои взгляды Конрад, а поэтому всякое связывание его имени с «военной партией» не выдерживает критики, — что хорошо, на основании личных разговоров с Конрадом, должен был бы знать и Эренталь.

Насколько тщетны надежды министра иностранных дел обработать общественное мнение Италии в свою пользу, показывают пограничные инциденты на итальянской границе. В дальнейшем Конрад подробно останавливается на этих инцидентах, сопровождая свой доклад приложениями (справкой о деятельности итальянской ирредепты с 1908 г., замечаниями к делу министерства иностранных дел о сербской границе, письмом Эренталя к Шопайху от 22 июня и ответными замечаниями Конрада на него от 2 августа).

Конрад считает нужным попутно осветить вопрос о регулировании границы с Сербией, каковое производилось летом 1911 года и вызвало обмен мнений с Эренталем. В этом вопросе Конрад проводил мысль, что все *вопросы, связанные с установлением границы, имеют особое значение для того государства, которое не ведет активной политики;* исходя из необходимости поддержать престиж монархии, который может быть подорван уступками Сербии, а равно из чисто военных интересов, Конрад предлагал Эренталю лучше не останавливаться перед разрывом всякого соглашения о проведении границы, нежели делать уступки будущему врагу.

Письмо Эренталя от 22 июля было вызвано происшедшим переходом австрийской пограничной стражей итальянской границы и занятием ею важных наблюдательных пунктов. В письме министр иностранных дел просит военного министра ответить, есть ли это простое недоразумение или это вызвано приказанием генерального штаба, как поверка инструкции о прикрытии мобилизации, на что указывают поступившие донесения.

Против последнего горячо восстал начальник генерального штаба. Указав, что военным министерством строго указано пограничным с Италией корпусам избегать нарушения границы, Конрад отмечает, что им это также строго исполнялось, и всякие попытки министерства иностранных дел возложить ответственность за пограничные инциденты на генеральный штаб должны быть отвергнуты. «Какие распоряжения, — пишет Конрад, — даны для прикрытия мобилизации войскам, — это выходит из круга ведения министерства иностранных дел. Каждую попытку вмешательства в чисто военные дела, равно как и контроль над ними, я должен решительно отвергнуть, что и прошу довести до сведения министра иностранных дел».

Для ориентировки исключительно военного министра Конрад сообщает, что им не отдавалось никаких распоряжений о выносе вперед наблюдательных постов. В заключение письма Конрад находит необходимым подчеркнуть, что, согласно инструкции, по всем вопросам, касающимся прикрытия мобилизации и развертывания, переписка должна вестись исключительно с генеральным штабом, на чем он решительно настаивает.

Сославшись на эти документы, начальник генерального штаба в своем докладе Францу-Иосифу подчеркивает, что итальянская пресса старается раздуть каждый переход границы австрийцами, между тем, в то время, как за период 1909 — 1911 гг. с австрийской стороны было лишь 8 переходов, итальянцами-военнослужащими было совершено 62 перехода границы. Что же касается вмешательства министра иностранных дел в даваемые генеральным штабом инструкции по прикрытию мобилизации, то начальник генерального штаба вынужден категорически против этого протестовать.

Далее Конрад просит Франца-Иосифа обратить внимание на ту разницу, которая существует между генеральным штабом и министерством иностранных дел во взглядах на развитие агентурной разведки.

Из кризиса 1908-1909 гг. была ясно видна необходимость заблаговременного усиления разведки, так как во время политического кризиса очень трудно расширять агентурную сеть и добывать хорошие данные. Так как ежегодные ассигнования на разведку составляют всего 150 000 крон, то приходится часть работы возлагать на тех офицеров, кои командируются за границу. Франц-Иосиф уже заранее согласился на такую меру, а также нашел необходимым увеличить ассигнование на разведку из сумм, отпускаемых для этого министерству иностранных дел.

Однако все попытки осуществить последнее и довести ассигнования до 500 000 крон ежегодно встречали отпор в министерстве иностранных дел, которое находило это возможным выполнить не ранее 1912 г.

Хотя и было получено разрешение Франца-Иосифа на посылку офицеров с целями разведки в Сербию, Черногорию, Турцию и Албанию, но под давлением министерства иностранных дел такие посылки были до крайности ограничены. Между тем со стороны Сербии продолжают поступать жалобы на секретные командировки австрийских офицеров и, особенно, офицеров генерального штаба.

Конрад считает нужным отметить, что в разговоре с Эренталем в середине июня 1911 года им, Конрадом, было заявлено, что ни одного офицера в Сербию не послано. Поэтому начальнику генерального штаба показался довольно странным запрос по этому поводу министерством иностранных дел в августе военного министра, на что Конрад был вынужден дать ответ, прилагаемый в копии к настоящему докладу.

В этом ответе, датированном 24 августа, Конрад решительно заявляет, что сообщения сербских газет о посылке в Сербию австрийских офицеров являются ложью, ибо со времени боснийского кризиса, т. е. в течение трех лет, ни один офицер не был командирован в Сербию. Что же касается поездки Райковича, то, как известно это и военному министерству, она была предпринята по инициативе военно-географического бюро с чисто специальным топографическим заданием, и Райкович был предупрежден, что на него отнюдь не возлагается каких-либо секретных поручений. В этом выражается вся агентурная работа австрийских офицеров в Сербии. Между тем сербская пресса ведет непрерывную агитацию против монархии и старается каждую поездку офицеров по Дунаю или каждое учение пограничных войск истолковать как враждебные действия. Такая позиция сербской прессы давно известна, и во время боснийского кризиса само министерство ино-

странных дел сочло нужным обратить внимание сербского правительства на прессу, равно как ныне представитель монархии в Белграде делает предположение, что пресса инспирируется сербским правительством. В заключение Конрад еще раз подчеркивает, что никаких посылок офицеров генерального штаба в Сербию не производилось.

В докладе начальник штаба указывает, что несмотря на то, что с Сербией установлены нормальные отношения и даже в октябре 1910 года заключено торговое соглашение, несмотря на беспрепятственное посещение сербскими офицерами пределов монархии, министерство иностранных дел сначала ограничило, а затем и совсем воспретило частные отпуска офицеров в Сербию, которые, конечно, не были связаны ни в какой мере с агентурной работой.

Такое же ограничение поездок министерством иностранных дел было распространено на Турцию и, особенно, на Албанию, тогда как офицеры прочих государств совершенно свободно отправлялись туда. Мотивировка такого запрещения отсутствием гарантии безопасности для австрийских офицеров неосновательна, так как престиж монархии за границей так же может обеспечить безопасность ее подданных, как и других государств. «По долгу службы, — пишет начальник генерального штаба, — я должен протестовать против ограничения офицерских заграничных отпусков, так как мы, офицеры, особенно же офицеры генерального штаба, можем получить исчерпывающее представление о стране не из книг, но только из непосредственного знакомства с ней. Этими поездками достигается и изучение иностранных путей сообщения, что, как уже ранее было доложено, не должно связываться обязательно с агентурной работой».

В дальнейшем Конрад указывает, что условия работы немногочисленной агентурной австрийской сети за границей очень тяжелы, так как приходится сталкиваться с патриотически настроенным населением, в то время как разведка Италии, Сербии и Черногории и России находит благоприятную почву среди враждебных групп монархии, особенно — в пограничных областях. В подтверждение сказанного Конрад прикладывает таблицу осужденных за шпионство в Австрии, в Италии, Сербии и России.

Таблица указывает, что за последние три года осуждено за шпионство в Австро-Венгрии 34 человека, из которых 13 шпионивших в пользу Италии и 21 — в пользу России. В то же время австрийских агентов осуждено в Италии 4, в России 3 и в Сербии 5.

Такое соотношение приводит Конрада к выводу, что нет даже каких-либо моральных оснований ограничивать австрийскую агентуру, и, наоборот, было бы хорошо, если бы австрийские послы в России и Италии сделали представление против такой широкой агентурной работы, каковая ведется этими государствами в Австрии.

Однако, о таких заявлениях ничего неизвестно, а, напротив, австрийский посол в Риме внес предложение ограничить агентурную разведку монархии, так как терпение итальянского правительства может иссякнуть. Доводя ныне об этом до сведения Франца-Иосифа, Конрад докладывает, что на полученные им от военного министра сообщения о предложении римского посла был дан ответ, направленный военному министру для его сведения и в копии прилагаемый к докладу.

В нем Конрад удивляется, что послу в Риме неизвестно, сколько осуждено за шпионство в пользу Италии в Австрии; сделанное же послом предложение наводит на мысль, что интересы монархии плохо защищаются в Италии. О своем мнении Конрад просит поставить в известность министерство иностранных дел.

Военный министр не преминул это сделать, переслав оригинал письма Конрада, чего последний совершенно не ожидал и узнал об этом тогда, когда получил, опять же от военного министра, письмо Эренталя от 7 августа, на которое, в свою очередь, дал ответ 14 августа. Оба эти письма Конрадом в копии прикладываются к докладу.

В своем письме Эренталь счел, прежде всего, необходимым выступить на защиту своего ответственного подчиненного. Посол в Риме не только не знал числа осужденных в Австрии за шпионство, но и не должен был знать, так как об этом не сообщалось ему, даже периодически. Точно так же он не мог знать и числа осужденных в Италии австрийских граждан. Что же касается долготерпения итальянского правительства, то посол мог об этом говорить, так как в то время, за один месяц, было три случая осуждения австрийских подданных за агентурную разведку, что, конечно, компрометировало посла монархии. Эренталь вполне присоединяется к этому и считает совершенно незаслуженным упрек послу, брошенный начальником генерального штаба, — послу, который не является новичком в своем деле и зарекомендовал себя соответствующим своему важному посту. В конце письма Эренталь заявляет, что он решительно протестует против несправедливой критики Конрада и, в свою очередь, просит о содержании настоящего письма поставить в известность последнего.

В ответ Конрад 14 августа уведомил военного министра, что направленная ему ранее заметка *была предназначена исключительно для него* и если произошло иное, то в этом виноваты подчиненные органы, промах которых оказывает неблагоприятное влияние на служебные отношения. Об этом начальник генерального штаба просит поставить в известность Эренталя.

В докладе начальник генерального штаба говорит, что это лишь *формальная* сторона дела, но по существу Конрад имел право резко отнестись к деятельности римского посла монархии, ибо уже год тому назад (1910 г.) по аналогичному случаю военное министерство просило, чтобы римский посол предварительно согласовывал с ним свои заявления.

В дальнейшем Конрад касается писем посла из Рима от января месяца, о которых мы говорили выше и кои прилагались в копии к докладу. В этом вопросе о военной готовности Италии к весне 1912 года и о расхождении в этом с Эренталем, который строит свои суждения на заключении посла из Рима, начальник генерального штаба остается при прежнем своем мнении и считает нужным отметить, что на его обязанности лежит следить за развитием иностранных и собственных вооруженных сил, составить общую картину их соотношений и тогда, без малодушия и исчерпав все возможности, озаботиться принятием тех военных мероприятий, которые могут отвечать складывающейся обстановке.

«Считаю своим долгом службы, — пишет начальник генерального штаба, — оставаться непоколебимым в своих убеждениях, несмотря на то, что легкомысленно расценивают продолжающиеся вооружения возможных

противников или тенденциозно их рассматривают, как, например, Эренталь и посол в Риме».

В конце доклада Конрад указывает, что, хотя сам Эренталь и признает, что письмо римского посла резко, но в то же время считает возможным выступать в защиту его и нападать на начальника генерального штаба, обвиняя последнего в превышении своих прав и обязанностей. Протестуя против этого, Конрад, вместе с тем, докладывает, что им сообщено Эренталю о представлении настоящего документа.

Таков был обвинительный акт начальника генерального штаба. После его вручения было ясно, что дело должно пойти быстро к развязке, на которой мы и остановимся.

9 сентября, представляя свой доклад, Конрад и устно доложил о своих недоразумениях с министром иностранных дел.

В тот же день к Конраду явился флигель-адъютант наследника с целью осведомиться о результатах доклада начальника штаба у Франца-Иосифа, а кстати — сообщить о тайных замыслах Эренталя. Последний предполагал, что если Конрад останется, тогда военным министром должен быть Георги — ныне министр австрийского ландвера; если Конрад уйдет, то военным министром может быть Ауффенберг; но видеть вместе на ответственных постах Ауффенберга и Конрада отнюдь не входило в расчеты министра иностранных дел. Франц-Фердинанд, по словам посланца, должен был решительно требовать ухода Шопайха.

27 сентября Конрад виделся с начальником военной канцелярии Франца-Иосифа, который передал Конраду приказание Франца-Иосифа восстановить нормальные отношения с Эренталем и написать ему извинительное письмо.

Ясно, что Конрад на это пойти не мог... «Прежде нежели напишу Эренталю извинительное письмо, — ответил начальник генерального штаба,— я позволю отрубить себе правую руку». Решительно отказавшись выполнить приказ, начальник генерального штаба Конрад подробно изложил собеседнику всю ту борьбу, которую ему приходится выдерживать с «кликой» Эренталя, добавив, что на его место уже намечены кандидаты: или Шопайх или Пржиборский, родственник министра иностранных дел. Как ни старался Конрад поддерживать всюду корректные и предупредительные отношения с Эренталем, — это не удавалось. В «клику» Эренталя входят Шопайх и Бурьян, министр финансов. Весьма вероятно падение Шопайха, и вот «клика» хочет ответной жертвы, каковой и должен явиться Конрад.

Беседа кончилась решением, что Конрад должен лично доложить императору по этому вопросу.

Между тем, 24 сентября, как мы знаем, начальник генерального штаба направил Эренталю письмо по поводу выступления Италии в Триполи и предлагал Эренталю в личном разговоре пояснить свои предложения.

Тщетно ждал начальник генерального штаба приглашения звонка по телефону от министра иностранных дел. Последний не звонил. Потеряв терпение, Конрад обратился с письмом об этом 2 октября к Францу-Фердинанду, а 8-го — с докладом к Францу-Иосифу. Через 10 дней на последний последовала резолюция, что готовиться к войне необходимо со всеми вероятными противниками, но что внешняя политика ведется министром

иностранных дел в контакте с обоими министрами-президентами, согласно личным указаниям Франца-Иосифа.

Противник наносил ответный удар. Как мы уже знаем, по личному распоряжению Франца-Иосифа начальник генерального штаба должен был приглашаться на заседания совета министров, в которых рассматривались бюджетные вопросы. В конце октября должно было состояться заседание совета министров по вопросу о железнодорожном строительстве в Боснии. Конрад ждал приглашения, ибо вопрос был тесно связан с планом войны. Однако, Эренталь в своем письме к начальнику военной канцелярии Франца-Иосифа от 22 октября находил участие начальника генерального штаба в заседании совета министров не нужным, так как: 1) вопрос не связан с военным бюджетом; 2) военные интересы будут обеспечены присутствием на заседании военного министра и командующего войсками в Боснии, и 3) известие о присутствии на заседании начальника штаба может проникнуть в печать и будет истолковано нежелательным образом для внешней политики. Вообще же, министр иностранных дел полагал, что начальник генерального штаба должен приглашаться на заседания совета министров даже по бюджетным вопросам только в том случае, если рассматривается новая военная программа, связанная с увеличением бюджета. О настоящем письме Эренталь просил доложить Францу-Иосифу.

В тот же самый день Эренталь подал последнему обширный доклад, в котором предъявил обвинение начальнику генерального штаба в наличии у него империалистических тенденций, в ошибочной оценке политики Италии, в агитации в прессе и в образовании в генеральном штабе военной партии. Министр иностранных дел в заключение написал: «Руководство внешней политикой должно оставаться в руках компетентного и несущего за это ответственность министра иностранных дел, назначенного императором. На начальнике же генерального штаба лежит обязанность подготовки к войне для различных возможных комбинаций, однако, без права оказывать влияние на выбор той или иной из них».

Доклад этот не был известен тогда Конраду, и он только ныне дает отповедь. Начальник генерального штаба указывает, что Австро-Венгрия не могла быть готовой к войне на все случаи, равно как и к войне при атаке ее со всех сторон; необходимо было готовиться к определенным только комбинациям, заранее решенным. Очень удобно, по мнению Конрада, при руководстве в мирное время внешней политикой иметь в наличии такой орган, на который можно было бы, в случае войны, свалить ответственность. Дипломаты этой школы смотрят на армию как на зонтик, который должен их спасти, когда начнет капать; но дипломаты противников Австрии смотрели на армию как на действительное средство политики, которое назначено для определенной цели и будет пущено в ход, когда этой цели захотят достигнуть.

К 15 ноября начальник генерального штаба приготовил свой ежегодный мемуар, и с ним отправился к Францу-Иосифу. После того, как Конрад доложил мемуар, Франц-Иосиф, сильно возбужденный, потребовал прекращения всяких нападок Конрада на Эренталя. На слова Конрада, что он высказывает свои взгляды, старый император ответил, что нападки против внешней политики являются не чем иным, как нападками на самого Франца-

Иосифа, ибо политикой руководит он, и политика Эренталя — политика императора.

При всем своем верноподданстве Конрад не смутился и возразил, что в мемуаре он излагает политику так, как понимает, и если он ошибается, то Франц-Иосиф в праве ему это указать. С этими словами начальник штаба положил свой мемуар на стол.

Возбужденный Франц-Иосиф ответил: «Моя политика — политика мира. Эта политика должна быть обязательной для всех. В этом направлении мой министр иностранных дел проводит мою политику. Возможно, что дело дойдет до войны, но она начнется лишь тогда, когда нас атакует Италия».

В ответ на замечание Конрада, что тогда шансы для Австрии будут неблагоприятны, Франц-Иосиф продолжал: «До тех пор, пока Италия не нападет на нас, войны не будет. Вообще, у нас не должно быть «военной партии».

«Кроме той, — возразил начальник генерального штаба, — которая обязана заботиться, чтобы все было готово к войне, если таковая грянет, дабы не попасть сразу же в тяжелое положение; повидимому, нельзя произносить даже слова «война», так как можно быть обвиненным в принадлежности к «военной партии».

«Готовиться к войне необходимо», — ответил старый Габсбург, постепенно потухая в своем гневе. Сделав еще намек на германского кронпринца по поводу его шовинизма в парламенте и указав, что ничего подобного в Вене произойти не может, давая этим докладчику прозрачный намек на Франца-Фердинанда, император спокойно закончил доклад и отпустил своего склочного слугу — начальника генерального штаба.

29 ноября, по приказанию Франца-Фердинанда, флигель-адъютант последнего предупредил Конрада о приеме его 30-го Францем-Иосифом, на котором ему будет предложено занять пост армейского инспектора. Франц-Фердинанд советовал пока принять это назначение, а не уходить в отставку, на что Конрад указал, что он не намерен фрондировать и еще при назначении на должность начальника генерального штаба говорил, что желал бы занять должность поближе к войскам.

Вечером Конрад получил приказание явиться 30-го в Шенбрунн. Войдя на следующий день в рабочий кабинет Франца-Иосифа и поздоровавшись с ним, начальник генерального штаба ожидал приказаний.

Таковые не замедлили. «Мне жаль, — сказал Франц-Иосиф, — но после зрелого размышления, я вынужден уволить вас с занимаемой должности и назначить армейским инспектором. Причины вам известны, поэтому о них говорить нечего». Дружески затем поблагодарив за службу и рассчитывая в будущем всегда пользоваться в важнейших вопросах опытными советами Конрада, Франц-Иосиф отметил, что он решил сам сказать Конраду об увольнении, находя это прямым, лучшим путем. Выразив уверенность, что они расстаются друзьями, Франц-Иосиф простился с Конрадом.

В своем месте, в первой книге, мы уже говорили, с каким чувством облегчения начальник генерального штаба покинул свой тяжелый пост. Конрад радовался, что снова возвращается к войскам и, наконец, получил личную свободу. «Я мог, — пишет Конрад, — регулировать свою работу по собственному желанию, совершать служебные поездки по своему выбору,

ездить верхом, не стесняясь временем, посещать свою мать, детей, друзей и знакомых».

«Это была передышка после пяти лет!» — восклицает ныне бывший начальник генерального штаба.

2 декабря последовал приказ о назначении Конрада на новую должность, с награждением орденом за работу на посту начальника генерального штаба.

В министерстве иностранных дел трубили победоносно трубы... Эренталь одержал победу.

Основные задания для полевых поездок, военных игр и маневров на 1912 год уже были даны Конрадом, и он, передав должность своему заместителю, спокойно покидал генеральный штаб.

Уходом Конрада оказался опечален его берлинский друг, начальник германского генерального штаба, приславший письмо, полное сочувствия.

В своем ответном письме Конрад писал Мольтке, что совместная работа в течение пяти лет оставляет в нем чувство горячей привязанности к своему бывшему собрату по перу. Изложив далее свой конфликт с Эренталем, Конрад кратко говорит, что он был уволен с должности начальника генерального штаба. «Если это принесет благо, — пишет Конрад, — то он уходит охотно, но будет ли это благо или нет, — покажет будущее». Выступая затем в защиту военного агента Германии в Вене и аттестуя его с самой лучшей стороны, Конрад просит не придавать значения тому, что, по вине этого агента, сведения об уходе начальника австрийского генерального штаба германский посол получил позднее, нежели они проникли в печать и появился приказ. В заключение письма Конрад выражает сильное желание еще раз лично увидеться с Мольтке и обменяться взглядами.

Оказалось, что, по сведениям одной венской газеты, итальянский посол 29 ноября, т. е. накануне еще разговора Конрада с Францем-Иосифом, уже знал об уходе Конрада. Обстоятельство это тотчас же использовал Эренталь для своих нападок на генеральный штаб и военное министерство. В своем докладе от 20 декабря Эренталь указывает, что итальянский посол уже 30-го сообщил германскому послу, что Конрад уходит, что он принесен в жертву на алтарь тройственного союза, причем Эренталю итальянский посол отказался назвать тот источник, из которого он получил эти сведения. Германский посол, в свою очередь, был рассержен, что такие важные сведения получает от посла Италии, а не от своего военного агента. Кто-то из высших лиц австрийского генерального штаба проболтался о грядущей смене в верхах, в газете появилась заметка, и оказались скомпрометированными два иностранных посла и военный агент, а против министра иностранных дел, по мнению Эренталя, совершен тяжелый проступок — разглашение секретных сведений. Германский посол раздраженно указал, что приходится быть очень сдержанным с представителями австрийского генерального штаба, так как доверительные беседы попадают в печать. Эренталь не входит в разбор, насколько правильно функционирует бюро цензуры в военном министерстве, но просит Франца-Иосифа приказать ограничить сношения военного министерства с прессой только самым необходимым и обязать военного министра: 1) поддерживать связь с цензурным бюро министерства иностранных дел и 2) даваемые в печать важнейшие сведения опубликовывать только с ведома министра двора и его, Эренталя.

На этом можно было бы и опустить наше перо, описывавшее уход Конрада с поста начальника генерального штаба, но мы поступили бы несправедливо, если бы, хотя бы в общих чертах, не остановились на его лебединой песне — мемуаре за 1911 год, который, отчасти, был причиной быстрой отставки.

Как уже известно, этот мемуар был представлен Францу-Иосифу 15 ноября 1911 года, причем при докладе этого мемуара Конрадом старый Габсбург уже вышел из себя.

Конрад начинает свой документ с указания, что он преследует цель — дать ясную картину военно-политической обстановки, на которой должна базироваться конкретная военная подготовка, равно как набросать те требования, кои необходимы для усиления боевой готовности вооруженных сил.

Извинившись за то, что в своем мемуаре он будет повторять те принципы, кои им не раз докладывались ранее, Конрад просит Франца-Иосифа обратить на них особое внимание.

Далее начальник генерального штаба действительно повторяет всю принципиальную часть прежних докладов, которая нам уже известна.

Затем Конрад переходит к оценке соседних с Австро-Венгрией государств.

Начиная с определения вероятных противников, Конрад во главе их ставит *Италию*, затем идут *Россия*, *Сербия* и *Черногория*. *Турция* учитывается как противник России и Италии. *Болгария* может быть использована как союзник, *Румынию* необходимо удержать в тройственном союзе.

Несмотря на могущие быть столкновения экономических интересов Германии и Австрии на Балканах, *союз с Германией* должен служить основой всякой политики монархии, и на нем базируются все военные предположения. *Конрад считает необходимым это подчеркнуть, так как изменение курса политики в отношении Германии должно быть предусмотрено за несколько лет вперед, ибо подготовка к войне с этим государством потребовала бы больших работ по улучшению дорожной сети.*

Франция и *Англия* — враги монархии, как союзника Германии.

Из остальных европейских государств, *Швеция* оценивается как враг России, *Дания* нейтральна, *Бельгия* и *Голландия* встанут на сторону противников, защищая свой нейтралитет, *Испания* — возможный враг Франции из-за Марокко, *Швейцария* — союзник монархии в случае ее войны с Италией.

Из азиатских государств, *Япония* и *Китай* — враги России. *Северная Америка* — возможный противник Японии. Каждое затруднение России в Азии должно быть приветствуемо монархией.

Сделанная Конрадом оценка государств позволяет ему набросать *те политические цели*, которые должны преследоваться монархией.

Удержание в руках монархии *Южного Тироля* и всех берегов существенно необходимо, и каждое покушение на них должно рассматриваться как повод к войне.

Владение берегом зависит от безопасности внутренних областей, угроза которым должна вызвать неминуемую войну. *Нельзя терять ни одной области монархии,* ибо это отзовется тяжело на обороноспособности государства, особенно — потеря Галиции.

Что же касается *расширения монархии*, то она, не имеющая колоний и ограниченная, более или менее, экономически на других границах, найдет политические и коммерческие выгоды в распространении лишь на *Балканах*. Экспансия на Балканы ведет за собой присоединение Сербии с районом Ниша включительно, что вызывается как географическими условиями, так и той постоянной опасностью, которая грозит монархии со стороны малых балканских государств.

Для сохранения морского могущества Австрии необходим сильный флот и обеспеченная связь берега с внутренними областями монархии.

«В захвате Сербии мне рисуется ближайшая агрессивная задача монархии», — пишет начальник генерального штаба. Насколько расширение монархии может произойти за счет Польши, — это пока неясно для Конрада, но можно сказать, что Россия считается с такими устремлениями австрийской политики и, в свою очередь, намеревается отхватить Восточную Галицию до Карпат, чтобы тем сохранить конгрессову Польшу в границах Венского конгресса (герцогство Варшавское).

Обращаясь к вооруженным силам монархии, Конрад видит их использование:

а) в войне против России при условии, что она ведется совместно с Германией, при нейтралитете Италии и с второстепенными действиями против Сербии и Черногории, пока не будет достигнуто решение на главном театре;

б) то же самое при войне Германии с Францией, если бы главные силы немцев были брошены на запад, Италия — на стороне Германии;

в) в войне с Италией, если обеспечен нейтралитет России, а против Сербии и Черногории назначаются минимальные силы;

г) в войне с Сербией и Черногорией, но при условии оставления достаточного числа войск против России или Италии, если бы они затем открыли военные действия, причем в случае выступления России Германия будет на стороне монархии.

Вооруженные силы монархии, по мнению начальника генерального штаба, не позволяют рассчитывать на успех в одновременной войне с Италией, Россией, Сербией и Черногорией. В этих видах политика должна создать такую обстановку, при которой можно было бы посчитаться оружием с ближайшим, непосредственно угрожающим врагом.

Все вышеизложенное позволяет Конраду наметить следующие варианты для разработки конкретных военных приготовлений:

1) вариант Р — война против России в союзе с Германией и Румынией при нейтралитете Италии и выставлении малых сил против Сербии и Черногории;

2) вариант И — война с Италией при нейтралитете Германии и России с второстепенными действиями против Сербии и Черногории;

3) вариант Б — война с Сербией и Черногорией при нейтралитете всех остальных государств, однако, с наличием внутри страны достаточных сил для действий против Италии или России, в последнем случае — в союзе с Германией;

4) вариант ИР — в высшей степени неблагоприятный, которого желательно избегнуть, — это война Германии, Австро-Венгрии и Румынии

с Италией, Россией, Францией, Сербией, Черногорией и, предположительно, Англией.

Если первые три варианта прорабатываются детально, то четвертый вариант в работе лишь в общих чертах и желательно, чтобы политика не довела событий до его применения.

Подвергнув снова детальному рассмотрению указанные варианты, но уже с чисто военной точки зрения, начальник штаба приходит к выводам: а) *война с Россией возможна только в союзе с Германией или если Россия будет отвлечена на других фронтах;* б) *война с Италией необходима, союз с ней приносит монархии только один вред,* и с ней необходимо покончить до весны 1912 года; в) с *Сербией* необходимо было покончить ранее, сейчас же приходится ограничиваться *второстепенными* действиями, пока не будет достигнут успех на главном театре военных действий.

Рассчитывая, что при современной группировке держав возможно будет вести самостоятельную войну с Италией, Конрад набрасывает и те политические цели, которые были бы достигнуты этой войной, вплоть до отхвата от Италии новых земель, контрибуции, поднятия престижа монархии и духа в армии.

Сильно беспокоит Конрада 4-й вариант, это — будущая мировая война, которая требует проработки военных приготовлений на новом базисе. В этих видах начальник генерального штаба указывает, что *политика должна учесть соотношение сил и избежать этого случая: если же он осуществится, то его следует рассматривать как тяжелое дипломатическое поражение.*

Конрад отмечает, что он *учитывал главным образом соотношение военного могущества государств, что для него, по его обязанности, является решающим,* и сознает, что все изложенное им выше основывалось на сравнении числа дивизий первой и второй очереди. Однако, необходимо учитывать еще и иные военные данные: вооружение, технические средства, инженерную оборону и т. д.

Если принять сказанное во внимание, — а сделать это необходимо, — то начальник генерального штаба считает долгом остановить внимание на тех скромных ассигнованиях, которые идут на вооруженные силы монархии.

Доклад был сопровожден приложениями: 1) справкой о необходимых мероприятиях и средствах для обороны; 2) справкой о стоимости новой бюджетной программы; 3) справкой об инженерной обороне на итальянской границе; 4) картой итальянской инженерной обороны границ; 5) справкой об организационных мероприятиях, необходимых для армии и по охране границ; 6) справкой о развитии артиллерии и технических войск; 7) общим подсчетом сумм, необходимых для улучшения снабжения и мобилизационных запасов; 8) справкой об общей сумме, необходимой к ассигнованию на пять лет (с 1911 по 1915 гг.), и 9) справкой о необходимых мерах по улучшению сети путей (железнодорожных и грунтовых), сети связи, водных путей.

Мемуар разрабатывался в различных бюро генерального штаба, сводка же была выполнена в оперативном бюро.

На этом мы заканчиваем нашу повесть о том, как поссорились в Вене Иван Иванович с Иваном Никифоровичем...

Если мы более или менее детально разбирали эту ссору, то делали это: 1) ввиду принципиального интереса этой ссоры двух государственных мужей на берегах Дуная и 2) ввиду той жизненности, которая свойственна описываемому событию.

Герой нашей повести, начальник австро-венгерского генерального штаба, пал... Если в Австро-Венгрии такое событие являло собой эру, то в иных странах, как, например, в бывшей царской России, такая чиновничья чехарда была обычным явлением, никого не удивлявшим... Там даже не требовалось такой длительной борьбы для увольнения негодного или чересчур деятельного начальника генерального штаба. Дело ограничивалось простым приказом и никого особенно не волновало!

Мы далеки от признания такой калейдоскопической смены лиц на ответственных постах нормальной и склонны остановиться на том, что смена начальника генерального штаба действительно являет собой эру в военной подготовке государства, так как, хотя и не единичные личности творят историю, но все же своей деятельностью они оставляют след в последней, и было бы плохо, если бы каждый из них старался найти новые пути подготовки к войне, забывая пути, протоптанные его предшественником.

Искание новых путей всегда связано с приходом новых людей... Известно, что дело подготовки государства к войне не сочетается с перебеганием с одной дороги на другую, а должно направляться по прозорливо начертанному среднему пути, следовать по коему всегда советовал философ войны Клаузевиц...

ГЛАВА VI

КОНРАД — АРМЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР И ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Смерть Эренталя. — Новый министр иностранных дел Австро-Венгрии Бертхольд. — Хлопоты Вены об автономии Албании и категорический отказ в предоставлении Сербии порта на Адриатическом побережьи. — Россия перед первой балканской войной. — Заинтересованность Франции в Балканах и сдержанность Англии. — Миролюбие Германии. — Мольтке о «балканских собаченках». — Сомнительное поведение Италии. — Решимость балканских государств воевать. — Думы Конрада и его «записки» о политическом положении. — Первая записка от 28 октября 1912 года. — Мечты о «великом» балканском союзе. — Первое дополнение к записке Конрада — от 8 ноября 1912 года. — Конрад предлагает войну с Сербией и включение ее в монархию; автономия Албании. — Второе дополнение к записке — от 16 ноября 1912 года. — Албанский вопрос в понимании Конрада. — Вторая записка Конрада от 19 ноября 1912 года. — Монархия должна вести войну с Сербией, которая, вероятно, вызовет европейскую войну. — Вербальная нота Вены о Сербии. — Конрад далек от фанфаронад. — Третья записка Конрада от 6 декабря 1912 года. — «Упущение времени было бы тяжелой ошибкой». — Думы и заботы Извольского об исходе балканской войны. — Программа России на лондонской конференции послов. — Страхи Петербурга за судьбу Константинополя. — Выступление в Петербурге Пурталеса и отпор Сазонова. — Указания Сазонова Извольскому не связывать руки России в вопросе о проливах. — Мнение Сазонова о проливах. — Русский морской генеральный штаб и его хлопоты об открытии проливов. — Уступка Сазонова в вопросе о праве Сербии на порт. — Воинственность Франции и ее недоумение по поводу русских уступок. — Извольский и французская пресса. — Оправдания Пуанкаре. — Австрийский военный агент о французской прессе. — Сдержанность Англии. — Англо-французское военное соглашение. — Миролюбие Германии и его причины. — Доклад Мольтке от 12 декабря 1912 года. — Участие в нем Людендорфа. — Возможность европейской войны. — Значение балканского вопроса для Австро-Венгрии. — Оборонительные союзы в Европе. — Агрессивный характер тройственного согласия. — Наступление и в политике предопределяет наиболее сильный образ действий. — Угрожаемость отдельных членов тройственного союза. — Пояснения Людендорфа: Мольтке невысокого мнения о дипломатии. — Наступление против Франции. — Необходимость усиления вооружений Германии. — Выступление Италии на стороне тройственного союза. — Тревога в Париже, вызванная поведением Италии. — Ознакомление Пуанкаре с текстом русско-итальянского соглашения. — Причины охлаждения Италии к Франции. — Замыслы балканских государств. — Дипломатическая миссия Конрада в Румынии. — Соглашение о развертывании румынской армии на русской границе. — Доклад Конрада о своей поездке.

Мы распростились с Конрадом как начальником генерального штаба. В борьбе с министром иностранных дел Эренталем Конрад пал, оказавшись ныне далеким от дел государственного управления. Горячий «патриот» в военном мундире в минуты досуга от строевой службы занимался чтением газет, черпая из них ориентировку в политической жизни, так как иные

источники для него оказались запретными. Только разведывательные сводки генерального штаба о событиях итало-турецкой, а затем и вспыхнувшей балканской войны давали Конраду дополнительные сведения о развертывающихся событиях вне пределов монархии.

Не менее важные события произошли и внутри последней. Судьба покарала «кровного» врага Конрада: 17 февраля 1912 года умер Эренталь. Конрад не высказывает нам своих внутренних переживаний по этому поводу, но, — да простится нам смелое предположение, — думаем, что сердце бывшего начальника генерального штаба усиленно забилось при получении известия о смерти всесильного министра иностранных дел. Да и не один Конрад был рад грядущей смене руководителя внешней политики монархии, так как, хотя, по словам Чернина, «политика Эренталя... преследовала империалистические цели с огромной силой и энергией», она все же неудовлетворяла венских империалистов, одним из ярких представителей которых был Конрад. Отныне в их среде поблескивал луч надежды на действительное возвращение на путь активности во внешних делах, чего за последнее время избегал Эренталь. В своих воспоминаниях Пуанкаре говорит, что германская партия Австро-Венгрии не могла простить Эренталю сдержанность его к Германии после ее помощи в 1909 году, и когда сошел в могилу этот незаурядный для своего времени дипломат, память о нем быстро сгладилась.

Преемником Эренталя на посту министра иностранных дел явился Берхтольд, бывший австро-венгерский посол в России. С именем этого дипломата связана драма мировой войны. Мы не остановили бы внимания читателя на этой личности, если бы не считали нужным показать, кем же в начале 1912 года возглавлялась внешняя политика монархии Габсбургов и каково было ее влияние на генеральный штаб.

Прежде всего, конечно, выслушаем мнение бывшего начальника генерального штаба Конрада. В своих воспоминаниях он заявляет, что не имел случая ранее знать Берхтольда, а ныне по своей службе, как армейский инспектор, был далек от общения с ним, избегая встреч и при различных придворных торжествах. Однако, один из политических деятелей монархии свел этих двух будущих соратников, пригласив обоих на обед и тем давим возможность завязать знакомство и обменяться взглядами по некоторым политическим вопросам. Мнение Конрада о своем собеседнике сводилось к тому, что Берхтольд, несмотря на наличие собственных взглядов на тот или иной вопрос, охотно прислушивается к мнению других. Хотя бы оно и не соответствовало его взглядам, Берхтольд не отклоняет чужого мнения и, во всяком случае, не склонен слепо итти по путям своего предшественника. В дальнейшем мы увидим, как сложились отношения между этими двумя людьми и что являл собою новый министр иностранных дел.

Бьюкенен в своих «Мемуарах дипломата» пишет: «Смерть графа Эренталя и назначение на его место графа Берхтольда вызвали заметное улучшение русско-австрийских отношений. Граф Берхтольд, будучи австрийским послом в Петербурге во время боснийского кризиса 1908 — 1909 годов, провел свою трудную миссию с таким тактом и скромностью, что грехи его правительства не отозвались на его репутации. Этот дипломат, кото-

рому было предназначено играть такую роковую и решающую роль во время переговоров, предшествовавших великой войне, был «persona grata» (важная персона — *Б. Ш.*) при русском дворе, и это обстоятельство способствовало смягчению существовавшей между Россией и Австрией натянутости»,

Пуанкаре характеризует Берхтольда как «несколько беспечного grand seigneur'a» (большого барина—*Б. Ш.*), каковым в действительности и был новый министр иностранных дел, увлекавшийся в большей степени собиранием коллекции тростей, нежели дипломатическими делами монархии.

Конечно, не только каких-либо черт Бисмарка или подобных ему дипломатов буржуазного общества не было в Берхтольде, но, наоборот, он был типичным «венским» политиком: слабовольным, развитым, галантным, выслушивающим всех и вся, осторожно высказывавшим свое личное мнение и всегда в нерешительном тоне, покорно исполнявшим предначертания более сильных людей из правящей клики Австро-Венгрии. Одним словом, новый министр иностранных дел был покладистым человеком, если не сказать больше: — безвольным отпрыском дегенерирующей венской аристократии, игрушкой в руках людей сильной воли.

Таков был преемник Эренталя, на которого должна была лечь тяжесть активной политики монархии, по завещанию сошедшего в могилу министра иностранных дел, во-время остановившегося и тем спасшего как свое имя, так и престиж Австро-Венгрии.

Уставший в борьбе на всех фронтах и сошедший со сцены, Конрад не беспокоил долго никого, а в частности министра иностранных дел, своими политическими прожектами — до тех пор, пока призрак войны снова не встал у дверей монархии.

Итало-турецкая война затянулась. Италия пыталась извлечь из нее все бо́льшие и бо́льшие для себя выгоды. Позиция Италии снова пробудила в Конраде прежнее недоверие к этой державе.

Но пока Италия была не страшна. Хуже обстояло дело на Балканах, где, по словам Бьюкенена, «турецко-итальянская война посеяла начало всеобщего переворота», на случай которого даже Эренталь советовал «держать порох сухим».

В феврале 1912 года при содействии русской дипломатии Болгария и Сербия заключили договор об оборонительном союзе. Вскоре к этому союзу присоединилась Греция, а затем Черногория, и образовалась *Балканская федерация.*

Мы не можем вводить читателя во все подробности дипломатических ходов и хитросплетений, закончившихся 1-й балканской войной. Для нас интересно лишь установить общую политическую ситуацию в Европе к осени 1912 года.

Начнем с Австрии.

Пуанкаре в своей книге «Происхождение мировой войны» отмечает: «Гешов и другие столь же осведомленные болгары утверждали, что с самого начала король Фердинанд, который был в наилучших отношениях с австрийским двором, осведомил его о балканском союзе». Таким образом, для австро-венгерской дипломатии надвигавшийся кризис на Балканах не был неожиданным. 14 августа Берхтольд уже нащупывает почву среди

европейских государств с целью коллективного выступления в Константинополе с предложением Турции провести широкие реформы в Албании.

Путем широкой автономии этой провинции венский министр старался создать барьер против возможного распространения сербов к морю, а затем и вообще отвлечь часть сил Сербии на юго-восток с австрийской границы. С этим проектом создания автономной Албании мы встретимся еще не один раз.

16 августа венский посол в Петербурге вручил Сазонову ноту по этому вопросу, в которой подчеркивалось желание Вены войти в обмен мнений «в особенности, с Россией».

Имея со стороны Франции обещание лишь дипломатической поддержки в случае осложнений на Балканах, Сазонов старался удержать балканский блок от войны и отказался первоначально от австрийского предложения воздействовать на турок, но через месяц был вынужден пойти навстречу требованиям болгар о реформах в Македонии и предложил Парижу и Лондону обменяться мнениями.

Балканы, как мы уже указывали ранее, становились вопросом общеевропейской политики, и надежды Вены снова договориться с одной Россией ныне нужно было считать тщетными.

Франция, отказавшись взять на себя инициативу в изменении status quo на Балканах, 22 сентября препроводила, однако, Англии и России программу умиротворения Балкан, к которой должны были присоединиться Австрия и Германия. Программа предупреждала балканские государства об их спокойствии, грозила воздействием, даже военным, за непослушание и предлагала Турции провести ряд реформ в славянских ее областях. Все государства внесли в формулу поправку, причем Россия требовала, чтобы Австрия не предпринимала единоличных действий на Балканах, а также не занимала Санджака.

16 октября австрийский посол в Петербурге подтвердил, что «Австрия не ищет для себя территориальных приращений на Балканах», не возражает против расширения территории Болгарии до пределов Сан-Стефанского договора, согласна даже на территориальное увеличение Сербии, но «никоим образом не могла бы допустить, чтобы ей был перерезан путь в Салоники, а потому она не могла бы примириться с расширением Сербии до моря». Посол пояснил это требование важностью для Австро-Венгрии получения выхода в Салоники; однако, «имея основание думать (говорит русский документ), что в Вене были бы не прочь вперед связать нас каким-либо соглашением на случай передела Балканского полуострова, Сазонов предпочел пока не входить в более подробное обсуждение с австрийским послом затронутых вопросов».

Таким образом, Вена вперед ставила ультимативное требование: отказ Сербии в выходе к морю.

На следующий день последовало объявление балканской федерацией войны Турции.

Содействуя заключению балканского союза, Россия не поставила в известность не только о тексте договора, но даже о факте его существования своих союзников—Англию и Францию. Оба государства признали это

ошибкой Сазонова, и при свидании 10 августа Пуанкаре выговаривал за это русскому министру.

Россия снова попадала в тяжелое положение, ибо, с одной стороны, должна была поддержать славянские государства, с другой, в случае выступления Австрии, могла рассчитывать лишь на дипломатическую поддержку Парижа и Лондона. Сазонов сам признал, что в лице балканской федерации им создан «инструмент войны», и вынужден был принять все меры, чтобы избежать таковой.

В докладе о своем осеннем путешествии за границей Сазонов говорит, что «нельзя было бы рассчитывать на содействие Англии, если бы дальнейшее обострение событий потребовало какого-нибудь энергичного давления на Турцию».

Франция, по словам министра, боится конфликта по двум причинам: 1) дабы не быть втянутой в войну на стороне России и 2) чтобы не терпеть тех материальных убытков на помещенные на Балканах капиталы, которые могут быть при разгоревшейся там войне.

Имея обещание лишь дипломатической поддержки, Петербург 17 октября был поставлен перед фактом начала первой войны на Балканах. Победа и поражение балканской федерации создавали в одинаковой степени тяжелое положение для русской дипломатии. В случае победы славян можно было ожидать выступления Австрии и Румынии, а, следовательно, Россия должна быть готовой к этому. Поражение балканской федерации вело за собой необходимость воздействия на Турцию, и при том одной России, дабы умерить аппетиты победителя. Сазонов просил председателя министров дать указание о военной нашей готовности.

Франция, действительно, за последние годы расширила свою финансовую экспансию на Балканы, летом 1912 года даже разместила в Париже болгарский заем, и, таким образом, то или иное течение событий на Балканах для нее было далеко не безразлично. Было ясно, что в случае вмешательства в войну Австрии поддержка ее Германией неизбежна, и, таким образом, вставал призрак европейской войны. Поэтому-то сначала Пуанкаре относился с большой тревогой к самостоятельной политике России на Балканах и даже выступил с предложением созыва европейской конференции.

Однако, 12 сентября Пуанкаре заверил Извольского, что, хотя «Франция несомненно настроена вполне миролюбиво и войны не ищет и не желает, но выступление Германии против России тотчас изменит это настроение, и он убежден, что в таком случае и парламент и общественное мнение всецело одобрят решимость правительства оказать России вооруженную поддержку». «Далее г. Пуанкаре сказал мне, — доносит Извольский Сазонову, — что, ввиду критического положения на Балканах, высшие органы французского военного управления с усиленным вниманием изучают все могущие произойти военные случайности, и ему известно, что сведущие и ответственные лица весьма оптимистически смотрят на шансы России и Франции в случае общего столкновения; оптимистический взгляд этот основан, между прочим, на оценке той диверсии, которую произведут соединенные силы балканских государств (за исключением Румынии), оттянув соответствующую часть австро-венгерских военных сил. Благоприятным элементом для России и Франции является также мобилизация Италии,

связанной как африканской войной, так и специальными соглашениями с Францией».

Таким образом, стратегическая обстановка, по мнению Пуанкаре, складывалась благоприятно для тройственного согласия.

Если Пуанкаре был сдержан политически, то в этом сказалось влияние Англии. Мы уже слышали, что Лондон отказал России в серьезной поддержке в случае вмешательства России в балканскую войну, но зато Грей заверил Сазонова, по словам последнего, что в случае столкновения с Германией Англия приложит все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу, и даже ознакомил его с англо-французским соглашением. Сазонов объяснял такую сдержанность Англии нежеланием возбудить магометан, коих не мало было во владениях Британии. Была ли в этом и обида на умолчание Сазонова о создании Россией балканского блока, — неизвестно, но Пуанкаре в письме к послу в Лондоне от 12 октября писал: «Было бы весьма досадно, если британское правительство сурово отнесется к прошлым ошибкам».

Мы должны здесь отметить оживление переговоров английских и французских военных и морских кругов в 1912 году по установлению совместного плана действий. Хотя представители английского кабинета и опасались огласки таких переговоров и еще более — взятия на себя каких-либо обязательств перед Францией, но, тем не менее, 1912 год закончился заключением военно-морской конвенции между Англией и Францией, и 30 октября 1912 года произошел политический обмен письмами между Камбоном (французский посол в Лондоне) и Греем, о чем скажем ниже.

«Что касается Германии, — писал в своем докладе Сазонов, — то сама по себе война между балканскими государствами мало ее волнует, но она, по примеру Франции, боится быть втянутой в европейскую войну в силу своих союзнических обязательств, а потому готова сделать все возможное для ликвидации балканской войны... В Берлине сомневаются в склонности венского кабинета прислушиваться к советам северной союзницы, а потому предпочитают не подвергать испытанию своего влияния в Вене из опасения не найти там прежнего покорного отклика. Такое положение вещей мне кажется, до известной степени объясняется тем, что Австрия не прочь подчеркивать свою независимость от Германии, пользуясь необходимостью для последней крепко держаться своего союза с ней и страха остаться совершенно изолированной среди других великих держав».

Германия только-что вышла из «несчастной» марокканской истории, как ее оценивал Мольтке. Итало-турецкая война обеспокоила начальника германского генерального штаба, ибо могла повести за собой дальнейшие осложнения на Балканах. «Когда залают балканские собаченки, — писал он 1 октября 1911 года своей жене, — никто не может сказать, что из этого произойдет». Между тем, Германия не торопилась с усилением своего военного могущества. «Никто не думает о войне, — фиксирует далее Мольтке 24 апреля 1912 года, — Германия настроена миролюбиво, равно как и остальные державы, но никто не может знать, что может случиться, а потому усиление вооруженных сил крайне необходимо». «Было бы смешно, когда бы не было так грустно», — восклицает Мольтке.

Конечно, балканские события интересовали Германию в бо́льшей мере,

чем это думал Сазонов. Экономическая заинтересованность Германии в Турции возрастала с каждым годом, на этой почве возникали трения даже с Веной, и можно было с уверенностью сказать, что Германия не допустит усиления влияния России на полуострове. Пока что Берлин мог действовать на Балканах через Австрию и в то же время сохранять свободу действий на случай европейских осложнений. В Берлине еще не исчезла надежда договориться с Англией о флоте и, таким образом, расколоть Антанту.

Другой член тройственного союза, Италия, была занята войной с Турцией, затянувшейся сверх ожидания Рима. Как говорят, — аппетит приходит во время еды, и Италия пыталась расширить свои завоевания сверх того, что было ею предварительно оговорено с Францией и Англией. Создались натянутые отношения с Францией, и осенью 1912 года итало-французский договор о нейтралитете Италии в случае нападения на Францию повис в воздухе, возбудив большие опасения у Пуанкаре в прочности этого договора.

Правда, мы слышали из уст того же Пуанкаре, что Италия в данное время связана своей колониальной войной и соглашением с Францией, но если первое действительно удерживало Рим от более активных шагов, то соглашение с Францией начало постепенно тускнеть. Италия снова тяготела к Берлину, ведя двойственную игру.

Осложнения на Балканах привлекали к себе внимание римской дипломатии, но поскольку Австрия не нарушала существенным образом status quo на полуострове и, особенно, в его западной части, Рим оставался спокойным и даже поддерживал Вену в ее отказе Сербии в выходе на Адриатическое побережье.

Что касается *балканских государств*, то они бесповоротно встали на путь войны. Нужно было выждать исхода первых столкновений, чтобы судить о тех реальных направляющих линиях их политики, о которых пока приходилось лишь строить одни предположения. Сокровенные мечты заносили их далеко: болгары видели себя в Константинополе и на берегах Мраморного моря, а сербы, не завися от Вены, прочно закреплялись на берегах Адриатического и Эгейского морей.

Вернемся опять на берега Дуная, где удаленный от «высокой» политики и занимавшийся обычными «строевыми» делами Конрад пребывал в опале.

Мог ли удовлетвориться Конрад новым кругом своих обязанностей? Конечно, нет! Он был назначен членом верховного тайного совета, а потому считал себя обязанным подавать советы на пользу монархии не в одной только чисто военной, но и в политической области жизни Австро-Венгрии. Как горячий патриот, как «верный» сын монархии, бывший начальник генерального штаба, ориентируясь в политической обстановке лишь по прессе, считал нужным выступить с широкими предложениями в области внешней политики.

Как член тайного совета он направлял ныне свои «записки» лишь в канцелярии Франца-Иосифа и наследника, а равно министру иностранных дел Берхтольду. Когда начальник военной канцелярии наследника предложил Конраду отправлять его «записки» начальнику генерального штаба —

Шемуа, Конрад решительно отклонил это предложение, указав, что он, как член совета, подчинен лишь императору и наследнику, и если направляет записки Берхтольду, то как частному лицу. Конрад подчеркивал, что он не посылает своих творений даже такому своему другу, как Ауффенбергу, в то время военному министру, так как избегает вообще вторгаться в жизнь органов военного управления монархии.

Мы охотно хотим верить искренним чувствам Конрада, но у нас невольно закрадывается мысль: не желает ли бывший начальник генерального штаба своими «записками» постоянно напоминать о себе? Слишком уже слабы люди, и иногда от уволенных «на покой» сыплются многочисленные «прожекты», имеющие целью напоминание о существовании «великих», но не признанных талантов.

Записки Конрада для нас интереснее в другом отношении. Они отражают его взгляды на политическую ситуацию, каковая складывалась для монархии к концу 1912 года, и так как вскоре Конрад снова был назначен начальником генерального штаба, то, естественно, его взгляды, высказывавшиеся в записках члена тайного совета, нашли отражение и в его служебной деятельности на новом посту.

С большим интересом следя за итало-турецкой войной, Конрад сохранил свое прежнее недоверие к политике Италии, считая ее врагом Австрии.

К этому времени «неожиданно», по мнению Конрада, Балканы покрылись тучами, и ныне он недоумевает, как дипломатия монархии смогла просмотреть подготовку балканской федерации к войне и, вообще, осведомлена ли была она о создании и задачах этой федерации. Из изложенного выше видно, что Вена отлично была ориентирована в грядущей обстановке.

30 сентября балканская федерация объявила мобилизацию, 8 октября черногорцы открыли военные действия, 17 октября объявили войну Турции Сербия, Болгария и Греция, а с 23 октября начались победы союзников над турецкими войсками.

Для Австро-Венгрии, по мнению Конрада, наступил момент принятия решения: *итти с Сербией или против нее.*

Обеспокоенный угрожаемым положением монархии, Конрад 28 октября 1912 года составляет свою первую записку о «современном положении монархии и ближайших политических линиях».

Начав с того, что нельзя предвидеть скорого окончания балканской войны и возможно вмешательство в войну других государств, Конрад пишет, что «при своем назначении осенью 1906 года начальником генерального штаба он признавал неопровержимым, что внешняя и внутренняя политика, с одной стороны, и развитие вооруженных сил и конкретная военная подготовка,—с другой, должны итти рука об руку, как находящиеся в теснейшей внутренней связи».

«В этих видах,—продолжает Конрад,—вопросы внешней политики я считал входящими в круг моих служебных обязанностей и уже тогда высказывал взгляд, что балканская проблема является важнейшей для монархии».

Указывая, что он всегда настаивал на включении Сербии в состав монархии и разгроме Италии, в чем встречал противодействие, Конрад гово-

рит: «Status quo, которое я всегда считал нонсенсом и которое Эренталь расценивал, как базис своей политики, ныне уничтожено, и едва ли найдется какой-либо благоразумный человек, который верил бы в его восстановление».

Исходя из этого, Конрад отмечает, что нужно преследовать важнейшие цели, а не плыть по течению, и в дальнейшем намечает эти цели.

Образовавшийся на Балканах союз расширяется вхождением в него Австро-Венгрии, причем малые балканские государства остаются в нем на положении Баварии в Германии.

Если бы это не удалось в целом, то, по крайней мере, общность должна выражаться в единой экономической политике, в общем совете, в который каждое государство включает своего министра иностранных дел, военного министра, начальника генерального штаба и министра финансов. Общими вопросами должны быть: внешняя политика, подготовка к войне в общем целом, развитие вооруженных сил и их организация в принципиальной части (в деталях каждое государство самостоятельно), финансовая и торговая политика и средства сообщений.

Если бы удалось во главе союза поставить австрийского императора, то это был бы громадный успех.

Союз в первую очередь должен охватить Сербию, Болгарию, Черногорию и Грецию, а из остающихся Румынии и Албании — желательно первую привлечь к союзу, а вторую сделать автономной, однако, под протекторатом Австрии, имея в виду в будущем ее вхождение в союз.

В дальнейшем Конрад переходит к доказательству всех выгод, связанных с вносимым им предложением, хотя бы на первый взгляд оно показалось чуждым современной политике монархии.

Последняя, *состоя на* $^2/_3$ *из славян, не может вести антиславянской политики вообще, так как на них базируется ее военная мощь.*

Монархия исключает влияние России среди славянства, и если бы Россия или Италия оказались врагами нового союза, то они окончательно утеряли бы симпатии всех славян. В Боснии и Герцеговине находятся 69 батальонов имперской армии, оберегающих эти провинции от Сербии и Черногории; при наличии союза с этими государствами указанные силы могут быть брошены против России или Италии, чем повышается боевая готовность Австрии. Таким образом, союз приносит выгоды и в военном отношении.

Если бы такой союз не осуществился, то, по мнению Конрада, силы монархии не могли бы возрасти до таких размеров, чтобы превосходить силы России, Италии и балканских государств (по крайней мере, Сербии и Черногории).

Если Сербия и Черногория не войдут в союз, то тогда создается угроза Боснии и Герцеговине и морскому побережью. Важность же последнего для монархии велика, ибо, только владея морем, можно развивать торговлю, индустрию и средства сообщения. Перед такими выгодами союза должны отойти на задний план мелочные аграрные интересы, а всякие политические уклоны, диктуемые местными интересами, должны энергично устраняться сильной центральной властью.

Почва для такого союза, по мнению Конрада, должна быть создана пре-

же всего внутри империи путем дарования самостоятельности Кроации и Славонии и привлечением на сторону монархии русин и южно-тирольского населения, дабы оторвать их от московской и итальянской ирредепты.

Союз может осуществиться при наличии двух условий: 1) желания войти в него со стороны балканских государств и 2) признания союза другими государствами.

Первое не вызывает сомнений у Конрада, так как от союза мелкие балканские государства получат лишь экономические, географические и этнографические выгоды, становясь в то же время под защиту мощного союза.

Что касается признания союза со стороны «великих» держав, то, конечно, он вызовет их неудовольствие, но едва ли кто-либо посягнет против него вооруженной рукой. Доказательства налицо. Россия не рискнет воевать с союзом без поддержки Италии, а тогда вмешается Германия. На европейскую войну русские не решатся, ибо ни династия, ни придворная партия не желают войны, так как боятся революции. Войны хотят панслависты и польская партия. Италия поколеблена сейчас в своем военном могуществе турецкой войной и на войну с монархией не рискнет. Однако, всегда нужно считаться с войной на два фронта — против России и против Италии, что является большой опасностью. Задача дипломатии — помешать такому одновременному выступлению Италии и России. Франция, заинтересованная в финансах России, едва ли хочет войны, особенно, если учесть мирные устремления ее правительства. Германия, конечно, не обрадуется поражению турок и образованию союза, но новая политическая ситуация едва ли поставит Германию в лагерь врагов союза, так как, наоборот, усиление России грозило бы ей большей опасностью. Трудно выяснить отношение Англии к союзу, который будет конкурировать с ней в восточных водах. Учитывая постоянные опасения Англии за свое господство в северных водах, оспариваемое Германией, можно допустить возможность, что Англия не отнесется враждебно к союзу. Выгоды от вовлечения Румынии в союз были бы очень незначительны. Нельзя закрывать глаз на то, что румыны мечтают об отторжении Семиградии, но Конрад считает, что с вхождением Румынии в союз это устранится.

Ввиду притязания всех балканских государств на Албанию, необходимо дать последней автономию, и не иначе, как под протекторатом Австрии,— наподобие того, как англичане установили свой протекторат над Египтом. Захват Албании Конрад считает необходимым, дабы не передавать в другие руки прямых путей в Эгейское море, усилить свою позицию в Адриатике и, в особенности, укрепиться в Валоне, что необходимо для развития морского могущества. Албания под протекторатом Австрии не явится уже яблоком раздора между балканскими государствами, и в ней будет исключено влияние других государств, в особенности Италии; в то же время Албания очень ценна для монархии в торговом и экономическом отношении.

Было бы, конечно, нежелательно итти прямо на захват Албании. Он должен последовать как результат просьбы самих албанцев, что парализовало бы вмешательство других государств. Далее Конрад подробно останавливается на проведении автономии, мысля себе следующий постепенный

ход ее: военная оккупация, образование автономного правительства, устройство национальной албанской армии и постройка коммуникаций. Для оккупации Албании Конрад считает нужным двинуть, самое меньшее, три дивизии.

Если бы «великий» балканский союз не составился, то монархия, во всяком случае, должна укрепить свои позиции в Албании и расширить в остальных балканских государствах свое экономическое влияние.

Приходится обдумать еще положение, которое может создаться, если *война будет выиграна турками. В таком случае монархия должна решительно выступить на защиту Сербии и Черногории и включить таковые в состав Дунайской империи.*

Основой политики монархии Конрад считает включение сербско-черногорских областей в Австро-Венгрию тем или иным путем.

Мы остановили внимание читателя на этом документе Конрада, как являвшем собой программу-максимум активной политики Вены на Балканах. Грандиозный проект Конрада поражает нас богатой фантазией политика в мундире генерального штаба. Осуществление такого проекта союза могло последовать не сразу, как мечтал об этом Конрад, и, конечно, с болезненными переживаниями. Мы согласны, что прежде всего должна была быть подготовлена почва для такого союза, но это вело за собой широкую автономию прежде всего в самой Австро-Венгрии, иными словами — полное упразднение государственного строя монархии. Для этого, как известно, понадобилось пройти через мировую войну и революцию, да и то отдельные национальности бывшей Австро-Венгрии и Балканского полуострова не дошли до идей бывшего начальника генерального штаба. Дорога в тот рай, о котором мечтал Конрад, не так коротка, как она ему рисовалась.

Что же касается признания другими европейскими государствами «великого» балканского союза, то уже вышесказанное об экономической заинтересованности этих государств в Балканском полуострове говорит за то, что без оружия, без победы Австро-Венгрии, такой союз никогда не был бы признан не только тройственным согласием, но даже и Германией.

После нескольких дней колебаний Конрад отправил записку по указанным нами выше адресам, причем в письме к начальнику военной канцелярии Франца-Иосифа он писал, что записка вызвана его «патриотическими чувствами», и что если раньше его предложения были отвергнуты, то теперь балканская проблема снова встала во весь рост и нужно считаться с новой политической обстановкой.

«Денно и нощно обдумывая это, я в прилагаемом мемуаре (или как угодно назвать его иначе), — пишет Конрад, — излагаю свои взгляды и прошу иметь в виду, что эта работа является продуктом осведомленности только через прессу».

«Я полагаю, что монархия ныне снова подошла к поворотному пункту и поэтому могут быть полезными только исключительной важности решения», — заканчивает свое письмо Конрад.

Между тем, события на Балканах быстро развивались, славяне шли от победы к победе. 28 октября сербы заняли Дураццо на берегу Адриатического моря, и 8 ноября сербский посланник в Вене заявил, что Сербия намерена твердой ногой встать на побережье.

Обеспокоенный этим, Конрад 8 ноября составляет первое дополнение к своей записке, посылая его прежним адресатам.

Отметив вначале, что поражение турок резко изменило картину, Конрад указывает на необходимость считаться: 1) с разделом Албании при попытке Сербии утвердиться на берегу Адриатического моря, 2) с возможностью вмешательства других государств и 3) с судьбой азиатских владений Турции.

Признав свои рассуждения о союзе монархии с балканскими государствами потерпевшими крушение, Конрад выдвигает два положения: *или 1) Сербия будет занимать дружественную позицию, или 2) Сербия открыто станет врагом.* В первом случае всякие конфликты исключены, а во втором монархия должна твердо выявить свою волю.

Если балканский союз окажется враждебным монархии, то, при содействии Румынии, война обещает успех. Если же на стороне Сербии и Черногории выступит Россия, то война на два фронта мыслима лишь при участии в ней Германии, причем Италия будет нейтральна или на стороне монархии.

Делая подсчет сил, Конрад приходит к выводам, что против сербов должны быть брошены минимальные силы, а все направляется на главный театр.

Имея в виду разгром Сербии, Конрад не теряет надежды выполнить это, удержав от выступления Россию. Политик в мундире ищет к этому пути и видит их в предложении России свободы действий в проливах и занятии Босфора с тем, что Австрии развязываются руки в Албании и, в частности, в занятии Валоны. Такое предложение скрестило бы интересы России с английскими и болгарскими.

Что касается Италии, то возможно, что предложением расширения ее интересов в Эгейском море и в азиатских владениях Турции удастся отвлечь ее от Албании. Если бы это отпало, то при нейтралитете России и при условии, что Румыния свяжет Болгарию, можно рискнуть вести войну на два фронта.

Цели войны для монархии Конрад видит: 1) в автономии Албании под австрийским протекторатом, 2) в занятии Валоны, 3) в торговых и экономических выгодах.

Самое важное, чтобы Россия и Италия, или, по крайней мере, одно из этих государств, был нейтральны.

Если же, однако, Россия, Италия и балканский союз согласно выступят против монархии, то для последней война на три фронта, при поддержке только Германии и Румынии, была бы непосильной. В этом случае необходимо выждать удобный момент, подготовиться к нему и затем энергично добиться своей цели.

Что касается раздела азиатских владений Турции, то Конрад не берется судить здесь о задачах монархии и предлагает это сделать экономистам и дипломатам.

Оставаясь в убеждении, что ни одно из европейских государств не склонно к войне, Конрад останавливается на выборе момента объявления войны. Считая, что балканские государства стремятся закончить войну к зиме, Конрад указывает, что зимний поход для современной европейской

армии очень труден, в особенности для австрийской, в которой не хватает зимнего снабжения. Если дело пойдет к войне, то *дипломатия должна постараться оттянуть ее до благоприятного для стратегии времени.*

Возвращаясь к Албании, Конрад решительно настаивает на отказе сербам в предоставлении порта на берегу Адриатики и предлагает взамен предоставить сербам транзит к северо-далматским гаваням, за что монархия получает такой же выход к Салоникам.

Между тем, 8 ноября 1912 года греки заняли Салоники — пункт, к которому более 50 лет притягивались взоры венских империалистов.

16 ноября 1912 года Конрад дает второе дополнение к своей записке от 28 октября, вызванное распространившимися сведениями о возможной посылке экспедиционного итальянского корпуса в Албанию.

Обеспокоенный этим, Конрад считает своим долгом вспомянуть политику Эренталя, которая не довела до разрыва с Италией, и ныне находит необходимым указать вновь, что монархия не должна допустить Италию в Албанию.

Дополнение к записке рассматривает интересы Австро-Венгрии в Албании с соответствующим их подразделением.

Для охранения военно-морских интересов монархии, по мнению Конрада, необходимо, чтобы: 1) только австро-венгерские военные суда могли иметь право продолжительной стоянки в албанских гаванях; 2) морская полиция содержалась Австро-Венгрией; 3) Валона была исключительно австрийской военной гаванью с необходимым плацдармом на суше для обороны. «Валона — австро-венгерский Гибралтар», — точно формулирует свои пожелания Конрад.

Военные интересы на суше заключаются в том, что Албания: 1) отвлечет на себя часть сил Черногории и Сербии; 2) может выставить хорошую самостоятельную армию. Необходимо зорко смотреть, чтобы итальянское влияние в Албании не взяло верх.

Коммерческие интересы монархии в Албании Конрад не берется расценивать, считая себя в этом недостаточно компетентным, но все же указывает, что для австрийской торговли был бы большой ущерб, если бы сербы получили свою гавань на берегу Адриатического моря и, таким образом, самостоятельно ввозили и вывозили бы товары.

Общеполитические интересы Австро-Венгрии в Албании будут зависеть от политики в отношении Сербии и Черногории: будет ли она дружественной или сведется к поражению обоих государств.

В дальнейшем Конрад рассматривает эти обе дороги и приходит к выводу, что *враждебная политика в отношении Сербии и Черногории обострит внутреннюю политику монархии и может повести к войне с Россией.* Защита интересов Австрии в Албании может также привести к вооруженному столкновению с Италией, но оно будет значительно легче и обещает больше успеха, чем война с Россией и балканскими государствами.

Если же Австрия встанет на путь войны с Россией и с балканскими государствами, тогда *необходимо активное содействие Германии и Румынии, нейтралитет Болгарии и или активная помощь Италии*, или, по крайней мере, ее нейтралитет.

Рассмотрев затем военную подготовку к столкновению с Россией и пред-

лагая ряд мер, кои необходимо провести, Конрад приходит к выводу, что гораздо выгоднее обеспечить за собой господство в Албании, не ввязываясь в войну с Россией и балканскими государствами, и нанести поражение Италии, если то понадобится. Если же обстановка будет вести к войне с Россией, то нужно: 1) закрепить союзнические связи, 2) усилить подготовку к войне и 3) вести подготовку албанцев к вооруженному выступлению против Сербии и Черногории, снабжая их оружием, деньгами, артиллерией и т. д.

Подводя, по обычаю, итоги своего доклада, *Конрад снова отмечает всю важность для монархии балканской проблемы и высказывает мысль, что было бы очень хорошо связать руки России в Азии, чтобы самим, наоборот, иметь их развязанными на Балканах и северо-восточных границах.*

Таким образом, *албанский вопрос*, обостренный занятием сербами гавани в Дураццо, являлся наиболее актуальным в данное время для политики Вены и приковывал к себе внимание «приватного дипломата» Конрада, перо которого с волнением бегало по бумаге, фиксируя мысли и думы империалиста с берегов Дуная.

Между тем, на театре войны болгары были остановлены турками на Чаталджинских позициях, сербы заняли Монастырь, а греки — ряд островов в Эгейском море.

19 ноября 1912 года Конрад пишет новую записку и начинает ее словами Мольтке: «Сначала взвесить, а потом решиться», — приводя их в подтверждение того, что необходимо принимать бесповоротные решения.

Указывая на то, что если, вообще, удастся миром покончить с Сербией, то следует встать на этот путь, — Конрад, однако, сейчас же отмечает, что современная *позиция Сербии* исключает это, угрожает престижу монархии и ее политическим и экономическим интересам, *вынуждая Австрию прибегнуть к оружию.*

В этих видах Конрад находит необходимым: 1) все предположения, кои разработаны им в 1908 — 1909 гг. на случай войны с Сербией, осуществить и 2) начать проводить в жизнь военные мероприятия, составленные им на случай войны с Россией и указанные во втором дополнении к первой его записке.

Затем необходимо направить вербальную ноту, в которой перечислить все проступки балканских государств не только против Австрии, но и против других европейских государств вообще и заявить, что монархия вынуждена обратиться к оружию.

При этом *Конрад предупреждает, что монархия должна ясно осознать, что ее военное выступление против Сербии, весьма вероятно, захватит всю Европу, что следствием такого выступления будет большое экономическое потрясение, что война отразится не только на монархии, но и на всей Европе.*

Если Сербия после вербальной ноты будет продолжать отстаивать свои позиции, тогда Австрия может вести войну по своему желанию.

Вербальная нота должна быть отправлена в благоприятный момент, и как только какое-либо из государств начнет мобилизоваться, сейчас же надлежит самим провести мобилизацию, дабы начать войну по собственной инициативе.

Записку Конрад заканчивает указанием, что если бы в 1908 — 1909 гг. было принято его предложение о войне с Сербией, то обстановка ныне складывалась бы иначе.

Отправляя эту записку Берхтольду, Конрад сопроводил ее письмом, в котором уверяет министра, что *он далек от фанфаронад, науськивания и т. п. стремлений, ибо для него важнее всего дела, а не пустые слова, что подтверждается его стычками по прежней должности с различными государственными органами. Эти чувства обуревают Конрада ныне, и он обращает внимание Берхтольда на то, что монархии, если события будут развиваться дальше, ничего иного не остается, как все поставить на карту. Современная тяжелая обстановка, по мнению Конрада, — следствие ошибочной политики Эренталя.*

В подтверждение того, что он далек от шовинизма, Конрад ныне в своих мемуарах цитирует статьи прессы, полные шовинистических выпадов, — статьи, которые по его словам, инспирировались наследником.

Политические дарования бывшего начальника генерального штаба были по достоинству оценены верховной властью, и в конце ноября он едет в Бухарест со специальной военной и, отчасти, политической миссией. Мы пока не будем говорить об этой поездке Конрада, а продолжим его рассуждения по возвращении из Румынии.

3 декабря 1912 года, после неудачной атаки Чаталджинских позиций, болгары заключили перемирие. Сербия, закончив фактические военные действия против турок, начала обратную перевозку своей мобилизованной армии внутрь страны.

Опасность сербского сосредоточения на австрийской границе вынуждает Конрада 6 декабря 1912 года подать новую записку, в которой он доказывает эту опасность со стороны сербов, добавляя, что остается не более трех недель до заключения мира, и что если решено оружием воздействовать на сербов, то готовиться к этому нужно теперь же. Все это стоит денег, но «упущение времени было бы тяжелой ошибкой», — заключает Конрад.

Не вмешиваясь официально в дела генерального штаба, Конрад жил его жизнью и продолжал работу начальника штаба, как он ее вел бы раньше. Приведенные нами «записки» и «дополнения» к ним, составленные Конрадом, были не чем иным, как прелюдией к его будущей деятельности снова на посту начальника генерального штаба Дунайской империи.

Потерпев неудачу в своем проекте о «великом» балканском союзе, Конрад еще не теряет надежды привлечь в лоно империи Габсбургов Сербию мирным путем; если же она от этого столь лестного предложения отказалась бы, тогда силою оружия ее следовало бы заставить выполнить предначертания истории. Во всяком случае, никакого порта на Адриатическом побережьи Сербия получать не должна, а Албания должна быть автономной под протекторатом Вены. Член Тайного совета отдает себе отчет в возможности европейских осложнений и рекомендует ряд политических мер. Так, например, желательно Россию удержать от выступления, поманив ее снова проливами, зная вперед, что против этого будет Англия. Во всяком случае, европейская война непосильна для Австрии, и дипломатия не должна доводить до нее. Конрад набрасывает и пути, по которым должна следо-

вать политика, начав подготовку войны с Сербией с отправки вербальной ноты.

Нам неизвестно, насколько венская дипломатия и верховная власть восприняли советы и предложения Конрада, но последующие события показывают, что кое-что из документов было безусловно использовано Берхтольдом.

Политика Вены приняла «загадочный» характер, как характеризовали ее в Петербурге и в Париже, но все же Берхтольд открыто и твердо указал, что Австро-Венгрия не может согласиться с предоставлением Сербии порта, и одновременно выдвинул проект автономной Албании.

Вена не отказывалась принять участие в лондонской конференции послов, но заранее отвергала принцип незаинтересованности в дележе турецкого наследства.

Одновременно в Австро-Венгрии был принят закон о двухлетнем сроке военной службы, закон об увеличении контингента, и на армию были отпущены более высокие кредиты, чем в прошлом году. Была проведена частичная мобилизация войск на южной границе и против России.

Все это снова знаменовало решимость Вены оружием поддержать свои требования.

Из документов Конрада мы знаем, что главное сопротивление в Вене ожидалось со стороны России.

Мы слышали, как венский империалист «денно и нощно» раздумывал о тяжелой политической обстановке, создавшейся для Австрии, и скорбел об ее будущности.

За несколько сот верст от него, в Париже, страдал бессонницей другой империалист — русский посол Извольский, видевший надвигающийся кризис, чреватый последствиями.

За неделю до письма Конрада к Берхтольду с препровождением «записки», в котором он сообщал о своих думах по поводу политической обстановки,— Извольский 23 октября 1912 года писал Сазонову:

«Денно и нощно обдумывая различные могущие наступить случайности, я поневоле останавливаюсь на следующих трех возможностях: решительная победа балканских государств; такая же победа Турции; затяжка военных действий и, как последствия ее, беспорядки и резня христиан в Константинополе или в других местностях империи.

Первая из этих возможностей, наименее, мне кажется, вероятная, была бы вместе с тем, наиболее чревата грозными последствиями для всеобщего мира; она сразу выдвинула бы, во весь его исторический рост, вопрос о борьбе славянства не только с исламом, но и с германизмом. В этом случае вряд ли можно уповать на какие-либо паллиативные средства и следует готовиться к великой и решительной общей европейской войне».

«Несколько менее опасна с общеевропейской точки зрения, но крайне для нас тягостна была бы решительная победа Турции. Подобная победа вызовет сильное возбуждение нашего общественного мнения и наложит на нас нравственную обязанность притти на помощь славянским государствам. По этому поводу я не могу не вспомнить, что когда, во время моего управления министерством иностранных дел, обсуждалась не состоявшаяся тогда военная конвенция с Болгарией (не знаю, состоялась ли она впоследствии),

болгары заявили, что в случае войны с одной Турцией они не требуют от нас иной помощи, кроме мобилизации Кавказского военного округа. Мне вспоминается также, что в конце 1906 года или в начале 1907 года тогдашний начальник генерального штаба, генерал Палицын, по собственному почину чуть-чуть не затеял войны с Турцией на нашей кавказской границе. Он наивно думал, что подобная «маленькая война» могла остаться локализованной. С помощью покойного Столыпина я круто остановил эти поползновения, причем главным моим аргументом послужило указание, что всякое столкновение между нами и Турцией, хотя бы только на кавказской границе, тотчас явится сигналом к выступлению балканских государств против Турции. Сейчас этот аргумент отпадает, и мне кажется, что необходимо теперь же предвидеть, что события могут заставить нас прибегнуть к вышесказанному сравнительно безопасному и в то же время действительному средству давления на Турцию».

На свой риск и страх Извольский завел об этом разговоры с Пуанкаре, напугав его сначала предложением изолированного выступления России, а затем, доказав, что от сего вреда не выйдет, не только успокоил собеседника, но даже возбудил в нем интерес.

Что касается «затяжки военных действий», то этот случай Извольский считал «особенно благоприятным для коллективного посредничества держав», полагая, что он, вероятно, избавит Россию «от необходимости единоличного активного вмешательства».

Последнее меньше всего улыбалось руководителю русской политики Сазонову, а поэтому он быстро согласился на французское предложение созвать в Лондоне конференцию послов и на набросанную Пуанкаре программу этой конференции.

20 октября Сазонов в циркулярной депеше, давая инструкции послам, указывал: «На наш взгляд вмешательство держав в войну может быть успешно, только если оно будет безотлагательно».

«Общий интерес сохранения безопасности Константинополя требует удержания защитной зоны под реальным суверенитетом султана. Зона определяется уже известной вам линией от устья Марицы, включая Адрианополь, к Черному морю».

«Вся остальная часть Европейской Турции, на правах фактического завладения, подлежит, на наш взгляд, полюбовному разделу между союзниками»...

«В принципе мы признаем возможность образования прибрежной Албанской автономии под суверенитетом султана, причем нельзя упускать из виду необходимость удовлетворить стремление Сербии к выходу к Адриатическому морю».

«Между Болгарией и Румынией на почве соглашения должно быть установлено исправление границы, чтобы дать последней справедливое удовлетворение за ее лояльный образ действий во время войны... Мы вполне допустили бы возможность путем соглашения между Австрией и Сербией установления некоторых обеспечений свободного транзита австрийских товаров через вновь присоединенную Сербией территорию».

Таковы были желания Петербурга.

Среди них, конечно, первое место занимала забота о Константинополе:

лишь бы он не перешел в руки болгар. Не поднимая вопроса в целом в данное время, Сазонов затаенно вновь ставил на разрешение проблему о проливах.

Разговоры Извольского о возможности изолированного выступления России, заявления австрийского посла в Париже о категорическом отказе Вены в предоставлении сербам порта на Адриатическом побережьи, имеющиеся сведения, что Италия поддержит Австро-Венгрию в этом требовании, — обеспокоили Пуанкаре. Попытки же Германии отдельно договориться с Францией и Англией по балканским делам, а затем уже выступить единым фронтом против России были настолько серьезны, что балканский вопрос в целом был поставлен Пуанкаре на обсуждение совета министров.

Решение совета министров сводилось к тому, что территориальный «захват Австрии затрагивает общеевропейское равновесие, а поэтому и собственные интересы Франции».

Сообщая 6 ноября Сазонову об этом, а также и о том, что Англия выдвигает проект «нейтрализовать и интернационализировать Константинополь», Извольский запрашивал указаний.

Одновременно с предложением совместного обсуждения балканского вопроса в Париже и Лондоне Германия предприняла шаги и в Петербурге — с намерением методом 1909 года повлиять на русскую дипломатию. Однако, на этот раз Пурталес получил отпор от Сазонова и предупреждение не повторять истории с ультиматумом, так как ныне это может привести к войне.

Сазонов готов был итти с Англией и Францией в борьбе с тройственным союзом, но не желал все же связывать себя окончательно, особенно — в вопросе о проливах.

Указывая Извольскому на желательность получения уверенности, что в случае необходимого со стороны России вмешательства Франция не останется безучастной, Сазонов писал:

«С другой стороны, так как ввиду быстро меняющейся обстановки на Балканах трудно предвидеть все могущие представиться случайности, способные потребовать от нас тех или иных действий для обеспечения наших жизненных интересов, я считал бы необходимым тщательно избегать в наших переговорах с иностранными кабинетами всего, что впоследствии могло бы оказаться для нас стеснительным. С этой точки зрения мне казалось бы желательным и в предполагаемом письменном обращении вашем к г. Пуанкаре избегнуть слишком положительных заявлений, — в роде тех, которые подсказываются словами французского министра: «относится враждебно ко всяким захватам турецкой территории какой-либо великой державой», — так как это могло бы относиться и к России в области проливов».

Мы слышали, как Конрад советовал Берхтольду предложить России, в виде компенсации за ее нейтралитет в войне Вены с Сербией, разрешение вопроса о проливах. Таким образом, тяготение России к проливам не было секретом даже для противной стороны. Пуанкаре через своего посла зондировал у Сазонова почву, как отнеслась бы Россия к постановке вопроса о проливах в случае каких-либо требований болгар по этому вопросу. О проливах думал «денно и нощно» Извольский, они же не давали спать и Сазонову, а, как увидим ниже, и еще кое-кому.

Однако, Сазонов, сознавая недостаточную подготовленность этого вопроса для решения его не только путем гарантий, но и реальной силой, которая могла бы создать новое положение, — отказывался поставить вопрос о проливах на обсуждение. Тем более он не хотел связать ими Россию в защите интересов воюющих государств. Если учесть, что Чаталджинские позиции положили предел наступлению союзников, т. е. проливы были вне опасности захвата их болгарами, то становится понятной та выжидательная позиция, которая была занята русской дипломатией в этом вопросе.

Сазонов с большой сдержанностью отклонил предложение венского кабинета (следовавшего, возможно, указаниям Конрада) за свободу действий в Константинополе предоставить Австро-Венгрии полную свободу в западной части Балкан.

Мы не можем подробно вдаваться в историю вопроса о проливах, но считаем необходимым отметить его с интересной для нас стороны.

«Status quo» не устраивало ни Австрию, ни ее главного противника. Стоит вспомнить, как в Вене против этого принципа восставал начальник генерального штаба, являвшийся проповедником «превентивной» войны. В России роль такого «советника» министерства иностранных дел принял на себя не «сухопутный» генеральный штаб, а «морской» — второй «патрон» вооруженных сил государства, склонный вообще творить внешнюю политику в значительно бо́льшей мере, чем его собрат на суше. Цусима принизила русский флот, авторитет его в глазах не только общества, но и правящих кругов государства был подорван. Осторожно, постепенно вкрадываясь в доверие, морской генеральный штаб начал проводить свои программы расширения флота, необходимость чего, конечно, можно было обосновать только крупными политическими задачами, для решения которых Россия нуждалась в морской силе.

Проливы оказывались тем козырем, которым мог играть морской генеральный штаб, а разразившаяся балканская война увеличила его значение в политической игре.

«Открыть проливы» — для России было «исторической» задачей, решать которую морской генеральный штаб ныне настойчиво призывал, идя в унисон со скрытыми желаниями русской политики и находя в ней хорошего союзника.

В дальнейшем изложении мы покажем стремления русского морского генерального штаба в подготовке к «открытию проливов». Что же касается сухопутного генерального штаба, то он оказывался сдержанным в своих устремлениях к близкому и непосредственному разрешению вопроса с Константинополем. Как Сухомлинов, так и Данилов в своих воспоминаниях говорят о критическом их отношении к десанту на берегах Босфора для водружения «креста» на мечети Ая-Софии в Константинополе. В своем месте познакомимся с их заявлениями текстуально, а сейчас вернемся к обрисовке политического хода событий в России.

По мнению русской дипломатии, в случае успеха турок не исключалась возможность «резни христиан» в Константинополе, а поэтому следовало принять меры для ее предотвращения. Меры эти могли выразиться в посылке военных судов в воды Босфора, и к 20 октября два из них уже были отправлены в Константинополь.

К 24 октября, когда болгары подходили к Чаталджинским позициям, беспокойство русской дипломатии за судьбы Константинополя настолько усилилось, что она обратилась за «помощью» к морскому министру, с полного одобрения председателя совета министров. Морской министр телеграммой, в ночь с 25 на 26 октября, испрашивал разрешения Николая, который находился в это время в Спале на охоте, выслать в Константинополь, по непосредственному сношению с русским послом в Турции, «неограниченное число боевых судов или даже всю эскадру». «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен»,—говорила морскому министру срочная телеграмма из Спалы.

Справка морского генерального штаба от 20 октября дает пояснения к телеграмме морского министра. Указывая на возможность посылки судов для предотвращения «избиения христианского населения» и «анархии» в Константинополе, справка подчеркивала желательность иметь на судах для десанта «некоторые части с пулеметами» и предусматривала дальнейшую поддержку слабого десанта.

«Очень было бы важно воспользоваться малейшим предлогом и перебросить хотя бы небольшой отряд на европейский берег Босфора, заняв Буюк-Дере, хотя бы для того, чтобы обеспечить безопасность нашего охранного отряда в Константинополе и служить для него резервом».

«Оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго, и тогда легче будет там остаться навсегда». «Твердое же занятие Верхнего Босфора уже наполовину разрешает наболевший вопрос о проливах».

«Если бы для такого выступления подходящего предлога не оказалось, то его надо создать искусственно, имея в виду громадное государственное значение для нас Верхнего Босфора, если не будет возможности овладеть всеми проливами».

Как было указано выше, остановка болгар перед Чаталджинскими позициями изменила тревожное настроение русской дипломатии на более спокойное, и вопрос о проливах был отложен на неопределенное время.

Но не так думал об этом морской генеральный штаб...

25 ноября 1912 года начальник 2-го оперативного отделения штаба, Немиц, подает объяснительную записку, которая имела целью разобрать «вопрос о политических задачах России при ликвидации славяно-турецкой войны с военно-морской точки зрения».

Начиная с доказательства «экономической» важности для России открытия проливов, Немиц говорит, что существующее «политическое положение в высшей степени невыгодное и столь же унизительное, какого бы не потерпела ни одна промышленная страна». «Будучи страной великой и становясь страною промышленной, рано или поздно Россия принуждена это положение изменить: обеспечить за собой безусловно и для всякого времени свободу торгового плавания ныне турецкими проливами».

Указывая на то, что не следует увлекаться интересами славянских государств, что «стал на очередь разрешения и большой политический вопрос о турецких проливах — вопрос для нас не общеславянский, а чисто русский», — Немиц формулирует так задачу: «В свое время России необходимо овладеть обоими, ныне турецкими, проливами — Босфором и Дарданеллами. Эта конечная политическая цель России на юге Европы, неизменный,

вплоть до овладения ими, «политический объект» для всех стратегических усилий России в южных морях».

Если разрешить этот вопрос «сейчас» невозможно, то, по мнению Немица, «все, что в будущем облегчит России овладение Босфором и Дарданеллами и может быть приобретено дипломатическим путем, сейчас желательно приобрести».

В дальнейшем Немиц разбирает три возможных формы разрешения вопроса и ставит военные требования свободного плавания русских военных судов в проливах, права оборудования опорных пунктов для русского флота, не укрепляя Турцией проливов и т. д.

Если овладение Верхним Босфором вызовет ответный шаг других европейских держав с намерением также захватить какую-либо часть берега в проливах или при выходе из них, то, по мнению Немица, «лучше не подымать совсем вопроса об овладении Верхним Босфором». На европейском берегу желательно сохранение за Турцией территории до Чаталджи, равно как сохранение островов Лемноса и Тенедоса, а Имброс может быть отдан Греции, но без права его укрепления.

В тот же день начальником морского генерального штаба Ливеном морскому министру был подан доклад, в копии сообщенный, по приказанию последнего, министру иностранных дел.

Доклад во многом повторяет записку Немица и доказывает, прежде всего, важное экономическое значение для России проливов.

Для вполне надежного господства над морскими путями, по мнению Ливена, необходимо овладеть не только водным пространством, но и окружающей его территорией. «Итак, для полного и окончательного решения задачи обеспечения свободного выхода из Черного моря нам надо присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при непременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота».

Испугавшись сам таких замыслов, Ливен сейчас же оговаривается: «Такое исчерпывающее решение вопроса нам сейчас, очевидно, не по силам, да и вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России»...

Ливен не боится «нейтрализации» проливов и не советует «бояться международной опеки», так как «приобретение Малой Азии и Балканского полуострова» являет собою «такой стихийный переворот, который предполагает развитие огромного могущества, перед которым, очевидно, всякое международное соглашение окажется бессильным».

При сильном флоте Ливен находит не нужным захват Верхнего Босфора, так как это может вызвать необходимые уступки другим державам.

В возникшей затем переписке с Сазоновым об уступке островов Архипелага Греции, морской генеральный штаб окончательно склоняется к мысли, что с точки зрения интересов русского флота желательно сохранить острова Эгейского моря вообще в руках слабой державы, так как переход их в руки сильной может явиться в будущем угрозой нашему флоту; в особенности нежелателен переход островов в руки Австрии».

Таким образом, разрешение проблемы проливов прельщало в это время

Сазонова и морской генеральный штаб, но такое разрешение, очевидно, могло быть достигнуто пока только дипломатическим путем, а не силой, что особой цены не имело. В виду этого русская дипломатия, к удивлению многих государств, отнеслась очень сдержанно к немедленному разрешению вопроса о проливах.

Отказавшись решать «русский» вопрос, Сазонов и «в общеславянском» вопросе пошел на уступки.

Правда, русский министр, вызванный Николаем в конце октября в Спалу, где тот охотился вместе с великим князем Николаем и другими генералами, получил, по свидетельству Бьюкенена, указания о поддержке славянских государств, хотя бы это вовлекло Россию в вооруженный конфликт.

Сазонов попытался это выполнить, но, как указано выше, кроме дипломатической поддержки нельзя было ожидать другой от Англии и даже Франции, а Германия снова пыталась произвести «пробу сил». Русский министр иностранных дел вынужден был изменить свою точку зрения в вопросе о праве Сербии на порт в Адриатическом море. В начале декабря Сазонов указывал, что нужно лишь обеспечить Сербии выход к морю, но без передачи ей в собственность участка прибрежной полосы, оговорив ей право на свободный и беспошлинный провоз грузов как торговых, так и военных. Россия уступала и во втором важном вопросе. Категорическое указание об этом было дано и в Белград.

«Независимо от того, чем было вызвано миролюбивое направление политики в конце года: советами ли министров, или боязнью вспышки революционного движения при столкновении русской армии с серьезным противником, оно пришлось как нельзя более кстати», — пишет английский посол Бьюкенен.

Для кого же это было «кстати», — посол этого не объясняет. Рассмотрение отношения к балканскому вопросу других кабинетов выяснит нам это с очевидностью.

«Весьма еще недавно, — пишет 18 декабря Извольский, — французское правительство и здешняя печать были довольно склонны обвинить нас в подстрекательстве сербов, и доминирующей нотой была фраза: Франция не хочет войны из-за сербского порта».

«Ныне,— продолжает Извольский,— здесь с недоумением и нескрываемым опасением относятся к кажущемуся нашему равнодушию перед фактом австрийской мобилизации. Опасения эти высказываются не только французскими министрами в разговорах со мной и с нашим военным агентом, но проникают также в широкую публику и в газеты самых разнообразных оттенков; в французском генеральном штабе они настолько сильны, что, как сказано в моей телеграмме № 445, военный министр счел необходимым обратить на это внимание Пуанкаре, который показал мне письмо г-на Мильерана и созвал экстренный совет министров для его обсуждения. Телеграмма г. Жоржа Луи, передававшая ответ, полученный генералом Лагишем от нашего генерального штаба, нисколько не рассеяла недоумения французов; мне был показан текст этой телеграммы, согласно которой Лагишу было сказано не только, что австрийским вооружениям у нас придают чисто оборонительное значение, но что даже в крайне невероятном случае нападения Австрии на Сербию Россия не будет воевать. Подобный

ответ поверг Пуанкаре и всех французских министров в крайнее удивление. По всем получаемым здесь сведениям, Австрия в настоящий момент заканчивает полную мобилизацию десяти корпусов, при чем часть мобилизованных войск демонстративно выставлена против России; мобилизация эта ложится тяжелым бременем на и без того расстроенные финансы Австрии, и поэтому можно ожидать со дня на день какого-нибудь категорического выступления со стороны австрийского кабинета. Выступление это, как здесь думают, может вызвать отпор со стороны России, а это, в свою очередь, автоматически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решимостью исполнить свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе проверена; материальная часть в полной готовности и т. п. И как раз в эту минуту Франция, как будто, сталкивается с совершенно иным отношением к положению со стороны своей союзницы, наиболее казалось бы, в нем заинтересованной. Из этого выводят заключение, — или что у нас не отдают себе отчета в воинственных намерениях Австрии, или что, по каким-нибудь особым причинам, мы не хотим в настоящую минуту разговаривать с Францией».

Извольский сообщает, что приходится не только создавать «желательное для нас настроение» среди правительства, политических кругов, но и «всеми силами действовать на печать». Извольский доволен своей работой и признает, что «распределение субсидий» «при участии французских министров» газетам (распределяли министры иностранных дел и финансов) «вполне целесообразно и уже возымело надлежащее действие... Граф Берхтольд и австрийский посол в Париже несколько раз жаловались г-ну Пуанкаре на эту кампанию».

В заключение посол доносил: «За последние дни мне приходится бороться уже не с представлением, что Франция может быть вовлечена в войну из-за чуждых ей интересов, а скорее с опасением, что мы слишком пассивно относимся к вопросу, затрогивающему положение и престиж всего тройственного союза» (т. е. Антанты. — *Б. Ш.*).

По приведенной выше переписке Извольского с Сазоновым можно было бы составить определенное суждение о позиции Франции в первой балканской войне.

Однако тот, кого Извольский рекомендовал как самого верного друга России, как наиболее нужного для царизма человека, как фигуру, которая, восседая на президентском кресле, по крайней мере на семь лет давала уверенность русской дипломатии в том, что ее цели в Париже будут восприниматься так же, как и в Петербурге, тот, который «с волнением высказывал глубокую благодарность за пожалование ему царского ордена», — Пуанкаре в своей книге «Происхождение мировой войны» подвергает сомнению действительность приведенных нами документов.

«Франция проявляла с самого начала балканского кризиса, — пишет он,— беспристрастность и независимость в суждениях и никогда не шла слепо за русскими предложениями, делая, напротив, все, чтобы осуществить дружественное посредничество между Австрией и Россией. Бесполезно, я думаю,

опровергать сведения, которые появились в московской большевистской прессе и которые Германия воспроизвела в одной из своих белых книг». Это касается как раз тех документов, кои мы оглашали.

Оказывается, еще в преддверии кризиса, по словам Пуанкаре, «постоянной мыслью французского правительства было не только укрепить европейский концерт, но и воспрепятствовать тому, чтобы в среде держав группа тройственного согласия противостояла группе тройственного союза».

Разрываясь на части, чтобы только сохранить мир, «несчастный» Пуанкаре все же преуспел и ныне говорит: «Я считаю себя в праве сказать, что с сентября 1912 года до января 1913 года не прошло ни одного дня, когда бы я не вел длительных переговоров не только с послами России и Англии, но также и с послами Германии и Австрии. В конце-концов я достиг в отношениях с этими последними большого взаимного доверия».

Одним словом, — уверяет нас Пункаре, — Франция была преисполнена ультра-мирными устремлениями, и если кто толкнул ее на путь вооружений, подготовки к мировой схватке, так это были те же Германия и Австрия; эти государства, «имевшие возможность удержать балканские государства, не были возмущены, когда военные действия были объявлены». Мало того: «на лондонской конференции венский и берлинский кабинеты действительно стремились внушить Европе решения, благоприятные для их собственных интересов и противоположные желаниям балканских государств». «Тройственный союз ранее срока был возобновлен в декабре 1912 года. Несколькими неделями раньше германский генеральный штаб, руководимый Мольтке и Людендорфом, принял новые военные меры, которые он считал, — как он говорил, — необходимыми, чтобы обеспечить Германии «влияние, которое она должна иметь при решении мировых вопросов».

Только после того, как Германия приняла на себя столь ужасный почин, — продолжает Пуанкаре, — Бриан, председатель совета министров, и после него его приемник Барту, в полном согласии с военным министром Этьеном, первый предложил, а второй защищал в парламенте закон, устанавливающий во Франции трехгодичный срок службы. Этот закон вожди нашей армии рассматривали, перед угрозой вооружений со стороны Германии, как повелительный долг для нашей национальной безопасности».

Итак, никто другой, как злосчастный Людендорф, а с ним вместе германский генеральный штаб были виновниками надвигающейся грозы.

А Извольский?! Оказывается, этот неблагодарный человек писал какие-то письма к Сазонову, преисполненные фантазией, обрисовывая намерения французского правительства в превратном виде. Русский посол фантазировал, а... ужасные большевики опубликовали его бред, выдавая его за «документы» и ныне беспокоят покой как Пуанкаре, так и Франции...

Не будем вдаваться в долгие рассуждения о правдивости опровержений самого Пуанкаре, представляющих собой обычный субъективный трактат о виновниках империалистической войны, преисполненный самооправданиями. Предложим вниманию перелистывающего наш труд только следующее.

1 февраля 1913 года австрийский военный агент в Париже пишет Конраду о позиции французской прессы, враждебный характер которой в отношении монархии он уже часто обрисовывал ранее в своих донесениях.

«Настроение французской прессы во время своего кризиса, — пишет агент, — нисколько не изменилось, и все старания посольства оказать влияние, чтобы остановить продолжающиеся нападки, по крайней мере, против высочайших особ, не имели никакого успеха».

Причины такого враждебного настроения прессы заключаются в ее симпатиях к политике России, которая признается миролюбивой и которой поперек дороги становится Австрия с ее агрессивной политикой, с угнетением славянства. «Австро-Венгрия является государством, — по мнению французской прессы, — где наглое немецкое правительство и «военная партия» вооружило порабощенных славян с тем, чтобы бросить их в братоубийственный бой с единоплеменниками».

«Французская пресса, — заключает агент, — является русской, т. е. работающей на русские деньги... Общественное мнение здесь, как и всюду, продажно, и Россия знает, что данные на его обработку деньги принесут хорошие проценты».

Не думаем, чтобы Извольский сговаривался с австрийским военным агентом, давая характеристику французской прессы, а ныне это публикуют не большевики, а начальник австрийского генерального штаба, и не в Москве, а в Вене.

Что скажет на это Пуанкаре, для нас безразлично, но, со своей стороны, должны отметить, что позиция Франции, вернее — ее правительства, была далека от мирных тенденций...

Наоборот, мы находим вполне справедливой оценку политики Франции, которую давал в своем донесении русский посол в Лондоне 25 февраля 1913 года. «Все державы, — писал он, — действительно стремятся к миру, и только одна Франция приняла бы войну с наибольшей твердостью духа».

Если вспомним, военные круги Франции находили стратегическую обстановку конца 1912 года благоприятной для тройственного согласия. С ними были согласны Пуанкаре и весь совет министров Франции, удивлявшиеся уступчивости России.

Причины такой уступчивости нужно искать в поведении третьего члена тройственного согласия — Англии, которая уже перед началом балканской войны оказывалась очень скупой на различные обещания поддержки, а ее посол в Петербурге Бьюкенен все время передавал «советы об умеренности».

Как русский посол в Лондоне, так и сербский в Берлине согласно свидетельствуют, что из-за предоставления Сербии порта Англия воевать не будет, ибо «общественное мнение» никогда не согласится на такую войну. 5 декабря 1912 года Извольский доносил: «С начала настоящего кризиса г. Пуанкаре не переставал, при всяком возможном случае, вызывать лондонский кабинет на доверительные разговоры с целью выяснить положение, которое будет занято Англией в случае общеевропейского конфликта. С английской стороны до сих пор на этот счет не принято никаких обязательств. Лондонский кабинет неизменно отвечает, что это будет зависеть от обстоятельств и что вопрос о мире или войне будет решен общественным мнением. С другой стороны, между французским и английским генеральными штабами не только не прекратилось обсуждение всех могущих возникнуть случайностей, но существующие военные и морские соглашения

в самое последнее время получили еще большее развитие, так что в настоящую минуту англо-французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франдузско-русская конвенция; единственной разницей является то обстоятельство, что первая носит подписи лишь начальников обоих штабов и поэтому как бы не обязательна для правительств. На-днях во Францию под строжайшим секретом приезжал начальник английского генерального штаба генерал Вильсон, и по этому случаю были выработаны различные дополнительные подробности, при чем, повидимому, в первый раз в этой работе принимали участие не только военные, но и другие представители французского правительства».

Бьюкенен в своих мемуарах пишет: «Сазонов не раз указывал в наших беседах во время балканского кризиса, что Германия и Австрия были союзниками, а Англия и Россия только друзьями. Россия, уверял он, не боится Австрии, но она должна одновременно считаться и с Германией. Если же Германия поддержит Австрию, то Франция станет на сторону России, но никому неизвестно, как поступит Англия».

Эта неуверенность в нашей позиции, — поясняет откровенно дипломат,— и побуждала Германию обострять положение».

Из доклада Сазонова известно, что *Германия* боялась быть втянутой в европейскую войну из-за Балкан. Мы также знаем, что Берлин делал попытки договориться отдельно с Англией и Францией, а затем Пурталес повторил свою «пробу сил» по образцу 1909 года, но встретил резкий отпор со стороны Сазонова.

Бывший сербский посол в Берлине Богаевич свидетельствует со спокойной совестью, что уже в октябре 1912 года главной целью Германии при окончании балканской войны было поддержание мира в Европе.

В беседе с ним в ноябре этого года Кидерлен-Вехтер, статс-секретарь по иностранным делам Германии, высказывал мнение, что балканская война является лишь первым этапом грандиозного русского плана установления славянской гегемонии на Балканах, и вся политика Сербии в Адриатическом вопросе — дело рук России. Едва ли Австрия может долго выносить провокационные выпады Сербии, и отношения этих государств все более и более обостряются.

По мнению Кидерлена, высказанному им позднее, едва ли вообще удастся поддержать европейский мир, так как Германия не верит в искренность политики Франции. Он надеется, что каждый из государственных людей тройственного согласия все же сознает свою ответственность за решение нарушить мир, ибо ему должны быть понятны ужасные последствия европейской войны.

Богаевич говорит, что со смертью Кидерлена, в конце декабря 1912 года, его преемник Ягов также преследовал мирные цели и в отдельных вопросах настолько оказывал давление на Вену, что там, расшаркиваясь с кислой миной, вынуждены были следовать советам союзника.

Богаевич предполагает, что если бы Германия хотела войны, то политическое и военное положение для нее в конце 1912 года было гораздо благоприятнее, чем в июле-августе 1914 года.

Иначе об этом думали в самом Берлине. Русский посол в Берлине Свербеев в своем письме от 17/30 января 1913 года к Сазонову так обрисовал

берлинские настроения: «Чем более здесь присматриваюсь и прислушиваюсь, тем более я прихожу к заключениям, что в Берлине во что бы то ни стало хотят избежать войны и что в Вене это, по всей вероятности, ясно дали понять. На-днях мне было сообщено доверительным образом, что в бытность здесь эрц-герцога Франца-Фердинанда обсуждался вопрос о возможности военного столкновения с Россией и Францией и что германское правительство высказывало, будто бы, при этом убеждение, что благоприятный исход этой борьбы представляется теперь крайне сомнительным ввиду той военной подготовки, которая замечается в России за эти последние годы. С другой стороны, и французская армия, по отзывам самих французов, давно уже не была на теперешней своей высоте. Что касается Англии, то Германия, повидимому, далеко не уверена в ее нейтралитете».

«Отдавая себе ясный отчет во всем этом и зная также, что война с Австрией и Германией в настоящую минуту встречена была бы с воодушевлением не только общественным мнением России, но даже и в самой Франции, — заканчивает письмо Свербеев, — германскому правительству поневоле приходится призадуматься, тем более, что даже в случае окончательного ее успеха немецкой торговле грозило бы, в случае участия в войне Англии, полное разорение. Тем не менее, считаю долгом засвидетельствовать, что озабоченная возможностью укрепления балканского союза с Россией во главе, Германия стоит во всеоружии, дабы противопоставить единению славянства столь же единодушный отпор со стороны сплоченного германизма».

Действительно, в ноябре был принят в Германии новый закон об увеличении армии, канцлер в рейхстаге произнес воинственную речь, давая заверение Австрии в поддержке, и в то же время велись переговоры о нейтралитете Англии в случае европейской войны.

Наконец, начальником германского генерального штаба в декабре был представлен доклад, который так взвинтил Пуанкаре. Едва ли, конечно, можно пройти мимо этого документа, не рассмотрев его, почему мы и обратимся к творению германского генерального штаба.

От Пуанкаре мы слышали, что в конце 1912 года виновником агрессивной политики в Европе была Германия, а в ней раздувал факел войны генеральный штаб и, в частности, начальник его оперативного отделения Людендорф.

Этот человек, чье имя ныне известно всем, уже в те времена оказывался настолько опасной фигурой для европейского мира, что им интересовались политики не только в своей стране, но и за границей. Правда, первые шаги по лестнице популярности для полковника генерального штаба были довольно неудачны, ибо кончились тем, что пришлось соскользнуть из большого генерального штаба на скромную должность командира пехотной бригады. Мы уже говорили об этом и не стали бы повторяться, если бы не то значение, какое даже ныне придается докладу начальника генерального штаба Германии от 12 декабря 1912 года об увеличении армии, автором которого был Людендорф.

Мы знаем, что сам Мольтке находился в раздумьи перед будущим Германии, когда «балканские собаченки» начнут лаять. Этими думами был охвачен и молодой Людендорф, писавший в тиши кабинета доклад с предложением усиления армии.

Первая часть доклада Мольтке трактует о военном положении Германии.

«Вооруженное столкновение между двумя великими военными державами, благодаря взаимным договорам, вызовет всеобщую европейскую войну», — так начальник генерального штаба начинал свой доклад.

Затем автор доклада рассматривает, какие государства противостанут друг другу, и говорит, что «против сил тройственного согласия тройственный союз располагает всей германской армией и флотом, а также, за соответствующим исключением, сухопутными и морскими силами Австро-Венгрии, Италии и Румынии».

Указав на то, что Австрия вынуждена будет выделить часть сил против Сербии, Румыния — против Болгарии, а Италия связана «в направлении, не имеющем ничего общего с крупными политическими целями тройственного союза», — автор доклада предполагает это учитывать при подсчете сил.

«В настоящее время тройственный союз бесспорно является надежным союзом государств весьма большого политического значения», — говорится в докладе, и в дальнейшем рассматриваются те силы, которые могут выставить союзники и на самом деле развернуть.

Австро-Венгрия, хотя бы ради собственного существования, выставит против России все свои силы, поскольку они не будут отвлечены тем или другим балканским государством»; против Италии, вследствие наступившего сближения по албанскому вопросу, Австрия может ничего не оставлять.

«Причиной участия Италии в войне будет не борьба за существование, как для Германии и Австрии, а исключительно принятые ею на себя, в силу существующих договоров, обязательства. Поэтому, естественно, едва ли возможно будет безусловно рассчитывать на полное использование ею своих вооруженных сил. Она будет придерживаться осторожного образа действий, выжидая, как сложится обстановка по ту сторону Альп, дабы быть в состоянии избегнуть излишних потерь в том случае, если оба ее союзника понесут поражение».

«Изложенное находит себе подтверждение в тех разговорах, которые я вел последнее время с командированным сюда представителем итальянского генерального штаба. Италия, под разными предлогами, вопреки тому, что было уже несколько лет назад нами разработано, не отправит свою третью армию на верхнее течение Рейна». Не верит составитель доклада и в долгую дружбу Австрии с Италией, так как с решением балканского вопроса вновь возникает вражда этих государств. «Если только, — говорится в докладе, — балканский вопрос не разрешится полной победой Австрии, политической и моральной, — это будет для тройственного союза большим уроном в смысле престижа, для Австрии же, в частности, последствием явится непоправимое ее ослабление. Империя неминуемо подвергнется внутреннему распаду, чего нельзя никогда упускать из виду».

«Тройственный союз был заключен, как союз оборонительный, и таит в себе все присущие ему слабости. В том случае, если какое-либо из входящих в него государств подвергнется нападению, оба остальные обязаны выступить на его защиту; другими словами, они, не подвергшись сами нападению, будут вынуждены ввязаться в войну, которой народ, весьма вероятно, не будет ни желать, ни понимать. Только в том случае, если весь народ проникнется сознанием, что ущерб союзника угрожает его собствен-

ным интересам, он будет способен на самопожертвование, столь необходимое теперь всякому государству для энергичного ведения войны, так как кабинетных войн никто больше не захочет».

«Тройственное согласие, точно так же, как и тройственный союз, считает себя оборонительным союзом. Однако, в то время, как у последнего действительно оборона положена в основание, у тройственного согласия отмечаются сильные агрессивные тенденции, т. е. положительные цели, к достижению коих будут стремиться входящие в его состав державы».

Далее перечисляются эти цели.

«Россия преисполнена понятным желанием, после разгрома Австрии, стать в Европе первым славянским государством и при помощи Сербии открыть себе дорогу к Адриатическому морю. Австрия из чисто оборонительных побуждений должна этому воспрепятствовать».

«Франция стремится возвратить себе потерянные провинции и дать реванш за поражения 1870 года. Германия же, наоборот, желает лишь обеспечить свои настоящие владения».

«Англия стремится, при помощи своих союзников, освободиться от кошмара германского мирового могущества. Германия не помышляет об уничтожении английского флота, и в этом отношении она преследует лишь чисто оборонительные цели».

«Таким образом, — приходит к выводу автор доклада, — мы видим агрессивные цели с одной стороны и оборонительные — с другой. А это, в случае войны, придает большую внутреннюю силу тройственному согласию, по сравнению с таковой у тройственного союза, так как стремление к определенным целям или, другими словами, наступление, по самой своей природе, предопределяет в области политики, — точно так же, как и при ведении войны, — наиболее сильный образ действий».

«Сущность тройственного союза не только для современного политического напряженного положения, но и на довольно продолжительное будущее может быть охарактеризована вкратце так: наиболее угрожаемым в политическом отношении из трех его контрагентов является Австрия, в военном — Германия, наименее заинтересована в политическом и военном отношении Италия. В случае войны не подлежит никакому сомнению, что главная тяжесть ляжет на плечи окруженной с трех сторон Германии».

«Несмотря на это, — говорится в докладе, — мы, если удастся, так сформируем casus belli, что весь народ, как один человек, с воодушевлением возьмется за оружие, что при современном положении позволяет нам с уверенностью взирать на наши серьезные задачи. Однако, численность нашей армии, — принимая во внимание количество способного носить оружие мужского населения, — далеко не соответствует тому, что может выставить государство. Вот почему сила ее недостаточна для разрешения задач, кои на ее долю выпадут».

Ныне это место доклада о формулировке причин войны Людендорф сопровождает следующим примечанием: «Генерала Мольтке озабочивала возможность преждевременных шагов со стороны Австро-Венгрии, которые вынудят вмешаться и нас, без того, чтобы это касалось наших жизненных интересов. К тому же ген. Мольтке был невысокого мнения о нашей дипломатии, сомневаясь, чтобы она в критический момент была на месте».

В дальнейшем в докладе указывается: «Если политическая обстановка не изменится, Германия, благодаря своему центральному положению, будет вынуждена вести войну на несколько фронтов, и мы будем вынуждены обороняться на одном фронте, чтобы действовать наступательно на другом».

«Наступательный образ действий возможен только против Франции, так как здесь можно ожидать скорого решения, в то время как наступательная война против России затянется на неопределенное время. Однако наступление против Франции потребует нарушения нейтралитета Бельгии».

Докладывая, что в последнем случае придется иметь дело с бельгийскими войсками и с экспедиционным корпусом англичан, автор доклада отмечает, что в то же время «помощь Италии не пойдет дальше того, чтобы отвлечь слабые французские силы на альпийской границе».

«Другими словами, Германия предоставлена самой себе, а раз так, то избытка в силах не будет».

Переходя к сравнению цифр, характеризующих вооруженные силы обеих сторон, и выяснению, насколько Германия уступает своим вероятным противникам, составитель доклада, однако, учитывает превосходство германской армии в артиллерии над Францией, отсталость России в реорганизации армии, снабжении и вооружении. Франция может догнать Германию в подготовке, ибо «вопрос только за деньгами». Что же касается России, то «тройственному союзу теперь нечего бояться вооруженного столкновения с ней». «Но всякий, смотрящий вперед, должен считаться с тем, что, тратя огромные суммы на поднятие состояния своей армии, Россия будет с каждым годом все более усиливаться. Точно так же, как Германия не может стремиться превзойти Англию в морском могуществе, не может она надеяться перегнать Россию, как силу сухопутную».

«Но, конечно, — продолжает докладчик, — нельзя опять-таки не использовать всех находящихся в нашем распоряжении средств, дабы удержать Германию на занятом ею по отношению к своим соседям положении, ожидая, чтобы последние сравнялись с нами в отношении вооруженной силы и продолжали еще более усиливаться».

Указав, что опасность грозит восточным провинциям, могущим подвергнуться вторжению, и что для прикрытия их «весьма важно усилить здесь наши войска и повысить боевую готовность крепостей», автор доклада говорит: «Мне думается, что я с достаточной полнотой осветил необходимость усиления наших вооруженных сил и улучшения нашей обороны. Этого настойчиво требует политическая обстановка. Конечно, выполнение всех перечисленных требований, более подробно рассматриваемых во второй части доклада, вызовет большие личные и имущественные жертвы со стороны населения, но они далеко уступают тем жертвам, которые нам пришлось бы принести в случае проигрыша войны».

Перечислив вкратце все те большие жертвы, кои несут соседи Германии в развитии своих вооруженных сил, автор доклада вновь повторяет: «Германия также должна принести жертвы. Программа, излагаемая во второй части доклада, удовлетворяющая самым необходимым требованиям, должна быть проведена с полной энергией, дабы Германия своими собственными силами могла в будущем предоставить в распоряжение правительства силу, опираясь на которую оно было бы всегда во всеоружии».

Мы не будем касаться второй части доклада, как чисто технической, ибо к ней вернемся в свое время.

Вот тот доклад за подписью «фон-Мольтке», автором которого был Людендорф, что тогда же было признано самим начальником генерального штаба, — доклад, содержание коего так напугало Францию и вызвало ответный с ее стороны шаг по пути усиления готовности своей армии.

На основании этого доклада ныне Пуанкаре приписывает Германии *агрессивные тенденции* в то время, как составители доклада эти же тенденции находили у всего тройственного согласия, в частности — у Франции, а сущностью тройственного союза считали *оборону*. Одним словом, с обеих сторон шла спекуляция на «обороне» государства. Принцип этот был приятен для политики и признавался правильным стратегией в области внешних отношений.

Из цитированного доклада мы видим, что Мольтке не возлагал больших надежд на активное выступление Италии.

Италия на этот раз решила поддержать тройственный союз. Договорившись с Веной о разделе Санджака между Сербией и Черногорией, Италия заняла резко отрицательную позицию в передаче Сербии порта на Адриатическом море.

20 ноября Извольский доносил Сазонову, что итальянский посол заявил Пуанкаре о поддержке, даже вооруженной, Италией Австрии в вопросе о сербском порте на основании договора 1900 года, который заключен раньше соглашения Италии с Францией и Россией, а поэтому считается действующим.

Пуанкаре был сильно встревожен таким решением Рима и, в свою очередь, сообщил итальянскому премьеру, что Франция окажет вооруженную поддержку России в ее войне с Австрией и Германией.

Одновременно Извольский просил Сазонова разрешить ознакомить Пуанкаре с содержанием русско-итальянского соглашения. Сазонов дал согласие для ознакомления «только лично Пуанкаре, от которого, — как писал Сазонов, — мы ожидаем обещания умолчать об этом не только в совете французских министров, но даже перед ближайшими его помощниками», и в обмен за сообщение франко-итальянского соглашения.

5 декабря Извольский сообщил: «Обоюдное сообщение состоялось сегодня, сообразно с вашими указаниями, с глазу на глаз, в устной форме и без всякой передачи какого бы то ни было письменного изложения».

Текст обоих соглашений давал возможность Италии всегда истолковать их в свою пользу, и в случае столкновения России с Австрией и Германией, по мнению французского министра иностранных дел, Италия истолкует «отрицательным образом свое обязательство нейтралитета».

«В общем, здесь думают, — писал в другом письме Извольский, — что на лойяльность Италии не может рассчитывать ни тройственное согласие, ни тройственный союз, что итальянское правительство приложит все старания к сохранению мира, а в случае войны начнет с того, что займет выжидательное положение и затем примкнет к той стороне, на которой окажется победа. Впрочем, по мнению военных, в начале кампании, при нынешнем отсутствии военной готовности Италии на французской границе, судьба войны решится прежде, нежели Италия успеет сосредоточить серьезные силы про-

тив Франции. Поэтому, с чисто военной точки зрения, французское правительство не придает первостепенного значения положению, которое займет Италия при начале военных событий».

Двусмысленная политика Италии настолько вызвала подозрения, что 3/16 января 1913 года из Парижа Сазонову доносили: «Франция считает необходимым быть весьма осторожной в своих сношениях с Италией и не поверять ей ничего секретного».

Что же послужило отчуждению Италии от тройственного согласия? Ответ на это дает тот же Извольский в письме от 28 февраля (13 марта) 1913 года, в котором, говоря о последней речи в парламенте итальянского премьера и появившихся в римской прессе статьях, комментирующих произнесенную речь, он указывает, что «Франция подозревается в намерении утвердить свое безраздельное владычество над Средиземным морем». Премьер «вместе с тем умышленно обошел вопрос о занятых Италией островах Архипелага и, тем самым, подал повод думать, что итальянское правительство имеет намерение воспользоваться обстоятельствами, чтобы окончательно завладеть ими». Мнение министра иностранных дел Франции по этому поводу было таково:

«Осуществление подобного намерения встретится с энергичным противодействием со стороны Франции и Англии... Италия более чем когда-либо тяготеет к тройственному союзу и слепо слушается приказаний, исходящих из Берлина».

Ныне не подлежит, конечно, никакому сомнению, что националистические круги Сербии уже давно лелеяли сокровенную мысль о присоединении Боснии и Герцеговины к сербскому королевству. Однако, было ясно, что добыть силой оружия эти провинции без помощи России было нельзя. Австрия была сильна. Нужно было сначала усилиться за счет умирающей Турции и не дать болгарам получить перевес в Македонии.

Богаевич, бывший сербский посланник в Берлине, в книге «Причины войны» приводит свой разговор с наследником Александром, который поведал, что уже при заключении договора о балканской федерации Николай II заявил ему, что в скором времени можно будет говорить о войне между Сербией и Австрией. В августе же 1913 года сербский министр иностранных дел Пашич говорил Богаевичу: «Во время первой балканской войны можно было завоевать Боснию и Герцеговину, что привело бы к европейской войне, но так как я боялся, что мы (сербы) вынуждены будем тогда сделать болгарам большие уступки в Македонии, то я хотел сначала обеспечить за Сербией владение Македонией, а затем уже перейти к завоеванию Боснии и Герцеговины».

Черногория, в лице ее правительства, направила все усилия на овладение Скутари, дабы включить этот важный город Албании в свои пределы, и не прочь была поторговаться с венскими дипломатами и Петербургом, имея в виду оказаться на стороне того, кто дороже заплатит.

Болгария, с одной стороны, еще не достигла целей войны, — Адрианополь упорно удерживался турками, — а с другой, была не только обеспокоена предстоящим дележом Македонии, но и вынуждена охранять собственную территорию от возможных покушений румын.

Чтобы покончить с политической деятельностью Конрада в должности

армейского инспектора, а попутно ознакомиться и с политикой Румынии, мы кратко рассмотрим его путешествие в Румынию.

Цель этой миссии — удержать Румынию как союзника в случае войны с Россией, а потому постараться сгладить ее отношения с Болгарией и добиться письменного военного соглашения с Австро-Венгрией.

В середине ноября Конрад был вызван к Францу-Фердинанду, который и предложил ему отправиться в Бухарест под самым невинным предлогом передачи личного письма Франца-Иосифа к Карлу с соболезнованием по случаю смерти какой-то троюродной бабушки.

Хотя поездка имела, главным образом, военное значение, но она была возложена не на начальника генерального штаба, дабы не возбуждать различных толков, а именно на Конрада.

17 ноября Конрад получил от Берхтольда нижеследующие устные и письменные указания:

1) Передать письмо Карлу от Франца-Иосифа.

2) Заверить, что в современной обстановке румынские интересы будут поддерживаться Австро-Венгрией.

3) Сообщить об интервью с болгарским премьером Даневым, который заверяет, что Болгария желает заключить предварительный мирный договор и было бы хорошо, если бы Румыния была настроена дружественно к Болгарии.

4) Строго доверительно указать, что желательно возобновление тройственного союза (договор с Румынией возобновлялся через три года и кончался 25 июля 1913 года), равно как выразить надежду, что союз будет вообще и впредь продолжен.

5) Сообщить о военной подготовке Австрии и попытаться установить с Румынией военные обязательства, аналогичные с германскими, и, если удастся, то добиться письменного соглашения.

В беседе с Карлом выяснилось, что Румыния не склонна воздействовать на Турцию для быстрого окончания войны; она охотно возобновит тройственный союз, но скептически относится к Италии.

Когда Конрад перевел разговор на военные приготовления к возможной войне с Россией, то Карл указал на ведущуюся и Румынией подготовку к этой войне, о чем с Конрадом в деталях переговорит начальник генерального штаба Авереску. Конрад узнал, что 14 дивизий из всех 15 дивизий армии развертываются в районе Галац — Бырлат — Немолосса — Фокшаны и севернее, против Роман, сосредоточивается только IV корпус. На пожелание Конрада перетянуть сосредоточение более к северу Карл ответил отказом и указал, что румынская армия в определенном районе сосредоточивается на 10-й день и начнет оттуда наступление, имея против себя VII и VIII русские корпуса и часть III Кавказского корпуса.

На предложение Конрада вести совместную подготовку к войне, аналогично тому, как это делается с Германией, и письменно закрепить обоюдные обязательства, Карл ответил, что об этом Конрад подробно договорится с Аверескy.

Перейдя к союзническим обязательствам, Карл раскрыл Конраду, что Италия обещала прислать Румынии, как поддержку, одну дивизию, а по другой версии 40 000 человек, и так как море не свободно, то перевозка этой

дивизии должна быть произведена через Австрию. Сведения об этом Карлом были получены от итальянского посланника. Конрад оказался не ориентированным в этом вопросе.

В дальнейшем разговор перешел на общеполитическое положение, при чем Конрад перечислил своему собеседнику минимальные требования Австрии: автономия Албании; исключение всякой возможности предоставить гавань Сербии на Адриатическом берегу; Сербия пользуется «вольной» гаванью, наподобие Гамбурга, к которой Сербия может построить дорогу. Такой гаванью может быть или один из далматских портов, или Антивари, или, в крайнем случае, С. Джиованни ди Медуя, но, конечно, без права территориального владения.

По поводу заявления Конрада, что Сербию в ее требованиях предоставления порта в собственность может поддержать Россия и довести дело до вооруженного конфликта, Карл выразил сомнение в этом, указав, что едва ли Россия затеет войну.

Когда Конрад заговорил о солидарных действиях Германии, Австрии и Румынии, а равно и Болгарии, в случае совместного выступления Сербии и России, Карл ответил указанием, что это вполне соответствует его политическим целям и румынское правительство пытается установить дружеские отношения с Болгарией, но, конечно, с известной компенсацией со стороны последней.

Разговор Конрада с министром-президентом, обеспокоенным тем, что, может быть, король проговорился или слишком далеко зашел в своих обещаниях, был более умеренного тона. Резюме министра-президента было таково, что *при нападении на Австрию* Румыния выполнит свои союзнические обязательства, но не окажет помощи, *если Австрия будет нападающей стороной.*

30 ноября состоялось совещание Конрада с начальником румынского генерального штаба по военным вопросам, которое закончилось подписанием выработанного плана развертывания румынской армии и ее ближайших целей, о чем мы скажем подробно в своем месте.

В этот же день Конрад снова имел беседу с министром-президентом, который в ответ на твердое заявление Конрада о необходимости показать России, что тройственный союз с оружием в руках будет защищать свои права, старался внушить Конраду, что хорошо было бы все это покончить миролюбиво.

В тот же день Конрад отбыл в Вену.

Таково содержание отчета Конрада, представленного Францу-Иосифу, Францу-Фердинанду и Берхтольду, у которых, кроме того, он имел и личный доклад.

Независимо от доклада, Конрад ходатайствовал: 1) о преподании указаний послу в Бухаресте по заключению военной конвенции; 2) о принятии на льготных условиях на австрийских заводах румынского заказа на оружие; 3) о рассмотрении предложения начальника отдела министерства торговли о заключении торгового договора с Румынией. Наследнику Конрадом был передан подписанный Авереску предварительный план развертывания румынской армии.

Хотя Конрад и высоко расценивает результаты своей поездки в Буха-

рест, однако, беспристрастно относясь к ней, мы должны понизить ее ценность. Румыния, вернее Карл, была на стороне тройственного союза, но в то же время ее тревожила болгарская граница.

Так, к концу 1912 года Европа снова вошла в полосу кризисов. Накопившиеся за последние годы противоречия между государствами снова вели их к европейскому столкновению. В Лондоне собралась конференция послов для прекращения кровопролития на Балканах, а вместе с тем, и поддержания мира в Европе. Это была последняя попытка дипломатов договориться об общих линиях политического поведения государств, последнее совещание перед наступавшими «сумерками» Европы.

Вспыхнувшая на Балканах война постепенно потухала, и лишь кое-где еще гремели орудия, напоминая о том, что это не последние еще раскаты военной грозы, а лишь временная передышка перед новыми войнами, гораздо более кровопролитными, чем только-что отзвучавшая первая балканская война.

Предстоял дележ завоеванной добычи...

ГЛАВА VII

КОНРАД СНОВА НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Назначение Конрада начальником генерального штаба. — Его думы о новом назначении. — Возобновление тройственного союза 7 декабря 1912 года. — Доклад Конрада 14 декабря 1912 года. — Необходимость войны с Сербией. — Приветственное письмо Берхтольда и ответ Конрада. — Оценка назначения Конрада за границей: победа военной партии в Вене. — Письма Конрада Берхтольду о необходимости войны с Сербией и протест против нейтральной Албании. — Указания Конрада военным агентам от 30 декабря о желательности войны с Сербией. — Конрад хлопочет о переброске военной флотилии из Дуная в Саву. — Неготовность австрийской армии и протест против этого Конрада. — Совет Конрада Берхтольду 9 января 1913 года — выяснить позицию Германии. — Сведения министерства иностранных дел о настроениях в Берлине. — Беседы Конрада с итальянским и румынским военными агентами. — Мемуар Конрада на 1913 год. — Необходимость войны с Сербией. — Германия рано или поздно должна будет оружием решить восточный вопрос. — Политическая подготовка к войне с Сербией. — Соотношение военных сил тройственного союза и Антанты. — Взгляд Конрада на деятельность военных агентов и его указания им. — Переписка с румынским начальником генерального штаба. — Письмо Конрада к Берхтольду от 27 января 1913 года: опасение войны с Россией и «могильщики» Австро-Венгрии. — Январь 1913 года в политической жизни Европы. — Письмо Франца-Иосифа в Петербург от 1 февраля. — Конрад хлопочет о переброске артиллерии в Землин. — Конрад о желательном начале войны не ранее 1 марта. — Отправка оружия албанцам и переписка об этом Берхтольда с Конрадом. — Оценка Берхтольдом Румынии. — Конрад на стороне Румынии. — Обмен письмами с Граничано. — Переписка Конрада с Мольтке в феврале 1913 года. — «Судьба Австрии будет решена не на Буге, а на Сене» (Мольтке). — Мольтке за мирное разрешение австро-сербской распри: в последней нет лозунгов для подъема германского народа на войну. — Мольтке «также не политик», но видит в европейской войне борьбу германизма со славянством». — Нападение должно исходить от славян. — Конрад не согласен с Мольтке о направлении всех сил против Франции. — «Общие» интересы требуют выигрыша первого сражения с Россией. — Трудности в принятии решения вести войну. — Конрад против национальной войны. — Письмо военного агента из Берлина о беседе с Мольтке. — Вильгельм не хочет вести войны «ради пары албанских городов». — Прибытие в Вену начальника оперативного бюро Монтонари и беседы с ним Конрада. — Донесения военного агента из Рима: женская политика. — Доклады военного агента из Петербурга о необходимости демобилизации Австрии. — Берхтольд против войны с Россией. — Миролюбие Франца-Фердинанда. — Демобилизация Австрии и России. — Переговоры о мире балканского союза с Турцией. — Вопрос о Скутари. — Предложения Конрада о войне с Сербией и Черногорией. — «Войну следует вести всеми силами, а не половинными мерами» (Конрад). — Сдержанность Германии и настойчивость Италии в вопросе о Скутари. — Указания Франца-Фердинанда Конраду не влиять на Берхтольда и ответ Конрада. — Инцидент с пароходом «Шкодра» и предложения Конрада. — Отправка военных судов в Катарро. — Конрад непрерывно настаивает на войне с Черногорией, а затем и с Сербией. — Совещание у Берхтольда 24 марта и решение об объявлении частной мобилизации. — Участие Австрии в интернациональной морской демонстрации и неудовольствие этим Конрада. — Его предложения Берхтольду и объяснения по-

следнего сдержанности Вены. — Вопрос об острове Корфу и негодование Конрада на Германию. — Требования, предъявляемые Конрадом Германии. — Конрад о назревающем сербо-болгарском конфликте. — Падение Скутари 23 апреля и совещание у Берхтольда. — 26 апреля Франц-Иосиф дает разрешение на частную мобилизацию против Черногории. — 29 апреля Берхтольд ограничивает цели войны. — Протест Конрада и его предложение итти самостоятельным путем. — Совет министров против посылки ультиматума Черногории. — Негодование Конрада. — Уступки Черногории и оценка их политическими деятелями и Конрадом. — Лондонский договор о мире на Балканах. — Политика Берлина и огорчения Конрада. — Причины вмешательства Италии в балканские дела. — Перемена настроений в Румынии. — Россия в вопросе о Скутари. — Страхи России за Константинополь. — Сазонов о вооружениях Турции. — Боязнь Парижа европейской войны из-за Скутари. — Сдержанность Англии.

По возвращении из Бухареста, 6 декабря 1912 года, Конрад получил приказание явиться на следующий день к наследнику, при чем дружеская переписка начальника канцелярии говорила о каких-то важных решениях, кои будут приняты 7 декабря.

В 9 часов 15 минут утра 7 декабря Конрад вошел в рабочую комнату Франца-Фердинанда. «Высокая персона» в раздумьи стояла у стола, на котором были разбросаны карты различных вариантов плана войны... Наследник объяснил вызов Конрада желанием еще раз переговорить с ним по вариантам, кои за год не подверглись изменению и были творением самого Конрада. Актуальными из них казались сербо-черногорский вариант, вариант на случай войны с Россией и такой же вариант против Италии.

Затем Франц-Фердинанд совершенно неожиданно для Конрада проговорил: «Я должен сказать вам еще кое-что: вы будете снова назначены начальником генерального штаба».

Конрад, по его словам, был поражен и высказал, что такая быстрая смена только год тому назад назначенного начальника генерального штаба была бы нежелательна и незаслуженна для Шемуа (заместитель Конрада в должности начальника генерального штаба — *Б. Ш.*). Габсбург указал, что главным мотивом назначения Конрада является призыв его, как творца планов войны, в виду ее близкой возможности; что же касается Шемуа, то он будет перемещен с почетом.

Одним словом, стряслась беда, и снова ухватились за человека, который был год тому назад признан вредным для мирной работы. Правда, явление это — обычное и встречавшееся на берегах не одного только Дуная, а кое-где и на других реках.

В тот же день Конрад был дважды призван к Францу-Иосифу, «милостиво» принят, получил назначение начальником генерального штаба, отстоял отставку своего друга, военного министра Ауффенберга, выхлопотав назначение его армейским инспектором.

12 декабря последовал приказ о новом назначении Конрада.

«Я возвратился с доклада,— пишет Конрад,— с ощущением тяжелой ноши, взваленной снова на мои плечи, с мрачным предчувствием, что после того как были упущены благоприятные моменты для проявления инициативы монархия оказалась в положении, в котором ее участь зависела более от воли ее врагов, чем от ее собственной». «Не веселая картина в будущем!»— восклицает Конрад.

«Снова судьба тяжело вторгнулась в мою жизнь, — продолжает вновь

назначенный начальник штаба, — неохотно я расстался со своею должностью (армейского инспектора — *Б. Ш.*), с своим только год тому назад занятым кабинетом».

Новая работа в должности начальника генерального штаба у Конрада началась с ориентировки в том, что произошло за год его отсутствия из генерального штаба, особенно в чисто военных вопросах, в частности в состоянии австро-венгерской армии. Мы не будем подробно знакомить с ходом этой ориентировки, ибо уже отчасти познакомили с ней в предыдущей главе.

Конрад указывает, что свои взгляды, высказанные в представлявшихся им записках и дополнениях к ним в октябре и ноябре 1912 года, он принес с собой и на новую должность.

7 декабря произошло другое политическое событие: *был возобновлен тройственный союз*, хотя срок его истекал только в 1914 году. Возобновлению был придан характер гласности и, пожалуй, демонстрации.

14 декабря новый начальник генерального штаба представил доклад, начиная его словами: «Будучи назначен начальником генерального штаба, я считаю своей первой обязанностью отдать себе ясный отчет в том положении, в каком находится монархия».

Это положение определяется современной балканской войной.

«Сербия, как самостоятельное государство, была и является ныне главной опасностью для монархии», — выводит заключение Конрад.

Исходя из того, что объединение южных славян должно неизбежно произойти, Конрад говорит, что вопрос может быть решен или *включением этих славян в состав монархии за счет самостоятельности Сербии, или, наоборот, объединением их под эгидой Сербии за счет монархии.*

В последнем случае монархия потеряет юго-славянские области и почти все побережье, а вместе с потерей престижа все это сведет монархию к роли малого государства.

Обстановка для монархии ныне слагается хуже и с каждым годом будет еще более ухудшаться, ибо: 1) Сербия усиливается территориально и в военном отношении; 2) агитация сербов в юго-восточных областях монархии будет развиваться более успешно; 3) Россия усиливается в военном отношении и 4) в Румынии обстановка может сложиться так, что поставит под вопрос дружественные связи с Австрией.

«Если монархия хочет решить жизненный для нее вопрос, — категорически заявляет начальник генерального штаба, — то самым целесообразным будет теперь же объявить войну Сербии».

Разбор военной обстановки приводит Конрада к заключению, что со стороны Сербии, в распоряжении которой находится уже мобилизованная армия, окрыленная только-что достигнутыми успехами над турками, следует ожидать нападения. Если бы в этом сербы имели успех, то он оказал бы большое влияние на южных славян монархии и на общую политическую обстановку. В этих видах начальник штаба предлагает: 1) *проявить в войне инициативу со стороны монархии и* 2) *быть в полной готовности для парирования инициативы Сербии.* Необходимо для войны с Сербией теперь же мобилизовать силы, секретно их сосредоточить и провести все необходимые мероприятия для предотвращения нападения сербов.

К этому докладу Конрад прилагает соображения по сосредоточению сил против Сербии и особо ходатайствует о включении в состав этих сил III корпуса.

15 декабря 1912 года новый начальник генерального штаба получил от министра иностранных дел Берхтольда приветственное письмо, которое начиналось выражением той «живой радости», с которой Берхтольд встретил весть о назначении Конрада.

«Я не сомневаюсь в том, — писал Берхтольд, — что в вас я найду самого искреннего сотрудника по службе в интересах династии и отечества в то тяжелое время, какое мы ныне переживаем».

Конрад тотчас же отвечал благодарностью и заверял, что он счастлив, что такое ответственное министерство, как иностранных дел, находится в руках Берхтольда и обещал со своей стороны на пользу дела приложить все силы.

На первом докладе Конрада у Франца-Иосифа, состоявшемся 16 декабря, было затронуто и общее политическое положение. Старый Габсбург сознавал чрезвычайно тяжелое внешнее положение Австрии, но надеялся, однако, разрешить его мирным путем.

Мы ранее отмечали, что в политической обстановке Конрад ориентировался не только министром иностранных дел, но и военными атташе, подчиненными начальнику генерального штаба; это были его глаза и уши за границей.

Военный агент из Парижа, в своем донесении от 18 декабря, сообщал, между прочим, Конраду оценку его назначения начальником генерального штаба, сделанную за границей. Она была вполне определена: приход Конрада в генеральный штаб расценивался как победа военной партии в Вене. По личным воспоминаниям автора этого труда, русский генеральный штаб также смотрел на появление Конрада в прежней его роли начальника генерального штаба, как на признак близкой войны.

Обрисовывая политическую ситуацию, военный агент признавал положение серьезным и считал, что если Австрия обрушится на Сербию, то Россия едва ли останется нейтральной, а тогда выступят Франция, Германия, Италия и Англия, пока выжидающие. Одним словом, грозила разразиться мировая схватка, и Германия, по наблюдениям военного атташе, была очень обеспокоена этим.

Другой военный агент, Шептицкий, известный ныне, по нашей войне с поляками в 1920 году, в роли командующего фронтом в польской армии, в донесениях из Рима обрисовал позицию Италии как официально дружественную, на которую это государство вынуждено встать вследствие военной и финансовой слабости за время итало-турецкой войны.

16 декабря Конрад встретился с Берхтольдом и, по обычаю важнейшие разговоры фиксировать на бумаге, 23 декабря направил письмо к министру иностранных дел.

Послание начиналось грозным указанием на те результаты, к которым может привести выжидательная, чисто мирная политика Австрии в балканском кризисе. Эти результаты заключались: 1) в потере престижа, в ослаблении политической и экономической мощи монархии; 2) в подрыве у союзных государств веры в силу монархии; 3) в возрастающей активности

противников, главным образом — Сербии; 4) в росте революционных настроений в сербских областях монархии; 5) в падении патриотизма у остальных народностей государства вследствие видимой слабости монархии; 6) в падении воинского духа и в утрате веры в собственные силы в армии; 7) в унынии в офицерском корпусе; 8) в опасности потерять юго-восточные области и побережье; 9) в утрате экономического благосостояния частных предприятий и всего государства в целом вследствие продолжающегося кризиса.

«Единственный способ избежать такого падения, — пишет Конрад, — это нанести военное поражение Сербии, не оглядываясь на возможные последствия нападения, а исходя из того, что дальнейшая пассивность ведет к неуклонному падению монархии, в то время как активные шаги дадут лишь одни преимущества».

«Если бы монархия, — продолжает Конрад, — не решилась ныне на войну, то ее все же в ближайшее время придется вести и при более неблагоприятных обстоятельствах».

Конрад видит разрешение не в достижении тех или иных выгод в вопросе о гавани для Сербии или в албанском вопросе, но, главным образом, в том, чтобы покончить с Сербией. Это должно составить главную цель для монархии.

Если Австрия встанет на мирный путь, то это поведет к усилению Сербии и Черногории, а потому в будущем придется вести войну на три фронта.

Угроза приближающейся войны говорит ясно за необходимость развития вооруженных сил монархии и подготовки их к войне, а для этого нужно ассигнование средств. Кроме того, задачей дипломатии должно быть изолирование одного из трех противников, — России, Сербии с союзниками или Италии, — и удержание Румынии в союзе.

Следует иметь в виду, — предупреждает Конрад, — что если военное могущество Сербии не будет ныне уничтожено, то повысятся требования к материальным жертвам со стороны монархии.

Отчеты военных агентов о заседаниях лондонской конференции и о положении на самых Балканах вынудили начальника генерального штаба 24 и 25 декабря препроводить два письма Берхтольду.

В них он предлагает пойти на соглашение с Черногорией и протестует против выдвигаемого австрийским послом в Лондоне предложения объявить Албанию *нейтральной*, а не *автономной* страной. Первое вызывалось необходимостью сосредоточения сил против главных противников, а второе давало Конраду надежды в будущем албанской армией в 120-150 тысяч человек угрожать тылу Сербии и Черногории.

26 декабря Берхтольд ответил Конраду на оба письма. Сущность ответа сводилась к тому, что венские дипломаты в заигрывании Черногории видели лишь ее желание получить Скутари, на что Вена пойти не могла. Что касается нейтрализации Албании, то Берхтольд считал это первым шагом к дальнейшей самостоятельности этой страны.

30 декабря Конрад представляет наследнику краткий доклад, предваряя в начале его, что по обычаю прежних лет им составляется подробный ежегодный мемуар.

Мы не будем излагать этого документа, ибо он, по существу, являлся повторением письма к Берхтольду.

Причина, вызвавшая представление этого доклада, повидимому, была та, что Конрад не был уверен в склонности Франца-Фердинанда к войне. Скорее казалось, что под влиянием Берлина молодой Габсбург, живо относящийся к подготовке к войне, стремился все же ее избежать.

Несмотря на то, что Франц-Иосиф и Франц-Фердинанд, равно как и Берхтольд, стремились мирно выйти из тяжелого положения, Конрад был противоположного суждения по этому вопросу и в своей ориентировке военным агентам в Лондоне и Петербурге от 30 декабря указывал, что включение Скутари в Черногорию, а также всякое изменение границ Албании и переход хотя бы части ее территории в чужие руки для Австрии неприемлемы.

«Строго доверительно сообщаю, — писал Конрад, — что, исключительно по моему личному мнению, вооруженное столкновение с Сербией было бы единственно правильным и верным разрешением вопроса».

2 января 1913 года новый начальник генерального штаба явился к молодому Габсбургу.

Конрад обратил внимание последнего на значительное ухудшение в обстановке, когда приходится считаться не только с сербской, но и с румынской опасностью.

Затем Конрад начал настаивать на переброске в данное время военных судов из Дуная в Саву, дабы в случае войны обеспечить быстрый переход через эту реку австрийской армии. Против этого предложения, несмотря на протесты начальника штаба, возражал Берхтольд, не желавший обострять отношений с Сербией.

Франц-Фердинанд встал на точку зрения Берхтольда и указал на затруднительное положение министра иностранных дел. «Что должен делать политик, — сказал Франц-Фердинанд, — если ему в совете министров Шемуа и Ауффенберг заявили: армия не боеспособна, она хуже, чем в 1866 году!!»

«Я слышу это сегодня в первый раз», — воскликнул Конрад.

«Да, — ответил Франц-Фердинанд, — я досадую, что не был в совете министров, так как я бы это опроверг».

«Армия еще не развернута до желаемых пределов, — продолжал Конрад, — она ныне имеет меньше шансов на победу, нежели в 1909 году, — это верно, но так же верно и то, что только ныне мы можем еще рискнуть. Конечно, не легко принять это решение, но если обстановка потребует, оно должно быть принято, дабы не опоздать».

Вопрос с переводом судов в Саву не подвинулся вперед и после лично данных Конрадом Берхтольду объяснений 9 января. Министр решительно отказывался дать согласие. Попутно Конраду пришлось разъяснить Берхтольду, что представляет собою мобилизация армии и какое время она требует для выполнения, ибо министр считал, что армия может открывать военные действия тотчас же по объявлении войны.

Когда разговор коснулся общего положения, то Конрад помечтал: «Было бы самое лучшее, если бы можно было разбить Россию, тогда можно быть спокойным на сотню лет».

«Кто знает, поддержит ли Германия? — усомнился министр.

«Необходимо это выяснить, — поучал начальник генерального штаба,— и запросить Германию. 1909 год был последним благоприятным годом, ныне же наступает, может быть, последняя возможность достичь успеха». Очертив обстановку, Конрад советовал: «Мы решительно должны рискнуть на войну».

«Результатом которой, — ответил Берхтольд, — будет только сохранение престижа!?»

«Но мы получим и Сербию», — возразил Конрад.

«Да, — продолжал Берхтольд, — но Германия, Франция, Россия и... все против нас».

«Рискнуть войной нужно теперь, — настаивал военный собеседник, — но прежде всего я прошу вас помешать Румынии выступить против нас. Желания довести дело до большой войны, мне кажется, нигде не существует. Вильгельм хорошо разбирается в обстановке, но и он сдерживается».

В заключение разговора Конрад советовал: в случае, если дело при заключении мира дойдет до войны между Болгарией и Сербией, обязательно вмешаться, так как тогда сложится благоприятная обстановка.

Позиция Германии оставалась, таким образом, туманной, и Конрад не замедлил принять меры к ее выяснению. В тот же день, обедая у германского посланника и обсуждая балканские дела, Конрад заявил: «Неизвестно, к чему приведут события, но необходимо иметь в виду самое существенное, т. е. противоречия между Антантой, с одной стороны, и тройственным союзом,— с другой. Является вопросом, решатся ли державы тройственного союза разрубить эти противоречия».

На замечание посла, что «было бы хорошо, если бы Баллплац (министр иностранных дел — *Б. Ш.*) запросил об этом Берлин», Конрад ответил, что он уже этот вопрос поднял сегодня перед Берхтольдом.

13 января Конрад явился с *личным докладом* к Францу-Иосифу. Настаивая на необходимости перевода судов, начальник штаба просил, чтобы *министр иностранных дел прежде, нежели докладывать Францу-Иосифу военные дела, согласовывал их с Конрадом,*

Советы Конрада о выяснении позиции Германии не пропали даром. 17 января его уже посетил ездивший с этой целью в Берлин и возвратившийся оттуда чиновник министерства иностранных дел. Впечатление было таково, что *канцлер старается избежать войны.* Однако, это не обескуражило начальника генерального штаба, решившего, что канцлер — не Германия и что *венской дипломатии следует стремиться помирить Болгарию с Румынией и вызвать конфликт с Сербией. В таком случае выступит Россия, а тогда должна вмешаться и Германия.*

Свои взгляды на современное политическое положение начальник генерального штаба проводил и путем бесед с военными агентами дружественных держав.

Разговаривая два раза с *итальянским* военным агентом, Конрад настойчиво добивался узнать, для какой цели готовится в Италии экспедиционный корпус. Получив уклончивый ответ, что десант предназначается, повидимому для Триполи, Конрад перешел на обсуждение положения в Средиземном море. С картой в руках начальник генерального штаба прельщал итальян-

ского представителя теми выгодами, кои приобретает Италия, владея Триполи, Тунисом, Корсикой и Тиренским морем. Конрад доказывал, что Адриатическое море теряет для итальянцев всякое значение, а поэтому не может быть из-за него и недоразумений с Австрией.

Румынскому атташе Конрад определенно заявил от имени императора, что Австрия всецело на стороне Румынии.

Мы уже познакомились с основными взглядами Конрада на современное политическое положение, и ныне кратко остановимся на его мемуаре, который 20 января 1913 года был представлен в обычном порядке.

Свой доклад Конрад начинает с указания, что развитие самостоятельности сербского государства — главная опасность для монархии, устранить которую можно только силою оружия. Самым большим успехом была бы победа над *Россией*, так как тогда отпали бы все остальные вопросы, в частности и сербский.

Рано или поздно, но Германии придется также силой оружия решать восточную политику, а потому Германия должна готовиться к столкновению тройственного союза с Антантой.

Перечисляя выгоды для Австрии от войны с Сербией, начальник генерального штаба указывает, что «шансы на успех в этой войне уменьшаются с каждой оттяжкой». «Поэтому было бы желательно провести ее весной этого года, а потому политика обязана уже теперь иметь в виду эту цель, не поддаваясь на мирные заигрывания Сербии».

«Политическая подготовка к этой войне, — продолжает Конрад, — должна: 1) установить дружественные отношения Румынии и Болгарии, чтобы Румыния имела свободные руки против России; 2) нейтрализовать Болгарию; 3) вооружить Албанию и побудить ее к вооруженному выступлению против Сербии; 4) дабы не вызвать вмешательства остальных государств в войну, обратиться к ним с потой (примерная мотивировка прилагается), в которой указать, что в последних кризисах виноваты малые балканские государства и что монархия вынуждена «навести порядок», а потому объявляет войну Сербии.

«Все политические переговоры, — пишет начальник генерального штаба, — должны вестись так, чтобы 1 марта объявить мобилизацию против Сербии, а 15-го начать военные операции».

Предвидя выступление России, Конрад рассчитывает, что еще на первой неделе возможно будет мобилизоваться и против России, одновременно с ней.

«Я вижу все трудности этого решения, — заявляет Конрад, — но считаю, что это единственная дорога, которая ведет к восстановлению монархией ее могущества и по коей следует итти».

Конрад не боится выступления Франции против Германии, ибо Франция к войне еще не готова, а стремится побить своего противника на финансовом поле, стараясь в то же время экономически привязать к себе балканские государства.

Если бы тройственное согласие имело на своей стороне балканские государства, то общее положение было бы неблагоприятно для тройственного союза.

В доказательство Конрад приводит сравнение сил по дивизиям:

Тройственный союз		Антанта	
Германия	100	Франция	83
Австро-Венгрия	48	Россия	84
Италия	35	Сербия	15 (с новыми областями)
Румыния	14	Черногория	4
	197	Болгария	24 (с новыми областями)
		Англия	6
			216

Рано или поздно, но Германии придется также силой оружия решать.

Таким образом, Антанта превосходит союз центральных держав на 19 дивизий или 280 000 штыков. Албания свяжет часть сербских сил, но зато и Греция выступит на стороне Антанты.

Доказывая приведенным сравнением сил, что Германии грозит кольцо врагов, решиться разорвать которое для Берлина лучше раньше, Конрад советует поговорить об этом с Германией самым откровенным образом.

К мемуару начальник генерального штаба 25 января сделал приписку, в которой указывает, что переворот в Турции сможет вызвать вмешательство России и отвлечет ее в Азии, чем и следует воспользоваться, дабы разрубить узел на Балканах.

Мы не раз отмечали, что начальник генерального штаба в политических вопросах получал ориентировку от *военных агентов,* присылавших своему шефу отчеты со всех сторон. Конрад откровенно говорит, что военные атташе, помимо своего официального положения, могли *вести определенную линию* политики, как частные люди. Это давало Конраду известные удобства, и он не оставлял своих агентов без надлежащих инструкций.

Донесения из Лондона говорили начальнику штаба о мертвом ходе конференции. Донесения из Софии и Бухареста сообщали об обострявшихся отношениях между Румынией и Болгарией, причем оба государства рассчитывали на активную поддержку со стороны Австрии.

Венские дипломаты ходом вещей припирались к стене и должны были выявить свою платформу. Но впереди их шел Конрад, который в своем письме к военному агенту в Лондоне 21 января писал: мы (очевидно Конрад и Берхтольд — *Б. Ш.*) стоим за Румынию, но в то же время желаем, чтобы румыно-болгарские недоразумения были покончены миром. Высказывая свои взгляды, начальник генерального штаба оговаривался, что они являются его личными и сообщаются исключительно для военного агента.

Личным взглядам был предоставлен полный простор в обмене письмами начальника генерального штаба с военными атташе. Характеризуя положение в Румынии и ее отношения к Австрии, военный агент из Бухареста в заключительной части своего письма от 11 января определенно намечал руководящие линии политики Вены. Они должны были заключаться в полной поддержке всех требований Румынии.

Письмо начальника генерального штаба румынской армии от 29 декабря 1912 года убеждало Конрада в лойяльности Румынии, а потому он в ответном письме к Граничано не преминул пожелать Румынии полных успехов, как бы ни повернулась обстановка на Балканах.

27 января Конрад заканчивал свое письмо Берхтольду следующим указанием: «Я знаю очень хорошо, что в основе всего лежит опасение войны с Россией, но я полагаю, что если мы постоянно будем находиться под гипнозом этой опасности, то умалим наше значение, превратившись в собственных могильщиков».

Так настойчиво начальник генерального штаба звал к войне монархию Габсбургов.

Январь был самым тяжелым месяцем в переговорах России с Австро-Венгрией, которые, помимо лондонской конференции, велись и непосредственно между обоими государствами.

Вооружения Вены вызвали ответные мероприятия России. В пограничных с Австрией округах было приказано производить на границе маневры, шли усиленным темпом поверочные мобилизации. Но самой действительной мерой было удержание под знаменами до 300 000 подлежащих увольнению в запас.

Между тем, Петербург, желая избежать конфликта, пошел и на дальнейшие уступки, в особенности, когда проект Сазонова о морской демонстрации государств у берегов Турции не был поддержан ни Лондоном, ни Парижем. Последний довольно прозрачно намекал на необходимость более отчетливых поводов к войне на Балканах.

Германия, хотя и поддерживала Австрию, но не хотела доводить дело до войны. Видя, что в Турции, с приходом к власти Энвера, влияние Германии растет с каждым днем, берлинский кабинет не желал способствовать дальнейшим успехам Вены на Балканах, ибо они могли уже угрожать непосредственно германским интересам. 30 января русский посол в Берлине писал Сазонову: «Зная, что война с Австрией и Германией была бы в настоящую минуту встречена с воодушевлением не только общественным мнением России, но даже и самой Франции, германскому правительству поневоле приходится призадуматься, тем более, что даже в случае окончательного ее успеха немецкой торговле грозило бы полное разорение. Тем не менее, считаю долгом засвидетельствовать, что, озабоченная возможностью укрепления балканского союза с Россией во главе, Германия стоит во всеоружии, чтобы противопоставить единению славянства столь же единодушный отпор со стороны сплоченного германизма».

Вслед за сдачей позиций в вопросе о сербском порту Россия признала на лондонской конференции и автономию Албании; не было достигнуто еще соглашение о принадлежности к Черногории или Албании Скутари, а также районов Дьяково и Дибры.

Мы слышали от Конрада, что Берхтольд всегда выслушивал охотно мнения других и редко сам открыто высказывал свои предположения. Так было и на этот раз. Министр иностранных дел терпеливо выслушивал призывы Конрада к войне и в то же время им уже составлялся черновик письма Франца-Иосифа в Петербург, долженствовавшего ослабить кризис и привести к соглашению.

1 февраля письмо было отправлено в Петербург. Письмо не вносило никаких конкретных предложений, но самый факт его посылки знаменовал желание Вены пойти на соглашение. Письмо осталось без ответа. Однако, так как Австро-Венгрия не увольняла призванных под знамена резервистов,

того же не делала и Россия, и, таким образом, напряженное положение оставалось, но уже без угрозы привести к вооруженному столкновению. В сущности, как увидим ниже, в Вене еще недостаточно хорошо разобрались в размерах той помощи, которая будет оказана, в случае опасности, Берлином, а поэтому венская дипломатия и продолжала туго итти на уступки.

Мы знаем, что начальник генерального штаба не добился согласия на перевод военной флотилии в Саву. Настойчивого Конрада отказ в этом не обескуражил, и он снова обратился с предложением к министру иностранных дел и представлением к Францу-Иосифу о переброске теперь же в Землин (на сербской границе) артиллерии, дабы заранее прикрыть этот пункт.

Прося в письме от 3 февраля Берхтольда поддержать это предложение, Конрад, вместе с тем, строго доверительно сообщал: «Наши соображения по сосредоточению составлены так, что могут быть осуществлены в любое время; выгоднее же последнее приурочить к 1 марта, но не ранее, так как переработанные применительно к 1 марта соображения уже учитывают новые железнодорожные линии».

Ответ пришел от начальника военной канцелярии Франца-Иосифа, который писал Конраду, что переброска артиллерии не может быть пока осуществлена. Разобиженный начальник генерального штаба тотчас же реагировал на письмо своего друга и 11 февраля писал: «Прискорбно, но симптоматично, что даже самые незначительные военные мероприятия отвергаются из-за боязни дипломатических затруднений. Подобные действия ни к чему хорошему не приведут, влияние же их на дух армии довольно известно».

Не нашел поддержки начальник генерального штаба со стороны министра иностранных дел и в албанском вопросе. 6 февраля Берхтольд писал Конраду, что до него дошли сведения о предполагаемой крупной отправке оружия и патронов для вооружения албанцев, причем, по объяснению военного министра, такая отправка могла производиться только по директиве генерального штаба. Считая своей обязанностью указать Конраду на вред отправки оружия, Берхтольд стремился предупредить мероприятия, кои создали бы затруднение для дипломатии.

В своем ответном письме от 8 февраля Конрад доказывал необходимость вооружения албанцев, на что отпущено 12 000 рублей, для того, чтобы отвлечь часть сербских сил во время войны, с возможностью которой в данное время начальник штаба считался.

«Я далек от того, — заканчивал письмо начальник штаба, — чтобы не дооценивать приведенные вами политические обоснования, но я прошу вас принять также во внимание всю тяжелую ответственность, которая лежит на мне, если дело дойдет до вооруженного конфликта, а равно и мою обязанность не опоздать с затронутым выше мероприятием, тем более, что нельзя сказать, чтобы монархия не находилась под угрозой быть втянутой в большую войну».

Для последней, по мнению Конрада, необходимо было удержать на своей стороне Румынию. Румыно-болгарский спор доставлял не мало хлопот начальнику генерального штаба, лично сочувствовавшему румынам и стре-

мившемуся оказать давление на Берхтольда, дабы венская политика решительно встала на сторону Бухареста.

Однако, Берхтольд думал иначе. Спор между этими государствами, по мнению министра, никаким образом не мог изменить основных линий австрийской политики, ибо выиграет или проиграет в этом споре Румыния, она уже и ныне входит в орбиту влияния французской политики. Кроме того, нужно хорошо оценить *Россию,* чтобы решить, *желательно ее поражение или нет.* Существуют две России — «царская» и «либеральная». Насколько полезно существование «царской» России для монархии, настолько же опасна победа «либеральной» России. «Царская» Россия сама отталкивает Румынию, «либеральная» же будет стремиться разрешить бессарабский вопрос и таким образом противопоставит себе Румынию. Таким образом, в обоих случаях интересы румын ближе к интересам монархии, нежели к русским. Нужно стараться иметь на своей стороне Румынию и Болгарию в случае столкновения с Сербией, так как уже теперь можно ожидать, что балканский союз близок к крушению.

Отвечая на эти соображения министра, Конрад писал ему: «Возможно ли в будущем надеяться на союзническую верность Италии, не перенесет ли Румыния свои устремления на Семиградье, — эти вопросы остаются открытыми, равно как и будущее России, и не «царской», а «национальной» России, нападение которой нужно предвидеть».

«Я озабочен тем, что монархия окажется перед лицом еще более могущественной коалиции врагов, — коалиции, превзойти которую в военном отношении она окажется не в состоянии».

«Что было бы большой выгодой, если бы осуществился союз с Германией и Россией, — это высказывалось мною и ранее».

В заключение своего письма Конрад говорит: «Если бы Германии, Австро-Венгрии, Италии и Румынии (и, может быть, Болгарии) в тесном единении удалось бы разбить могущество тройственного согласия, то для этих государств открывалось бы иное будущее, чем тогда, когда они предоставят события их естественному ходу... Возможно, что я ошибаюсь».

Между тем, 18 февраля Конрад получил от румынского начальника генерального штаба письмо, вместе с которым последний препровождал «интересные» данные о внутреннем состоянии России и возможной австро-русской войне. Они заключались в выдержке из речи Сазонова в Думе о необходимости вести активную политику на Балканах за счет Австро-Венгрии, а затем в соображениях «источника», что Румыния должна определить свою позицию на случай близкой войны.

Конрад немедленно отправил ответ, в котором отмечал, что автор «данных» имеет в виду «важную политическую цель» и отдает себе отчет в необходимости сосредоточить все внимание на достижении этой цели. «Кто знает, что сулит будущее, — писал начальник генерального штаба, — но при всех обстоятельствах я надеюсь на совместные действия Румынии с монархией».

Отправив письмо, Конрад тотчас же поставил о нем в известность Берхтольда.

Между тем, в Бухаресте все больше и больше начинали переоценивать политику Австрии, не видя с ее стороны реальной поддержки. Это об-

стоятельство обеспокоило Конрада, который в своем письме от 14 февраля предлагал Берхтольду решительно встать на сторону Румынии и отстаивать ее интересы с таким же рвением, с каким ведется борьба с Сербией за выход ее к морю.

«Я имею в виду, — говорит Конрад, — что мы должны вполне открыто и безоговорочно быть на стороне Румынии, решительно об этом заявить и скрепить документами, иначе никто не будет верить нашей дружбе».

«Каждое же дальнейшее лавирование, — заявляет начальник генерального штаба, — кажется мне большой опасностью».

Так старался Конрад удержать Румынию в лоне тройственного союза.

Позиция другого союзника монархии, Германии, нам отчасти известна из сказанного выше. Здесь остановим внимание лишь на переписке двух союзных начальников штабов.

24 января обер-квартирмейстер германского генерального штаба Вальдерзее посетил Конрада, возвращаясь из Рима, куда он был командирован для ведения с итальянским генеральным штабом переговоров по плану совместных действий на французском фронте.

Вальдерзее заверял Конрада в лойяльности Италии тройственному союзу и сообщил о согласии Рима с 16 дивизиями атаковать французов и даже о предложении Италии заключить с Австро-Венгрией военно-морскую конвенцию.

Пользуясь посещением Вальдерзее, Конрад возобновил свою переписку с Мольтке, отправив с Вальдерзее письмо начальнику германского генерального штаба.

12 февраля Конрад получил от Мольтке ответное письмо.

Письмо начиналось с подтверждений слов Вальдерзее об Италии.

Указывая затем, какие силы Германия, в случае войны, может бросить на восток для совместных действий с Австрией, начальник германского генерального штаба переходил в область высокой политики и стратегии.

«Ведение большой войны тройственным союзом против тройственного согласия, — писал Мольтке, — даже против одних России и Франции, с тем, чтобы довести ее до счастливого окончания, потребует напряжения всех сил и использования всех средств. Распыление сил несет с собой опасность. Если Австрия должна бросить все свои силы, чтобы выиграть войну с Россией, то это же самое должна сделать Германия против Франции. Я бы даже ходатайствовал о том, чтобы наши сосредоточиваемые на востоке силы бросить на запад, если бы не приходилось оглядываться на Австрию. В исходе борьбы между Германией и Францией, по моему убеждению, лежит центр тяжести всей европейской войны, и судьба Австрии будет решена не на Буге, а на Сене».

Начальник германского генерального штаба текстуально повторял мысли своего предшественника Шлиффена, используя его последние соображения 1912 года по плану войны, доставленные Мольтке уже после смерти фельдмаршала. Очевидно, находясь под свежим впечатлением этого документа, Мольтке готов был пойти по стопам Шлиффена. Как известно, начальник германского генерального штаба не «ходатайствовал» о сосредоточении на востоке VIII армии, развертываемой в Восточной Пруссии. Ныне он раскрывает причину этого — совместные действия с Австрией, но нам ка-

жется, что главная причина лежала в обороне Восточной Пруссии, ослабить которую все же нельзя было. Однако, мы должны здесь отметить, что Мольтке действительно всегда хотел оказать помощь австрийцам, и такое стремление играло не последнюю роль в переброске впоследствии двух корпусов на восток в разгаре Марнского сражения.

Оговариваясь, что высказывает «только свои личные взгляды», Мольтке переходит к оценке современной политической ситуации. Указав на то, что ныне, после того как Сербия пошла на уступки, укрепилось мнение, особенно в Германии, о быстром окончании австро-сербского конфликта, Мольтке продолжает: «Вообще ожидали, что предложение России об одновременной демобилизации разрядит политическое напряжение, которое тяжело отражается на общей жизни; в частности, в Германии оно чем дальше, тем сильнее дает себя чувствовать. Это ожидание не оправдало надежд».

«Вы знаете, что война, в которой защищается бытие государства, — продолжает Мольтке, — требует готовности к жертвам и воодушевления народа. Чувство верности союзу с Австрией в Германии сильно и живо и, без сомнения, выявится самым обычным порядком, если целости Австрии будет грозить нападение со стороны России. Но было бы очень тяжело найти действительные лозунги, если ныне последует война с австрийской стороны, для которой в германском народе трудно найти отклик».

Обращаясь к балканскому союзу, Мольтке предвидит его быстрый конец и полагает, что Австрии полезно иметь на своей стороне Болгарию, которая, к тому же, стремится освободиться от русского влияния. Если Сербия будет связана Болгарией, тогда Австрия окажется против одной только России. Огорчает Мольтке румыно-болгарский спор, разрешение которого, при обоюдном согласии этих государств, было бы для Германии и Австро-Венгрии выгодно.

«Вы будете читать, — продолжает начальник германского генерального штаба, — эти рассуждения с удивлением. Им не место в переписке двух чисто военных лиц. Я также не политик, но наши дружеские отношения дают мне смелость высказываться перед Вами с полным доверием частным образом, также и об этих вещах. Политика и война все же находятся во внутреннем взаимодействии. Как уже сказано выше я имею в виду, что европейская война рано или поздно должна быть, и в ее основе в конечном счете лежит борьба между германизмом и славянством. Поэтому хорошо подготовиться к ней — составляет обязанность всех государств, которые являются носителями германской духовной культуры. Но нападение должно исходить от славян. Тот, кто ожидает этой войны, тот должен отчетливо сознавать, что для нее необходимо объединение всех усилий и, прежде всего, полное согласие народа на мировое историческое решение».

Если вспомним примечание Людендорфа к докладу от 12 декабря 1912 года о боязни Мольтке, как бы не зарвалась венская дипломатия, то станет ясно, что начальник германского генерального штаба, «с выражением искреннего уважения и уверениями в товарищеском отношении», «имел честь» поучать своего коллегу в Вене, преподнося ему правила сдержанности и выдержки.

15 февраля Конрад через военного агента в Берлине отправил ответ своему другу.

Начиная письмо с указания, что им усвоена лояльная позиция Италии, он отмечал, что в Вену пока что не прибывала итальянская военная миссия для выработки военно-морской конвенции.

Благодаря за выделение сил на помощь Австрии в борьбе с Россией, *Конрад не соглашается с точкой зрения Мольтке, что все усилия должны быть направлены на запад*, ибо если Россия и балканские государства достигнут территориального и политического успеха, то победа во Франции в значительной мере ослабится. Доказывая затем необходимость выделения достаточных сил для действий против русских армий, начальник австрийского генерального штаба думает, что общие интересы требуют действий против России с начала войны с достаточными силами, дабы обеспечить выигрыш сражения».

Соглашаясь с Мольтке, что «при современной политической и военной обстановке разгром Франции должен быть первой целью», Конрад, однако, считает, что «для достижения этого достаточно германских и итальянских сил».

Затем начальник австрийского генерального штаба считает нужным высказать «исключительно свои личные взгляды» на общее политическое положение.

«Конечно, — пишет Конрад, — нет ничего труднее и ответственнее, как правительственному учреждению принять решение о «войне» или «мире».

«Опыт, теория и размышления хорошо вкоренили в каждом из нас ясное представление о глубине трагедии войны и изменчивости ее течения и последствий, и никто из нас, без всесторонней оценки обстановки, легкомысленно не пойдет на это решение. Однако, кто занимает ответственное место, тот не имеет права отбросить от себя это решение и должен его принять с полным игнорированием личных интересов».

«Вся трудность для ответственного лица прежде всего лежит в том, что решение «за» войну или «против» нее может быть чревато очень тяжелыми последствиями, так как отказ от ведения войны в слагающейся благоприятной обстановке поведет к потере преимуществ, которых затем не удастся уже достигнуть».

Обращаясь затем к предположениям Мольтке о грядущей европейской войне, в основе которой лежит борьба германизма со славянством, начальник австро-венгерского генерального штаба считает необходимым прежде всего указать, что если дело до этого дойдет, то едва ли можно рассчитывать на воодушевление в борьбе со своими единоплеменниками тех славян, которые составляют 47% населения Австро-Венгрии. «Ныне еще сильны чувство исторической солидарности и дисциплина в армии, но будет ли это налицо в предусматриваемом случае, — это вопрос. Таким образом, монархия не должна допускать национальной войны, но ей необходимо стремиться к политическому и культурному отделению южных и западных славян от восточных и к освобождению первых от влияния России».

Прежде всего, по мнению Конрада, — нельзя давать увеличиваться и крепнуть Сербии, в которой Россия видит своего главного помощника в разрушении монархии.

Что касается румыно-болгарского спора, то начальник штаба высказывает свою личную точку зрения на необходимость открытой поддержки Румынии.

В отношении задержки демобилизации австрийских сил на русской границе Конрад приводит следующие доводы: 1) неясность положения на Балканах и позиции России и 2) малые штаты мирного времени, значительно уступающие по своей численности русским.

Письмо было лично передано Мольтке австрийским военным агентом в Берлине, который имел разговор с начальником германского генерального штаба и прислал Конраду письменный доклад об этом.

Военный агент писал, что начальник германского генерального штаба с большим интересом прочитал письмо, указав, что в нем он находит поддержку в желательности оттяжки начала мировой войны. Ближайшее будущее, по мнению Мольтке, еще покрыто мраком неизвестности и трудно сказать, удастся ли ликвидировать войну на Балканах без европейской войны. Желательно было бы, несмотря на травлю Франции, избежать войны. Англия, связанная с Францией военной конвенцией, будет на стороне последней, хотя нужно указать, что противоречия Англии с Россией и Францией велики. Положение турецкой армии — печальное. Для Австрии было бы выгодно разрешить румыно-болгарский спор к обоюдному согласию. Антагонизм между Сербией и Болгарией был всегда и ныне снова обостряется.

К этому разговору с Мольтке военный агент добавлял данные о настроении самого Вильгельма, который, будучи 30 января у австрийского посла, высказывался в мирных тонах, хотя находил, что если бы Австрия ввязалась в войну, то Германия выступила бы на поддержку. Однако, было бы, по мнению Вильгельма, очень тяжело доказать немецкому народу необходимость войны, так как вопрос о Дураццо ему ничего не говорит. *Вильгельм полагал, что доводить дело до войны* «ради пары албанских городов» *не стоит.* Военный агент объяснял такое настроение Вильгельма: 1) желанием его мирно отпраздновать 25-летний юбилей царствования и 2) опасением Англии. По поводу последней морской атташе Австрии беседовал с принцем Генрихом Прусским, который обрисовал положение германского флота как мало удовлетворительное, так как не закончен углублением для прохода линейных кораблей Кильский канал и для соединения эскадр приходится ходить кругом Дании; кроме того, не закончены укрепления Гельголанда.

Мы более или менее подробно остановились на выяснении настроений Берлина, так как, без сомнения, они делали погоду в Вене. Зная взгляды Конрада на современное политическое положение, можно с уверенностью сказать, что он был неприятно поражен сдержанностью не только берлинской дипломатии, но и генерального штаба. Мольтке неправильно понял Конрада в суждениях об европейской войне. Начальник австрийского генерального штаба, правда, гнал от себя мысль о возможности этой войны сейчас, но не боялся ее прихода, если бы он оказался неотвратимым. Главный же свой расчет Конрад строил на возможной в данное время войне с одними Сербией и Черногорией, ибо Россия, по всей вероятности, воевать бы не рискнула, удерживаемая Францией и Англией.

Что же касается Италии, то она не была страшна, связанная своей авантюрой в Триполи, и в данное время склонялась действительно на сторону тройственного союза.

4 февраля в Вену прибыл начальник оперативного бюро итальянского генерального штаба Монтонари с личным письмом от начальника штаба Поллио к Конраду, в котором Поллио предлагал обсудить все оперативные вопросы по плану войны, давал предварительное согласие на обсуждение военно-морской конвенции, дабы соединенный флот тройственного союза приобрел господство на Средиземном море. Вместе с тем, Поллио заверял в полной лойяльности Италии союзу.

В личной беседе Монтонари развернул перед Конрадом, с откровенностью, весь план предполагаемых действий Италии на стороне союза, при чем, в ответ на просьбу Конрада дать оценку общего политического положения, как она мыслится в Италии, обрисовал ее так: «Мы знаем, что война вероятна, но не думаем, что она начнется теперь; мы не можем еще оттянуть войска из Триполи». К этому Монтонари добавил: «В Италии твердо решено с полной энергией вести наступление против французов, чтобы добиться быстрого успеха».

В тот же день начальник австрийского генерального штаба отправил Поллио через Монтонари письмо, в котором заверял в своей полной искренности.

Военный агент в Риме Шептицкий подтверждал желание итальянского генерального штаба заключить морскую военную конвенцию тройственного союза, однако, в то же время указывал, что Рим не прочь поддержать Россию в открытии проливов.

Трудно понять такое двойственное положение. «Для меня ясно одно, — писал агент, — что итальянцы готовятся ко всяким возможностям как в области политики, так и в области военной».

Италия в настоящее время ослаблена и поэтому стремится сблизиться с Австрией, но через два или три года она усилится и тогда снова вернется в свое прежнее русло, т. е. на путь ненависти к монархии. Как факт такого заискивания перед Австрией, Шептицкий приводит предупредительное отношение к нему и его жене жены начальника генерального штаба Поллио, которая говорит по-немецки (она урожденная венка), старается всюду показать, что она землячка, часто посещает дом военного агента и т. д. «Несколько месяцев назад об этом нечего было и думать», — сообщал Шептицкий.

Таковы были позиции союзников в то время, когда, по мнению Конрада, для Австрии наступил решительный период ее истории.

«Что можно было ждать от России?» — стояло гвоздем в голове начальника австро-венгерского генерального штаба.

По донесению военного агента, письмо в Петербурге было встречено партией мира, к каковой принадлежал в первую очередь «двор», с чувством удовлетворения, как дающее возможность выйти с честью из разгорающегося и ведущего к войне конфликта.

Военный агент 17 февраля доносил Конраду, что все же, однако, существует большая опасность со стороны военной партии. Хотя руководящие круги и стараются избежать в настоящее время войны, но нельзя поручиться, что этой же весной военная партия не возьмет верх.

До присылки этого письма военный агент 8 февраля был лично у Конрада и в таких же тонах говорил о политике Петербурга, докладывая, что

по его мнению, «придворная» партия может оказаться не в силах сдерживать военную партию. В то же время он настаивал на демобилизации пограничных с Россией австрийских корпусов, видя в этом свидетельство, могущее улучшить отношения обоих государств.

22 февраля военный агент снова показался в кабинете Конрада и определенно доложил: «Если будем продолжать наши вооружения, как это делаем ныне, то мы окажемся не далее чем через два месяца в войне с Россией. Если мы не хотим войны, то должны показать России, что мы сокращаем свой численный состав, само собой разумеется — при объявлении России об увольнении задержанного ею в армии годового контингента».

Мирные тенденции были свойственны не одному военному агенту, вдыхавшему свежий северный воздух в Петербурге. К миру тянулись и венские дипломаты. В разговоре 10 февраля с Конрадом помощник Берхтольда *ясно выявил желание министра избежать войны с Россией и весь балканский кризис разрешить мирным путем.*

Упомянув о «последнем» моменте, когда монархия может еще на европейской арене выявить свою волю, Конрад указал дипломату, что если будут отвергнуты предложения Вены в вопросах о Скутари и Албании, «тогда ничего не остается, как или примириться с потерей престижа или же решительно выступить, к чему необходимо быть готовым».

«Мы, солдаты, — продолжал начальник генерального штаба, — должны знать, есть ли вероятность войны, чтобы быть готовыми, если дело дойдет до нее».

Вопрос с демобилизацией сил на русской границе становился, между тем, решающим. О необходимости пойти на уступки говорил не только военный агент из Петербурга, но и сам министр иностранных дел.

Конрад считал это еще преждевременным. «Я могу расценивать это только с военной стороны, — говорил Конрад. — Было бы очень нежелательно, если бы теперь разгорелась большая война, но с возможностью ее мы должны считаться, и было бы самое лучшее теперь же кончить конфликт с Сербией».

«Я не соединяю своего имени с войной против России», — заявил 22 февраля 1913 года Берхтольд начальнику генерального штаба, добавив, что «Франц-Фердинанд абсолютно против войны».

Таким образом, воинственные намерения Конрада не находили отклика в министерстве иностранных дел. К ним не было сочувствия и выше.

Мы знаем, что Франц-Иосиф «собственноручно» предлагал Петербургу урегулировать балканские вопросы без применения оружия. На такой позиции стоял и Франц-Фердинанд — единственный человек, на которого возлагал большие надежды Конрад.

Однако, к Конраду начали поступать сведения из первых рук о миролюбивых устремлениях наследника. Начальник военной канцелярии последнего предупреждал начальника генерального штаба, что молодой Габсбург высказывается решительно против войны с Россией, а за счет Сербии не желает поживиться ни лишним сантиметром территории, ни лишней овцой. Конрад горячился, доказывал, что нужно считаться с войной, что он представит письменно свои соображения Францу-Фердинанду, но опасность мирных уклонов наследника была фактом.

26 и 27 февраля начальник генерального штаба имел доклады у Франца-Фердинанда и мог окончательно убедиться в справедливости полученных им ранее сведений.

«В будущем, — говорил Франц-Фердинанд, — мы должны итти с Россией, и было бы хорошо, если бы и Германия усвоила это. Тогда мы могли бы обратиться против Италии и Сербии, чтобы их разбить, но в то же время не расширять территории за счет Сербии».

На испуганные вопросы Конрада, как же быть с престижем Австрии в Албании, с интересами ее на Балканах и, вообще, с юго-славянским вопросом, Франц-Фердинанд дал ответ, что это следует отложить, пока не будут улучшены внутренние отношения в государстве.

Наследник прочел в выдержках начальнику штаба письмо Вильгельма, в котором говорилось о необходимости избежать ныне войны с Россией, добавив, что он всецело разделяет такие взгляды. Причиной была опасность за прочность династии. Считая сербов «цареубийцами», Франц-Фердинанд допускал возможность их военного наказания, но отнюдь не расширения территории монархии за счет Сербии.

«Войны с Россией необходимо избежать, — говорил Франц-Фердинанд, — ибо на нее толкает Франция и особенно французские масоны и анархисты, которые желают в свалке разрушить династию в монархии».

Указав на то, что письмо Вильгельма как раз говорит об этом, молодой Габсбург закончил словами: «никакой войны».

Начальник генерального штаба, конечно, тотчас же представил ряд доводов против таких мирных решений, но Франц-Фердинанд настойчиво заявил: «Наш главный противник — Италия, с которой мы должны вести войну и снова отобрать Венецию и Ломбардию».

Последняя инстанция, в которой Конрад надеялся найти поддержку в решении «за» войну, оказалась не на его стороне, и начальник генерального штаба вынужден был отложить свои воинственные замыслы до благоприятного времени.

1 марта наступил решительный перелом на пути к миру. Вена и Петербург согласились распустить призванных и задержанных запасных, а Турция дала согласие на посредничество государств в переговорах о мире с балканской федерацией.

Мы проследили, с каким упорством и настойчивостью Конрад звал к войне. Нечего говорить, что вновь призванный на пост начальника генерального штаба, он считал это своей победой, не боялся за прочность своего положения и поэтому был уверен в своих шагах, хотя бы и на политическом пути.

Конечно, нельзя было сказать, что на Балканах уже установилось или в ближайшем будущем установится спокойствие, так как предстоял раздел завоеванной добычи. Наступили времена испытания прочности балканской федерации.

Победители довольно сдержанно отнеслись к согласию Турции на посредничество государств о мире. Сербия упорно отстаивала свои права на Ипек и Дьяково, а болгары — на Салоники и земли в Македонии. Черногорцы настойчиво осаждали Скутари, дабы его взятием закрепить его за собой.

Лондонской конференции послов пришлось не только уговаривать, но и угрожать военными репрессиями, чтобы заставить балканскую федерацию принять те или иные условия, выработанные на конференции.

Скутари скоро сделался центром, около которого начал снова разгораться пожар. Создалась угроза отдельного выступления Австрии.

В то же время Сазонов в конце марта писал послу в Софию: «Дальнейшее распространение Болгарии и стремление ее иметь выход к Мраморному морю встретили бы с нашей стороны решительное противодействие. Мы не можем допустить, чтобы свобода плавания через проливы могла зависеть от усмотрения Болгарии». Создавался второй узел, где Россия выступала уже не арбитром, а заинтересованной стороной.

Мы знаем, что возвращение сербских войск внутрь страны вызывало опасение Конрада, который видел в этом подготовку Сербией нападения на Австро-Венгрию.

2 марта Конрад посетил больного Берхтольда.

У Берхтольда возникло сомнение, что Черногория, заняв Скутари, не подчинится решению лондонской конференции об эвакуации Скутари, и поэтому он внес предложение послать туда австрийские войска.

«Это не делается так легко, — возразил Конрад. — Если высадить там наши войска, то они столкнутся с Сербией и Черногорией, которые едва ли терпеливо отнесутся к их присутствию, и тогда — «война». Войну же следует вести всеми силами, а не половинными мерами».

Однако, министр иностранных дел тотчас отверг войну и предложил Конраду поискать иных средств, которые заставили бы черногорцев подчиниться желаниям Вены без войны.

«Первое средство,—ответил Конрад,—это голодом заставить Черногорию пойти на уступки. К этому должно повести: закрытие сухопутной границы, блокада на море, чтобы ни одно судно не могло пройти, и восстание албанцев, организованное также в Санджаке. Второе средство — употребление вооруженной силы, иными словами — война».

«Только против Черногории?» — спросил Берхтольд.

«Нет, — последовал ответ начальника генерального штаба, — вероятнее всего, что Сербия поддержит Черногорию, и если Россия думает о мире, то она должна предоставить нам свободу действий».

С горечью Берхтольд заявил, что «поддержку» он может найти только в «военной среде».

Согласившись с тем, что мирные тенденции глубоко пустили корни в Вене, Конрад, однако, полагал, что пора албанцам послать оружие.

Такова была прелюдия к вопросу о Скутари.

На душе начальника генерального штаба тяжелым камнем лежал не только этот, но и другой, не менее важный, вопрос: *моральное состояние резервистов*, призванных в ряды армии в Боснии и Герцеговине. Нельзя было в долгом напряжении держать натянутые нервы резервистов, среди которых уже отмечалось демобилизационное настроение,—нужна была или война или демобилизация.

Через несколько дней у Берхтохьда, в присутствии его помощников по министерству, снова состоялась беседа с начальником генерального штаба, причем Берхтольд заявил о необходимости покончить мирным путем

со Скутари. Дипломаты обратились к прежнему предложению: занятием горы Ловчен заставить Черногорию пойти на уступки.

«Но это тоже война... С малыми козырями не выиграть войны», — говорил начальник генерального штаба, снова настаивая на войне. Попутно дипломаты были им поставлены в известность, что для войны необходимо двинуть не менее 300 000 человек и что боевые действия, с перевесом в пользу австрийского оружия, начнутся на 14-й — 16-й день.

Сдерживающими факторами для венской политики явились не одни настроения петербургского кабинета, Лондона и Парижа, а в большей мере настроения своих друзей, Германии и Италии, которые в вопросе о Скутари заняли определенно пассивную позицию.

Наоборот, германский посол в Черногории вполне открыто шел не только против австрийских требований, но даже отказался от коллективного давления на черногорского короля со стороны всех послов. О таких действиях посла Конрад не замедлил поставить в известность Берхтольда, предлагая ему выяснить точку зрения самой Германии.

Заглянули по очереди к начальнику генерального штаба военные агенты соседних государств, вплоть до русского, стараясь выяснить позицию Австрии в назревающем конфликте.

Разговоры о «воинственном» настроении начальника австро-венгерского генерального штаба дошли до Франца-Фердинанда, по поручению которого, 15 марта его начальник военной канцелярии явился к Конраду с предложением *умерить влияние Конрада на министра иностранных дел и не тянуть последнего на активные действия.*

«Я не могу отказаться от общения с министром иностранных дел», — ответил начальник генерального штаба. — Нельзя не обращать внимания на то, что до 60 000 человек сосредоточены на нашей границе, и нужно ясно себе представлять, что выйдет, если Сербия и Черногория не уйдут с нее».

«Его высочество, — продолжал Конрад, — не может освободиться от влияния германского императора; нас сдержали в 1909 году и нас хотят заставить это сделать и ныне. Отсюда проистекают все ошибки Вены в турецкой политике. С другой стороны, я убежден, что немцы равнодушны к нашим интересам, мы же обязаны думать о них. Германия спокойно играет нами, если этим она добьется хороших отношений с Францией, а возможно и пожертвует нами».

«В декабре, — заканчивал Конрад свой ответ, — я был призван на пост начальника генерального штаба, когда предвиделись военные действия. Его высочество может меня каждый момент снова уволить; я сойду по лестнице, как на нее вошел, и спокойно уйду».

Все доводы Конрада использовать вопрос о Скутари, как повод для войны, не находили отклика.

Однако, судьба улыбнулась ему, показав, что бывают моменты, когда приходится отбрасывать и в политике «приличия».

Вернувшись 17 марта с доклада, Конрад нашел в своем кабинете донесение о том, что после обстрела турецким крейсером форта Медуа черногорский поручик угрозой расстрела заставил бывший в это время в порту венгерский пароход «Шкодра» перевозить раненых, а команду парохода признал «австрийскими шпионами».

«Случай мелкий», но, по мнению Конрада, «очень показательный», говорящий о том, как пал низко в глазах балканских государств авторитет монархии и ее подданных. Следовало наказать Черногорию.

С таким предложением Конрад тотчас же отправился к Берхтольду, советуя немедленно отправить эскадру и обстрелять суда противника. «Да, но Россия?!» — воскликнул министр иностранных дел. Насчет России Конрад успокоил, полагая, что она едва ли ввяжется в войну.

Возвратясь домой, начальник генерального штаба тотчас же написал свои предложения, послав их в военную канцелярию Франца-Иосифа, министру иностранных дел и военному. Они гласили:

1) телеграфно потребовать подтверждение донесения капитана парохода «Шкодра»;

2) немедленно послать военное судно или несколько в албано-черногорские воды для защиты своих судов и подданных;

3) потребовать извинения от Сербии и Черногории;

4) в случае отказа со стороны последних открыть действия австро-венгерского флота против военных средств воюющих, произвести разрушение их и бомбардировку, насколько она возможна для флота».

Для начальника генерального штаба наступили тревожные дни. Министр иностранных дел начал ежедневно приглашать его к себе на совещания, суть которых сводилась к тому, как бы, не затевая большой войны, вооруженной силой воздействовать на Черногорию. Так, для защиты католиков в Скутари Берхтольдом предполагалось послать экспедиционный отряд в виде «гуманитарной» полиции. Против таких предложений категорически восставал Конрад, считая вредными всякие мелкие использования войск, которые могут повести только к одним неудачам и еще большей потере престижа.

Вечером 18 марта Берхтольд с начальником штаба появились у Франца-Иосифа с докладом о необходимости посылки в Катарро отряда боевых судов, которым следовало там находиться в полной боевой готовности. Предложение было утверждено, и командующему морскими силами начальником генерального штаба отдано письменное приказание, причем на словах Конрад подтвердил, что отнюдь не следует производить десант, дабы избежать возможной неудачи. 19 марта военные суда шли по назначению.

Вызванный вечером 19 марта из театра к Берхтольду, Конрад снова должен был настаивать на крупных решениях. «Только никаких полумер, никакой игры и т. п.»,—говорил начальник генерального штаба.

«Было бы самое лучшее тотчас же начать наступление, если требования не будут выполнены», — последовало предложение собеседников из дипломатии.

«Мы находимся в усиленном составе, но не мобилизованы», — отвечал Конрад и на запрос, сколько времени нужно для перехода в наступление, пояснил: «Для совершенно секретного сведения, — 16 дней».

21 марта командующий морскими силами обратился за конкретными указаниями на случай действий, проект которых и набросал Конрад.

23 марта начальник генерального штаба счел необходимым обратиться к Берхтольду с особым письмом, в котором высказывал свой взгляд на современное политическое положение.

«По моему мнению,—писал начальник штаба,—наши требования должны были бы быть формулированы так: прекращение военных действий в Албании и очищение албанских областей Сербией и Черногорией; эти требования должны быть предъявлены в виде краткосрочного ультиматума, и если он не будет полностью и в срок выполнен, то тогда должна быть объявлена мобилизация по варианту «Б», т. е. против Черногории и Сербии; одновременно должны продолжаться действия флота, но не в виде мирной блокады, а как решительная атака».

«Я должен предлагать необходимость действий крупного размаха, — продолжал начальник штаба, — исходя из военных соображений, как единственно правильных, и высказываться против всяких полумер или тех шагов, кои идут малыми дорогами».

События нарастали, но начальник штаба не менял своего личного режима и, по обычаю многих лет, вечером 24 марта был в ресторане «Зеленый якорь», когда оттуда был вызван к Берхтольду. У последнего, кроме его помощника, находились гофмейстер двора Франца-Иосифа и военный министр. Темой собеседования были снова события в Черногории, причем Конрад выступил с предложением мобилизации «Б».

Совещание, не пойдя за Конрадом, дабы не наделать «шума в Европе», остановилось на частичной мобилизации (XV и XVI корпусов) против Черногории, решив только тогда объявить мобилизацию «Б», если к Черногории присоединится Сербия. Берхтольд 25-го должен был внести Францу-Иосифу на утверждение предложение о частичной мобилизации.

Уже в 7 час. 30 мин. утра 25-го Конрад снова был вызван к Берхтольду, в связи с полученной телеграммой от австрийского посла в Черногории, предлагавшего подготовить десантный отряд. Конрад воспользовался случаем и указал министру иностранных дел, *что следует приглашать на такие заседания, какое было вечером 24-го, только строго ответственных должностных лиц, а между тем в нем принимал участие гофмейстер — лицо, далеко стоящее от дел.*

Свидания Берхтольда, Конрада и военного министра бывали почти ежедневно, и на них обсуждалось создавшееся положение, причем начальник генерального штаба не сдавал своих позиций, хотя министр иностранных дел и говорил о благоприятном отношении к Австрии других «мелких держав» в скутарийском вопросе.

На одной из таких бесед, вечером 29 марта, Берхтольд ориентировал своих собеседников, что монархии нет надобности в вооруженном выступлении, так как «великие» державы решили вопрос о принадлежности Скутари к Албании; что 30-го в Белграде будет коллективное выступление послов; что Англия согласна на интернациональную морскую демонстрацию, но не на блокаду; что Россия не примет участия в этой демонстрации.

Все эти доводы далеко не были убедительны для Конрада, который, заподозрив, что Россия, Англия и Германия хотят договориться за счет монархии, предлагал быть готовыми защищать единолично свои интересы.

Однако, вместо этого 2 апреля было принято решение об участии в интернациональной морской демонстрации, о чем был послан приказ флоту с указанием ожидать прибытия иностранных судов, с командирами которых и договориться о совместных действиях.

«От интернациональной морской демонстрации нечего ожидать»,—писал 2 апреля Берхтольду Конрад, так как это только укрепит Черногорию в убеждении, что другие державы удержат Австрию.

«Если нейтралитет уже нарушен, — продолжал Конрад, — то должны быть энергично проведены следующие меры:

1) на море: блокада, воспрещение сербских транспортов, ввоз оружия в Албанию;

2) на суше: закрытие границы и, если это окажется недействительным, мобилизация «Б».

Суда с продовольствием для населения Скутари должны отныне итти не через Катарро, так как сербские и черногорские войска используют эти запасы для себя».

В тот же день Берхтольд дал ответ. Признав справедливыми заключения Конрада о значении морской демонстрации, министр писал, что все же необходимо соблюдать постепенность в применении средств, каковая ему мыслится так: демонстрация, блокада и высадка, если потребуется.

Если министр осторожно идет вперед, то это следует объяснить нежеланием ухудшать общую политическую обстановку для монархии, портить ее отношения с державами и прежде всего — с Италией. Каждый самостоятельный шаг Австрии бросит Италию в объятия России. Воевать на три фронта Австрия не может, а потому пока приходится действовать в согласии с Италией, и только если из этого ничего не выйдет, тогда встать на путь расчета с этим государством.

Подобного характера указания были получены 4 апреля от Франца-Фердинанда. Его начальник военной канцелярии писал Конраду, что Франц-Фердинад «твердо стоит на том, что пока хотя бы, по меньшей мере, формально существует европейский концерт, самостоятельные выступления монархии невозможны».

Обстановка на Балканах, между тем, еще более усложнялась. 26 марта пал Адрианополь и освобождалась часть сербских войск, которые, по данным генерального штаба в Вене, уходили или на австрийскую границу или в Албанию.

Вопрос со Скутари не выходил за пределы «академических» разговоров Конрада с Берхтольдом, как их ныне называет бывший начальник генерального штаба. Министр колебался в принятии смелых решений, а Конрад настойчиво звал к ним.

Морская демонстрация у черногорских берегов не достигала цели, так как командиры иностранных судов решительно отвергли предложение командования австрийского флота о блокаде берегов. Не лучше дело обстояло и на сухопутной границе, где против окончательного ее закрытия выступил общеимперский министр финансов.

16 апреля в письме к Берхтольду Конрад решительно высказался за закрытие границы, считая, что объявленная на всю Европу сухопутная блокада Черногории, фактически не осуществляемая, приведет лишь к ухудшению положения.

К спорным вопросам на Балканах присоединился еще вопрос о притязании греков на весь противоположный берег против острова Корфу, причем в этом греки поддерживались Германией. По сообщению Берхтольда,

итальянский генеральный штаб считал, что пролив между островом и берегом, допускающий проход первоклассных судов, мог поэтому служить базой, что в Берлине признавалось «смешным». Берхтольд выдвигал предложение нейтрализации пролива, если бы берег перешел в греческие руки.

14 апреля Конрад в письме к министру иностранных дел присоединял свое мнение к суждению итальянского генерального штаба и скептически относился к Берлину, видя желание Германии не только поддержать греков, но и связать их с сербами, в то время, когда Вильгельм был против болгарского короля.

«Мы дорого заплатили за туркофильство Германии, — писал начальник генерального штаба, — а потому должны быть особо предусмотрительными в отношении ее сербофильства и грекофильства».

«Не солжем, если скажем, что наша осторожная политика в настоящую балканскую войну в большей части зависит от сдерживающего и открытого миролюбия Германии, чего не изменяет и речь Бетмана, но в будущем мы должны потребовать единодушного выступления Германии и прежде всего потребовать, чтобы Германия в отношении наших балканских соседей преследовала наши взгляды и наши нужды».

Было бы желательно, если бы Сербия вполне лойяльно вошла в союз с монархией, — заключает Конрад, — но так как это исключено, то единственное средство —силой восстановить потерянный Австрией престиж.

«Если Германия не хочет этого, — предупреждает Конрад, — то она должна знать, что монархия — славянское государство, которое в будущем можно будет увидеть на стороне России и Франции».

Что же касается пролива около Корфу, то Конрад присоединялся к заключению Берхтольда о необходимости его нейтрализации и воспрещении грекам укреплять берег.

15 апреля начальник генерального штаба явился на доклад к Францу-Иосифу и перед ним снова развернул доказательства необходимости самостоятельного и решительного выступления монархии, попутно указав и на нерешительность Берлина. Доклад, как обычно, ничем не кончился.

Мысли Конрада вращались не только около Скутари. Его внимание было привлечено назревающим *сербо-болгарским конфликтом*, использовать который он также решил.

«Наконец, — писал 18 апреля Конрад Берхтольду, — опять создается благоприятная обстановка, которая зовет судьбу монархии к тому, чтобы выйти из пассивного положения, вынужденного великими державами, и преследовать собственные интересы».

Дорога к этому, по мнению Конрада, вела к войне с Сербией и Черногорией.

Между тем, 23 апреля Скутари пал.

Тотчас же у Берхтольда собрались Конрад, адмирал Гаус и два помощника министра иностранных дел с целью обсудить, какими средствами можно принудить черногорцев и сербов к очищению Скутари, при чем министр предложил высадить десанты в Антивари и Дульциньо.

Конрад начал с того, что если не обращать внимания на державы, то можно решить вопрос с достаточной ясностью. «Дело идет к тому, — гово-

рил Конрад, — что наш престиж мы можем сохранить только войной с Черногорией. На полдороге мы не должны останавливаться».

Адмирал указал, что высадить он может не более 2 000 человек, которые могут занять только один пункт и все действия фактически будут малоуспешны.

Начальник штаба нашел даже их опасными, ибо если черногорцы атакуют этот отряд, то это явится поводом к войне.

«А если овладеть Цетинье?» — спросил Берхтольд.

«Это исключено, — решительно ответил начальник штаба. Там находится 25-30 тысяч черногорцев. Если мы что-либо можем сделать, то это направить 30-50 тысяч человек. Это есть война».

«Войны мы вести не можем», — заметил помощник Берхтольда.

«Тогда не следует вести активной политики и в таком случае ничего не нужно предлагать», — указал дипломату стратег.

В разговор вступил Берхтольд, который заявил, что войны ни с Черногорией, ни с Сербией вести нельзя, и продолжал искать все же выхода из положения.

Начальник штаба видел его в одном — в немедленном разрешении великосербского вопроса. «Ныне, — указывал он, — наступил последний момент» и «если мы решили вести войну, то должны твердо сказать, что мы включим Черногорию в состав монархии».

Такое предложение испугало дипломатов. «Мы не можем ничего аннексировать, — заявил помощник Берхтольда. — Европа была бы тогда против нас, и мы оказались бы в нынешнем положении черногорского короля».

«После войны все будет иначе», — заявил Конрад, перечислив все выгоды, кои пришли бы с аннексией. Так же критически отнесся он и к соглашению с Италией.

Дебаты кончились принятием предложения начальника генерального штаба о запросе держав, и Берхтольд отправился к Францу-Иосифу.

Мы намеренно останавливаемся подробно на происходивших разговорах, дабы у читателя составилось представление о тех колебаниях политики и решительности стратегии, кои в эти дни наблюдались в Вене.

Падение Скутари, знаменовавшее собою поражение Австрии, вызвало в Риме плохо скрываемую радость, что немедленно военным агентом и было доведено до сведения Конрада.

Державы, к которым апеллировала монархия, 26 апреля дали ответ: «усилить блокаду». Берхтольд отнесся к этому так же критически, как и начальник штаба, решив предпринять серьезные шаги.

Вечером 26 апреля Берхтольд с Конрадом появились в кабинете Франца-Иосифа с предложением мобилизации «Б», если конференция послов в Лондоне не примет решительных мер. Результатом доклада было согласие старика произвести частичную мобилизацию XIII, XV и XVI корпусов против Черногории, оставаясь в выжидательном положении против Сербии.

Донесения военного агента из Петербурга говорили, что Австрия может встать на путь решительных дипломатических действий.

Итак, Берхтольд был склонен к выступлению, но 29 апреля в разговоре с начальником генерального штаба уже ограничил цели войны, а именно только очищение Скутари, тогда как Конрад имел в виду включение в со-

став монархии всей Черногории. Министр указывал на необходимость действовать в согласии с другими державами и, особенно, Италией.

С последней велись переговоры о совместных военных действиях, при чем Рим считал наказание Черногории несправедливым, требовал вести действия так, чтобы не задевать территории страны, решать вопрос о Скутари не изолированно, а в связи с общим решением об Албании.

Нечего говорить, что начальник генерального штаба решительно выступил против таких предложений итальянцев как на докладе у Франца-Иосифа 29 апреля, так и в письме к министру иностранных дел в тот же день, в копии отправленном военному министру.

Если монархия не хочет совершенно отказаться поднять потерянный ею престиж и защищать жизненные интересы, если она не хочет упустить последнюю возможность, чтобы предварить те тяжелые последствия, кои должны выявиться в результате современного хода балканского кризиса, то ей не остается ничего иного, как тотчас же, на свой страх, решить этот вопрос, при этом отказавшись от всяких совместных действий с Италией и откинув всякие условности великих держав».

Начальник штаба окончательно изверился в доброжелательном со стороны последних отношении к монархии и, пожалуй, не без основания.

2 мая состоялся совет министров, на котором был решен призыв ландштурма, ассигновано 500 миллионов крон в предвидении войны. Что же касается политической программы действий, то совет министров постановил: 1) в кратчайшее время закончить переговоры с Италией о совместных действиях, однако, не связывая себя; 2) независимо от этого предъявить Черногории ультиматум в три дня очистить Скутари и 3) в случае отказа объявить мобилизацию против этого государства.

Однако, были получены сведения, что черногорский король склоняется к эвакуации Скутари.

4 мая на собравшемся снова совете министров, при резком протесте начальника генерального штаба, было решено *ультиматум не посылать*, а ограничиться передачей ноты, в которой содержалась бы угроза, — в случае неисполнения требований монархии предъявить ультиматум.

Как на заседании совета министров, так и в последующих трех письмах к Берхтольду начальник генерального штаба решительно высказывался за посылку ультиматума; отвергал всякие совместные действия с Италией, чтобы не давать ей возможности укрепиться в южной Албании; говорил против посылки экспедиционного корпуса в Албанию и, вообще, приводил доводы против развития крупных действий в этой стране.

Начальник штаба находил, что «наступило время, когда дипломатические ходы должны подчиниться военным требованиям», а именно—войне с Черногорией и Сербией.

Единственный возможный случай мирного решения Конрад видит в соединении Черногории с монархией, при чем Скутари остается за Черногорией, Албания предоставляется собственной судьбе.

На всякий случай начальник штаба дает задание оперативному бюро подготовить формирование оккупационного корпуса в составе 14 батальонов, путем выделения по одному батальону от каждого корпуса (с № 1 по № 14), дабы не нарушать плана сосредоточения.

Ныне Конрад объясняет почему он так решительно восставал против посылки крупных сил в Албанию. *Причиной тому был назревающий конфликт сербов с болгарами, который должен был послужить исходным для новой политической ситуации, для коей начальник штаба хотел иметь свободные руки, свободные силы.*

Черногория подчинилась требованиям монархии.

Венские политики расценивали это как большой успех, ибо Черногория уступила из боязни. Иначе мыслил Конрад. По его мнению, Черногория не из боязни успеха австрийского оружия, а из необходимости пошла на уступки. Трубить о своих победах политикам Вены не приходилось, так как большие вопросы, и прежде всего — великосербский, были еще не разрешены. Так думал начальник генерального штаба, когда Берхтольд задал ему вопрос: что было бы, если бы черногорцы были разбиты? «Поддержание престижа, не больше», — отвечал Конрад.

Так закончился спор о Скутари, который мог повести к отдельному выступлению Австро-Венгрии, а следовательно, к такому углублению балканского конфликта, которое закончилось бы, наверное, большой войной.

30 мая в Лондоне был подписан турецко-балканский мирный договор, не удовлетворивший ни балканские страны, ни Австрию. Правда, ее пожелание о создании автономной Албании было удовлетворено, но на ее южных границах отныне находилась сильная Сербия и не удовлетворенная в своих стремлениях Черногория.

Мы слышали, что начальник генерального штаба в Вене был разочарован в лондонской конференции послов и советовал Австрии итти самостоятельной дорогой.

Поддержки монархия, по его мнению, не находила не только у своих скрытых пока врагов, но и у союзников.

Частично нами уже приводились взгляды Конрада на политику Берлина. Она шла иной дорогой, чем это хотелось начальнику австро-венгерского генерального штаба. В Черногории германский представитель не только явно шел против австрийских интересов, но даже отказывался от коллективного выступления всех послов перед черногорским королем. В Сербии, где Германия с каждым годом оказывалась все более и более заинтересованной экономически, в стране, откуда грозила смертельная опасность для монархии, — и там политики с берегов Шпрее оказывались сдержанными. В Греции германское влияние укреплялось с каждым днем, равно как и в Румынии. В Турции германский посол с нескрываемым недоброжелательством относился к политике монархии.

Одним словом, солидарности в политических выступлениях союзников на Балканах не замечалось. Что касается поддержки требований монархии перед европейскими кабинетами, то и там Германия оказывала ее постольку, поскольку это не грозило войной. Мы знаем, что у Конрада даже закрадывалось сомнение, как бы за счет Австрии Германия не сговорилась с остальными государствами.

В своих частых беседах с германским военным агентом Конрад неоднократно печаловался на сдержанную политику Берлина. Правда, речь канцлера Бетмана, произнесенная в апреле в рейхстаге, послужила некоторой

поддержкой активности Вены, но и то, по мнению начальника штаба, была запоздалой.

Военный агент Германии неизменно указывал Конраду, что трудно поднять на войну с Францией германского бюргера ради Албании.

«Нет, нет! — живо отвечал начальник штаба. — Дело не в германском бюргере, а в германском императоре, который говорит: «Ради албанских пастбищ для коз, однако, никто не будет вести войны».

Только германский генеральный штаб, по словам агента, был убежден в неизбежности большой войны и считался с ней.

Однако, в решительный момент австрийских требований об очищении черногорцами Скутари военный агент подбодрил Конрада, указав 2 мая, что Германия абсолютно на стороне монархии, вплоть до конфликта.

Статс-секретарь по иностранным делам Германии Ягов в своей книге «Причины и начало мировой войны» пишет, что занятие черногорцами Скутари создало «критический момент», который был устранен лишь «твердым выступлением Германии и Австрии на конференции».

Нужно признать, что действительно поднять из-за Балкан на войну германский народ было трудно, и это хорошо сознавали в Берлине, как это не было неприятно для Вены. Мировая свалка была неизбежна, но не из-за мелких балканских делишек.

Берлин отдалял начало этой бойни.

Что касается другого союзника, Италии, то, как мы знаем, она, ввиду противоречий с Францией в Средиземном море и ослабления своих вооруженных сил войной в Африке, стремилась стать лояльным членом тройственного союза.

Однако, трудно было стереть те противоречия, кои существовали в отношениях Рима и Вены и ныне еще более обострились развертывавшимися событиями на Балканах.

Мы уже слышали, что падение Скутари вызвало скрытую радость в Италии, а затем, когда зашел вопрос об экспедиции для наказания черногорцев, Берхтольд занялся согласованием своих шагов с Римом, предвидя его неминуемое противодействие отдельным выступлениям монархии. Мы также слышали, как решительно высказывался начальник генерального штаба монархии против каких-либо соглашений и совместных действий с Италией.

По донесению военного агента от 27 апреля из Рима правительство вынуждено было в вопросе о Скутари итти слепо за «общественным» мнением, которое было против каких-либо карательных экспедиций в Черногорию. Ответственные политики Италии заявляли агенту, что они не могут этого сделать, так как тотчас же вспыхнула бы в стране революция. Австрийское же посольство в Риме пришлось охранять вооруженным отрядом.

Между тем, правительство старалось поддерживать вполне дружественные отношения с Веной.

Конрад официально должен был также соблюдать союзнические нежности. Получив от итальянского начальника генерального штаба Поллио историю войны в Триполи с собственноручным его письмом, Конрад в своем ответе благодарил Поллио, при чем не преминул высказать мнение, что едва ли удастся на море конкурировать с Францией и Англией.

Заключение тройственным союзом, морской конвенции, предложенной Италией, пока не двигалось вперед, и в Вену не прибывали итальянские военные представители, командирование коих было обещано. Несмотря на то, что эта конвенция очень была желательна для Берлина, наследник Франц-Фердинанд скептически относился к ней и 9 апреля приказал начальнику генерального штаба воздержаться от реальных шагов по ее осуществлению.

Приказание молодого Габсбурга вызвало обмен мнений Конрада с Берхтольдом, при чем оба высказывались в том смысле, что изолированные действия австрийского флота в большой войне обречены на неудачу, и для обоих были непонятны мотивы выступления Франца-Фердинанда. Однако, морской штаб Австрии высказывался против конвенции, так как не доверял итальянцам.

Одним словом, взаимное недоверие продолжало лежать между двумя союзниками.

Действительно, Рим решительно чинил препоны активной политике Берхтольда.

18 апреля 1913 года русский посол в Париже Извольский сообщал Сазонову: «Пишон (французский министр иностранных дел — *Б. Ш.*) сказал мне сегодня, что, по всем имеющимся у него сведениям, итальянское правительство самым энергичным образом действует на Австрию, дабы удержать ее от активного выступления против Черногории. Если, тем не менее, венский кабинет решится на подобное выступление, Италия в нем участия не примет, но займет некоторые пункты на Албанском побережьи, вероятно Валону и Дураццо. Это известно венскому кабинету и, конечно, действует на него умеряющим образом. Кроме того, Пишон имеет основание думать, что римский кабинет еще раз доверительно сообщил австрийскому правительству, что если единоличные активные действия вовлекут Австрию в войну, Италия не сочтет себя обязанной союзным договором поддержать ее и останется в стороне. Это последнее сведение подтверждается, между прочим, весьма секретным источником, о котором я имел случай упомянуть».

В письме от 26 апреля Извольский так обрисовывает взаимоотношения государств тройственного союза: Как только зашла речь об единоличном выступлении Австрии против Черногории, римский кабинет употребил самые энергичные и искренние усилия, чтобы удержать венский кабинет от подобного шага. Когда австро-венгерское правительство заявило в Риме о своем твердом решении добиться силою, вместе с остальными державами, а в случае их отказа, — единолично, эвакуации Скутари, итальянское правительство ответило, что оно в подобном действии против Черногории участвовать не будет, но, со своей стороны, выступит активно в Албании. Вслед за этим заявлением между Австрией, Италией и Германией происходили оживленные переговоры, принявшие одну минуту очень острый характер. Венский кабинет всеми силами старался предотвратить высадку итальянцев в Албании и с этой целью предлагал содействовать приобретению Италией любого острова в Эгейском море, например, Родоса. Лишь после того, как Италия высказала абсолютную решимость — в случае австрийского выступления против Черногории предпринять параллельные действия в Албании,

венский кабинет решился пойти на соглашение с Италией на этой почве, при чем Германия, заботившаяся, главным образом, о сохранении тесной связи между державами тройственного союза, весьма горячо высказалась по поводу этого соглашения».

«По убеждению Пишона, — продолжает Извольский, — итальянское правительство безусловно предпочитало не только мирный исход вопроса о Скутари, но даже коллективное вмешательство держав, и лишь под угрозой единоличного выступления Австрии решилось на параллельные действия. Подобное отношение Италии к этому вопросу подтвердил мне также и г. Титтони. Со своей стороны, венский кабинет лишь с величайшим трудом решился дать свое согласие на итальянское вмешательство в Албании и, в особенности, на занятие Валоны, на которое в Вене привыкли до сих пор смотреть, как на casus belli. По словам Пишона, настоящий эпизод чуть-чуть не привел тройственный союз к острому внутреннему кризису, который был предотвращен лишь энергичным давлением берлинского кабинета на Вену и Рим».

Четвертый член тройственного союза, Румыния, была занята урегулированием границы с Болгарией, о чем мы поговорим несколько ниже. Отношения Вены и Бухареста оставались пока лояльными, но из донесений военного агента начальник австро-венгерского генерального штаба мог уже усмотреть неблагоприятные симптомы. Идея объединения всех румын, и не в составе Дунайской монархии, как о том мечтал Конрад, все более и более становилась популярной в Румынии, начинавшей тяготеть к будущей Антанте. Содружество обоих генеральных штабов, однако, еще продолжалось, и на маневры 1913 года намечался приезд в Австрию помощника начальника румынского генерального штаба. Румыния продолжала делать заказы оружия в Австрии, но последняя начала поставлять довольно плохие ружья, что искренне огорчало Конрада.

Таковы были соотношения внутри тройственного союза.

Обратимся теперь к противной стороне.

Как нам известно, Россия уступила во многих спорных с Австрией вопросах, не находя поддержки в Париже и, особенно, в Лондоне.

Упорство черногорцев в осаде Скутари вызвало, действительно, неудовольствие Петербурга, и русское правительство энергично давало отпор притязаниям черногорцев на Скутари, идя в согласии с остальными государствами и даже предложило им произвести совместную морскую демонстрацию, хотя сама в ней участвовать не собиралась, а возлагала эту миссию на Францию.

Скутари пал. «Создалось крайне критическое положение, — пишет Бьюкенен, — ибо если бы державы не приняли совместно каких-либо решительных мер, можно было опасаться, что Австрия выступит отдельно, что легко послужит поводом для вовлечения России в войну... К счастью, когда положение сделалось совсем безнадежным, когда я считал войну неизбежной, король Николай 4 мая объявил о своем намерении отдать Скутари державам».

Действительно, положение было критическое. В своей циркулярной ноте от 24 апреля Сазонов, сообщая о согласии Черногории уступить в вопросе о Скутари, писал: «Если бы на этой почве не был найден мирный исход

из кризиса, угрожающего европейскому миру, то для всех несомненно было бы, что нравственная ответственность за это пала бы не на Черногорию, а на Австрию».

Отмечая, что им указано австро-венгерскому послу на серьезность положения, Сазонов продолжал: «Если и при таких условиях Австрия выказала бы неуступчивость, общее положение, несомненно, значительно осложнилось бы».

«Полагаю, — заканчивал ноту министр, — что мудрая политика диктует Австрии разумную уступчивость к своим более слабым соседям и, особенно, к Сербии, проявившей полную корректность, которая не может не быть признана державами».

Как ни веска в своих угрозах нота Сазонова, однако, мы считаем, что «мудрая политика» России зависела больше от того *страха за Константинополь*, о котором мы уже говорили.

Идея вооруженной рукой разрешить вопрос с проливами и Константинополем пока была отложена русской дипломатией.

С падением 13 марта Адрианополя Константинополь оказался под угрозой наступления болгар.

15 марта Сазонов уже телеграфирует русскому послу в Константинополе Гирсу, с согласия морского министра, о возобновлении права посла вызывать черноморский флот, если создастся угроза столице Турции.

22 марта бьет тревогу тот, кто на проливах погубил свою карьеру министра. Извольский пишет Сазонову: «Ввиду опасности движения болгар на Константинополь мне пришла следующая мысль, которую спешу повергнуть вашему благоволению». Мысль эта заключалась в том, чтобы, заинтересовав Францию и Англию, связать вместе с ними Турцию денежными посулами.

26 марта Извольский сообщает Сазонову, что Пишон выдвинул проект отправления шестью державами в Дарданеллы, Родосто и Босфор соединенных эскадр. Французский министр хотел предотвратить этим единоличное выступление Австрии в вопросе о Скутари; но в то же время, — писал Извольский, — «если болгары прорвут Чаталджинские линии и вступят в Константинополь, появление нашего флота в Босфоре также может подать Австрии предлог к единоличному выступлению против Сербии и Черногории».

Но Пишон уверен, что наличие соединенной эскадры в Мраморном море удержит Австрию, а кстати, чего Извольский не подписал, оно же связывало руки и России, предотвращая возможность ее «единоличного» выступления, грозившего европейской войной.

Греем в апреле был выдвинут проект о введении общеевропейского контроля над турецкими финансами. Мы знаем, как болезненно Сазонов относился к вмешательству других государств в вопрос о проливах; поэтому и упомянутый английский проект вызвал его возражения, изложенные в письме от 18 апреля к Извольскому, старавшемуся доказать целесообразность проекта.

Сазонов боялся сокращения вооружений Турции. «Если оборона Константинополя и проливов, — писал он, — в настоящее время не будет достаточно оборудована, то обстоятельство это вместо того, чтобы отвечать нашим интересам, может служить опасным соблазном для болгар, тогда

как несвоевременная постановка вопроса о проливах может, в свою очередь, поставить нас в крайне тяжелое положение».

Министр не боялся вооружений Турции «после пережитого ею беспримерного поражения». «Если вопрос о проливах, — писал он, — и возможность его постановки в ближайшем будущем ставят перед нами на очередь целый ряд самых серьезных задач, требующих планомерного осуществления, то, пока вся эта программа будет проводиться, было бы опасно и преждевременно говорить о сокращении средств обороны и без того слабой Турции... С другой стороны, у нас невольно возникает опасение слишком связать свободу своих действий в отношениях России с Турцией в случае установления в ней общеевропейского контроля».

Сазонов рассчитывал, что Турция вполне учтет все выгоды от сближения ее с Россией, а «Россия может извлечь больше выгод из прямых и непосредственных отношений со свободной Турцией, чем связав ее подчинением европейскому контролю, а себя самым неизбежным участием в последнем, если бы таковой осуществился».

Ту же точку зрения разделял военный министр Сухомлинов, признававший, что, «когда наступит время для разрешения этого (проливного — *Б. Ш.*) вопроса в желательном для России смысле, то таковое разрешение его будет для России значительно труднее и сложнее, нежели при отсутствии контроля».

Морской министр Григорович, присоединяясь к мнению Сухомлинова, 9 мая писал Сазонову: «Ныне турецкие проливы, Босфор и Дарданеллы, с неизбежностью станут рано или поздно русским достоянием, ибо здесь проходит главный торговый путь». Указав, что «этот справедливый взгляд встречает сочувствие Франции и Англии» и что «ход международных событий в Европе делает весьма вероятной постановку этого вопроса для решения в ближайшем будущем», морской министр снова настаивал на создании сильного флота в Черном море. «Пока эта морская сила на юге не будет нами создана, нам важно, чтобы вопрос о проливах не был поставлен вовсе, чтобы никакая другая держава не покушалась на них и чтобы в соответственное время Турция была достаточно сильна на европейском берегу, дабы не пустить к Константинополю и Дарданеллам Болгарию».

Предел последней был поставлен Сазоновым, выдвинувшим проект новой границы по линии Энос — Мидия, оставляя в руках турок Чаталджинские позиции, прикрывающие Константинополь.

Таким образом, пока Константинополю и Сербии не грозила опасность, Россия не доводила дела с Австрией до разрыва, но... за будущее трудно ручаться. Грядущая вторая балканская война снова спутала все карты дипломатов.

Что касается Франции, то, по сведениям, имевшимся у Конрада, она в данное время не хотела войны и умеряюще влияла на Петербург.

Действительно, когда возник кризис со Скутари, правительство республики забило тревогу. «Из последовательных телеграмм моих, — писал 21 апреля Извольский Сазонову, — вы могли заключить о степени тревоги, испытанной в течение последних дней французским правительством. В прошлое воскресенье здесь в высшей мере ощущалось, что кризис достиг кульминационной точки и что от исхода назначенного на следующий день

собрания послов в Лондоне зависит сохранение общего мира... Пишон усмотрел в нашем намерении категорически высказаться против выступления Австрии — разрыв общеевропейского согласия с неизбежными его последствиями, отозванием франко-английской эскадры, закрытием лондонского собрания послов и предоставлением доминирующей роли в событиях Австрии и ее союзникам».

«В дальнейшем, по убеждению Пишона, подобный оборот дела должен был неминуемо повести к вооруженному столкновению между Россией и Австрией, а, следовательно, и к общеевропейской войне. Поэтому, как вам известно из моей телеграммы, он предписал Делькассе, который должен был вернуться в понедельник в Петербург, так и П. Камбону самым энергичным образом поддержать мысль сэра Э. Грея об определении известных границ для эвентуального действия Австрии».

«Тревоги... усилились еще более, когда здесь узнали о предположенном параллельным выступлении Италии в Албании»,—указывал Извольский.

Одним словом, Париж всячески стремился удержать Австрию от сепаратных выступлений, зная, что за ними последует вмешательство России, равно как и Петербург необходимо было удержать от единоличных действий в Константинополе, результатами чего явилась бы также европейская война.

«Ведь это мы, — пишет в своей книге Пуанкаре, — в 1912 году потребовали и достигли того, чтобы все восточные вопросы рассматривались как вопросы общеевропейского характера». Пуанкаре считает это шедевром французской политики в сохранении мира, мы уже усматриваем иное, а именно: система союзов в Европе была такова, что достаточно было одному из их членов проявить активность, как почти автоматически в войну должны были вмешаться другие; поэтому Франция стремилась оттянуть время начала войны, не соответствовавшей ее финансовым сделкам, а также для достижения большей военной готовности, нежели та, которая была в 1913 году.

По стопам Парижа шла и Англия, политика которой сдерживала активные выступления обоих ее союзников, а в то же время английский флот деятельно готовился к войне.

Если Пуанкаре в конце 1912 года находил стратегическую обстановку, при наличии сильной балканской федерации, благоприятной для тройственного согласия, то ныне балканский союз трещал по всем швам и грозил новой войной в среде самого союза, являясь благодаря этому не силой, а источником слабости для тройственного согласия.

При такой обстановке лучше было выждать результатов второй балканской войны и повременить с началом мировой.

К такому решению пришли все «великие» державы Европы, готовясь к новым событиям на Балканах...

ГЛАВА VIII

ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Конрад пишет Берхтольду о необходимости использовать сербо-болгарский конфликт для нападения на Сербию. — Беседа Конрада 6 мая с болгарским военным агентом. — Берхтольд за невмешательство Австрии в конфликт. — Конрад и Берхтольд против демобилизации. — «Вооруженный народ» и продолжительное состояние запасных под знаменами. — Главные враги Сербии. — Конрад настаивает на мобилизации по варианту «Б». — «Великая Болгария» и «Великая Сербия». — Шпионство Редля. — «Искание» войны с Россией или «допуск» такой войны. — Мнения по этому Конрада и Берхтольда. — Календарь второй балканской войны. — Ориентировка 14 июля Конрада его заместителем и ответ Конрада. — Соображения Конрада о совместных с Россией действиях против Турции. — Крупные военные меры должны сочетаться с решительными целями. — Конрад запрашивает 25 августа Берхтольда о направляющих линиях политики для предстоящих работ по плану войны. — Политические линии Австрии в понимании их Конрадом. — Политика должна считаться с соотношением военных сил. — Конрад снова о включении Сербии в монархию мирным путем. — Выпад Франца-Фердинанда против Конрада на австрийских маневрах осенью 1913 г. — Просьба Конрада об отставке и письмо Франца-Фердинанда. — Конрад остается в должности начальника штаба. — «Для каждого генерала приходит время»... — Настроение Мольтке и его мысли о второй балканской войне. — «Балканская решетка». — «Россия посажена в крапиву». — Совет Мольтке Австрии считаться с действительностью. — Ягов о роли Германии во второй балканской войне. — Германские маневры осенью 1913 года и переписка Конрада с Мольтке. — Мнение Мольтке о тройственном союзе. — Поездка Конрада на маневры под вопросом. — Огорчение Мольтке. — «Дипломатия бросает камни на солдатском пути». — Надежды Мольтке, что политика не нарушит его дружбу с Конрадом. — Свидание трех начальников генеральных штабов. — Беседа Конрада с Вильгельмом. — «Полно не был Италией». — Австрийский военный агент о политике Италии. — Политика Рима в освещении Извольского. — Румыния отходит от тройственного союза. — Агрессивные замыслы Сербии. — Поражение Болгарии. — Позиция Турции. — Греция и Вильгельм. — Россия и вопрос о «проливах». — Главная забота русского министерства иностранных дел летом 1913 года. — Проект доклада Немица и его судьба. — Нажим России на Турцию. — Бухарестский мир и огорчения Сазонова. — Утешения Извольского и его прожекты. — Тяжелое положение политики Франции. — Умеренность Англии.

Если вспомним, то Вильгельм с горечью и не без основания называл Балканы «коробкой с сюрпризами». Раз открывшись, эта «коробка» начала преподносить одни неожиданности за другими. Еще не был покончен вопрос со Скутари, как назревал конфликт на востоке Балкан между Сербией и Грецией, с одной стороны, и Болгарией, с другой, из-за дележа завоеванной добычи. К этому спору присоединялись румыно-болгарские противоречия по вопросу о границе в Добрудже. Одним словом, на Балканах снова «запахло кровью».

Как известно, по мнению начальника генерального штаба Дунайской

империи, судьба вновь улыбалась Австро-Венгрии. Конфликт еще только намечался, но Конрад уже настойчиво толкает Берхтольда на войну.

В трех письмах к министру иностранных дел 6 — 7 мая 1913 года начальник генерального штаба излагает свои взгляды на грядущие события на Балканах и набрасывает план действий монархии.

Указывая, что отказ от оккупации Албании является сейчас наиболее правильным, Конрад подтверждает это тем, что «политическая обстановка принимает совершенно новый оборот, который ставит монархию перед решением громадного значения и дает выгоды к достижению ее сильно скомпрометированных интересов на Балканах, если она (монархия) решится и со всеми силами вступит в дело». Обстановка эта заключается в надвигающемся сербо-болгарском конфликте.

Если Австрия останется в стороне, то великосербский вопрос будет не решен и окажется постоянной угрозой на будущее время.

Решение, предлагаемое Конрадом, — самое радикальное: «выступить на стороне Болгарии, объявить мобилизацию «Б» и наступать в Сербию».

Россия едва ли выступит, так как славяне дерутся со славянами, а если и объявит войну, то все же для монархии шансы в данное время выгоднее, чем в будущем, так как Сербия связана.

Италия будет нейтральна или вторгнется в Южную Албанию. Румынии за нейтралитет необходимо пообещать Неготинский округ Сербии, или, в крайнем случае, отдать Силистрию.

В этот «великий» для монархии момент Конрад просит Берхтольда установить «твердые» линии политики. Сообщая о посещении его болгарским военным атташе и о беседе с ним, начальник генерального штаба вполне определенно заявил: «Очень важно узнать, одобряете ли вы изложенные выше соображения: 1) в отношении военной подготовки, 2) в отношении правильной линии в разговорах с иностранными атташе».

Конрад решительно советует бросить обращать внимание на европейские державы и начать войну, ибо иначе трудно оправдать перед правительственными учреждениями монархии те большие жертвы, кои заключаются и в финансовых ассигнованиях, и в отвлечении в течение нескольких месяцев призванных резервистов от работ.

Начальник генерального штаба пугает Берхтольда ростом Сербии в случае поражения Болгарии и предлагает не заниматься «мелкими» делами в Албании, а встать на путь «больших» решений.

Поставив главной целью для монархии включение в ее состав Сербии, Конрад не отвергает возможности достижения этого и мирным путем, развивая перед министром свой проект 1912 года, который уже известен нам, а потому повторять его не будем.

«Главной задачей, особенно, исходя из военных соображений, — поясняет Конрад, — я должен поставить выбор без колебаний той или иной дороги, так как иначе грозит опасность оказаться в проигрыше при колебаниях в этом отношении или при пассивном выжидании».

«Я прошу вас, — заканчивал письмо 7 мая начальник генерального штаба, — поставить меня совершенно определенно в известность обо всем, что входит в круг моего ведения, так как от этого зависит лежащая на мне военная подготовка, которая производится не в последний мо-

мент, но носит длительный характер. Так обстоит дело в каждом государстве, в особенности же — в государстве со сложной структурой, как в нашем».

Действительно, Конрад был в тяжелом положении, когда 6 мая посетивший его болгарский военный агент просил выяснить линии политики Австрии в случае сербо-болгарского конфликта. «Я пояснил ему, — пишет ныне начальник штаба, «что могу ответить только после разговора с министром иностранным дел, так как я, как солдат, не призван устанавливать линии политики».

Письма начальника генерального штаба встревожили Берхтольда, и он 8 мая появился в кабинете Конрада. Говоря об изменении политической ситуации, Берхтольд отмечал, что, в общем, следует итти с Болгарией, но, кажется, под давлением России сербы и болгары кончат спор миром.

Начальник генерального штаба был иного мнения.

Собеседник - дипломат выразил сомнение в необходимости таких больших приготовлений, как мобилизация «Б» для действий против Черногории, и в продолжительности мобилизации в 12 дней.

«Нет, — отвечал Конрад, — в Боснии нужны недели, так как мы не имеем там железных дорог. Только узкоколейные дороги. Не забывайте, что черногорцы готовы в два дня».

«Да почему Черногория, а не мы?» — спросил Берхтольд.

Начальнику штаба пришлось пуститься в разъяснение преимуществ черногорской милиционной военной системы, в то время как австрийцам приходилось уроженцев Боснии вывозить внутрь монархии, а из последней доставлять запасных в Боснию.

В тот же день *министр иностранных дел прислал Конраду письменный ответ.*

Из писем начальника генерального штаба Берхтольд выбирает четыре момента, на которые затем, «пункт за пунктом», и дает ответ.

Министр иностранных дел пишет, что крупные военные действия в Албании могли бы иметь место только при разрешении черногорского вопроса; ныне же это отпадает, и порядок в Албании будет установлен жандармами. Опасения Конрада, что Италия пытается стать твердой ногой в южной Албании, заняв Валону, Бертхольд рассеивает указанием, что «официальная» Италия сошла с этого пути.

По словам министра, австрийская дипломатия все время стремится устранить румыно - болгарский спор и втянуть Болгарию в тройственный союз.

По поводу предложений Конрада воспользоваться назревающим сербо-болгарским конфликтом и разрешить великосербский вопрос, Берхтольд указывает, что следует сохранять дружественные отношения как с Сербией, так и с Болгарией. Для монархии невыгоден союз сербов с болгарами, так как он может обратиться против нее; к тому же, приходится считаться с войной против России. Всякий бой германизма со славянством, при стремлении Италии занять Валону, для монархии, по чисто внутренним причинам, был бы в данное время очень нежелателен.

Указав, что все изложенное сообщается строго секретно и только лично для начальника штаба, Берхтольд заканчивал письмо обычными любезностями.

Доводы министра, однако, были далеко не доказательными для Конрада, который продолжал считаться с ближайшей возможностью вступления Австрии в войну.

Беспокоила его позиция *Германии,* в которой даже начальник генерального штаба, по донесению военного агента, полагал, что конфликт на Балканах разрешится дипломатическим путем. Действия же германского посла в Черногории снова вынуждали Конрада обратиться 12 мая по этому поводу с письмом к Берхтольду.

Австрия продолжала держать призванных резервистов, настроение которых падало, а содержание ложилось тяжелым бременем на бюджет. Военный министр вошел с представлением о демобилизации, что сильно встревожило как Конрада, так и министра иностранных дел.

20 мая начальник генерального штаба на докладе у Франца-Иосифа выступил также с предложением войны против Сербии, считая, что судьба еще раз благоприятствует успеху монархии.

Как только-что было указано, предложение о демобилизации вызвало отпор со стороны Конрада, но, будучи противником демобилизации в данной обстановке, 23 мая в письме к Берхтольду он указывал, что держать под знаменами резервистов долгое время, не вводя их в дело, нельзя, так как это подрывает дух и дисциплину армии. Необходимо выяснить скорее политическую обстановку.

Отмечая, что военные приготовления стоят дорого и отражаются на моральном состоянии армии, начальник генерального штаба напоминал, что они должны приниматься тогда, когда преследуются важные цели.

«Так как, — писал Конрад, — эти военные приготовления в первую очередь входят в круг моих служебных обязанностей, я прошу поставить меня в известность, каковы в настоящее время линии внешней политики, дабы я был бы в курсе для проведения соответствующих военных мероприятий».

В конце письма начальник генерального штаба указывал, что министерство иностранных дел отнюдь не должно непосредственно сноситься с армейскими инспекторами, ибо таковые сношения должны вестись или с военным министром или с начальником генерального штаба.

На следующий день при свидании Конрада с Берхтольдом снова зашел разговор о демобилизации. Министр находил необходимым прикрыть тыл болгар.

«С тем чтобы не помогать болгарам, — ответил Конрад. — Весьма вероятно, что ныне — последняя возможность разрешить сербский вопрос с выгодой». «Итак, — решительно заявил начальник штаба, — объявление мобилизации по варианту «Б» и вторжение в Сербию. Не должно быть иного прикрытия тыла (болгар — *Б. Ш.*), как наступление против сербов».

Берхтольд был далек от этого и предлагал заявить Сербии, что если она не уступит, то тогда монархия будет на стороне Болгарии.

«Да, — отвечал Конрад, — но потом мы уже не сможем в последний момент итти на уступки. Держать бесцельно продолжительное время под знаменами людей неприемлемо для «вооруженного народа».

Конечно, не тайной для сербов были замыслы Конрада, и он в своем письме от 23 мая сообщил Берхтольду, что, по имеющимся данным,

на состоявшемся в Белграде государственном совете было заявлено: «Главные враги Сербии — австро-венгерский император, но прежде всего наследник и я». Так писал начальник генерального штаба, довольный в душе такой «популярностью».

Предложение военного министра о демобилизации не осталось без ответа и со стороны Берхтольда, который 24 мая препроводил ему «ноту», сообщив ее в копии Конраду.

Признавая такую меру «несвоевременной», Берхтольд говорил, что кризис на южной границе монархии и разгром Турции идут к окончанию. Став вначале на сторону Турции, монархия сыграла неблагодарную и опасную роль, укрепив балканский союз и тем создав новое государственное объединение на карте Европы.

Получив «ноту», начальник штаба тотчас же: 1) набросал к ней замечания, в которых изложил все то, о чем он беседовал с Берхтольдом и что уже нами приведено выше, и 2) эти замечания, вместе с письмом 28 мая, отправил министру иностранных дел.

В письме Конрад считал своей прямой обязанностью, исходя «из военных соображений», установить ту позицию, которую займет монархия в случае сербо-болгарского конфликта.

Не нужно повторять, что «позиция» эта, по мнению Конрада, заключается в нападении на Сербию, ибо «Великая Сербия» была бы большой опасностью для монархии.

Указав на то, что единственно правильной дорогой он считает нападение на Сербию, Конрад решительно заявляет, что если Берхтольд станет на этот путь, то необходимо теперь же: 1) заручиться непременным согласием на это императора; 2) договориться с Болгарией.

«Необходимость предлагаемых мероприятий, — писал Конрад, — диктуется тем, что война Болгарии с Сербией может вспыхнуть каждый день и если помощь монархии болгарам должна быть оказана своевременно, чтобы помешать военному успеху сербов, то вступление монархии должно произойти тотчас же по объявлении войны. Но нужно учесть, что мобилизация и сосредоточение необходимых для этого сил займет около 16 дней, только по истечении которых может быть перейдена сербская граница».

«Эту отправную данную, которую, как строго секретную, сообщают только для вас, надлежит всегда иметь в виду».

«Для войны необходима мобилизация по варианту «Б». Цель войны была бы: решительное ниспровержение Сербии». И дальше Конрад, не стесняясь, делит Сербию на кусочки.

Набрасывая эту программу действий для министра иностранных дел, начальник генерального штаба упорно шел к своей заветной цели.

Венская дипломатия, как мы уже указывали ранее, попадала в тяжелое положение, деля свою дружбу между Болгарией и Румынией, конфликт между которыми назревал. Для империи Габсбургов необходимы были как то, так и другое из балканских государств. Поэтому в тех же числах мая начальник генерального штаба, обращаясь с письмом к Берхтольду, находил необходимым сохранить союз с Румынией, а для этого постараться устранить недоразумения ее с Болгарией. Конрад считал, что Болгария должна добровольно передать Румынии области до линии Туртукай —

Балчик. Только при таком положении Болгария может рассчитывать на поддержку Австрии.

31 мая состоялась беседа Конрада с Берхтольдом. Дипломат считал, что отход к Румынии болгарской территории будет всегда яблоком раздора между этими странами, и Австрии не удастся установить их дружбу. С другой стороны, «великая» Болгария явилась бы опасностью для Австро-Венгрии.

«Нам, однако, выгоднее «великая Болгария», нежели «великая Сербия», — бросил в ответ начальник генерального штаба.

Напряженная деятельность начальника австро-венгерского генерального штаба была омрачена тяжелой изменой одного из начальников штаба корпуса, Редля, изобличенного в шпионстве. Как гром разразилась весть об этом над Конрадом, вызвав большую бурю в Австрии, а также найдя отклик в Берлине. В своем месте мы об этом поговорим подробнее, а ныне отметим это только как фактор, усложнивший положение начальника генерального штаба.

1 июня Конрад был с докладом у Франца-Иосифа. Старый Габсбург не отрицал возможности вступления в войну Австрии, если «Болгария и Сербия вцепятся друг другу в волосы», но все же рассчитывал на разрешение конфликта мирным путем.

Между тем, события на Балканах нарастали. Усилия русской дипломатии избежать распри между союзниками не давали результатов, и стороны готовились к схватке. Турция также не прочь была исправить недавние свои поражения.

21 июня Конрад, возвратившийся из полевой поездки, посетил Берхтольда с целью получить политическую ориентировку.

Берхтольд указал, что в случае войны Болгарии с Сербией Австрия должна выжидать и, если Болгария окажется побежденной, то монархия выступит с оружием в руках против Сербии, причем ни Франц-Иосиф, ни Франц-Фердинанд не желают какой-либо аннексии даже части сербской территории. Россия только угрожает, Германия всегда удержит ее от выступления, но если бы все же Россия вмешалась в войну, тогда и Австрия должна энергично выступить против России.

«Это — война, — заявил начальник генерального штаба. — Одним словом, существует вероятность войны с Россией. Переговорили ли в этом духе с Германией и Италией?»

Берхтольд указал, что на эту тему он вел разговор с германским послом в Вене Чирским и находил, что до тех пор, пока балканские государства будут драться, политическая ситуация для монархии складывается благоприятно.

«Итак, — продолжал Конрад, — резюме: в течение лета может быть война с Сербией и, если Россия выступит с крайними требованиями, то тогда мы будем «искать» войны с Россией».

«Не искать», — возразил Берхтольд, — а «допускать» возможность ее».

«В этом-то и ошибка, — отвечал начальник генерального штаба своему собеседнику, — что мы все время «допускаем», но не имеем определенной цели. При таком положении связь между военными требованиями и внешней политикой очень трудна. Государство должно иметь положительные

цели, которые политика в полной ясности сочетает с военными факторами, заключающимися в подготовке к войне».

«Мы только стабилизированное государство без положительных целей», возразил Бертхольд.

«Нет, — горячо ответил Конрад. — В 1909 году объединение юго-славян под эгидой монархии было положительной целью. Уступчивость императора и наследника лишь помешали этому».

«Да, эти затруднения мне известны», — окончил разговор Бертхольд.

Июнь принес с собой и решение: 26 июня болгарский главнокомандующий получил приказ о начале военных действий. «Все напряженно ожидали, — пишет в своих мемуарах Конрад, — на чью сторону склонится военный успех». Успех начал склоняться на сторону сербов и греков.

Угроза выступления Румынии становилась реальной. Правда, Румыния оценивая политику Австрии и постепенно выходя из орбиты тройственного союза, начинала побаиваться, как бы не получить удара в тыл со стороны Дунайской монархии. Однако, упускать удобный случай с выгодой «выпрямить» южную границу было нельзя, и 3 июля была объявлена мобилизация румынской армии.

Мы позволим себе напомнить календарное течение событий на Балканах.

10 июля Румыния объявила войну Болгарии, и началось вторжение румынской армии в последнюю.

22 июля турки овладели Адрианополем.

Окруженная со всех сторон, потерявшая все свои прежние приобретения, Болгария 30 июля пошла в Каноссу — в Бухарест — договариваться о мире со своими бывшими союзниками.

10 августа был заключен Бухарестский мир, из которого Румыния, Сербия, Греция и Черногория вышли существенно усилившимися. Австрии ничего не оставалось, как поднять вопрос о ревизии Бухарестского мирного договора.

Если Россия и Италия не прочь были его пересмотреть, то Германия решительно восстала против этого, и Вильгельм поздравил румынского Карла с победой.

Прошлось сделать приятную улыбку и Вене: 12 августа Франц-Иосиф послал приветственную телеграмму в Бухарест.

Активные действия Турции вызвали отпор со стороны России: началась дипломатическая борьба вокруг Адрианополя, который Петербург не был склонен возвращать туркам. 29 сентября Константинопольским миром болгар с турками был решен и этот вопрос в пользу турок. Вторая балканская война нашла свое завершение, но... надолго ли?

Вернемся в Вену. Поскольку в ней создавалось мирное настроение, начальник генерального штаба обратился к своей текущей работе, проводя время в полевых поездках с генералитетом и генеральным штабом. Беседы с Бертхольдом прервались, но переписка шла все время.

Мы уже знаем думы Конрада, смотревшего с тревогой на военные успехи сербов. Ясно, что чем больше военное счастье улыбалось сербской армии, тем больше омрачалось лицо начальника австрийского генерального штаба.

Его заместитель, оставшийся в Вене, 14 июля давал отчет о происхо-

дящих событиях. Он писал, что настроение дипломатии миролюбивое; не приходится помышлять о каком-либо отторжении от Сербии хотя бы части территории; Румынию хотят удержать в союзе, поэтому идут на разрешение пропуска из Буковины в Румынию сельскохозяйственных рабочих; если Россия предпримет «серьезные» шаги, то должна выступить и Вена; Греция начинает тяготеть (повидимому, вследствие политики Вильгельма) к тройственному союзу и проникнута самыми агрессивными намерениями в отношении Болгарии; об усилении оккупационного отряда в Скутари не приходится говорить: Берхтольд выдвинул предложение создать там сильный оркестр.

На следующий же день Конрад отвечал своему заместителю.

«Во всяком случае, — писал начальник генерального штаба, — печальная перспектива, по являющаяся логическим, неумолимо последовательным результатом робкой политики 1908 — 09 годов; мы удачно садимся между стульями, как тот, кто не решается преследовать самостоятельные положительные цели. Мы предполагаем жить в мире, расклапиваясь на все стороны».

В промежуток между полевыми поездками начальник генерального штаба 27 июля имел беседу с Берхтольдом и, «в соответствии со своим обыкновением важнейшие предложения излагать письменно», Конрад «позволяет себе» и на этот раз зафиксировать на бумаге разговор 27 июля.

Начальник генерального штаба останавливается на главном — на угрозах России Турции с целью вынудить последнюю отойти за линию Энос—Мидия, тем спасти Болгарию и приобрести влияние в восточных Балканах.

Сущность предложений Конрада сводится к тому, чтобы, воспользовавшись выступлением России в Армении или на европейском берегу, *Австрия в свою очередь вторглась в Сербию.* Начальник генерального штаба снова повторяет все выгоды аннексии Сербии.

«При таком выступлении против Сербии необходимо считаться с возможностью выступления России против монархии и с войной всего тройственного союза, — предупреждает Конрад, — и поэтому я строго доверительно сообщаю вам, что если выступление России произойдет в первые четырнадцать дней, то переход от варианта «Б» к варианту «Р» подготовлен и может быть проведен».

С горечью отмечая, что Германия преследует свои эгоистические цели, Конрад приходит к выводам, что «рыцарство в политике» — вещь плохая, равно как и «благодарность», что доказано Сербией в 1886 году, когда монархия спасла ее от болгарского вторжения.

Конрад указывает, что большой разгром Болгарии опасен для Австрии.

Переходя к возможным действиям России против Турции, начальник штаба прежде всего повторяет, что он считает необходимым *преследовать главную цель — поражение Сербии* и для этого использовать главные силы. Россия может ограничиться действиями на море, произвести десант на черноморском побережьи или, совместно с румынами, наступать на европейском берегу. В первом случае флот Австрии должен защищать Адриатическое побережье. В возможность русского десанта Конрад не верит, ибо высадка с незначительными силами не будет произведена, а крупные силы высадить трудно. Вероятнее всего наступление русских через Румынию.

Если монархия не хочет, чтобы Россия одна являлась спасительницей Болгарии, то *она обязана также принять участие в этом наступлении, двинув в Румынию XII корпус, составленный из румын, и подчинив его румынскому командованию.*

Подводя итоги всему сказанному выше, начальник генерального штаба пишет: «Вся суть в том, что крупные военные мероприятия только тогда оправдают себя, когда они сочетаются с большими решительными целями. Было бы совершенно неуместно проводить такие мероприятия, как, например, мобилизацию, без того, чтобы приведенные в боевую готовность силы не бросить для удара, как это уже дважды случилось, и снова демобилизовать их».

Конрад на этом не успокоился и 30 июля снова пишет Берхтольду, обсуждая тот же вопрос. С одной стороны, начальник генерального штаба, учитывая коммерческую заинтересованность Германии в самостоятельных балканских государствах, боится, что она не окажет серьезной поддержки агрессивным замыслам монархии; с другой стороны, главным препятствием продвижению Австрии на Балканах, по его мнению, является Россия. *Конрад готов пойти на соглашение и предложить России восток Балкан и Турцию — с тем, что Австрия будет иметь «свободные руки» на западе,* т. е. в Сербии, Черногории и Албании. Если бы это удалось, тогда можно разрешить сербский вопрос или походом в Сербию или же мирным включением ее, — наподобие Ганновера или Баварии в Германии, — в монархию. Если нужно воевать, то только теперь, так как резервисты уже и так устали, а кроме того, поход осенью сопряжен с большими трудностями. В заключение начальник генерального штаба просит Берхтольда дать *письменный ответ, так как подобные крупные вопросы гораздо лучше обсуждать письменно, чем устно.*

Берхтольд ограничился благодарностью за письма, и указаний никаких не дал.

Когда возник вопрос о понуждении турок к очищению Фракии и в Австрии стали склоняться к необходимости этого для спасения Болгарии, Конрад 16 августа счел необходимым обратиться с письмом к министру иностранных дел.

Ссылаясь на высказанные уже свои взгляды, что нельзя, ради благодарности Болгарии, пускаться в военные авантюры, Конрад считал, что военные силы монархии могут быть использованы только для достижения важных целей, а не на демонстрации, второстепенные действия и т. п.

Обычно летом в оперативном бюро прорабатывались варианты по плану войны на следующий год. Начальник штаба отдавал себе отчет, что для такой работы необходима *политическая ориентировка,* за которой он и обратился письменно к Берхтольду 25 августа 1913 года.

«В ближайшее время должны быть даны основные положения для обновления военных соображений на 1914 год. Эта работа требует от меня, прежде всего совместно с вами, установления, на основе изменений в общем политическом положении, новых политических оснований, для будущих военных мероприятий по обороне монархии».

Первой из этих основ начальник генерального штаба считал строгое и лояльное сохранение тройственного союза, что диктуется складывающимся

соотношением военных сил. Разногласия в союзе были бы чреваты дурными последствиями для монархии. Однако, последние события показывают, что Австрия не может всецело рассчитывать на содействие союзников при достижении ею своих целей на Балканах. Развитие собственных вооруженных сил отстало, а на Балканах, как результат двух войн, соотношение сил складывается не в пользу Австро-Венгрии.

Как известно, — продолжает рассуждать Конрад, — в последние годы всегда приходится считаться с враждебностью Сербии и Черногории, как в былые годы с Пьемонтом. Эта враждебность указанных славянских государств сохраняется в полной мере и на будущее.

Однако, вследствие военного усиления Сербии, ныне нельзя уже рассчитывать на отвлечение ее сил Албанией и Болгарией — государствами, военная мощь которых скажется не скоро.

Еще тяжелее сложится обстановка, если в будущем столкновении с Россией Румыния выпадет из союза или даже окажется в стане врагов.

Конрад просит Берхтольда дать ему *ориентировку* в положении *Румынии, ибо в случае враждебной ее позиции военная подготовка потребует существенных изменений и крупных ассигнований; отделаться одним оптимизмом по поводу австро-румынских отношений он не может и не собирается нести за это ответственность.*

Начальник штаба просит учесть, что переход Румынии в стан врагов лишает тройственный союз содействия не 15 румынских дивизий, а всех 30 дивизий.

Конрад заявляет, что служба его обязывает выяснить это Берхтольду, ибо: «ошибка в соотношении военных сил приведет с неизбежностью к положению, из которого даже самая ловкая дипломатия не найдет выхода и самая храбрая армия не отвратит бедствия».

В поисках выхода из создавшегося тяжелого политического положения начальник генерального штаба возвращается снова к своей прежней мысли о включении мирным путем Сербии в состав монархии, о чем 6 сентября, перед отъездом на маневры, пишет письмо Берхтольду, в копии доводя его до сведения Франца-Иосифа и наследника.

Выступая с этим предложением, Конрад поучает, что, «хотя военные силы и служат политике, но последняя потеряет под собой почву, если она не будет считаться с соотношением военных сил».

Политика должна также удержать Румынию в союзе, хотя, не следует замалчивать, что в Бухаресте все более и более разрастаются аппетиты к захвату Семиградия.

«Я должен, — говорит Конрад, — как часто и неоднократно повторял, заявить и теперь, что военные силы монархии не могут гарантировать политике успех в случае одновременной войны с Россией, Сербией, Черногорией и Румынией, а потому политика должна вступить на путь, который мною набросан выше».

В конце письма начальник штаба советует министру при сближении с Сербией не оглядываться на остальные государства, включая даже Италию и Германию, а руководствоваться только собственными интересами монархии.

Отправив это письмо, Конрад выехал на германские маневры, куда был приглашен и начальник итальянского генерального штаба.

Маневры, по составу участвовавших в них частей, не представляли собою военного интереса, и посещение их начальниками штабов дружественных государств нужно рассматривать как политический ход к сближению австрийского и итальянского генеральных штабов.

Ниже мы рассмотрим *политическую* деятельность Конрада во время этих маневров, а теперь, извинившись перед читателем, обратимся к взаимоотношениям Конрада с Францем-Фердинандом, принявшим довольно резкий характер на последовавших за германскими австрийских маневрах в Богемии.

Как известно, сначала Конрад находил деятельную поддержку в лице молодого Габсбурга, но с течением времени отношения их начали портиться.

Случай с Редлем, вынужденное самоубийство которого противоречило «благочестивым» взглядам «правоверного католика» каким был наследник, а затем резкий отзыв его о всем генеральном штабе — послужили поводом к разногласию этих двух соратников в борьбе за усиление военной мощи Австро-Венгрии.

Армейские маневры были назначены на середину сентября в Богемии и имели целью дать практику в работе армейскому командованию. Руководителем маневров являлся Франц-Фердинанд, а Конрад — его начальником штаба.

12 сентября Конрад отбыл на маневры. 14-го со свитой прибыл и Франц-Фердинанд, тотчас же направившийся в костел. Встретив Габсбурга, начальник штаба не последовал за ним на моление, а отправился в штаб и когда через час явился с докладом к руководителю, то нашел его в сильно возбужденном состоянии.

Седому начальнику штаба был сделан резкий выговор за его отсутствие в костеле, ибо Габсбург не допускал мысли, чтобы, раз он отправился в церковь, кто-нибудь не пошел туда, каковы бы ни были религиозные убеждения данного лица.

Конрад терялся в догадках о причине такой немилости. Продолжение ее не замедлило. В первый же день маневров Франц-Фердинанд, придравшись к беспорядку в стоявших у подъезда автомобилях, разразился гневом по адресу всего генерального штаба. В дороге же, в автомобиле, он завел с Конрадом разговор о «низости» Валленштейна против династии, давая этим понять своему собеседнику, что и ему не следует быть очень популярным в армии.

Дело кончилось тем, что Франц-Фердинанд, спутав все карты начальника штаба по руководству двусторонним маневром, взял таковое непосредственно в свои руки, сведя маневры к наступлению против обозначенного противника.

Конрад оставался простым зрителем, ибо все распоряжения шли помимо него и штаба.

Возвратясь 18 сентября в Вену, начальник генерального штаба послал письмо Францу-Фердинанду об отставке, а сам уехал в отпуск.

Габсбург начал искать заместителя, но 23 сентября неожиданно прислал Конраду письмо.

Рассыпаясь в любезностях перед Конрадом в оценке его высоких ка-

честв как военного и как «патриота», Габсбург надеялся, что Конрад будет продолжать службу на другом месте. Однако, он просит Конрада подождать до весны и остаться на посту начальника генерального штаба. Основания к тому: 1) не должно создаться убеждения, что Конрад уходит из-за разногласий с Францем-Фердинандом, так как всему свету известно, как отстаивал вторичное назначение Конрада молодой Габсбург; 2) Конрада теперь настолько высоко ценит Вильгельм, что уход его был бы нежелателен, 3) необходимо, чтобы оппозиционные газеты не трубили об этом инциденте.

Как вывод, в интересах службы, Франц-Фердинанд просил Конрада принести жертву и остаться на посту начальника генерального штаба, по крайней мере, эту зиму.

«Тон и содержание» письма, по словам Конрада, исключали для него уход в отставку, и он, ответив Францу-Фердинанду, 28 сентября вернулся в Вену в свой кабинет.

Перечислив все те причины, кои понудили его подать прошение об отставке, начальник генерального штаба писал обидчику, что делал это без особого огорчения, «так как я очень хорошо сознаю, что для каждого генерала приходит время, когда он, в интересах службы, должен быть заменен более молодым».

Благодаря за доверие и «милостивое» письмо, начальник генерального штаба снова возвращался к исполнению своих обязанностей.

Мы намеренно остановились на этой размолвке двух руководителей «цесарской» армии, как на характерной вообще в жизни генеральных штабов различных армий, а не одной только австро-венгерской. Как ни тяжело бывает для самолюбия, но не нужно забывать, что «для каждого генерала приходит время, когда он, в интересах службы, должен быть заменен более молодым». Не знаем истинных чувств Конрада, но даже такой авторитет как Шлиффен, и тот довольно болезненно переживал свой уход в отставку.

Читающий наш труд хорошо помнит, что начальник австро-венгерского генерального штаба ставил непременным условием для политики Вены *сохранение тройственного союза.* Однако, союзники были не настолько едиными в достижении поставленных целей, как этого хотелось бы Конраду.

Мы знаем, что Берлин оказывался сдержанным в помощи Австрии, а про Италию и говорить нечего.

Хотя германский военный агент и заверял 2 мая Конрада, что Германия поддержит Австрию в случае конфликта, но у начальника штаба не было в этом твердой уверенности.

Если вспомним, что ради Балкан Вильгельм не хотел жертвовать костями померанских гренадер, а германский посланник в Черногории открыто шел против венских требований, то станет понятным недоверие Конрада.

В настроениях берлинских политических кругов начальник генерального штаба ориентировался частью из бесед с Берхтольдом, а частью из донесений своего военного агента.

Хотя интимная переписка Конрада с начальником германского генерального штаба временно прекратилась, но оба друга продолжали получать сведения один о другом из донесений своих военных представителей.

Мы знаем, что Мольтке твердо был уверен в грядущей войне славянства с германизмом, а поэтому балканские события, грозившие перейти в эту борьбу, привлекали его внимание.

Предвидя опять «танцы на Балканах», начальник германского генерального штаба в своем интимном письме писал: «Как отразится эта война на положении великих держав, не может сказать никто. Мы еще очень далеки от мирных отношений».

20 мая военный агент из Берлина писал Конраду, что Мольтке вполне верит в лойяльность Италии и очень рад, что дело с заключением морской конвенции между Австрией и Италией подвигается вперед.

Вторая балканская война назревала. Помимо нее близко интересовал Германию вопрос с Малой Азией, с постройкой в ней железных дорог, где французский капитал хотел получить концессию, а Россия упорно стремилась вторгнуться в Армению. Для Берлина нужна была сильная Турция, о чем уже и ранее говорил Мольтке и что пока оставалось под сомнением.

18 июня начальник германского генерального штаба беседовал с австрийским военным агентом, передав ему вышедшие книги для отсылки Конраду. «Так как Мольтке считается только с ближайшей европейской войной, в которую будут втянуты все государства континента, то необходимо, по его мнению, стремиться создать наиболее благоприятную обстановку, чтобы выступить сильными», — писал военный агент Конраду. Для этого необходимо установить дружеские отношения с Италией и видеть в Турции крепкий военный фактор, чего еще нет. «Войны едва ли можно избежать», — расценивал политическое положение начальник германского генерального штаба.

Его выводы были правильны. Война шла полным ходом. «События на Балканах протекают не так, как мне хотелось. Болгары, кажется, повсюду в проигрыше», — писал Мольтке в интимном письме 11 июля. Считая, что болгарский Фердинанд всецело подпал под влияние военной партии, Мольтке приходил к заключению, что Болгария играет ва-банк. Турки зашевелились и глупо было бы с их стороны не воспользоваться складывающейся обстановкой.

«Событиями на Балканах мы все подавлены», — значится в письме начальника германского генерального штаба от 19 июля из Норвегии, куда он отправился вместе с Вильгельмом. «Никто не знает, что из этого должно выйти» после вступления в войну еще и Румынии. Болгары привели в отчаяние стратега с берегов Шпрее, и он приходит к выводу, что «самое лучшее было бы — Балканы огородить решеткой и не снимать ее до тех пор, пока там все не перебьют друг друга».

«Пока Австрия и Россия не вмешаются в драку, до тех пор я не вижу опасности европейского конфликта», — писал Мольтке 19 июля, а 22 июля уже оказывался «довольным» течением военных событий на Балканах и их политическим поворотом. Радость начальника германского генерального штаба и его спутников объясняется тем, что Россию, претендовавшую на роль судьи, воюющие «посадили в кративу», заявив о том, что просят не вмешиваться в их дело. Для предстоящей борьбы германизма с славянством обстановка складывается довольно благоприятно, так как Греция крепнет и ее союз с Румынией создает на Балканах антиславянскую группировку.

«Австрия, кажется, увидела, — продолжает Мольтке, — что следует считаться с обстоятельствами, как они складываются в действительности, а не с такими, которые желательны. Неприязненные отношения ее с Румынией, кажется, обостряются, что для нас, имея в виду вероятное столкновение германизма со славянством, имеет громадное значение.»

Выразив неудовольствие Болгарией, которая показала невиданный в истории пример перехода от громадных успехов к полнейшему бессилию, поскорбев о жестокостях воюющих на Балканах и в Китае, начальник генерального штаба ударялся в пацифизм: «Сколько людей ежедневно убивается.»

Так *откровенно* оценивал положение Мольтке в письмах к своей жене, перед которой он едва ли считал нужным быть дипломатом.

Ягов в своей книге «Причины и начало мировой войны» пишет: Германия стремилась сохранить мир на Балканах, что противоречит утверждению об агрессивности германской политики на Ближнем Востоке. Мы равно очень часто советовали нашему австрийскому союзнику по возможности улучшить отношения с Сербией».

Целью Германии было укрепить Турцию, удержать в союзе Румынию и привлечь на свою сторону Грецию, что диктовали и семейные связи обоих дворов. Болгария не представляла особой цены для Берлина. «В настоящую минуту Австрия совершенно изолирована нравственно и политически, и даже Германия отворачивается от ее невозможной политики», — писал Извольский Сазонову 14 августа 1913 года.

Насколько это было глубоко, — покажет дальнейшее наше повествование.

23 августа Конрад узнал в министерстве иностранных дел о предстоящем приглашении его на германские маневры, что будет иметь политическое значение и, вероятно, желательно для Берхтольда.

Переписка о маневрах началась еще летом. 1 июля Конрад получил письмо от военного агента из Берлина, в котором строго секретно писалось, что последует приглашение через министерство на маневры начальника генерального штаба. Хотя Мольтке еще ничего не говорил агенту о маневрах, но было ясно, что начальник германского генерального штаба хочет ближе познакомить Конрада с Поллио. Маневры носят характер корпусных, а потому «военное их значение решительно уступает политическому».

29 июня начальник германского генерального штаба, в письме к Конраду, выражал свое горячее товарищеское сочувствие собрату в Вене по поводу происшествия с Редлем. «Прошло продолжительное время, — писал Мольтке, — в течение которого мы не переписывались, но мои думы часто направлялись к вам, и я остро почувствовал всю тяжесть того несчастного случая, который произошел у вас.

Мольтке писал, что он уже передавал через военного агента о своем докладе Вильгельму, в котором подчеркивалось, что «изменение в существующих взаимоотношениях союзников исключено» (страховка на всякий случай была произведена, и, по свидетельству Людендорфа, союзнику на Дунае не сообщался подробно план войны, ибо Вене не доверяли).

«Но довольно об этом», — продолжал Мольтке и приглашал Конрада с доверием смотреть на будущее, идя рука-об-руку с Германией. Письмо

писалось еще до начала второй войны, и говоря о назревающих событиях на Балканах, Мольтке отмечал: «Я не ориентирован, какую позицию займет ваше правительство на Балканах, но я только знаю, что если дело дойдет до столкновения, то тройственный союз выполнит свой долг». В этих видах Мольтке горячо приветствовал сближение Австрии с Италией и говорил, что из частных писем начальника итальянского штаба можно с уверенностью заключить, что как он, так и правительство, стоят твердо на стороне союза. Поллио, равно как и Конрад, будут приглашены на маневры, и начальник итальянского штаба горячо желает познакомиться с Конрадом.

Указав, что из-за экономии маневры этого года будут только корпусные и поэтому особого интереса не представляют, Мольтке все же выражал надежду видеть Конрада. «Итак, не правда ли, вы приедете?.. Для меня было бы большой радостью снова увидеть вас и пожать вам руку. Вы видите, дорогой товарищ, что я пишу вам все совершенно откровенно и прошу вас изложенное выше считать, прежде всего, частным мнением».

5 июля Конрад отвечал в Берлин. Конрад, отметив ту радость, с которой он читал письмо Мольтке, писал, что за последнее время пришлось пережить не мало неприятностей: прежде всего важные для него балканские события, которые вредно отзываются на позиции тройственного союза, затем «мало приятная для солдата роль, которую играет монархия во все это время» и, наконец, преступление Редля; беспокоит Конрада и Румыния. «Как правильно вы говорите: следует считаться с обстоятельствами в их настоящем виде, смотреть в глаза будущему и, при полном единомыслии, крепко держаться друг за друга».

В событиях на Балканах, которые еще не ясны, Конрад, однако, видел благоприятно складывающуюся обстановку. Вместе с тем он выражал желание увидеть Поллио, который по переговорам о морской конвенции может судить, как беспристрастен был Конрад.

«В остальном знает бог, что принесет с собой лето», — заканчивал письмо Конрад, выражая, со своей стороны, самые лучшие и товарищеские пожелания Мольтке.

Между тем, возник вопрос об участии на маневрах самого Франца-Фердинанда, что должно было служить показателем политического единства Берлина с Веной. Поездка Конрада отпадала, что он и сообщил Мольтке.

27 августа начальник германского генерального штаба письменно сожалел об этом. Если маневры не составляли военного интереса, то Мольтке горячо желал, после долгого перерыва, снова увидеться с Конрадом и побеседовать. «Ну, а теперь, — писал Мольтке, — как это часто случается, дипломатия бросает камни на солдатском пути». Благодаря за откровенность, начальник германского генерального штаба добавлял: «Вы знаете, что я всегда твердо придерживаюсь тройственного союза. С этого пути не сойду, и я знаю, что мы оба на нем окажемся, когда на небе покажутся грозовые тучи».

«Если союзные государства, — продолжал Мольтке, — ныне не во всем преследуют общие интересы, это естественно, но главное все же остается, а именно: тройственный союз продолжает быть могучим фактором мировой политики. Всякая трещина в нем должна каждым из союзников устраняться».

Указав на то, что происходит охлаждение между Австрией, с одной стороны, Румынией и Грецией, с другой, начальник германского генерального штаба приходил к заключению, что было бы очень плохо, если бы Румыния оказалась на противной стороне. «Однако, — тотчас же оговаривается Мольтке, — я не хочу вам писать о политике. Я понимаю ваши огорчения и знаю, какие болезненные чувства вы переживаете. Но я надеюсь, что политика не окажет никакого влияния на наши личные отношения и мы всегда останемся людьми, вполне доверяющими друг другу». В конце письма Мольтке снова выражал надежду увидеть своего товарища, несмотря на козни политиков.

Действительно, как мы знаем, Конрад отправился на германские маневры, где выступал более политиком, чем стратегом. Свидание трех начальников генеральных штабов должно было знаменовать собою единство тройственного союза, если не политическое, то военное во всяком случае. Такова была вывеска, о сути же мы приведем иное суждение, и не наше.

Во время маневров Конрад близко познакомился с Поллио, вел беседы с ним и с Мольтке и даже с самим Вильгельмом.

8 сентября Вильгельм с удовольствием поговорил с австрийским империалистом в военном мундире. Конрад начал с того, что указал на изменившееся политическое положение на Балканах. Отношения с Сербией могут итти только по двум путям: или мирное ее вхождение в монархию, или война, при чем в последнем случае союзники должны помочь Австрии.

Вильгельм согласился с тем, что для Германии было бы выгоднее видеть Сербию в составе Австрии, нежели самостоятельным государством, но этому мешает поддержка Болгарии Веной и ее охлаждение к Румынии.

Конрад старался убедить своего «высокого» собеседника, что особенного заигрывания с Болгарией не было и что «великая» Сербия куда опаснее, чем Болгария. В 1909 году, несмотря на предложение Конрада, Вена не согласилась на войну с Сербией.

«Я не останавливал вашу армию, — ответил Вильгельм, — и заявил, что Германия всецело на вашей стороне».

«В этом году также представлялась возможность выступить против Сербии», — заметил начальник штаба.

«Почему же этого не произошло? Вам никто не мешал», — ответил Вильгельм.

«Причины крылись в лондонской конференции, — справедливо указал Конрад, — все зависело от Франции и России».

Далее разговор перешел на необходимость удержать в союзе Румынию, при чем оба собеседника были об этом одного мнения. Когда же Конрад заметил, что Германия ведет самостоятельную политику в Греции, Вильгельм указал, что эта страна должна также присоединиться к тройственному союзу. На замечание начальника штаба, что общественное мнение Греции тяготеет более к Франции, чем к Германии, Вильгельм ответил: «После победы король в своей стране может делать все, что хочет. Он поведет политику по своему желанию». Таков был взгляд Вильгельма II на политику.

Из бесед и встреч на маневрах начальник австро-венгерского генерального штаба вынес впечатление о необходимости тесного единения членов

тройственного союза, видел уверенность Мольтке в военном содействии Италии, оценил личность Поллио и его лойяльность союзу. «Но генерал Поллио не был Италией», — так резюмирует Конрад свое отношение к соседу.

Еще 30 июня в своем донесении военный агент в Риме Шептицкий вскрывал подкладку приглашения Германией на маневры союзных начальников штабов и политику Италии.

Шептицкий сообщал, что с германской стороны ему было объяснено приглашение на маневры Поллио и Конрада, как желание сблизить этих двух военных руководителей.

Однако, он скептически относился к подобным объяснениям и полагал, что *Германия хочет теснее связать с собой Италию и показать ей, что она все получит от Пруссии и что Германия в союзе играет руководящую роль.*

Удар военным агентом рассчитан был правильно и пришелся в самое чувствительное место — в самолюбие монархии, да и самого Конрада, который отнюдь не хотел видеть себя в положении подчиненного.

Симпатии Германии к Италии Шептицкий объяснял: 1) общностью врага — Франции и 2) стремлением, имея под рукой Италию, понизить значение монархии в союзе и тем больше оказывать давления на политику Вены. Германия стремилась оказать Италии различные знаки предпочтения.

Италия очень довольна такой политикой Германии, ибо она: 1) дает ей твердую опору в мировой политике и 2) позволяет держать высоко голову, несмотря на военную слабость, вызванную триполитанской войной.

Шептицкий советовал, что если Австрия хочет еще играть руководящую роль в союзе, то следует встать на путь самостоятельного сближения с Италией, а не через германские руки.

Мы уже знаем, что Италия стремилась связать свободу действий Австрии в Албании, ибо Вена намеренно затягивала установление порядка в этой стране. В донесении Сазонову из Парижа от 9 октября 1913 года говорится: «Такая политика Австрии здесь объясняется исключительно свойственной ей непоследовательностью; эту державу считают здесь совершенно потерявшей способность правильно соображать о собственных интересах и согласовать с ними свою политику».

5/18 ноября из Рима тому же Сазонову доносили:

«Отношения между Францией и Италией переживают кризис, быть может, не столь острый как этим летом, но тем не менее, настолько серьезный, что обойти его молчанием не представляется возможным».

Во время войны в Ливии у Италии, были, несомненно, причины быть недовольной Францией, и этого не отрицал даже французский представитель в Риме. С тех пор, однако, обстоятельства изменились. За последние годы политика Италии стала агрессивной. Она захватила Киренаику, Триполитанию, оккупировала острова Эгейского моря, всеми возможными способами старается расширить сферу своих интересов в восточной части и Средиземного моря, и в Малой Азии и, наконец, утвердила свое влияние в южной Албании».

Все это вместе взятое вызвало со стороны Франции недоверчивое отношение к конечным целям итальянской политики и породило ту атмосферу

раздражения, показателем которого является нынешняя полемика между прессой обоих государств.

В Риме, при всей наружной корректности к Франции, заметно вполне определенное, полное отсутствие прежней предупредительности к соседке, и если вообще сожалеют о дурных отношениях с Францией, то открыто, по крайней мере, не делают никаких попыток к сближению, что, однако, нисколько, быть может, не мешает представителю Италии в Париже осторожно нащупывать почву для будущего соглашения с Францией, достижение которого связано с значительными трудностями, но столь же необходимо теперь для Италии, как и прежнее, 1902 года, имевшее объектом Триполитанию».

В то же время, 20 ноября, Извольский писал Сазонову о «крайнем недоверии», с которым в Париже относятся к политике Италии.

«Возобновившееся ныне в столь острой форме франко-итальянское соперничество в Средиземном море особенно сильно выступает по поводу отправки к малоазиатским берегам внушительной французской эскадры».

Эти противоречия приняли такую форму, что во французском министерстве иностранных дел «серьезно обсуждался вопрос, не настало ли время категорически потребовать от Италии ответа: совместимы ли акты тройственного союза, в новейшей их форме, с существующими между Францией и Италией специальными соглашениями».

Хотя, по данным Извольского, русский посол в Риме относится с «большой снисходительностью» к итальянской политике и объясняет ее боязнью Австрии, но Извольский считает необходимым обратить внимание Сазонова на франко-итальянские противоречия, ибо они могут повести к сближению Франции с Австрией, чего добивается Австрия и чего, конечно, не мог допустить ее кровный враг — Извольский.

Одним словом, Италия тяготела к тройственному союзу и ее военно-морская конвенция не оставалась тайной для противного лагеря.

Что касается четвертого противника, Румынии, то выше было отмечено начавшееся охлаждение в австро-румынских отношениях и сближение Румынии с тройственным согласием, что сильно беспокоило Германию и Конрада.

Мы слышали, как начальник румынского генерального штаба боялся за свой тыл при начале второй балканской войны и как начальник австро-венгерского генерального штаба запрашивал министра иностранных дел, не пора ли начать подготовку на случай войны с Румынией. Последняя оставалась в составе тройственного союза лишь благодаря родственным связям Гогенцоллернов, сидевших в Берлине и в Бухаресте, но политика румынского правительства ясно тяготела к противному лагерю.

«Вашим дипломатическим шедевром, — писал Сазонову 14 августа Извольский, — я считал и продолжаю считать отвлечение Румынии от Австрии, о чем я всегда мечтал, но чего не мог или не сумел добиться».

Таковы были внутренние соотношения в тройственном союзе, на который так много возлагали надежд начальники австро-венгерского и германского генеральных штабов.

Теперь обратимся к *противной группировке государств.*

Мы слышали, что кровным врагом Дунайской монархии была Сербия,

вышедшая ныне победительницей из борьбы за дележ добычи. Богаевич нам открывает, что программа Пашича медленно, но верно, проводилась в жизнь: сначала Македония, а затем Босния и Герцеговина. При заключении Бухарестского мира, по свидетельству Богаевича, сербский премьер откровенно заявил греческому представителю: «Первая игра выиграна, теперь должна быть подготовлена вторая — против Австрии».

Германские и австрийские источники обвиняют Сербию в подготовке мировой войны, в то время как источниками с русской и сербской стороны эта маленькая страна рисуется ягненком, которого собиралась проглотить Австрия.

Не скрывая алчных аппетитов Вены, все же нужно признать, что и ягненок хотел как можно больше урвать из захваченного, в частности, в Албании, а «горячие патриоты» готовы были пойти и на столкновение с Австрией, лишь бы добыть Боснию и Герцеговину. Успех безусловно кружил голову даже Пашичу. Нужно отметить одно, — что Сербия не так охотно собиралась итти на уступки венским дипломатам, как это было ранее.

Болгария, проиграв войну и оставшись у разбитого корыта, потеряла много в политическом своем весе, стремясь ныне найти спасителя в лице или России или даже Австрии.

Турция, удерживая Адрианополь и Фракию, снова отнятые у болгар, стремилась их сохранить, ведя политику сближения одновременно и с Германией, и с Францией. С Россией отношения обострялись как из-за Адрианополя и Фракии, так и из-за концессий на железные дороги в Малой Азии. С претензиями в Малой Азии выступила и Италия. Одним словом, напор шел со всех сторон, нужно было воссоздать военную мощь, дабы встать на самостоятельную дорогу. Симпатии Австрии к болгарам были хорошо учтены турками, и когда встал вопрос о приглашении инструкторов для армии, то австро-венгерские офицеры были забракованы, а приглашение пошло в Берлин и для флота — в Лондон.

Греция, как мы знаем, должна была тяготеть к тройственному союзу и, действительно, Константин стремился к этому, но денежные дела тянули страну к Парижу.

Мы слышали, как относился к событиям на Балканах тройственный союз; посмотрим теперь, что думало тройственное согласие.

Прежде всего, что думала *Россия,* интересы которой ближе и чувствительнее всего задевались происходившими событиями на Балканах?

Мы знаем, что центральным вопросом политики России являлся вопрос о проливах с Константинополем и, вообще, турецкие дела. Нам также известно, что до усиления военной мощи на Черном море решение этих дел временно было отложено и признано необходимым сохранить Турцию, дабы не дать Константинополь и проливы в руки славянских союзников. Русский морской военный агент в Константинополе, в беседах со своим австрийским коллегой, указывал, что если Турцией проливы в данное время закрыты на один ключ, то с появлением на берегах Мраморного моря славянских союзников они окажутся под тремя замками. Такая ситуация не улыбалась Петербургу.

Соблазн получить Константинополь во время балканских передрязг был велик в Петербурге. Рассказывая о беседе с Николаем II 4 апреля

1913 года, английский посол Бьюкенен пишет в своих мемуарах: «Вернувшись к балканской войне, царь сказал, что в случае предполагаемого занятия Константинополя болгарскими войсками Болгария намерена была его предложить России, как дар признательности за освобождение от турецкого ига. Он дал ей ясно понять, что Россия не может принять такого подарка, и рекомендовал ей отказаться от попытки занять его».

Попытки этой и не последовало, ибо действия славянских союзников были взяты под контроль русской дипломатии. Последнюю озабочивали и другие вопросы: урегулирование финансовых отношений Турции, а затем малоазиатские дела, ибо в Малой Азии завязывалась борьба между Германией, Францией и Англией за железные дороги, что коренным образом затрогивало интересы России.

Если русской политике было так необходимо сохранить Турцию, то смерть другого «больного человека» — Дунайской империи — была бы для нее очень желательна. Закончившаяся первая балканская война, давшая в руки русской дипломатии объединенную силу в лице балканских государств, сулила успех в назревающем столкновении с Австро-Венгрией.

Однако, как мы слышали, балканская федерация «посадила в крапиву» русскую дипломатию, отказавшись признать арбитром Петербург и затеяв горячий спор за добычу, грозивший закончиться войной. Ясно, что, «сев в крапиву», русская дипломатия почувствовала всю неловкость такого сидения и сердито старалась призвать к порядку зарвавшихся победителей. Усилия оказались тщетными, и вспыхнула вторая балканская война. Проливы, к овладению которыми все время велась тайная подготовка, снова оказывались под угрозой.

4 июня 1913 года известный нам Немиц посещает, по поручению начальника морского генерального штаба, начальника канцелярии министерства иностранных дел, который в беседе откровенно заявляет, что «главная забота — цель министерства иностранных дел — обеспечить России завладение проливами в случае общеевропейской или, вообще, большой европейской войны». 10 июля тот же Немиц посылает Базили (помощнику начальника канцелярии министерства иностранных дел) письмо, в котором препровождает проект доклада Николаю II по вопросу о проливах.

Немиц в резюме своего проекта доклада приходит к выводу: «России необходимо обладание обоими турецкими проливами... быть готовой совершить это в ближайшие же годы». По мысли автора проекта, сроком этим должны быть 1917 — 1919 гг., когда будет усилен русский флот.

По неизвестным причинам проект доклада, в основе одобренный обоими ведомствами, остался неосуществленным, но послужил основанием для дальнейших докладов, о которых поговорим ниже.

Если разгром Болгарии сербами, греками и румынами был, конечно, неприятен русской дипломатии, то занятие Турцией Адрианополя и Фракии привело ее в сильнейшее негодование. Сазонову казалось, что status quo в области проливов, которое было желательно, этим нарушено, а затем было ясно, что Турция, идя на такой захват, надеялась получить поддержку Германии, выходя, таким образом, из орбиты русского влияния.

В министерстве иностранных дел начали создаваться всевозможные планы воздействия на Турцию, послам было предписано договариваться о морской

демонстрации и, вообще, даже о выступлении России против Турции. После долгих колебаний Франция дала свое согласие на морскую демонстрацию, Германия ставила условием, что выступление затронет лишь Европейскую Турцию, что оно будет временное и что Россия заранее уведомит об этом. Россия шла даже на совместное выступление с Австрией. Одним словом, Петербург негодовал и дело уладилось лишь тогда, когда турки пошли на уступки и очистили часть Фракии.

Бухарестский мир, положивший конец второй балканской войне, также не удовлетворил русскую дипломатию и, по ее мнению, подлежал «ревизии», чего хотела и Австрия, но чему помешала известная нам телеграмма Вильгельма, поздравлявшая Румынию с успехом и тем закрепившая мирный договор.

Вторая балканская война сильно огорчила русскую дипломатию, и Извольскому пришлось утешать Сазонова. 14 августа «Наполеон, начавший свою карьеру с Ватерлоо» — Извольский — писал:

«Я, прежде всего, не могу уяснить себе, почему у нас так недовольны Бухарестским договором и крушением плана об его пересмотре? Мне кажется, наоборот, что события сложились для нас крайне выгодным и благоприятным образом; вторая балканская война, как она ни печальна с точки зрения гуманитарной и сентиментальной, избавила нас от весьма тяжелой обязанности взять на себя разверстку Македонии между союзниками. Задача эта была абсолютно неразрешима и поссорила бы нас разом со всеми балканскими государствами».

«Что с самого начала кризиса Болгария была в тесной связи с Веной, я думаю сомневаться нельзя. Если бы Австрия не ошиблась в расчете и если бы Болгария вышла из второй войны победительницей, мне думается, что это было бы для нас крайне опасно и невыгодно, ибо Великая Болгария, конечно, была бы элементом не равновесия на Балканах, а дальнейших болгарских планов в сторону Константинополя и, вероятно, членом направленного против нас австро-венгерского блока»...

«Если бы речь зашла о расчленении Болгарии, то понятно, что мы должны были бы этому воспротивиться... удар нанесен не действительно жизненным ее интересам, а лишь чрезмерным ее вожделениям».

«Говорят, — продолжал Извольский, — что Бухарестский мир недолговечен и поведет к новой войне из-за Македонии, но если бы осуществились планы Болгарии, то и это также неминуемо вызвало бы, через несколько лет, попытки реванша со стороны Сербии и Греции».

«Что касается вопроса о пересмотре Бухарестского договора, — говорит в конце письма Извольский, — то и тут мы можем радоваться исходу дел; договор наносит удар не интересам России, а Австрии, которая всеми средствами, в том числе и возбуждением братоубийственной войны, стремилась ослабить Сербию и, в результате, получила усиленное, и нравственно и физически окрепшее сербское государство. Настаивать на пересмотре — это дать повод и возможность Австрии оспаривать этот результат и, может быть, вернуть все потерянное. В настоящую минуту Австрия совершенно изолирована и нравственно и политически, и даже Германия отворачивается от ее невозможной политики; неужели в такую минуту мы окажем ей поддержку и, тем самым, сразу уничтожим все достигнутые нами результаты.

Совместные выступления наши с Австрией на Балканах никогда не приносили нам счастья; я это знаю по собственному горькому опыту... Я пойду еще дальше и скажу, что не понимаю, почему мы так горячо стоим за возвращение болгарам Адрианополя? Ведь если в начале кризиса наш генеральный штаб стоял за сохранение его Турции, то для этого были серьезные основания. Тогда из политических соображений мы должны от этого отказаться; ныне болгары потеряли его по собственной вине и, казалось бы, что для нас это могло бы быть лишь выгодно. За Адрианополь турки готовы дать нам все: и проливы, и железные дороги и, может быть, действительно свою дружбу и признательность в будущем. Ведь Адрианополь мы занимали сами и все-таки отдали его Турции».

«Я употребляю все усилия, чтобы обеспечить нам деятельную поддержку Франции», — заканчивал письмо Извольский.

Действительно, страх за потерю проливов толкал Сазонова к «ревизии» Бухарестского договора, о чем хлопотала и Австрия, а ее начальник штаба, правда, относившийся скептически к совместным выступлениям с Россией, даже набрасывал оперативные соображения этих действий двух скрытых врагов.

Если мы сравним мысли Извольского с думами Конрада, то увидим, как два крайних империалиста, готовых перегрызть друг другу горло, приходили к определенному выводу, что на Балканах может властвовать или одна Австрия, или одна Россия. Атмосфера была настолько сгущена, что конфликт между этими странами был неизбежен и весь вопрос был только во времени.

Извольский старался заручиться поддержкой Франции в отношении политики России на Балканах. Нужно сказать, что в отношениях союзников все время пробегали тени неудовольствия: Франции казалось, что Россия слишком сближается с Германией, а Петербург беспокоился за свое влияние в Малой Азии, где французский капитал стремился получить железнодорожные концессии и вел об этом переговоры как с Турцией, так и с Англией и Германией. Когда же дело дошло до предложения Сазонова путем отказа в финансовых сделках заставить турок очистить Адрианополь, Извольский 14 августа писал Сазонову: «Позволяю себе откровенно высказать, что, предъявляя французскому правительству требование воспрещать своим подданным всякие финансовые сделки с Турцией, мы ставим его пред едва ли исполнимой задачей; я имел случай несколько раз указывать на то обстоятельство, что во Франции финансовые учреждения имеют иногда больше влияния на правительство, нежели правительство на них». Как довод в пользу своих положений Извольский приводил пример турецкого займа 1910 года, «реализация коего на Парижской бирже не могла состояться вследствие отказа со стороны французского правительства, но который вслед засим был заключен в Германии при косвенном участии французских банкиров».

Для французского правительства складывалась тяжелая обстановка: с одной стороны, обострившиеся отношения с Италией и опасения за Средиземное море, борьба французского капитала с германским влиянием в Греции, заинтересованность в Малой Азии, а с другой — требования Петербурга, в силу союза, оказать в вопросе Адрианополя давление на Турцию.

«Действия наши, — писал Извольский, — против того или иного пункта в азиатских владениях Турции, на море или на суше, представляются Пишону особенно опасными, ибо это может открыть весь азиатский вопрос и вызвать вмешательство Германии, которая, по всеобщему убеждению, все более и более сосредоточивает свою политику на обеспечении себе в будущем всей зоны, прорезываемой Багдадской железной дорогой». «Если со стороны Франции, — пророчествовал Извольский, — нам не будет оказана достаточная поддержка в настоящем вопросе, затрогивающем наше достоинство и наши исторические традиции, это может самым вредным образом отразиться на будущности франко-русского союза». Все же французское правительство 12 августа заявило Извольскому, что Россия может вполне рассчитывать на твердую помощь со стороны Франции в вопросе об Адрианополе, которая затем и выразилась в дипломатическом воздействии на Турцию.

Дело было еще за Англией. «Никто более сэра Эдуарда Грея, — пишет Бьюкенен, — не работал в пользу сохранения европейского мира в течение этих двух критических лет (1912 — 1913 гг. — *Б. Ш.*); и тогда война была предотвращена только благодаря его неутомимым усилиям, его сдерживающему влиянию и рекомендуемой им в Петербурге и Вене умеренности».

А так как требования Сазонова выходили за пределы «умеренности», то Россия рассчитывать на решительное давление со стороны Англии на Турцию не могла и удовлетворилась уступкой турками части Фракии при оставлении за ними Адрианополя, о чем мы и говорили выше.

Хотя Грей и заботился о сохранении европейского мира, однако в течение 1912 и 1913 годов в Англии усиленно готовились к войне. Развитие флота, выработка мероприятий по защите островов от германского десанта, работы об обеспечении флота запасами нефти и т. д. — все это составляло предмет серьезных обсуждений и мероприятий английского правительства. Доказывая необходимость усиления флота, Черчилль в своих воспоминаниях приводит к этому и политические доводы, а именно: 1) влияние британской дипломатии в значительной мере зависит от силы флота, и сильный флот явится тем веским аргументом, который может быть брошен на весы для поддержания мира; 2) мы (англичане — *Б. Ш.*) — не молодой и не бедный народ. В заключение своего документа Черчилль указывал: «Мир вооружается, как никогда прежде. Все надежды остановить вооружения или ограничить их были тщетны. Время от времени происходят события, которые требуют усиления наших морских сил то в одной, то в другой части света». Черчилль в заключение делал вывод, что он не имеет права молчать о необходимости усиления флота: «Это не было бы совместимо с моими обязанностями, — пишет он, — если бы я не оберег страну перед опасностью».

Советы «умеренности» в Петербурге, преподаваемые Греем, имели под собой и не урегулированные еще с Россией азиатские вопросы, о чем скажем еще ниже.

Балканские войны 1912 — 1913 гг. не только не разрядили атмосферы военной опасности, но, наоборот, сгустили ее и приблизили европейскую войну. Противоречия между «великими» державами настолько уже обост-

рились, что из-за всякого, даже мелкого, повода могла вспыхнуть война.

Что касается балканских «собачонок», как именовал Мольтке балканские государства, то таковые зализывали лишь раны, чтобы снова броситься в свалку.

Война — и не только балканская, но европейская — должна была вспыхнуть неминуемо...

ГЛАВА IX

ИТОГИ БАЛКАНСКИХ ВОЙН

Бухарестский мир и его изнанка. — Столкновения Австро-Венгрии с Сербией. — Занятие Сербией части Албании. — Конрад за войну с Сербией. — Конрад отмежевывается от Франца-Фердинанда. — Совет министров в Вене 3 октября. — Решение предъявить Сербии требование об эвакуации Албании. — Конрад настаивает на войне с Сербией. — «Большинство войн было проиграно благодаря упущению благоприятных случаев». — Совет министров 13 октября. — Конрад за войну с Сербией и против постоянных мобилизаций. — Пример мобилизации 1870 года. — Конрад на лейпцигских торжествах и второе столкновение с Францем-Фердинандом. — Согласие Сербии 21 октября на эвакуацию Албании и письмо об этом Конрада к Мольтке. — «На Балканах решает только сила и могущество». — «Мемуар» Конрада на 1914 год. — «Соотношение военных сил является основой каждой реальной политики». — Необходим военный успех над Сербией и Черногорией. — Румыния — враг. — Соотношение военных сил тройственного союза против тройственного согласия. — Варианты плана войны, подлежащие разработке в 1914 году. — Австрия и Германия. — Беседы Конрада с Вильгельмом и Бетманом. — Отношения Вены с Италией. — Доклад Шептицкого и проект поездки в Рим наследника. — Двойственная политика Рима. — Сближение Румынии с тройственным согласием. — Оборонительная политика Сербии и турне Пашича. — Турция и Австрия. — Франко-русская военная конвенция. — Конрад и военный агент из Петербурга. — Склонность России к миру. — Снова «проливы». — Доклад морского генерального штаба от 7 ноября об усилении флота, необходимого для обеспечения морского пути из Черного в Эгейское море. — Доклад Сазонова 23 ноября о созыве особого совещания для подготовки операции по овладению проливами. — «Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время». — Отзыв морского министерства на доклад Сазонова. — Необходимость начать теперь же подготовку к стратегической задаче в Константинопольском канале. — Доклад об этом морского министра от 23 декабря. — Миссия Лимана фон-Сандерса. — Бетман и Ягов о цели миссии. — Доклад Сазонова от 23 декабря о миссии Лимана. — Содоклад морского генерального штаба. — «Россия должна получить при окончании войны Константинополь, Босфор и Дарданеллы». — Особое совещание 31 декабря. — Военный министр и начальник генерального штаба о готовности русской армии к войне. — Уступки Германии. — Сухомлинов о десантной операции на Босфоре и готовности к войне русской армии. — Коковцов о политике Франции. — Миролюбие Англии. — Политика северных государств Европы.

Бухарестский мир, закончивший вторую балканскую войну, явился не чем иным, как «продолжением войны, но только другими средствами».

Наступившее затишье на Балканах нужно было считать лишь короткой передышкой перед новой войной на полуострове, которая на этот раз уже грозила обратиться в европейскую войну. К 1914 году на Балканах настолько переплелась экономическая заинтересованность больших государств Европы, что балканский вопрос окончательно сделался вопросом общеевропейской политики. Мы уже указывали экономическую заинтересованность Англии, России, Германии и Австрии в Турции. Здесь остается лишь доба-

вить, что Германия деятельно начала достраивать Багдадскую железную дорогу, и, вообще, усилила свое экономическое проникновение на Балканы, вызывая недружелюбное к себе отношение даже со стороны своей союзницы Австрии.

Франция, позднее всех бросившая свои капиталы на Балканский полуостров, и та вложила в различные предприятия Турции свыше $2^1/_2$ миллиардов франков и получила новые концессии на постройку железных дорог в Малой Азии.

Становится вполне понятным, почему «великие державы» взяли под свой контроль политику балканских государств, старались установить хотя бы временный мир на полуострове, дабы только не нести убытков на вложенные там капиталы, и были очень чутки к каждому малейшему волнению на Балканах, отлично сознавая, что оно ведет к европейской схватке.

Бухарестский мир поставил отныне Австро-Венгрию лицом к лицу с усилившейся во всех отношениях Сербией и победоносной Черногорией, которые отнюдь не склонны были итти на уступки венским дипломатам. Правда, две войны наложили отпечаток на эти государства, подорвав их экономическое состояние, но зато Сербия приобрела своими победами известный кредит на европейском рынке и могла с бо́льшим успехом, чем раньше, получить заем на военные нужды.

К тому же, победы сербов и румын, помимо усиления у них желания оторвать от Дунайской империи области, населенные единоплеменниками, вызвали у последних непреодолимое стремление оказаться под крышей победоносных государств. Вот почему даже Берхтольд склонялся к былой идее Эренталя — прежде всего разрешить великосербский вопрос внутри самой монархии, снова спаять государство внутри и тогда только обратиться к войне.

Неустойчивое положение на Балканах было ясно для всех государств Европы, а поэтому, подведя итоги балканским войнам, они деятельно и лихорадочно начали готовиться к новой войне.

Столкновение интересов различных государств на Балканах не кончилось с Бухарестским миром и вылилось в ряде недоразумений между Австрией и Сербией, в миссии Лимана фон-Сандерса в Константинополе, в связи с чем особо был поставлен на очередь и заострен в России вопрос о захвате проливов.

Созданием автономной Албании Сербия отрывалась от Адриатического моря, и если она временно помирилась с этой мыслью, то не хотела отдать ряд населенных пунктов, стратегически важных, на албанской территории. Вместе с тем, выход к Эгейскому морю Австрии оказался в руках Сербии, которая могла всегда чинить препятствия транзиту австрийских товаров на юго-восток.

Эти два вопроса — албанский и балканский железнодорожный — снова обострили отношения между Австро-Венгрией и Сербией, которые с трудом удалось, хотя бы наружно, привести в норму.

Мы знаем, что начальник австро-венгерского генерального штаба считал *албанский вопрос* всегда *второстепенным* в балканской политике монархии и отнюдь не желал жертвовать костями солдат «цесарской» армии из-за

этой страны. Но зато, по его мнению, албанский вопрос был хорошим предлогом, чтобы из-за него посчитаться с Сербией. С этой точки зрения и нужно рассматривать взгляды Конрада на албанскую политику Вены.

1 октября начальником штаба было получено донесение из Белграда, что сербы, в виду волнений в Албании, мобилизовали часть дивизий и что, вообще, Сербия, повидимому, далека от выполнения Лондонского договора, не думая очищать занятые ею стратегические пункты на албанской территории.

2 октября Конрад появился с очередным докладом у Франца-Иосифа, начав его с сербско-албанского вопроса. Нечего говорить, что со стороны начальника штаба последовало определенное предложение: пользуясь албанской завирухой, посчитаться с *главным врагом — Сербией*. К тому же, и Румынию, по его мнению, следовало считать открытым врагом и начать подготовку войны с ней.

Как древняя пифия, начальник генерального штаба предсказывал судьбу монархии. Говоря про Сербию, Конрад вещал: «Опасность грядет, — ныне может быть последний момент, чтобы выступить». Убедившись в мирных тенденциях старого Габсбурга и предложив ему переговорить на эту тему с Берхтольдом, Конрад заключал: «Монархия стоит перед поворотным пунктом».

В конце доклада разговор зашел об инциденте между Францем-Фердинандом и Конрадом на маневрах, причем старик думал, что изменение в ходе маневров произошло по предложению начальника штаба.

«Ваше величество, я прошу не отождествлять мои действия с предложениями Бельведера (замок Франца-Фердинанда — *Б. Ш.*). Я иду своей дорогой», — отвечал Конрад, изложив подробно весь инцидент и причины своего решения остаться в должности начальника генерального штаба. «Я не старался снова вернуться на пост начальника генерального штаба и был доволен своим прежним местом армейского инспектора», — докладывал Конрад.

3 октября состоялся совет министров. Хотя он имел главной задачей рассмотрение военного бюджета и увеличение контингента армии, но на нем были высказаны и принципиальные взгляды по вопросам внешней политики.

Совет открылся речью министра иностранных дел Берхтольда, являвшегося в то же время и председателем. Берхтольд считал необходимым осветить современное внешнее политическое положение монархии и бросить взгляд на будущее.

Указав, что в результате схваток на Балканах можно ожидать греко-турецкого столкновения и что Сербия стремится использовать албанское восстание для расширения своих границ, министр иностранных дел приходил к выводу, что следует в «дружественной» форме предостеречь Белград от игнорирования постановлений лондонской конференции.

Австрия становится между двумя альтернативами: или молчаливо согласиться на вторжение Сербии в Албанию, или же предъявить Белграду ультиматум.

Отметив, что во внешней политике для монархии являлось важным установление самостоятельной Албании и поддержания равновесия сил

в Адриатическом море, Берхтольд заявил, что и впредь следует преследовать те же цели.

По его словам, очерченное им современное политическое положение говорит о том, что в будущем приходится считаться со слабой Турцией и сильными, проникнутыми идеей национализма, славянскими государствами, стремящимися расширить свои пределы за счет монархии. Правда, Бухарестский мир посеял антагонизм между Болгарией и Сербией с Грецией, но может случиться, что за уступку в Македонских областях Болгария присоединится к балканской федерации в случае её войны с Австрией.

Берхтольд находит, что *внешняя политика монархии за последнее время не претерпела каких-либо существенных изменений и возобновлением тройственного союза твердо установлена на долгое время.*

Правда, с Германией были расхождения, но серьезного и длительного характера они не имели. С Италией отношения складываются к выгоде монархии. Отношения к державам тройственного согласия улучшаются: Англия все время была лойяльна, поддерживая Австрию в балканском кризисе; Франция и Россия кажутся настроенными дружественно. Если Франция лихорадочно вооружается, то все же день расчета отдаляется, ибо французский капитал сначала стремится утвердиться на Балканах.

Резюмируя сказанное, министр иностранных дел приходит к заключению, что *закончившийся для монархии без пролития крови балканский кризис не предвещает в ближайшем будущем больших событий, которые грозили бы монархии. Однако, обстоятельства требуют постоянной готовности вооруженных сил для защиты южных и восточных границ.*

Независимый и сильный волей министр-президент Венгрии Тисса приветствовал намеченный Берхтольдом путь урегулирования албанского вопроса, причем находил, что чем решительнее будут шаги Австрии в защиту постановлений Лондонского договора, тем больше симпатий будет со стороны «великих» держав, подписавших этот договор. «Европа», как концерт держав, за последнее время была попрана балканскими государствами, и следует снова восстановить ее влияние.

Иное высказал начальник генерального штаба. Конрад признал два тяжелых положения для монархии; первое: постоянная угроза монархии со стороны Сербии и Черногории, которые выжидают только момента, чтобы напасть на нее; второе: отношения с союзниками. Германия на стороне Австрии, но на помощь Италии можно рассчитывать относительно. Сербию поддерживают Франция, Россия и Румыния. Необходимо выяснить отношения с последней. *Отношения с Сербией начальнику генерального штаба мыслятся двояким образом: или мирное вхождение Сербии в состав монархии, или же война с ней, для которой сейчас удобный момент.* Улучшить иным путем отношения с Сербией Конрад не думает, ибо Сербия только выигрывает время для своего усиления. В этих видах необходимо ныне же прямо поставить и получить от Сербии ответ, дабы не давать ей и «великим» державам времени на подготовку.

Берхтольд всецело присоединился к начальнику генерального штаба, но Тисса выступил решительно против включения Сербии в состав монархии, признав это утопией. Сербия должна быть самостоятельным и независимым соседом, которому много дела с Болгарией и Албанией. В последнем

вопросе Сербии нужно показать непреклонную волю монархии. *Если бы энергичный протест не помог, тогда необходимо послать ультиматум, подготовив тем дипломатическое и военное поражение Сербии, и в этом случае не место каким-либо колебаниям.*

Общеимперский *министр финансов решительно выступил против предложений Конрада,* считая их невыполнимыми в данное время. Так как большинство населения Боснии и Герцеговины — сербы, то приходится с этим считаться. Возможно, что ранее такое решительное выступление против Сербии и было возможно, но ныне вся «Европа» смотрит на Австрию, как на врага мира, а предполагаемое выступление только укрепило бы это несправедливое мнение. Можно еще склониться на войну с Сербией, но думать о мирном включении ее в состав монархии нельзя. Министр финансов не соглашается также с предложением Тиссы показать всему миру силу монархии, ибо как раз Сербия не дает к этому поводов, и это в то время, когда вся Европа хочет мира. Нельзя сомневаться в том, что Сербия думает о захвате Боснии и Герцеговины, а потому монархия должна готовиться к этому решительному бою, несмотря на плохое финансовое и экономическое положение страны.

Начальник генерального штаба считает необходимым указать, что его задачей было начертать два пути урегулирования австро-сербских отношений. [Он рад, что высоко-компетентные государственные лица отвергли мирный путь и что остается только путь войны, но он полагает, что войну следует вести тогда, когда этому благоприятствует обстановка. «Большинство войн было проиграно благодаря упущенным благоприятным случаям», — поучает Конрад. Каждая отсрочка войны, с точки зрения чисто военной, только ухудшает положение монархии. Если принимается решение выжидать, то необходимо итти на чрезвычайное развитие вооруженных сил.

В дальнейшем совет министров подробно остановился на рассмотрении большой военной программы, известной нам из первой книги, причем при рассмотрении соотношения сил голоса о будущей политике Румынии разделились. В то время как министр-президент Австрии считал ее верным членом тройственного союза, Берхтольд, а за ним и Конрад, полагали более осторожным смотреть на Румынию как на будущего врага.

Итак, совет «государственных мужей» Вены вынес решение не ввязываться в данное время в войну с Сербией, но предупредить последнюю о силе и могуществе монархии, продолжая готовиться к неизбежной войне в будущем. Начальнику генерального штаба не оставалось иного пути, как «приветствовать» такое решение совета министров.

Между тем, албанский вопрос ширился: сведения из Цетинье говорили о предполагающейся общей мобилизации Черногории. Сообщая эти данные Берхтольду, начальник генерального штаба писал 8 октября: «При калейдоскопической перемене обстановки на Балканах чрезвычайно трудно разобраться, что относится к действительности и что остается сказкой».

«Но так как на Балканах все возможно, — продолжает Конрад, — то нам необходимо быть готовыми к решительным действиям, если обстоятельства примут военный оборот. Мое единственное желание — война с Сербией. Поддержание престижа и защита Албании могут дать исключительно важ-

ные к этому основания, делая ненужным розыск каких-либо иных поводов к войне».

13 октября снова собрался совет министров для обсуждения мер против Сербии, если последняя не выполнит своих обязательств в Албании.

Тисса указывал на необходимость восстановления потерянного престижа монархии, для чего надлежит решительно потребовать от Сербии очищения албанских земель и соблюдения Лондонского договора. Конечно, желательно избежать войны и достичь успеха дипломатическим путем. Нечего думать о полном разгроме Сербии, — надо думать только об ее поражении.

Министр-президент Австрии, общеимперский министр финансов и Бурьян поддержали Тиссу, говоря в один голос о поднятии престижа монархии и думая достичь этого финансовым бойкотом, оккупацией спорных областей и т. д.

Берхтольд был убежден в необходимости предпринять решительные шаги против Сербии, и только Румыния и Россия вызывали у него сомнения.

«Уже семь лет тому назад, — начал начальник генерального штаба свою речь в совете министров, — письменно и устно в высоких учреждениях монархии я доказывал, что монархия находится на поворотном пункте своей активной политики на Балканах, что она должна решить балканский, вернее сербский, вопрос. Так как с Сербией на мирных основах не удастся договориться, то необходимо ее рассматривать как врага и не выжидать, пока обстоятельства окончательно сложатся против нас».

«Я присоединяюсь, — говорил Конрад, — к предложению Тиссы поднять престиж монархии и ныне использовать случай, дабы урегулировать наши отношения с Сербией. Но я считаю, что одним дипломатическим успехом не решишь существа вопроса, мы должны всеми силами добиться военного успеха, не стремясь получить на это согласие других держав».

«Нужно избегать экспериментов с мобилизацией и следующей затем демобилизацией, — этого не перенесут ни армия, ни народ. Если перед предъявленным ультиматумом Сербия не склонится, то никаких позднейших уступок с ее стороны принимать не следует, — тогда остается одно: мобилизация и война».

Министр иностранных дел заметил на это: «Если начинать войну, то без задержки и не через три недели! Как бы этого избежать?»

«Это не меняет ничего, — пришлось пояснить Конраду, — ибо лежит в природе вещей. В 1870 году мобилизация началась 15 июля, а первое сражение произошло 4 августа, т. е. через 20 дней».

На этом совет министров закончился, и Берхтольд отправился с докладом о нем к Францу-Иосифу.

15 октября у последнего был с докладом и Конрад, снова приводивший свои доводы за войну с Сербией, дабы не упустить хорошего случая. Начальнику штаба казалось, что старый Габсбург начинал усваивать положение и необходимость войны.

На следующий день Конрад выехал в *Германию, в Лейпциг, на торжество по случаю открытия памятника «битве народов»* в 1813 году, куда собирались также представители России и Швеции. От Австро-Венгрии, кроме депутации из высших военных представителей армии, выехал и Франц-Фердинанд.

О политическом значении этого празднества мы поговорим несколько ниже, а сейчас остановим внимание на житейской мелочи, которая имела, однако, большое значение в жизни Конрада.

Как известно, отношения Конрада с Францем-Фердинандом были натянутыми на чисто служебной почве, сдобренной скрытым недружелюбием обеих сторон. При поездке в Германию оба не виделись.

Нам также хорошо известно, как Вильгельм высоко ценил начальника австрийского генерального штаба, и поэтому вполне понятно, что после одного из торжественных обедов кайзер пожелал поговорить со своим единомышленником в политике и стратегии. После беседы Вильгельм просил Конрада представить ему членов австрийской делегации, со многими из которых он еще не был знаком. Конрад, при посредстве военного агента в Берлине, стал собирать разбредшихся по другим залам австрийских офицеров.

Вдруг вошел, в сильном возбуждении, Франц-Фердинанд и, обращаясь к Конраду, спросил, в чем дело. Узнав о просьбе Вильгельма, Франц-Фердинанд, не стесняясь присутствия Вильгельма, Мольтке и других германских генералов и членов делегации России и Швеции, резко сказал Конраду: «Это мое дело! Разве вы главнокомандующий? Я прошу это предоставить мне!» На замечание начальника штаба, что Вильгельм обратился именно к нему, Конраду, молодой Габсбург резко ответил: «Вы должны были мне об этом доложить!»

Сцена была, конечно, тяжелой, но вполне понятной для этикета венского двора, сохранившего еще признаки средневековья. Франц-Фердинанд начал представлять депутацию, а Конрад вышел из зала.

Успокоенный Мольтке, начальник штаба пришел в себя и, не видясь больше с Францем-Фердинандом, вернулся в Вену. Здесь, в своем кабинете, в самом близком кругу своих сослуживцев (заместитель Хёфер, Мецгер и Кундман) Конрад попечаловался на всю ту тяжесть, которая была свойственна его службе. Начальник генерального штаба твердо решил уйти со своего поста и вторично не возвращаться на него, и только сложность политической обстановки остановила «верного сына» монархии от этого шага.

Действительно, 18 октября Берхтольдом была послана в Белград вербальная нота, требующая в твердом тоне от сербского правительства выполнения лондонских постановлений и очищения занятых частей Албании.

20 октября министр иностранных дел сообщил Конраду, что со стороны России нельзя ожидать выступления, что Франция признает правоту ноты Австрии, а Германия идет нога в ногу с последней.

21 октября принесло решение: *Сербия согласилась на эвакуацию своих войск из Албании*, о чем Берхтольд поставил в известность Конрада.

Под влиянием Петербурга и Парижа Сербия решила очистить спорную территорию Албании, причем Сазонов «в виде вознаграждения за проявленное Сербией благоразумие» ходатайствовал в Париже о скорейшем размещении там сербского займа.

Оставался не решенным еще второй спорный вопрос между Веной и Белградом — вопрос о провозе австрийских товаров по сербским железным дорогам. С одной стороны, австрийцы скупили до 50% акций желез-

ных дорог и, таким образом, являлись как бы их хозяевами, а с другой, Сербия намерена была предъявить свое право, как право суверенного государства, на выкуп этих дорог. Петербургский и парижский кабинеты снова проявили усиленные хлопоты по ликвидации возможного конфликта, выдвинув проект интернационализации дорог, к чему склонялась и Сербия, не надеясь получить поддержку России.

Проект интернационализации был не особенно сочувственно встречен Веной, Берлином и Римом, внесшими свои поправки, и перешел в стадию длительных дипломатических переговоров.

23 октября в откровенном письме своему другу Мольтке Конрад писал, что «события истории» за последнее время снова протекли не в соответствии с его желаниями. «Мимолетный дипломатический успех, — констатировал начальник австрийского штаба, — ничего не изменил в существе дела и не облегчил на будущее тяжелого положения. Что я семь лет тому назад, и особенно в 1907 году, считал единственно правильным, кажется ныне мне еще более справедливым и я продолжаю это утверждать».

«Итак, — продолжал Конрад, — остается только смотреть в глаза надвигающимся событиям и насколько возможно лучше готовиться к их встрече в будущем».

В конце письма начальник штаба писал, что его служба идет пока нормально, но, как известно Мольтке, все это в Австрии висит «на волоске».

14 ноября был подписан мирный договор Греции с Турцией, и военные бури на Балканах окончились, но, по мнению Конрада, не надолго.

Его продолжали тревожить Сербия и, в особенности Румыния, которую уже необходимо было считать в числе врагов, о чем начальник штаба и запрашивал Берхтольда.

28 ноября Конрад явился к Францу-Иосифу с докладом по плану войны на будущий год. Разговор, естественно, коснулся внешней политики. Начальник штаба настаивал на необходимости теперь же начать подготовку к войне с Румынией. Когда же речь зашла о «разоблачении» тайного договора Сербии с Болгарией против Австрии, то Конрад твердо заявил: «На Балканах нет ничего надежного, там решает только сила и могущество».

«Это всюду, — заметил старый Габсбург. — В политике всегда сила — единственное право».

В декабре состоялся приезд в Вену обер-квартирмейстера германского генерального штаба Вальдерзее, начальника оперативного бюро Таппена и начальника итальянского оперативного бюро Монтанари для переговоров по плану войны. Как ни был плох союз, но общая опасность вносила в него все же известную спайку, хотя бы в военной работе.

Работа начальника генерального штаба шла нормальным путем, и им готовился мемуар на грядущий 1914 год с обзором истекшего 1913 года. В виду важности этого документа и так как он был последним перед войной, мы и позволим себе обратиться к его рассмотрению.

«Балканские события 1912 — 13 гг. настолько изменили политическое положение, что необходимо его рассмотреть с военной точки зрения, тем более, что это составляет существенную часть моих обязанностей, и затем установить вытекающие из этого разбора выводы».

Разделяя «мемуар» на 3 части: 1) политическая обстановка, 2) общая военная подготовка, 3) конкретная военная подготовка, — Конрад считает нужным предупредить, что если первая и вторая части посылаются им для сведения иным военным лицам, а первая часть, кроме того, министру иностранных дел, то третью часть он предоставляет исключительно для Франца-Иосифа и его наследника, как строго секретный документ.

В настоящей главе мы коснемся лишь первой части «мемуара», как определяющей работу генерального штаба в области политической.

«Соотношение военных сил является основой каждой реальной политики, — начинает свою первую часть мемуара начальник штаба, — так как даже самая искусная и с виду успешная дипломатическая постройка должна рухнуть, если при обращении к вооруженной силе последняя откажет. С этой точки зрения и необходимо дать оценку политической обстановки».

Балканские события 1912 — 13 гг. в этом отношении произвели большой переворот, и Конрад считает необходимым остановиться на своих предложениях до этого периода и во время его.

Мы не будем здесь повторять всего того, что нам известно из всех прежних рассуждений империалиста в военном мундире с берегов Дуная. Суть их сводится к тому, что уже с 1906 года начальник генерального штаба всегда предлагал прежде всего *одержать военный успех над Сербией и Черногорией,* а не заниматься выливанием потоков дипломатических чернил. Все проекты Конрада были отклонены, и в результате «упущенных» случаев Сербия окрепла в военном отношении и окончательно испортились союзнические отношения с Румынией.

«Этот поворот Румынии и упущенную возможность войны с Сербией и Черногорией, — заключает Конрад, — я считаю большим несчастьем для монархии, выявившимся в результате современного балканского кризиса. В сравнении с ним кажутся незначительными достигнутые Австрией дипломатические успехи в вопросах самостоятельности Албании, удержания Скутари и эвакуации сербских войск из Албании».

«Только военный успех над Сербией и Черногорией мог бы разрешить в желательном смысле такой жизненный для монархии вопрос, как балканский, и поднять ее престиж» в глазах как балканских государств, так и других стран. «В этом, — заявляет Конрад, — сущность моих взглядов».

Сербия и Румыния, по мнению Конрада, являются «ближайшими и опаснейшими врагами» монархии, поддерживаемыми, к тому же, Россией и Францией.

Тройственное согласие превосходит тройственный союз не только в военных силах, но на стороне первого находится такое крепкое в финансовом отношении государство, как Франция.

Можно заранее сказать, что при войне Франции, России, Румынии, Сербии и Черногории, с одной стороны, и Австро-Венгрии, Германии и Италии, с другой, преимущества не только в количественном соотношении сил, но и в географическом положении будут находиться на стороне первых государств. Особенно тяжело будет Австро-Венгрии, даже при нейтралитете Румынии; для Дунайской империи создастся большая опасность в случае, если это государство окажется в лагере врагов.

Поэтому «цель политики», по мнению Конрада — помешать такой

комбинации и, прежде всего, или установить открытую лояльность Румынии тройственному союзу со всеми вытекающими отсюда обязательствами или же считать ее врагом, и в таком случае найти союзников, дабы связать румынские силы в иных направлениях. Конрад находит, что второе предположение было более правильным, так как в Румынии развиваются враждебные монархии настроения. Если даже предположить, что Румыния останется в союзе, то все же вернее ее рассматривать как будущего врага и готовиться к войне с ней, что должно быть также принято в расчет Германией и Италией.

Что касается Сербии, то прошло время, когда можно было думать о мирном ее включении в состав монархии, и она ныне — открытый враг. То же касается и Черногории, королю которой не остается иного выбора, как итти за Сербией.

Обращаясь к могущественным государствам тройственного согласия — России и Франции, Конрад высказывает мнение, что было бы большим успехом, если бы удалось, в случае войны монархии против Сербии и Румынии, удержать Россию нейтральной или же распределением сфер влияния выступить на Балканах совместно с нею. «Но такая комбинация, — тотчас же оговаривается начальник штаба, — кажется совершенно невероятной, и почти наверное следует считать, что война вспыхнет между тройственным союзом и тройственным согласием».

Конраду кажется неопровержимым, что если схватится за оружие Россия, то выступит Германия, а это поведет за собой вмешательство Франции, а затем и Италии. Противоречия между Францией и Италией в данное время очень значительны и вероятнее всего Рим останется в лоне тройственного союза.

«Поэтому усилия монархии должны быть направлены к тому, — продолжает начальник штаба, — чтобы подогревать вражду Италии с Францией, с одной стороны, а с другой — улучшить наши отношения с Италией с тем, чтобы она свои вооруженные силы бросила против Франции, что позволит Германии направить больше сил на восток против России».

Конрад указывает, что если тыл Австрии будет свободен от угроз России и Италии, то монархия может рассчитывать на успех в войне даже против Сербии, Черногории и Румынии, вместе взятых.

Не веря в возвращение Румынии в тройственный союз, начальник генерального штаба рассматривает соотношение сил, исходя из следующей политической обстановки.

«Германия всегда будет союзником, интересы ее и Австро-Венгрии совпадают; поражение Германии было бы могилой для монархии, равно как поражение монархии было бы тяжелым ударом для Германии».

Италию нужно удержать в союзе, ее отпадение было бы вредно для Германии и Австрии.

Коалиция из Франции, России, Сербии, Черногории и Румынии настолько превосходила бы по силам тройственный союз, что следует стремиться ослабить такое соотношение сил, связав Сербию, Черногорию и Румынию на Балканах; для этой цели тройственный союз должен привлечь на свою сторону Албанию, Болгарию и Турцию и, если возможно, то и Грецию.

Чтобы в грядущей большой войне связать Россию, необходимо втянуть в тройственный союз Швецию, осложнить положение России в Малой Азии и затем оказать поддержку национальному движению в западных пограничных областях России.

«Если бы удалось, — продолжает Конрад, — удержать в стороне Англию, то это был бы большой успех для тройственного союза»; при этом Конраду кажется, что англо-русские отношения не делают такую гипотезу невероятной.

Для доказательства своих доводов начальник штаба приводит следующие цифровые данные о соотношении военных сил:

Боевые дивизии

	Государства	1 линия		2 линия		Всего	
		Теперь	В будущем (1920 г.)	Теперь	В будущем (1925 г.)	Теперь	В будущем
А.	Россия	59½	64 (1920 г.)	34	40 (1925 г.)	93½	104
	Франция	48	48	40	40	88	88
	Сербия	6	10 (1918 г.)	5	10 (1923 г.)	11	20
	Черногория	4	6 (1917 г.)	—	—	4	6
	Румыния	10	10	6½	10 (1915 г.)	16½	20
	Всего	127½	138	85½	100	213	238
Б.	Германия	50	50 (1920 г.)	28	40 (1920 г.)	78	90
	Австро-Венгрия	48	48	—	—	48	48
	Италия	25	26 (1917 г.)	12	12	37	38
	Всего	123	124	40	52	163	176
	Англия	6	6	—	—	6	6
	Болгария	10	10	4½	5	14½	15
	Греция	11	15 (1920 г.)	—	?	11	15
	Турция	34	34	35	35	69	69
	Швеция	6	6	—	—	6	6

В эту таблицу Конрадом не введены для России I и II Кавказские корпуса и одна резервная дивизия, оставляемые на Кавказе против Турции.

Показав наглядно тяжелое положение тройственного союза, начальник штаба еще раз подчеркивает значение Румынии.

В заключение Конрад считает, что «все заботы» должны быть в первую очередь направлены:

1) во внешней политике — к связыванию сил враждебной группировки в других направлениях и более тесной спайке держав тройственного союза;

2) к чрезвычайному развитию вооруженных сил;

3) к урегулированию вопроса внутренней политики, — о чем мы говорили в соответствующей главе первой книги нашего труда.

В соответствии с этой политической обстановкой, в отделе «Конкретная военная подготовка» Конрад намечает следующие варианты для работ по плану войны.

1) *Тройственный союз против тройственного согласия* — монархия на стороне Германии и Италии против России, Франции и их союзников, причем противниками для монархии являются: а) Россия, Сербия, Черногория и Румыния; б) Россия, Сербия и Черногория, Румыния — нейтральна; в) Россия, Сербия и Черногория, Румыния — на стороне монархии.

2) Австро-Венгрия против Сербии, Черногории и Румынии, причем Россия — выжидающая или связанная Германией или иным способом.

3) *Австро-Венгрия против Сербии и Черногории.*

4) *Австро-Венгрия против Черногории.*

5) *Австро-Венгрия против Италии, Сербии и Черногории.*

27 декабря, вручая этот мемуар начальнику оперативного бюро Мецгеру для дополнений, начальник штаба дал такую оценку политического положения: «Балканская война поставила крест над прошлым, мы должны начинать сначала и жить в новой обстановке».

Мы слышали, что начальник генерального штаба находил необходимым укрепление тройственного союза, ибо как только обострялось положение на внешних границах Австро-Венгрии, так сейчас же возникали в Вене сомнения в поддержке друзей.

Албанский вопрос снова был таким пробным камнем прочности тройственного союза.

В то время, когда он еще был в стадии разрешения, Конрад вместе с Францем-Фердинандом показались в Германии на торжествах по случаю открытия памятника. Во время празднеств самолюбие сынов империи Габсбургов должно было подвергнуться испытанию. Начальник штаба констатировал, что хотя торжество должно бы носить характер союзнический, однако, ему был придан характер национального празднества Германии, ибо всюду прославлялись ее заслуги в истории, а участие в победе австрийских войск было затушевано. Русские, австрийские и шведские представители чувствовали себя «гостями» и «зрителями» величия германской империи.

Однако, о щепетильности говорить пока не приходилось, ибо нужна была поддержка в албанском вопросе.

Несмотря на торжества, Конрад успел обменяться взглядами на политическое положение с Вильгельмом и канцлером Бетманом.

Вильгельм был склонен к выступлению Австрии с оружием в руках против Сербии и полагал, что со стороны монархии должны быть приняты энергичные меры, дабы заставить Сербию подчиниться. «Я с вами, — говорил Вильгельм. — Другие государства не готовы, они ничего не предпримут. Я всегда был сторонником мира, но это имеет свои границы. Я много читал о войне и знаю, что она представляет собой, но, наконец, может наступить такое положение, когда великая держава не может далее оставаться зрителем и должна схватиться за меч».

Того же мнения был и Мольтке. Во время происшедшего инцидента между Конрадом и Францем-Фердинандом начальник германского генераль-

ного штаба, уговаривая своего друга не уходить в отставку, говорил: «Я прошу вас в настоящее время только этого не делать! Сдержитесь! Ныне, когда мы идем на конфликт, вы должны остаться».

Дипломатия Берлина также была готова оказать поддержку, но не через меру. Бетман-Гольвег определенно указывал, что «Австрия не нуждается более в славянах». Однако, в албанском вопросе, по словам Ягова — статс-секретаря по иностранным делам Германии, «Вена справедливо обеспокоилась». «Я позвал к себе, — пишет Ягов, — сербского посланника, чтобы сделать серьезное напоминание его правительству». Ягов отвергает разоблачения итальянского премьера С. Джулпано, что Австрия уже осенью 1913 года хотела напасть на Сербию. По его мнению, Австрия хотела только обезопасить себя от Сербии. Насколько это справедливо, — видно из вышеизложенного, и мы пояснять не будем.

Так или иначе, но Германия оказала монархии поддержку, и 21 октября Франц-Иосиф с Конрадом признали, что Вильгельм на этот раз действовал очень лойяльно.

Вызывал сомнение третий союзник — Италия. 13 декабря германский посол в Вене говорил Конраду, что Германия не доверяет Италии. Ягов в своей книге «Причины и начало мировой войны» пишет, что Италия вела двойственную игру, используя сербские действия в Албании против Австрии.

О позиции Румынии ныне не могло быть двух мнений, и, как говорил 20 декабря обер-квартирмейстер германского штаба Вальдерзее, следовало заставить ее показать свое лицо.

Волей-неволей, но приходилось принимать меры, чтобы удержать в союзе хотя бы Италию.

19 ноября в кабинете у Конрада появился австрийский военный агент в Риме Шептицкий, с которым начальник штаба и обменялся думами об Италии.

Шептицкий уверял Конрада, что в данное время Италия — не против Австрии, так как: 1) нуждается в австрийской помощи, 2) боится армии монархии. По его мнению, в 10 лет Италия будет державой первого класса, и ее политика направится по четырем линиям: включение австрийских областей с итальянским населением, расширение на Балканах, в Малой Азии и в Тунисе. Пока же итальянское правительство работает над усилением армии, которая становится популярной в стране.

Для укрепления австро-итальянских связей Шептицкий предлагал послать Франца-Фердинанда в Рим, что пощекотало бы самолюбие римского правительства. Конрад, учитывая крепкий католицизм наследника, сомневался, чтобы он поехал. Конрад полагал, что поездка лично его встретила бы сопротивление Франца-Фердинанда, и думал, что, может быть, можно было бы отправить с этой миссией другого, высокого ранга, генерала.

За идею Шептицкого Конрад ухватился и на своем докладе у Франца-Иосифа 23 декабря предложил отправить Франца-Фердинанда в Италию.

«Не хотите ли вы поехать?» — спросил старый Габсбург.

«Это было бы хуже, чем совсем не посылать, — отвечал Конрад. — Итальянцы могут нам сказать: «Вы не хотите отправить принца, а потому посылаете генерала».

Убеждая Франца-Иосифа в необходимости такого путешествия Франца-Фердинанда, начальник штаба был твердо уверен в его пользе.

Разговор кончился тем, что старый Габсбург обещал попытаться уговорить наследника предпринять поездку, сомневаясь, однако, в успехе своего предприятия.

Мы слышали, что Конрад в мемуаре предлагал раздуть итало-французские недоразумения, которые, действительно, обострялись. Но, с другой стороны, не налаживались отношения монархии с Италией в Албании. Если Италия старалась водворить хотя бы какой-нибудь порядок в Албании, то Австрия противилась этому. В своем письме Сазонову русский посол в Париже от 9 октября сообщал: «Такая политика Австрии здесь (в Париже — *Б. Ш.*) объясняется исключительно свойственной ей непоследовательностью; эту державу считают здесь совершенно потерявшей способность правильно соображать о собственных интересах и согласовывать с ними свою политику... Италия так же судит об австрийской политике и о сопряженной с сей последней опасностью».

Однако, при свидании председателя совета министров России Коковцова с С. Джулиано, последний определенно и ясно заявил (Коковцов пишет об этом в своем докладе от 30 ноября 1913 года), что правительство Италии вполне оправдывает политику Австрии, выразившуюся в самое последнее время в ее резком выступлении против Сербии. Хотя Италия не была предупреждена Австрией о предъявленном последней Сербии восьмидневном ультиматуме, но «он (С. Джулиано — *Б. Ш.*) вполне понимает этот шаг, так как он в точности был осведомлен о том, что австро-венгерское правительство смотрит чрезвычайно серьезно на попытку Сербии продвинуться в Албании за пределы границ, начертанных Лондонской конференцией, и что названным правительством принято было заранее решение принудить Сербию, даже вооруженной силой, вернуться обратно за черту, указанную в Лондоне».

Коковцов указал С. Джулиано, что «балканский кризис протекал до сего времени сравнительно благополучно только потому, что все государства были солидарны и действовали сообща».

«По мнению нашего посла в Италии, — пишет Коковцов, — ответ маркиза С. Джулиано на мои суждения имеет скорее характер оправдания своей союзницы, нежели возражения на изложенные принципы, и вместо всяких возражений по существу я встретил довольно неожиданное предложение приступить к обмену мнений относительно дальнейшего сближения между Россией и Италией». Коковцов воздержался от определенного на это согласия, считая такое предложение мало реальным.

Четвертый член этого союза, Румыния, по всем данным считалась потерянной для серединных государств.

Мы уже знаем мнение о политике Румынии начальника генерального штаба монархии, который был склонен окончательно считать ее открытым врагом, убеждая в этом и Берхтольда и Франца-Иосифа, а равно и своих друзей с берегов Шпрее.

Если в Румынии король Карл был еще лойялен к тройственному союзу, то в руководящих политических кругах, во главе с наследником Фердинандом, поворот в сторону будущей Антанты был решен окончательно.

Выше нами приводилось поздравление Сазонова Извольским с успешной политикой, отрывающей Румынию от Австрии, а 9 октября русский поверенный в Париже писал Сазонову: «Французское правительство, которое в течение целого ряда лет не соглашалось на котировку новых румынских займов на парижской бирже, пока в политическом отношении Румыния тяготела к Австрии и тройственному союзу, ныне, в виду создавшейся за последние месяцы новой политической обстановки, изменило занятое им раньше положение и недвусмысленно выражалось за желательность выпуска румынского займа во Франции». Правда, с займом вышло недоразумение; «правительство вполне сознает всю важность румынской дружбы и в связи с этим известие о расстройстве дела было для него в высшей степени неприятно». Известно, что займы лучше всего определяют ту политическую физиономию государства, которая имелась в наличии в данное время в Румынии, толкнувшейся за деньгами в Париж.

Не нужно повторять, что Сербия для Австрии, по мнению начальника генерального штаба последней, являлась открытым и главным врагом, а вместе с ней и Черногория.

С трудом помирившись с неудачей в вопросе получения выхода к Адриатическому морю, Сербия не оставляла, конечно, мечты об исправлении не только этой неудачи, но даже и кое-чего большего. Необходимо было лишь накопить силы и средства. За последними премьер Пашич и отправился в Париж.

Решения Лондонской конференции в отношении Албании не особенно удовлетворяли Сербию, но пока-что приходилось выжидать. «Пашич отлично понимает, — сообщали Сазонову 30 сентября из Парижа, — что Сербии надлежит занять только оборонительное положение, установленное лондонским совещанием, и не следует переступать границу, за исключением разве, в крайнем случае, для занятия кое-каких стратегических пунктов, необходимых для отражения наступления на собственную территорию».

Это стремление к занятию «кое-каких стратегических пунктов» и временное «занятие оборонительного положения» являются характерными для сербской политики, готовившейся к будущему бою с монархией.

Франция «по тревожному положению вещей на Балканах», отказала Сербии в займе, а Черногории — в отпускаемом авансе. «Пашич весьма озабочен этой задержкой в получении денег, — сообщал русский поверенный 1 октября Сазонову.

18-го же октября Извольский писал: «По поводу последнего выступления Австрии в Белграде министр Пишон советовал Весничу (сербскому послу в Париже — *Б. Ш.*) ныне же приступить к очищению занятых в Албании пунктов, не дожидаясь выступления в более категорической форме. В видах облегчения Сербии такой меры, французское правительство решило в принципе не задерживать долее сербского займа... Пишон желал бы попутно добиться и разрешения вопроса о сербских железных дорогах путем выкупа и интернационализации».

Как мы знаем, Сербия уступила в албанском вопросе.

Сербия переходила в «оборонительное положение», но чувствовалось, что это — до поры до времени. «Пишон, — писал 23 октября Извольский, — высказал мне серьезнейшее опасение, что конфликт между Австрией и

Сербией может вскоре возобновиться, и при этом в еще более опасной форме, по вопросу о железных дорогах во вновь приобретенной Сербией части Македонии». Австрийские империалисты не хотели лишаться выхода в Салоники, а потому скупили у немцев до 51% всего числа акций общества восточных железных дорог с целью быть хозяевами предприятия. Возникала опасность, что Сербия не допустит «хозяев предприятия» на железные дороги, проходящие по ее территории, поэтому и вставал вопрос или о выкупе их, или же об интернационализации. Мы выше указали, что вопрос этот перешел в стадию переговоров и был урегулирован лишь в конце января 1914 года.

Конрад питал надежды привлечь на свою сторону Турцию и, может быть, Грецию, чтобы ослабить балканских врагов.

Однако, Турция, по словам австрийского военного агента в Константинополе, не питала доверия к монархии, и привлечь Турцию можно было бы, лишь заключив с ней оборонительно-наступательный союз и гарантировав ей прежнее положение. Конрад решительно восстал против этого и не хотел связывать себе руки.

Оба государства, как Турция, так и Греция, учитывали слабость Австро-Венгрии и если склонялись к тройственному союзу, то тяготели к наиболее крепкому ее члену — Германии.

Начальник австрийского генерального штаба хорошо понимал, что главное сопротивление активным шагам Вены на Балканах будет встречено не со стороны балканских государств, а со стороны государств, входящих в тройственное согласие. Из них наиболее опасным по активности была Россия.

Как известно, летом 1913 года присутствие на германских маневрах трех начальников генеральных штабов государств тройственного союза должно было расцениваться как демонстрация прочности этого союза. Можно отметить, что для подтверждения перед тройственным согласием своей нерушимости тройственный союз избрал свидание представителей военной силы, на которой, собственно говоря, и покоилась мощь союза. Опора на хорошую саблю считалась лучшим доказательством единения союза, нежели какой-либо съезд ответственных дипломатов или даже представителей династий. Обстановка в Европе складывалась так, что на первый план выдвигалось военное единение тройственного союза.

Нельзя, конечно, сказать, что такой способ был свойственен лишь тройственному союзу. Перо такого дипломата, как Пуанкаре, использовало бы это обстоятельство для доказательства агрессивных замыслов серединных государств. Но мы должны указать, что тройственное согласие не менее охотно и гораздо чаще прибегало к таким военным демонстрациям.

Как мы знаем, Франция и Россия с 1892 года были связаны военной конвенцией. По размерам нашего труда мы не можем углубиться в детальное изучение этой конвенции, но и не смеем пройти мимо нее. Желающих подробно ознакомиться с ней отсылаем к трудам Валентинова, Зайончковского и, наконец, к архивным материалам.

Здесь мы позволим себе лишь вкратце коснуться сущности этого военного союза.

17 августа 1892 года между начальником французского генерального

штаба Буадеффром и начальником русского главного штаба Обручевым была подписана следующая военная конвенция:

«Франция и Россия, одушевленные одним желанием сохранить мир и не имея другой цели, кроме подготовки мероприятий, необходимых для оборонительной войны, могущей быть вызванной нападением сил тройственного союза, договорились о нижеследующем:

1. Если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия нападает на Германию всеми находящимися в ее распоряжении силами.

Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, Франция употребит все находящиеся в ее распоряжении силы для борьбы с Германией.

2. В случае мобилизации сил тройственного союза или одной из входящих в его состав держав, Франция и Россия, при первом известии об этом событии и без предварительного о том соглашения, немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и сосредоточат их возможно ближе к своим границам.

3. Силы, долженствующие быть выставляемыми против Германии, составляют со стороны Франции 1 300 000 человек, а со стороны России — от 700 000 до 800 000 человек.

Силы эти будут введены в действие полностью и возможно скорее, чтобы Германия была принуждена бороться одновременно на востоке и на западе.

4. Генеральные штабы обеих стран будут сговариваться во всякое время для подготовки и облегчения приведения в исполнение изложенных выше мер. Они будут сообщать друг другу еще в мирное время все имеющиеся у них и получаемые впредь сведения о войсках тройственного союза.

5. Франция и Россия не заключат сепаратного мира.

6. Срок настоящей конвенции будет тот же, что и тройственного союза.

7. Все вышеприведенные постановления будут храниться в строгой тайне».

Таков первоначальный текст этого документа.

Первый французский проект конвенции был направлен исключительно против Германии, обходя Австрию и Италию. Ясный и дальновидный ум Обручева ввел в конвенцию оба эти государства, обеспечив России поддержку и в том случае, если бы выступила сначала одна Австрия. Представленная Обручевым записка, рассматривавшая французский проект конвенции, полна глубокого интереса. С большим сожалением мы проходим мимо нее, отметим лишь некоторые взгляды ее автора.

Обручев говорит, что *в начале каждой европейской войны для дипломатии всегда является великим соблазном — по возможности ее локализировать и ограничить ее действия.* Но, при настоящем вооруженном и возбужденном состоянии континентальной Европы, России к подобной локализации войны следует относиться с особенным недоверием.

В другом месте, останавливаясь на условиях современной войны, Обручев приходит к выходу, что *обращение к мобилизации не может в настоящее время считаться как бы мирным еще действием, а, напротив, это*

самый решительный акт войны. Отмечая необходимость не опоздать с мобилизацией, а начать ее одновременно с противником, Обручев указывает, что слово «мобилизация» должно в настоящее время обозначать и открытие военных действий. В минуту объявления мобилизации не должно быть никаких дипломатических колебаний.

Мы запомним эти взгляды начальника русского главного штаба, чтобы вернуться к ним в тяжелые дни начала мировой войны.

Заключенная в 1892 году конвенция была утверждена в августе этого же года обменом письмами между военными министрами обеих стран и в конце 1893 года таким же обменом письмами русского министра иностранных дел с французским послом в Петербурге.

Уже первое совещание начальников генеральных штабов, состоявшееся в Петербурге 19 июня (2 июля) 1900 года, внесло существенное изменение в конвенцию.

Оставив без изменения вопрос об обоюдной мобилизации без предварительного соглашения, в случае мобилизации всего тройственного союза или только Германии, начальники штабов исключили обязательство подобной мобилизации при мобилизации Австрии или Италии. Старания Обручева были сведены на-нет, и восторжествовала французская точка зрения. По предложению французов были внесены обязательства о взаимной помощи в случае войны с Англией и рассматривался вопрос о применении конвенции в случае расширения Германией территории за счет Австрии в виду ожидавшейся смерти Франца-Иосифа.

В феврале 1901 года состоялось второе совещание, интересное в том отношении, что на нем впервые последовало со стороны французов предложение помощи России в постройке стратегических железных дорог.

Затем, до 1906 года, совещания начальников штабов прекратились. Третье совещание состоялось летом 1906 года в Париже, и в дальнейшем такие совещания происходили ежегодно, закончившись последним перед войной совещанием в Петербурге в августе 1913 года.

Стремление Франции прибрать к рукам политику России со всей полнотой сказалось и на совещаниях начальников генеральных штабов. На них, начиная с 1906 года, были пересмотрены и дополнены почти все статьи конвенции.

Прежде всего, в 1906 году было введено условие, что постановления совещания приобретают силу только после утверждения их правительствами, чего французы тщетно добивались в 1892 году, а Петербург отказывал, не желая связывать себе руки.

Ст. 1 была изменена в том отношении, что конвенция направлена главным образом против Германии, в отношении которой Австрия и Италия являются только случайными спутниками. Статья была дополнена указанием, что «германская армия является главным объектом, против которого оба генеральных штаба должны направить и вести борьбу с полной энергией и всеми находящимися в их распоряжении средствами».

В 1908 году, вместо обсуждения обоюдной помощи против Англии, наоборот, по русскому предложению, подвергся суждению вопрос о мобилизации без предварительного соглашения в случае войны Германии с Англией, конечно, не на стороне Германии.

В соответствии с внесенными в ст. 1 изменениями, мобилизация без предварительного соглашения предусматривалась только против Германии. Мобилизация же России и Франции при войне с Австрией или Италией, без Германии, могла последовать только по предварительному соглашению. Последнее условие было подтверждено в 1911 году.

Слова «оборонительная война» не должны пониматься в том смысле, что «война будет вестись оборонительно», а, наоборот, необходимо стремиться к одновременному наступлению против Германии.

Если первые совещания начальников штабов касались стратегического развертывания и планов сторон в общих чертах, то, начиная с 1906 года, французы с каждым годом все настойчивее и конкретнее подходили к этому вопросу.

Займы России во Франции делали настойчивым французский генеральный штаб, чувствовавший почву под ногами.

Французский генеральный штаб доказывал необходимость: 1) ведения главной операции против германских сил, развертывающихся на востоке, и 2) ускорения сосредоточения русских армий для одновременного, по возможности, перехода в наступление с французской армией. На совещании в 1912 году Жоффр доказывал, что с победой русских армий на германском фронте отпадут все опасения за Австрию, Швецию и Турцию, и даже намечал район сосредоточения русских армий, который позволял бы наступать или от Нарева в Восточную Пруссию или по левому берегу Вислы на Берлин. Начальник русского генерального штаба обещал сосредоточить на германской границе 800 000 человек и после 15-го дня мобилизации «дать немцам почувствовать действие своих армий».

16 июля 1912 года была заключена и военно-морская конвенция Франции и России.

Последнее перед войной совещание 1913 года, в лице Жоффра и Жилинского, вновь подтверждало обоюдную мобилизацию Франции и России против Германии без предварительного соглашения при всяких действиях Германии. В то же время совещание подчеркивало, что отдельная мобилизация Австрии или Италии не ведет за собой обоюдной мобилизации союзников.

Совещание снова подчеркивало необходимость готовности 800 000 чел. русской армии на 15-й день на германской границе и перехода их в наступление с целью «уничтожения сил Германии в самом начале операций». Жоффр находил желательным для русских уже в мирное время иметь такую группировку сил в Варшавском округе, которая «представляла бы для Германии прямую угрозу».

Далее протокол совещания останавливал внимание на развитии рельсовой сети, а попутно французское правительство предоставляло России крупный железнодорожный заем в 400 — 500 миллионов франков в год при условии, если: 1) Россия предпримет постройку новых железных дорог в согласии с французским генеральным штабом и 2) увеличит численный состав армии мирного времени.

С большой неохотой Коковцов вел переговоры о займе, стараясь отстоять свободу в выборе начертания вновь строящейся железнодорожной сети, но тщетно, ибо французский генеральный штаб платил только в своих интересах.

Мы кратко ознакомились с франко-русской военной конвенцией, дабы яснее были события дней, знаменовавших собою начало мировой войны.

Если вникнуть в работу французского и русского генеральных штабов по выработке общего плана войны и сравнить ее с таковой же у серединных государств, то нужно беспристрастно сказать, что свидание трех начальников генеральных штабов было политической шумихой, но не военным соглашением.

1 октября Конрад принял прибывшего из Петербурга военного агента, который и ориентировал начальника штаба в настроениях северного соседа.

По докладу агента, двор, равно как и председатель совета министров Коковцов, были настроены мирно, ибо понимали, что в ближайшее время обстановка складывается далеко не благоприятно для выступления на Балканах и в Малой Азии, — конфликт с Францией, Англией и Германией был бы неизбежен. Двор стремится освободиться от французского влияния. Кто враждебен Австрии, так это Николай Николаевич, обвиняющий в агрессивных замыслах Австрию и прежде всего — Франца-Фердинанда.

На это Конрад заметил, что русским следовало бы быть лучше осведомленными.

Агент докладывал, что в Румынии французское и русское влияние растут.

На вопрос Конрада, как поступит Россия в случае войны Австрии с Сербией, военный агент отвечал: «Трудно сказать об этом, но я полагаю, что если с нашей стороны последуют неожиданные и быстрые действия, то с русской стороны ничего не будет предпринято». Россия сейчас заботится об укреплении своего положения на Дальнем Востоке, где ждет столкновения в ближайшие три года.

В случае франко-германской войны, по словам агента, возможно, что Россия не выступит, ибо Коковцов, из-за финансовых затруднений, против войны. В дальнейшем агент обрисовал Сазонова реальным политиком с рыцарским обликом, Ренненкампфа — сторонником войны и будущим командующим армией против Германии, Иванова, командующего войсками в Киеве, — тоже как генерала, склонного к войне. Что касается внутреннего состояния России, то оно — не для войны. Из офицерства многие женились, залезли в долги и удручены этим. Маневры войск ведутся еще по-старинке.

Однако, данные разведки говорили, что Россия деятельно готовится к войне, и начальник штаба монархии усиленно изучал военные мероприятия своего противника.

Прибывший в середине декабря в Вену обер-квартирмейстер Вальдерзее, передавший начальнику австрийского штаба сведения о сосредоточении и мобилизации русских, полагал, что русские в данное время сильно озабочены внутренним состоянием страны и вынуждены оставить внутри гвардейский и гренадерский корпуса, не притягивая их на фронт.

Мы слышали, что Конрад в своем мемуаре желал удержать Россию от выступления или даже воевать с ней бок-о-бок, но тут же отбрасывал эти помыслы, как неосуществимые, и считал, в конце-концов, *Россию главным врагом монархии*, хотя министр иностранных дел констатировал улучшение дружественных отношений между этими двумя государствами.

Теперь мы позволим себе заглянуть в Петербург и посмотреть, что же там действительно делалось, причем, в виду важности роли России в начале мировой войны, мы вынуждены несколько подробнее остановиться на разборе документов.

Мы знаем, что летом 1913 года ответственные лица министерства иностранных дел считали, что «главная забота — цель министерства иностранных дел — обеспечить России завладение проливами в случае общеевропейской или вообще большой европейской войны».

Если в Вене все внимание было сосредоточено на разгроме и уничтожении Сербии, то в Петербурге все помыслы вращались около Константинополя и проливов. С осени 1913 года эти вопросы захватили петербургские сферы и все более и более выкристаллизовывались в определенное решение, к которому неминуемо должны были притти.

Нами выше указывалось, что к Николаю II должен был поступить совместный доклад министерств иностранных дел и морского о проливах, но он, по неизвестным причинам, задержался и не был составлен вообще.

Зато 7 ноября 1913 года от морского генерального штаба поступил доклад к морскому министру о необходимости усиления флота.

Перечислив все, что сделано по усилению флота, морской генеральный штаб устанавливал, что работа остановилась за отсутствием решения «основных вопросов». Эти вопросы, — говорилось в докладе, — «не достигаются самостоятельно морским генеральным штабом, но требуют общих директив вашего высокопревосходительства и высших указаний его императорского величества государя императора».

«Основные вопросы» заключались в том, что Россия к 1918 году должна получить сильный флот, и поэтому, сверх обороны своих берегов, флот может принять на себя охрану свободы морских путей России. Указав затем на то, что в Балтийском море и Тихом океане эта задача останется все же надолго непосильной, автор доклада переходил к выводам: «Теперь нашему флоту предоставляется лишь одна активная задача: обеспечить России свободу пути из Черного моря в Средиземное. Международная политическая конъюнктура настоящего времени и возможные в связи с нею предположения о ближайшем политическом будущем восточной половины Средиземного моря делают эту стратегическую задачу нашего флота, повидимому, совершенно неотложною. Окончательное решение «восточного вопроса», вероятно, произойдет в ближайшие годы, и тогда (каким бы ни оказалось это решение в отношении России) флот наш должен быть готов к военным действиям в Черном и Средиземном морях».

В докладе запрашивались указания: 1) можно ли положить в основу плана, «как руководящую мысль» всей нашей военно-морской политики на ближайшие годы, общую стратегическую идею о готовности нашего Балтийского и Черноморского флотов к операциям не только по обороне своих берегов, но и к активной совместной операции в Средиземном и Черном морях для обеспечения при всяких обстоятельствах морского пути России из Черного в Эгейское море»; 2) нужно ли положить в основу новой судостроительной программы «идею активного, а не только оборонительного флота России».

Доклад подтверждал свои доводы тем, что представители внешней по-

литики настаивали на сосредоточении всех наших морских усилий в Черном и Средиземном морях, так как это дало бы веский голос при решении восточного вопроса и в интересах Франции, облегчая флоту последней положение против флотов Австрии и Италии.

Морской министр «вполне одобрил» доклад и приказал «работать в указанном направлении».

В этом же направлении вело работу и министерство иностранных дел: 23 ноября Сазонов представил Николаю II доклад.

«События на Балканском полуострове, — говорит министр, — создавшие неустойчивое положение на всем юго-востоке Европы и в малоазиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наши собственные отношения к условиям новой политической обстановки».

Сазонов начинает рассмотрение ее с положения Турции. Признав, что «долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению»; что «все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии»; что «хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, но поручиться за прочность общего политического положения в Европе не представляется возможным»; что «эта неуверенность усиливается намеченным неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате Бухарестского мира», — министр приходит к следующему заключению: «Вышеуказанные условия, несомненно, создают для России крайне сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем, однако, закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас одних. В связи с этим мы, так же как и другие державы, не можем не задаваться мыслью о необходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, если бы события выдвинули перед нами обязанность их оградить вооруженной рукой».

«Сомнения в прочности и долговечности Турции связаны для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценкой всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения».

«Можно быть разных взглядов на счет того, следует или нет России стремиться к завладению проливами», — пишет Сазонов. Но «на спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе».

Министр обеспокоен тем, что, вследствие слабости Турции, проливы могут перейти к «другому государству». Доказывая, что с временным закрытием проливов в 1912 году русская торговля потеряла 100 миллионов рублей и это закрытие проливов «отразилось на всей экономической жизни страны», Сазонов убежден, что «тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи от морей Черного и Средиземного, — он будет иметь ключи для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах».

Сазонов настолько обеспечен переходом проливов к «другому государству», что возражает горячо и против нейтрализации проливов «со срытием с них укреплений и запрещением возводить новые». «Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время; когда же наступает война, то для своего ограждения она требует силы», — поучает министр, приводя, как пример, стремления болгар захватить Константинополь, от чего Россия не застрахована и ныне.

«Уже 30 лет прошло с того времени, когда державною волею покойного императора Александра III возродился Черноморский флот», — переходит министр к военной части своего доклада. Указав на то, что развитие флота было связано «с мыслью о мощи России, о возможном утверждении интересов наших на проливах», что затрачены на это, а равно на подготовку десанта «сотни миллионов», что в 1895 году был поставлен вопрос «о временном занятии Константинополя нашими войсками, с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников — Англии», что «от плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации», — Сазонов опечален, что и ныне, «когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить».

«В минувшем году, — продолжает министр, — когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, причем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала численность такой десантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить».

«Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но и о незначительности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турцией».

Приводя соответствующие данные, Сазонов приходит к выводу, — что «в период 1914 — 1916 гг. турецкий флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии». На усиление флота в Черном море необходим отпуск средств: «Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем».

«Следовательно, — продолжает министр, — государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которая может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств».

Задачи, которые ставит министр, заключаются: 1) в выяснении, что может быть предпринято для усиления военной и морской мощи России в Черном море; 2) в установлении тех средств, кои требуются для ускорения

мобилизации, в связи с постройкой новых путей и транспортных средств; 3) в выяснении, какие задачи могут быть намечены ; 4) в установлении, «возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства».

«Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, — пишет Сазонов, — приходится вновь повторить, что распадение Турции не может быть для нас желанным и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки...»

Доклад затем намечает и конкретные мероприятия: 1) ускорение мобилизации десантных войск; 2) оборудование для этого путей сообщений; 3) усиление Черноморского военного флота; 4) увеличение транспортных средств на Черном море; 5) постройка перевальной железной дороги через Кавказский хребет.

В мотивировке последнего предложения Сазонов жалуется, что дипломатии приходится отстаивать бездорожье в Турции, когда последней со всех сторон предлагают концессии.

«Само собой разумеется, что наши военное и морское ведомства в праве поставить министерству иностранных дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий».

«Повторяя высказанное в докладе пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений. Последние, — едва ли можно судить по нынешним условиям, — застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией или же доброжелательном нейтралитете этой последней». На Балканах Сазонов рассчитывал на Сербию и, может быть, на Румынию.

«В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них, это — Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор, это — невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Бухарестского договора».

Сазонов не теряет надежды сплотить снова Болгарию с Сербией, «ибо предоставленные самим себе балканские государства неизбежно обречены на междоусобия».

«Об этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний или увлечений миссией России. Заглядывая вперед и отдавая себе отчет в том, что сохранение столь желательного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь».

В заключении Сазонов просит созыва «особого совещания» для обсуждения затронутых в докладе вопросов.

Если Сазонов «дипломатично», играя «сохранением мира», находил

необходимым готовиться к войне за проливы, то *морское министерство шло более решительно.*

В своем «отзыве» на доклад министра иностранных дел от 9 декабря морской генеральный штаб боялся, что с усилением турецкого флота «идея наступательных действий против проливов и Константинополя отпадет совсем».

«В свою очередь такие угрожающие стратегические перспективы, даже если войны не будет в течение 1914 — 1916 годов, на что мы надеемся, несомненно могут тяжело отразиться на твердости и вескости русского голоса в международном концерте и в сношениях с Турцией в ближайшее время, между тем как голос этот, по общему признанию, и теперь уже недостаточно влиятелен».

Морской генеральный штаб предлагал: 1) ускорить достройку судов; 2) дипломатически добиться задержания строящихся в Англии для Турции двух дредноутов; 3) купить самим за границей два готовых дредноута и провести их в Черное море, и 4) разработать план посылки в Средиземное море Балтийского флота.

20 декабря морской министр остановился на первом предложении и в тот же день писал Сазонову, что морское министерство вполне согласно с доводами Сазонова о невозможности допустить к господству в проливах другое государство, а потому необходимо готовиться к «наступлению событий, могущих в корне изменить положение константинопольских проливов», т. е. Россия должна «приготовить с политической и со стратегической стороны надежную операцию овладения Константинопольским каналом в случае крупных международных осложнений, грозящих окончательно ликвидацией «восточного вопроса».

«Имея в виду формулированную министерством иностранных дел и одобренную его императорским величеством государем императором идею — начать теперь же серьезную подготовку отечества к стратегической задаче в Константинопольском канале», морское министерство говорит о новых разрабатываемых им планах этих операций, о желательности отвлечь Румынию от тройственного союза и привлечь к себе Болгарию.

«В связи с изложенным, — говорится в письме, — находится также полное согласие морского ведомства с тем положением министерства иностранных дел, которое говорит, что в ближайшие годы России желательна отсрочка окончательной ликвидации восточного вопроса при строгом сохранении политического «status quo».

Морское министерство присоединилось также к идее Сазонова о созыве «особого совещания».

23 декабря морской министр «вошел с докладом» к Николаю II, в котором, основываясь на решенной уже для Черноморского флота операции овладения проливами, морской министр докладывает, что разработка этой операции уже ведется.

Из записки Сазонова от 23 ноября «министерство морское усматривает, что главной внешней политической задачей на ближайшие годы должна быть признана надежная охрана полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути России — из Черного моря Константинопольским каналом в море Средиземное. Такая задача может быть разрешена только

одним единственным способом: Россия должна приобрести в этих водах господство на море. А это последнее, по мнению морского генерального штаба, может быть достигнуто лишь при наличии в упомянутых водах соответственной достаточной русской морской силы, и притом не только в Черном, но и в Эгейском море».

Указав на то, что сила флота будет изменяться каждый год, что для подготовки операции нужна подготовка и других ведомств, в частности — военного, морской генеральный штаб также ходатайствовал о созыве «особого совещания».

В конце доклада испрашивалось «повеление положить в основу дальнейшего развития нашего флота упомянутую выше задачу, приобретение господства на море и в Константинопольском канале и прилегающих к нему водах».

Таким образом, оба министерства настаивали на подготовке к разрешению «восточного вопроса», но решать его хотели в будущем, а пока считали необходимым сохранить военное и дипломатическое status quo на Босфоре, лишь бы не было поползновений «другого государства» утвердиться в проливах, — этого допускать было нельзя. В подобном случае не могло быть речи о сохранении мира, и политика России должна была быть агрессивной.

«Особое совещание», намеченное Сазоновым, созвано не было, но вопрос о проливах получил свое освещение на двух совещаниях, которые были собраны 31 декабря 1913 года и 8 февраля 1914 года.

Первое совещание имело задачей выработку мер давления на Турцию в отношении известной «миссии Лимана фон-Сандерса».

Несомненно, что, указывая на попытки «другого государства» утвердиться в проливах, Сазонов уже имел в виду это «другое государство» в лице Германии, которая согласилась на посылку своих военных инструкторов в Турцию.

Нам уже отчасти известно, что Турция давно хотела пригласить инструкторов для поднятия на должную высоту своих вооруженных сил, что симпатии ее в этом склонялись на сторону Германии и что, с другой стороны, последняя была также заинтересована в том, чтобы армия Турции была веским фактором на Балканах.

По размерам и задачам нашего труда мы не можем в подробностях остановиться на так называемой «миссии Лимана фон-Сандерса» в Турции.

20 октября русский посол в Константинополе Гирс уведомил Сазонова, что миссия Сандерса, в отличие от других, получит не только инструкторские, но и командные функции, и во главе I турецкого корпуса, расположенного в Константинополе, будет поставлен германский офицер.

Для читающего вполне ясно из вышесказанного, что подобный акт со стороны Германии Сазоновым будет рассматриваться как покушение «другого государства» на проливы.

Россия запротестовала против назначения Сандерса командиром константинопольского корпуса, и путешествовавший по Европе в ноябре Коковцов имел об этом беседы как с Вильгельмом, так и с канцлером Бетманом.

Из этих бесед выяснилось, что, хотя о посылке в Турцию военных

инструкторов Германией и велись переговоры Вильгельмом в ма е с Николаем II и английским королем Георгом V, не встретив с их стороны возражений, «так как инструкторство германских офицеров в турецкой армии продолжалось беспрерывно в течение более двадцати лет, но что затем все дальнейшее направление этого вопроса, в смысле организации образцового корпуса под немецким командованием с местом нахождения этого корпуса в столице Турции, вовсе не было известно г. фон-Бетман-Гольвегу и протекало исключительно среди военных установлений германской империи». «Имперский канцлер не скрыл от меня, — пишет Коковцов, — в неоднократных и откровенных беседах со мною, что ему особенно прискорбно возникновение мысли о том, что он участвовал в разработке предположения, неприятного для России, и притом не осведомил своевременно об этом нашего министра иностранных дел». Известный нам Ягов также подтверждает, что детали соглашения с Турцией о посылке миссии, как технические подробности, прорабатывались в военных учреждениях и не были сообщены министерству иностранных дел.

Коковцов приходил к заключению, что самая идея командования германскими офицерами корпусом в Константинополе действительно стала известна Бетман-Гольвегу или в самые последние дни перед его приездом или даже отчасти из его объяснений.

От этого, конечно, русской дипломатии не было легче, и Коковцов, признав, что обращение Турции к Германии было вполне естественно, находил, «что обращение Турции к Австро-Венгрии было бы для нас еще менее желательным», и предлагал или заменить командование организуемой инспекцией или же «сосредоточить образцовый корпус не в Константинополе, а в каком-либо другом пункте, например в Адрианополе или в одном из пунктов в Малой Азии, но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции».

Объяснения Коковцова с Вильгельмом велись в том же духе, причем, по словам Коковцова, он «вынес впечатление, что суждения мои были весьма неприятны германскому императору»; последний указал, что идея о командовании корпусом была выдвинута «самой Турцией, но что он готов пересмотреть еще вопрос об избрании для этого корпуса иного пункта, нежели Константинополь».

В заключение Коковцев докладывал: «Объяснения мои в Берлине оставили во мне неудовлетворенное впечатление и дают повод думать, что германское правительство не легко уступит, если оно вообще уступит избранную им позицию».

Таким образом, борьба должна быть горячей, но русское правительство решилось на нее, так как слишком велика была угроза «другого государства» проливам. *Сазонов обратился за содействием в Париж и Лондон.* Париж обещал оказать относительную поддержку, а Англия, которая сама послала адмирала в турецкий флот, не только решила воздержаться от выступления, но завела какие-то закулисные переговоры с Берлином. Пришлось отказаться от содействия союзников и снова начать переговоры с германской дипломатией.

23 декабря Сазонов обратился с докладом к Николаю II, в котором, говоря о закулисных переговорах, находил необходимым теперь же, заранее,

условиться относительно того, в какой мере Россия может «рассчитывать на содействие обеих держав (Франции и Англии — *Б. Ш.*) в дальнейших совместных выступлениях...» «Нам предстоит, следовательно, — писал Сазонов, — быть осведомленными в том, расположены ли Франция и Англия в принципе к таким мерам понуждения и в чем таковые могли бы заключаться».

«Оставляя нашим военному и морскому ведомствам определить, какие меры понуждения представлялись бы наиболее осуществимыми, со своей стороны, осмеливаюсь доложить, что с политической точки зрения едва ли не самым целесообразным представлялось бы, в случае неудовлетворительного ответа Порты, одновременное совместное занятие Россией, Францией и Англией известных пунктов Малой Азии с заявлением, что указанные три державы останутся в этих пунктах, пока их требования не будут выполнены»...

«При решении указанного вопроса, — писал Сазонов, — нельзя, конечно, упускать из виду, что на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту. В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими».

«Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения», — говорит Сазонов и предваряет, что уступка России привела бы: 1) к крупному политическому поражению; 2) к укреплению во Франции и Англии «опасного убеждения, что Россия готова итти на какие угодно уступки ради сохранения мира»; 3) к возможности, за счет России, переговоров Англии с Германией.

«Если бы указанные предположения подтвердились, — продолжает Сазонов, — то Россия в конце-концов осталась бы в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок»...

«Если наши военное и морское ведомства со своей стороны признают возможным итти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами и Англии — оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнений по сему вопросу. Если бы из этого обмена взглядов выяснился уклончивый образ действий наших друзей и союзников, то нам, конечно, пришлось бы в дальнейших наших действиях считаться с весьма серьезным риском отдельных выступлений России. Если же ответы Франции и Англии были бы признаны удовлетворительными, то, соблюдая всю необходимую сдержанность и осторожность для предотвращения по возможности осложнений, нам следует отстаивать наши интересы до конца».

В конце доклада Сазонов просил: 1) созвать под председательством Коковцова особое совещание при участии военного и морского министров, начальника генерального штаба и его, 2) разрешения сообщить указанным лицам копии доклада.

Морской генеральный штаб быстро отозвался на доклад Сазонова и представил, в свою очередь, доклад, в котором говорил, что «в вопросе о

миссии немецкого генерала Лимана фон-Сандерса и последних агрессивных шагах Германии в Константинополе *русская политика*, стремясь сохранить непарушимыми важнейшие интересы России, очевидно, *должна исходить из основной идеи — значения для России Константинополя и проливов Босфора и Дарданелл.* Только с этой точки зрения может быть правильно освещен всякий частный вопрос, вытекающий или находящийся в связи с так называемым восточным политическим вопросом».

Приведя стратегическое и экономическое значение проливов для России и установив для последней необходимость владения ими, составитель доклада говорит: «Это решение надо поставить на очередь лишь тогда, когда отечество будет к нему приготовлено в военном отношении». До тех пор желательно сохранить проливы и Константинополь в руках Турции, не допуская со стороны третьих держав ничего, что могло бы в ближайшие годы затруднить для России достижение вышеизъясненной цели».

«Мы оказываемся в настоящее время, — говорится в докладе, — принужденными итти на риск общеевропейской войны, чтобы проявить необходимую твердость в целях сохранения мира на несколько ближайших лет, нужных нам для военной, морской и дипломатической подготовки наших активных шагов (при окончательной ликвидации восточного вопроса), чтобы на эти несколько лет сохранить нынешнее положение на Балканском полуострове, не допуская Германию или иные державы расширять в Турции свои права и влияние». Отдавая себе отчет в этом, морской генеральный штаб всецело поддерживал предложение Сазонова.

Морской генеральный штаб идет дальше и хочет отдать себе отчет, что будет делать и чего будет добиваться Россия, «если она (общеевропейская война — *Б. Ш.*) разыграется». «В этом отношении морской генеральный штаб считает, что интересы России требуют, рискуя европейской войной, теперь же принять, что, если мы будем в нее вовлечены, Россия должна получить при ее окончании Константинополь, Босфор и Дарданеллы или, по крайней мере, европейский берег этих проливов».

«Чтобы флот и армия знали свои задачи и могли бы сообразно им подготовить свое исходное стратегическое положение», в докладе выдвигалось предложение «условиться» министерствам иностранных дел, военному и морскому.

Во исполнение намеченной программы Сазонов приступил к переговорам с Францией и Англией. После решительных шагов перед Пуанкаре, Извольский мог сообщить Сазонову: «Франция решила твердо действовать с нами заодно во всех предпринимаемых нами в настоящем деле шагах» Что же касается Англии, то положение ее было невыяснено.

31 декабря состоялось *особое совещание* в том составе, какой намечался Сазоновым.

Совещание коснулось, главным образом, тех мер, кои могли бы заставить Германию и Турцию отказаться от заключенного ими соглашения.

Финансовый бойкот Турции, которым хотел ограничиться Сазонов, вызвал сомнения как у него, так и у Коковцова, так как «материальный ущерб французских держателей оттоманских бумаг и прекращение платежей Турцией по купонам способен охладить самые пылкие патриотические стремления французов».

Относительно поддержки Франции в оккупации пунктов турецкой территории сомнений не было: «русское правительство может рассчитывать на деятельную поддержку до крайних пределов»; позиция Англии остается не выясненной.

Допуская, что при воздействии на Турцию *грозит война с Германией, Сазонов, однако, не считает это безусловно вероятным.* Общие действия трех держав могли бы оказать давление на Германию, но одних России и Франции она не боится, ибо «обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными».

«Борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы». Одним словом, по мнению Сазонова, необходимо заручиться согласием Англии, что и «составляет слабую сторону положения России в настоящем случае».

Против оккупации турецкой территории, которая повлечет за собой «неминуемую войну с Германией», возражал Коковцов и ставил вопрос: «Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее итти?»

Министр иностранных дел высказался за нежелательность войны, а решить вопрос о готовности России к войне предоставил военному министру.

«Военный министр и начальник генерального штаба категорически заявляют о полной готовности России, — как гласит протокол совещания, — к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией; однако такое единоборство едва ли вероятно, а дело придется иметь со всем тройственным союзом».

После такого заявления представителей вооруженной силы одержала верх точка зрения Сазонова, которая и была принята совещанием, а именно: принять решительные меры воздействия против Турции.

Резолюция совещания гласила:

«1) Необходимо продолжать настояния в Берлине о недопустимости с точки зрения интересов России командования германским генералом воинской частью в Константинополе, а тем более предоставления ему инспекции в смысле командования тем или другим округом, но признавая в то же время допустимым предоставление начальнику германской военной миссии полномочий по общей инспекции над турецкой армией.

2) Переговоры в Берлине следует продолжать до выяснения полной их неуспешности.

3) Вслед за тем надлежит перейти к намеченным мерам воздействия вне Берлина, в согласии с Францией и Англией.

4) В случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией».

Итак, *отныне путь в Константинополь лежал через Берлин, — это было ясно для всех.*

Через два дня, 2 января 1914 года, Германия пошла на уступки, и Лиман не был назначен командиром корпуса, но русская дипломатия, по сло-

вам русского посла в Берлине, должна была рассматривать эту уступку формально отнюдь не лишающей Лимана решающего влияния на военные дела в Турции. «Чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался, он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явиться фактическим начальником оттоманских войск».

Почему уступила Германия, мы увидим позже, а сейчас обратимся к представителям сухопутных вооруженных сил, которые заявляли о полной готовности России к войне.

Военный министр Сухомлинов в своих «воспоминаниях» пишет: «На основании моих наблюдений на десантном маневре в 1903 году, я не мог отказаться от заключения, что наш десант на Босфоре — это дорогая игрушка и сверх того может стать опасной забавой, — по крайней мере, еще в течение долгого времени. Но после того, как нападение японцев на Порт-Артур удалось с таким блестящим успехом, — последний вскружил головы многим публицистам, фантазерам, просто спекулянтам, а, к сожалению, и головы наших ответственных дипломатов».

«В 1913 году, — продолжает Сухомлинов, — я доказывал государю мою личную точку зрения относительно рискованности самой операции по занятию проливов с технической стороны».

«Выслушав мой доклад, император Николай II, видимо настроенный оптимистично, — не отрицая трудности операции с военной стороны, — дал мне понять, что в этом деле идея и цель всего вопроса имеют такое доминирующее значение, что технические детали отходят на задний план».

Всем известно, что такой «царедворец», каким был Сухомлинов, конечно, не стал особенно возражать, как не высказывался против и на заседании 31 декабря. Сухомлинов не объясняет нам, почему он совместно с начальником генерального штаба заявил о готовности армии.

«В течение многих лет не совсем ясно, а с 1913 года совершенно определенно выяснилась для меня вероятность столкновения с Габсбургской монархией, — пишет бывший военный министр. — В 1909 году, а тем более в 1912 году, я убедился, что, в случае этого столкновения, Германия станет на сторону Габсбургов. Таким образом, — при полнейшей моей аполитичности, — передо мною ясно обрисовывалась вероятность, с которой надо было считаться с поддержанием нашей боевой готовности. Следовательно, масштаб для оборудования наших вооруженных сил должен был отвечать не боевой готовности австро-венгерской армии, а германской. Поэтому исходным пунктом всех моих мероприятий была цель добиться создания русской армии, равносильной германской».

В своем месте мы поговорим о «храбрых» заявлениях Сухомлинова особенно перед войной, когда он выступил со статьей «Россия готова», но, вот, говоря о мобилизации армии в 1914 году, он устанавливает, что «царь повелел мобилизовать армию и предоставил неготовый инструмент честолюбию великого князя Николая Николаевича», а несколькими строками ниже заявляет, что «еще два года мира, и Россия... имела бы такую мощную армию»...

Близкий сотрудник Сухомлинова, бывший генерал-квартирмейстер генерального штаба Ю. Данилов, в своей книге «Россия в мировой войне» указывает, что «Россия к началу войны 1914 года далеко не была к ней го-

това — ни политически, ни по состоянию своих финансов и промышленности, ни в узко-военном отношении».

Таким образом, на рубеже 1914 года заявления военного министра и начальника генерального штаба о готовности русской армии к мировой войне нужно признать безответственными заявлениями русских чиновников.

Получив такой козырь в руки, русская дипломатия могла итти ва-банк, и если что удерживало ее от войны, то это — умеряющее влияние союзников — Франции и Англии.

Мы уже отчасти знакомы с занятыми этими государствами позициями в истории с миссией Лимана фон-Сандерса.

О Франции летом 1913 года военный агент из Парижа писал начальнику австро-венгерского генерального штаба, что повелители страны — французские крупные банки — против «большой войны» и, вообще, устали от всех балканских дрязг, приветствуя их окончание.

Такое же впечатление вынес и Коковцов из своей поездки в Париж в конце 1913 года.

«Французское правительство, — писал в своем отчете премьер, — в нынешнем его составе проявляет несомненно и притом мало скрываемое им стремление избежать всяких случайностей, которые могли бы вывести Францию опять на путь так называемых приключений»...

«Я не хочу повторять доходившие до меня с разных сторон сведения о том, что в широких слоях общественного мнения замечается некоторое сомнение в боевой готовности французской армии и в дарованиях ее генералов»...

«Вся современная Франция, да и не одна Франция, испытывает большое утомление от продолжительного политического кризиса, в делах замечается большой застой, промышленность начинает испытывать невыгодные последствия от неустойчивого положения вещей, за последние два года все французское общество живет в настроении некоторой тревоги»...

«Финансовое положение государства, как это ни кажется странным, далеко неудовлетворительно».

Как вывод, Коковцов заявлял: «Франция никогда не отойдет от нас в крупных вопросах общей политики, особенно глубоко затрагивающих ее жизненные интересы, но там, где эти интересы не затронуты, где преобладают интересы иные — русские и общеевропейские, — там Франция будет бесспорно весьма сдержанна и, по всем вероятиям, станет влиять на нас в смысле более мягкого разрешения возникающих вопросов».

Мы видим, что в албанском вопросе, когда случилось «приключение» с Сербией, Франция посоветовала последней пойти на уступки и, наконец, когда назрело «приключение» с Лиманом фон-Сандерсом, Извольскому пришлось обратиться за содействием к Пуанкаре, чтобы понудить Францию на войну из-за проливов. Правда, ныне в своей книге «Происхождение мировой войны» Пуанкаре приписывает агрессивность германскому императору и его начальнику штаба, которые всюду трубили о неизбежности войны.

«В декабре месяце, — пишет Пуанкаре, — германская военная миссия утвердилась на берегах Босфора, и ее начальник Лиман фон-Сандерс был

поставлен во главе армейского корпуса Константинополя... Перед лицом всех этих тревожных симптомов Франция оставалась, попрежнему, верной своей политике мира». Зачем, действительно, говорить, что Франция могла ввязаться в войну, раз это «приключение» миновало?!

Гораздо труднее было вызвать на путь «приключений» Англию. Поставив своего адмирала во главе турецкого флота, английская дипломатия, естественно, не могла особенно возражать против миссии Лимана фон-Сандерса.

Мы слышали, что 31 декабря Сазонов не был уверен в Англии, ибо переговоры с ней не приводили к желательным результатам.

Поверенный в делах в Лондоне писал 19 декабря Сазонову: «Грей был искренно опечален, узнав, что вы упрекаете его в неоказании нам Англией достаточной поддержки, но вновь подтвердил, что решиться на столь радикальные шаги возможно, по его мнению, лишь зная вперед, какими мерами державы были бы готовы поддержать свои требования, которые в таком случае оказались бы предъявленными не только Турции, но и Германии».

«Инициатива всего образа действий трех держав, — прибавил он, — должна бы исходить от России, более других заинтересованной в настоящем вопросе и в будущем развитии его, в зависимости от оборота, который могут принять дальнейшие переговоры с Германией и Турцией».

Известный нам Бьюкенен так очерчивает позицию Англии: «Вернувшись в Петербург в конце года, я застал русское правительство очень занятым вопросом о назначении Лимана фон-Сандерса командующим турецким армейским корпусом в Константинополе... Мы обещали русскому правительству нашу дипломатическую поддержку в этом вопросе, но, по его просьбе, представления, которые должны были быть сделаны послами тройственного согласия, были временно отложены. И только после опубликования султанского ираде о назначении генерала фон-Сандерса оно попросило нас выступить».

«По сведениям, полученным нами за это время, мы имели основания думать, что важность этого назначения преувеличена, еще более мы были поколеблены тем фактом, — и его сильно подчеркнуло германское правительство, — что ответственное командование турецким флотом нес британский генерал. Поэтому мы не были намерены пойти так далеко, как хотел г. Сазонов. Инструкции, посланные Луи Маллету (английский посол в Константинополе — *Б. Ш.*), были в дальнейшем отменены. Узнав об этом, г. Сазонов выразил сильнейшее разочарование. По его мнению, Россия в первый раз просила поддержки Англии в вопросе, серьезно задевающем ее интересы. Это был опыт, на котором тройственное согласие могло бы проверить свои силы».

Приводя мнения Сазонова, что сильное тройственное согласие своими уступками, своим страхом перед войной могло только ее вызвать, Бьюкенен соглашается с этим, указывая, что в Константинополе решили, что Россия не будет воевать. «Турки даже говорили германскому послу, что ему нечего опасаться каких-либо действий со стороны России».

«Сазонов, — продолжает Бьюкенен, — однако, ошибался, указывая, что тройственное согласие в этом случае показало себя несостоятельным. Сэр Э. Грей вновь выступил посредником, прибавив ко множеству оказанных

им России и Европе услуг по поддержанию мира еще одну. И, действительно, как это впоследствии с благодарностью признал сам Сазонов, своим уверенным языком, которым он говорил с князем Лихновским, он добился соглашения, согласно которому генерал Лиман фон-Сандерс, получив звание турецкого фельдмаршала и оставаясь во главе германской миссии, отказался от командования армейским корпусом Константинополя».

Миссия Лимана фон-Сандерса, конечно, не являлась причиной вспыхнувшей через полгода мировой войны. Она являлась лишь внешним отражением той экономической борьбы, которая велась в Турции Россией, Германией и Англией. В этом отношении, если вспомним приведенные нами ранее цифры о торговле упомянутых государств с Турцией, то станет ясным, что на Босфоре шел дележ не турецкого, а английского наследства между Россией и Германией. Английский ввоз падал с каждым годом и за его счет увеличивался ввоз товаров Россией и Германией, с перевесом в сторону России. Таким образом, помимо нежелательности в политическом и в военном отношениях утверждения Германии в Константинополе, в проливах, Россия не могла допустить усиления влияния Германии в Турции и из-за чисто коммерческих выгод. Лиман фон-Сандерс был нежелательной фигурой и для русских купцов.

В то же время история с миссией и роль в ней Англии показывали, что Россия не сможет рассчитывать на безоговорочную поддержку Англии в балканских делах, а в Берлине видели в колебаниях Англии доказательство возможного ее нейтралитета в случае войны тройственного союза с Россией и Францией.

Петербург снова пошел по указке Парижа и Лондона, подготовивших золотой мост для зарвавшегося Вильгельма, но зато Сазонов, добившись уступки Германии, усвоил еще более твердый тон в переговорах с Берлином, чем это было до сих пор.

Что касается *северных государств Европы*, то, по донесению военного агента Конраду, летом 1913 года политический кредит Австро-Венгрии там оценивался до чрезвычайности низко, и мирная политика Вены считалась показателем неуверенности в своих силах; на Балканах Австрия оказывалась во второй линии, уступая голос России. Думать об активном вмешательстве этих государств в войну не приходилось.

Мы приносим извинение, что, может быть, слишком подробно остановились на событиях внешней политики России, но считали необходимым это сделать, так как здесь, на пороге 1914 года, завязывался узел, разрубить который можно было только мечом, что и случилось в средине нового года. Перед нами прошли документы не только политических деятелей, но и представителей генеральных штабов противных лагерей, которые постепенно сгущали атмосферу внешних взаимоотношений государств Европы.

Рано или поздно, разрядиться она должна была...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

То, что нами в настоящей книге было изложено по самой краткой дипломатической истории Европы в течение XX столетия, позволяет уже судить, что война была не за горами.

Мы пытались показать, как в различных странах факел войны постоянно раздувался, грозя поджечь здание Европы, а затем перекинуться и на остальные страны мира.

Уже в введении мы предупреждали читающего наш труд, что нашей целью является исследование, главным образом, деятельности генерального штаба на дипломатическом поле. В этих целях мы и концентрировали внимание преимущественно на думах, мечтах и линиях поведения генеральных штабов.

Мы стремились показать, как «солдаты» в генеральских мундирах, заявляющие при всяком удобном и неудобном случае о невмешательстве в дела внешней политики, на деле участвовали в ней и даже, больше того, — творили эту политику.

Как положено в почтенных трудах, мы должны бы перейти ныне к своим заключениям по обрисованной деятельности генеральных штабов и преподнести читателю сгусток наших мнений в этой области. Можно было бы и сейчас разобрать все те документы, которые нами были приведены, и построить теорию взаимоотношений политики и стратегии.

Однако мы воздержимся от таких быстрых шагов, ибо, кто может быть лучшим критиком, чем сам *опыт*, поверка на деле жизненности всех тех бумажных предположений, кои выходили из-под пера начальников генеральных штабов различных стран и тех предварительных мероприятий, которые ими проводились. Этот опыт стучался в двери кабинетов и начальников штабов и дипломатов — надвигалась мировая война.

Поэтому мы откладываем наш критический разбор до следующей книги, в которой, дав описание начала мировой войны, постараемся уже затем удовлетворить желание читателя выслушать и наши суждения.

Б. Шапошников.

Октябрь 1927 г.
Москва.